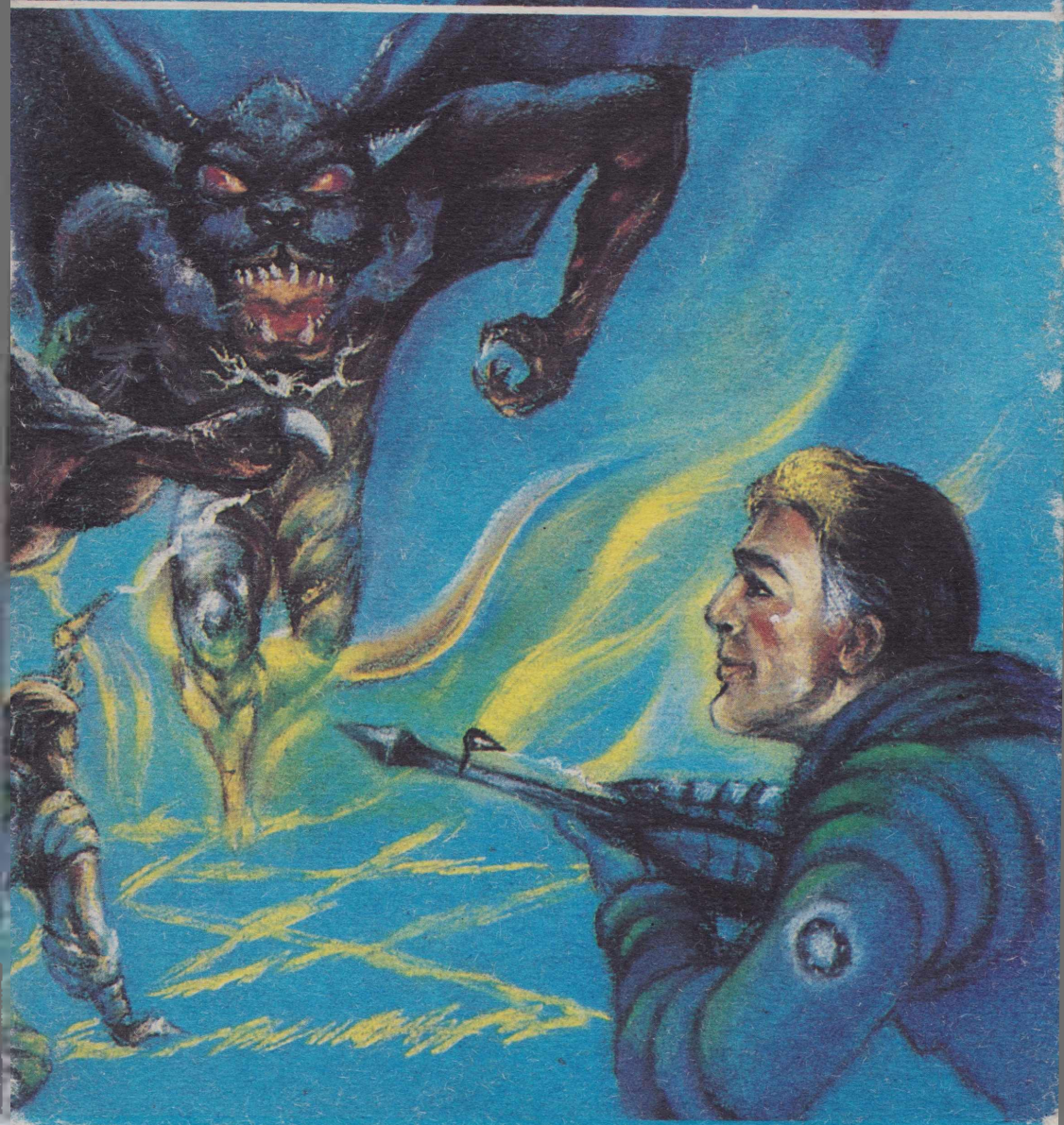

15

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

**КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «АКАЦИЯ»
Санкт-Петербург
1992

ББК 83.34 Фр. + 84.4 Вл. + 84.7 США
Н 71

Перевод с английского

Составление А. Согрин

И. Петрушкин

Статьи В. Кана

Художественный редактор С. Шикин

Оформление

В. Финогенова

Л. Магазинник

© Название серии А. Сазонов

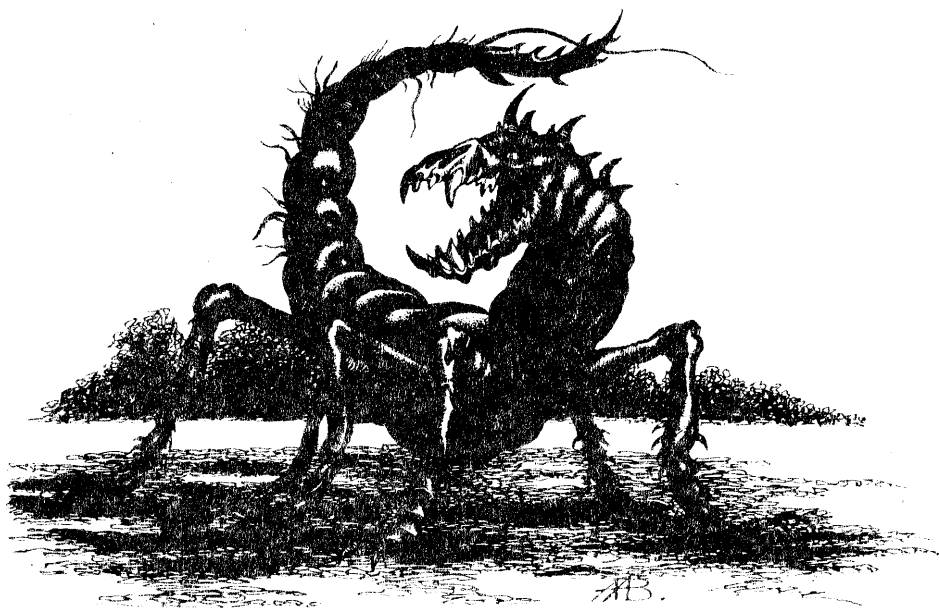
ISBN 5-88308-004-9

© ООО „Акция”

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

**НЕБЕСНЫЙ
ПОЛКОВОДЕЦ**

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Вы держите в руках очередной том библиотеки Клуб Любителей Фантастики и 2-ой том, подготовленный журналом "Измерения". Если первый сделанный нами сборник был тематическим и посвящался "космической опере", то в нынешнем мы постарались представить все многообразие жанров страны Фантазии, показать, сколь разнообразными могут быть произведения, собранные под заголовком ФАНТАСТИКА.

Имя Майкла Муркока в последние годы стало хорошо известно любителям "фэнтэзи" по длинным и красочным сказочным сериалам. Однако в данном случае крестный отец английской "новой волны" в фантастике предстает перед вами в иной ипостаси. Роман "Небесный полководец" кратко можно охарактеризовать как воздушные приключения в викторианском духе. Перед нами - прекрасная стилизация "под Уэллса", его "Войну в воздухе" и "Когда спящий проснется". Судите сами. Офицер английской колониальной армии Освальд Бастейбл благодаря козням коварных тибетских жрецов попадает из 1902 года в год 1973, но не в наш с вами, а в некий параллельный мир, где без малого семьдесят лет не было ни войн, ни революций, где царствуют летательные аппараты легче воздуха, а о самолетах и слыхом не слыхивали. Итак, перед нами Утопия, но... Именно с этого "но" и начинаются злоключения бравого английского капитана в "прекрасном новом мире". Добавим, что в числе персонажей романа - известный террорист граф Гевара и дряхлый революционер Владимир Ильич Ульянов.

Сборник продолжает роман еще не известного у нас французского автора Поля Андреоты. "Сладкий вкус огня" сочетает в себе элементы психологического детектива, романтической любовной истории и мистического триллера.

Главный герой романа, тридцатилетний журналист из Парижа, отправляется по заданию редакции в отдаленную гасконскую деревню, чтобы сделать репортаж о черной магии, и словно попадает в иной мир. Неожиданно вся жизнь героя как бы раздваивается. С одной стороны - привычное существование, друзья, работа, любимая жена, с другой - колдовство, таинственный старый дом, сад с сумасшедшим садовником и девушка, дочь местного знахаря, в которую герой влюбляется столь же сильно, как в свою молодую жену. Необходимо сделать выбор. Внутренний конфликт обостряется, происходит ряд загадочных событий. Наконец, сказавшись на грани безумия, герой находит совершенно иррациональный выход.

Надо сказать, что и это произведение имеет своих предшественников, и, как ни странно, в классической русской литературе. Имеется в виду купринская "Олеся". И действительно - разве любовь модного парижского журналиста и девушки-колдуньи не напоминает сюжет рассказа Куприна? Но на этом сходство кончается. Автор искусно строит сюжет, предлагая читателю на выбор два толкования: мистическое и психоаналитическое. Красочность стиля, живость изложения, неожиданная развязка, а главное

непередаваемое французское изящество выгодно отличают "Сладкий вкус огня" от "мистических" произведений большинства англоязычных авторов.

Имя Гарри Гаррисона не нуждается в представлении. Вниманию читателя предлагается его повесть "Свинопас" в жанре "твердой" научной фантастики.

Следующий автор Кейт Лаумер также неплохо известен русскому читателю. Рассказ "Король города" несомненно порадует любителей "крутого постядера".

Лауреата премии Хьюго Джорджа Мартина критики относят к новому поколению американских фантастов. "Одинокие песни Ларсена Дора" - один из его ранних рассказов, выдержанных в жанре романтической "фэнтези".

Издавна повелось на последних страницах печатать юмор. Не отошли от этой традиции и мы, завершив сборник фантастической шуткой Реджинальда Бретнора.

Увлекательного вам чтения и до новых встреч!
Редакция журнала фантастики "Измерения"

М. МУРКОК

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЖУЛИИ

*"Война бесконечна. Нам можно
мечтать лишь о недолгих затишьях
между великими битвами."*

Лобковиц

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Я никогда не встречал своего деда, Майкла Муркока, и до кончины бабушки в прошлом году знал о нем очень немного. Вручая мне шкатулку с бумагами, доставшуюся ему по наследству, отец сказал: "Это, скорее, по твоей части - ты ведь единственный писака в нашей семье."

Архив деда состоял из дневников, незаконченных очерков и рассказов, довольно заурядных стихов в эдуардианском духе, а также отпечатанного на машинке большого произведения, которое мы (увы, с некоторым опозданием) предлагаем вам безо всяких комментариев.

Майкл Муркок
Лэдброк Грэув
Лондон
Январь 1971

КНИГА ПЕРВАЯ.

в которой рассказывается о том,
как офицер английской армии
попал в будущее,
и о том,
что он там увидел

КУРИЛЬЩИК ОПИЯ НА ОСТРОВЕ РОУ

Весной тысяча девятьсот третьего года по совету своего врача я совершил морское путешествие на прелестный уединенный клочок суши посреди Индийского океана. В этой книге я буду называть его островом Роу.

В этом году я переутомился и приобрел недуг, именуемый современными шарлатанами "упадком сил" или "нервным истощением". Иными словами, я был выжат как лимон и нуждался в длительном отдыхе с переменной обстановки. Питая некоторый интерес к компании, промышлявшей на острове Роу добычей полезных ископаемых (кстати, это единственное занятие местных жителей, если не считать вершения религиозных обрядов) и, кроме того, зная, что климат там идеален, я решил совместить приятное с полезным. Недолго думая, я купил билет, упаковал багаж, распрощался с друзьями и поднялся на борт океанского лайнера, которому предстояло доставить меня в Джакарту. Совершив этот чудесный, хоть и не богатый событиями вояж, я пересел на один из сухогрузов упомянутой выше компании и вскоре высадился на Роу. На всю дорогу ушло меньше месяца.

Подробно описывать местонахождение острова я считаю излишним, так как поблизости от него нет ничего примечательного - попросту говоря, его не к чему "привязать". Остров совершенно неожиданно появляется перед вами, словно пик огромной подводной горы (каковым он и является) - этаким гигантский шип вулканической породы, окруженный морской гладью, сверкающий, как отшлифованная бронза или расплавленная сталь. Длина этого шипа - двенадцать миль, наибольшая ширина - пять; кое-где он покрыт джунглями.

Самое крупное поселение растянулось вдоль бухты. С виду оно напоминает процветающую рыбацкую деревню в графстве Девоншир. Но это лишь на первый взгляд, поскольку за обращенными к пристани фасадами гостиниц и контор прячутся ветхие малайские и китайские домишки. Бухта острова Роу достаточно просторна для того, чтобы в ней могли разместиться несколько крупных пароходов и множество парусников - в основном, рыбацких дау и джонок. Вдали на склоне горы виднеются отвалы шахт, где трудится большая часть населения. На берегу, вдоль пристани, теснятся склады и конторские здания "Велландской компании по добыче природных фосфатов". Над ними высится грандиозный отель "Ройал Харбор" с фасадом, расписанным золотом по белому. Он принадлежит минхееру Ольмейеру, голландцу из Сурабаи. Там же расположено великое множество христианских церквей, буддистских храмов, малайских мечетей и молелен не столь распространенных культов. Есть там несколько гостиниц рангом пониже "Ройал Харбора", но они ютятся среди складов и депо. Между шахтами и поселком пролегает коротенькая узкоколейка; по ней со склона горы на пристань свозят руду. В поселке есть три больницы, две из них - для туземцев. Слово "туземцы" я употребляю в общем смысле: тридцать лет назад, до прибытия основателей "Велландской компании", остров был

совершенно необитаем. Все его нынешние жители - переселенцы с материка, преимущественно из Сингапура.

К югу из бухты, на значительном расстоянии от поселка, стоят на склоне горы особняк бригадира Бланда - официального представителя властей - и казармы маленького гарнизона местной полиции под командованием лейтенанта Олсона, ревностного слуги империи. Над этим белоснежным ансамблем из оштукатуренного камня и чился гордо реет "Юнион Джек", символ защиты и справедливости для всех жителей и гостей острова.

Если у вас нет пристрастия к бесконечным визитам в дома других англичан, в большинстве своем не способных говорить ни о чем, кроме религии и полезных ископаемых, то жизнь на Роу покажется вам скучной. Правда, там есть любительская труппа, ежегодно на Рождество дающая спектакль в особняке Бланда, и нечто вроде клуба, где можно поиграть на бильярде, если вы приглашены туда кем-нибудь из полноправных членов (однажды я был туда приглашен, но играл из рук вон плохо). Местные газеты - то есть, сингапурские, саравакские, сиднейские - почти всегда приходят с опозданием, если вообще приходят. Что касается британской периодики, то номер "Таймс", пока добирается до Роу, успевает состариться от четырех недель до шести, а иллюстрированные еженедельники и ежемесячники - минимум на полгода. Разумеется, для человека, которому надо подлечить нервы, такая нехватка свежих новостей - сущее благо. Едва ли можно покрыться испариной, читая об ужасах войны, закончившейся два-три месяца назад, или о падении курса ваших акций, который на прошлой неделе, быть может, резко пошел вверх.

Волей-неволей вы расслабляетесь, ведь вам не под силу повлиять на события, ставшие историей. Понемногу вы накапливаете энергию, как физическую, так и эмоциональную, - и тут скука даст о себе знать. Мною она целиком и полностью завладела через два месяца после прибытия на Роу, и должен признаться, в голове зашевелились недобрые мысли: вот бы что-нибудь случилось на этом проклятом острове! Взрыв в шахте, землетрясение или, на худой конец, восстание туземцев.

В подобном расположении духа я отправился на берег бухты - поглазеть на загружающиеся и разгружающиеся корабли, на длинные цепочки кули, передающих друг другу мешки с рисом или катящих вверх по склону тележки с фосфатом, чтобы опорожнить их над открытыми трюмами. Меня всегда удивляло, что островитянки наравне с мужчинами выполняют работу, которую в Англии мало кто считает женской. Многие из них молоды, встречаются и миловидные. Когда один или несколько кораблей заходят в гавань, гвалт на берегу стоит невероятный. Куда ни глянь - тысячи полубожаженных тел, словно перемешанные коричневою и желтой глиной, тел, исходящих потом на солнцепеке, который был бы убийственным, если бы не бриз.

Итак, я стоял на берегу и наблюдал за парходом, распутивающим ревом гудка джонки и дау, что сновали между ним и пристанью. Подобно великому множеству судов, тянувших, образно говоря, лямку в этих морях, он был надежен, хоть и неказист. Борта пуждались в покраске, а экипаж,

состоящий большей частью из индусов, наверное, чувствовал бы себя вольготнее на корабле малайских пиратов. На мостике я увидел капитана, шотландца в летах, - он ругался в рупор на чем свет стоит и выкрикивал неразборчивые команды, а его помощник, индеец средней касты, самозабвенно исполнял на палубе какой-то безумный танец. Пароход, на борту которого красовалась надпись "Мария Карлсон", вез на остров продовольствие. Наконец он причалил, и я стал проталкиваться к нему сквозь толпу кули в надежде получить письма и журналы, которые брат, уступив моим настоятельным просьбам, обещал присылать мне из Лондона.

Матросы затащили на кнехтах швартовы, бросили якорь и опустили сходни, а затем помощник капитана, в захватки сдвинутой на затылок фуражке и кителе нараспашку, вразвалочку сошел на пристань, гортанно покрикивая на кули, что толпились у причала и размахивали клочками бумаги, полученными в конторе по найму грузчиков. Собрав бумаги, он завопил еще громче, указывая на пароход - надо полагать, инструктируя грузчиков. Я дотронулся до него набалдашником трости.

- Почта есть?

- Почта? Почта? - Его взгляд, полный ненависти и презрения, нельзя было расценить иначе как отрицательный ответ. Затем моряк взбежал по сходням и исчез за фальшбортом. Я остался на пристани, решив на всякий случай обратиться к капитану, но вскоре позабыл о почте. Мое внимание привлек появившийся у борта белый человек. Он остановился и беспомощно огляделся, словно никак не ожидал увидеть перед собой сушу. Кто-то толкнул его в спину; спотыкаясь, он сбежал по пружинящим сходням на пристань, упал и едва успел подняться на ноги, чтобы поймать небольшой матросский баул, сброшенный ему помощником капитана.

На незнакомце был грязный синий костюм и туземные сандалии; ни рубашки, ни головного убора. Он был небрит и напоминал людей, которых я повидал немало: опустившихся, надломленных Востоком, чего не случилось бы, не покинь они благополучную Англию. Но, когда он выпрямился, меня удивило несоответствие полной опустошенности в глазах благородным чертам лица, вовсе не свойственным людям его сорта. Взяв баул на плечо, он побрел прочь.

- Эй, мистер! Вздумаешь снова подняться на борт - угодишь за решетку! - выкрикнул ему вслед помощник капитана. Но незнакомец, похоже, не услышал его. Он плелся по пристани, расталкивая алчущих работы кули. Заметив меня, помощник капитана замахал рукой.

- Нету почты! Нету!

Я поверил, но, прежде чем уйти, спросил:

- Кто этот парень? Что он натворил?

- Безбилетник, - последовал краткий ответ.

Недоумевая, какая причина заставила беднягу добираться зайцем до Роу, я направился вслед за ним. Почему-то я решил, что он - не просто отщепенец, и это пробудило во мне любопытство. Кроме того, я столь тяготился скукой, что стремился избавиться от нее любым путем. Во взгляде и поведении незнакомца я видел нечто необычное и надеялся, что история безбилетника, если мне удастся его разговорить, покажется инте-

ресной. А возможно, мне просто было жаль беднягу. Какова бы ни была истинная причина тому, я поспешил догнать незнакомца.

- Не считите за бестактность, сэр, но мне кажется, вам не повредит плотный обед со стаканчиком горячительного.

- Горячительного? - Тоскливые глаза впились в меня, будто увидели самого дьявола. - Горячительного?

- Вы неважно выглядите, сэр. - Я едва выдерживал его взгляд, столь велика была застывшая в нем мука. - Будет лучше, если вы пойдете со мной.

Он покорно дал довести себя до гостиницы Ольмейера. Индийская обслуга в вестибюле отнюдь не пришла в восторг, увидев меня рука об руку с явным бродягой, но не припятствовала нам. Мы поднялись в мой номер, после чего я вызвал коридорного и велел срочно приготовить ванну. Пока парнишка выполнял это поручение, я усадил гостя в лучшее из кресел и спросил, чего бы ему хотелось выпить.

Он пожал плечами.

- Все равно. Рому.

Я налил ему изрядную порцию рома. Осушив стакан в два глотка, незнакомец благодарно кивнул. Он мирно сидел в кресле, положив руки на колени, и неподвижно глядел на стол. На мои вопросы он отвечал вяло, отрывисто, но произношение выдавало в нем человека воспитанного, джентльмена, и это еще больше заинтриговало меня.

- Откуда вы пришли? - спросил я. - Из Сингапура?

Он снова с тоской посмотрел на меня, затем потупился и пробормотал что-то неразборчивое.

В эту минуту из ванной вышел коридорный.

- Ванна готова, - сказал я. - Если вы сообразовите ее принять, я дам вам один из моих костюмов. Похоже, у нас одинаковые размеры.

Гость поднялся как автомат, проследовал за коридорным в ванную и почти тотчас вернулся.

- Мои вещи...

Я поднял с пола и вручил ему баул. Он прошел в ванную и затворил за собой дверь.

Коридорный озадаченно посмотрел на меня.

- Сахиб, это... ваш родственник?

Я усмехнулся.

- Нет, Рам Дасс. Просто человек, которого я встретил на берегу.

Рам Дасс просиял.

- А! Знаменитое христианское милосердие! - Будучи новообращенным католиком (заслуга одной из здешних миссий), он стремился все загадочные поступки англичан объяснить доступными его пониманию христианскими терминами. - Стало быть, он - нищий, а вы - добрый самаритянин?

- Сомневаюсь, что я такой же альтруист, как тот библейский персонаж. Сделай милость, когда мой гость закончит мыться, помоги ему выбрать костюм из моего гардероба.

Рам Дасс азартно закивал.

- И рубашку, и носки, и туфли? Все, что нужно?

- Все, что нужно, - подтвердил я, улыбаясь.

Незнакомец мылся довольно долго. Выйдя в конце концов из ванной, он выглядел значительно приличнее, чем раньше. Рам Дасс помог ему облачиться в мою одежду - она сидела немного мешковато, поскольку я был упитаннее. За спиной гостя Рам Дасс увлеченно размахивал бритвой, сияющей, как его улыбка.

- Сахиб, можно, я побрею джентльмена?

Передо мной стоял приятный на вид молодой человек лет тридцати с золотистыми выжатыми волосами, изящным подбородком и мягко очерченным ртом. Было в его чертах что-то такое, отчего он выглядел старше, но я не обнаружил в них ни одного признака слабоволия, характерного для бродяг. Из глаз незнакомца исчезла тоска, уступив место мрачноватой рассеянности. Разгадку столь быстрой смены настроения дал Рам Дасс, который многозначительно засопел, подняв трубку с длинным мунштуком, украшенную резным узором.

Вот оно что! Мой гость - курильщик опия! Он во власти пагубной привычки к наркотику, прозванному Проклятием Востока. Этим и объясняется знакомый фатализм, который мы считаем главной чертой Азии, фатализм, лишающий человека аппетита, желания трудиться, а также развлекаться в часы досуга.

Стараясь ничем не выдать жалости, овладевшей мной при мысли о печальной судьбе гостя, я сказал:

- Друг мой, надеюсь, вы не будете возражать против ленча?

- Как вам угодно, - безучастно ответил он.

- Мне показалось, вы голодны.

- Голоден? Ничуть.

- Ну, как бы то ни было, пусть нам чего-нибудь принесут. Рам Дасс, не откажи в любезности, распорядись насчет холодных закусок, что ли... И передай мистеру Ольмейеру, что мой гость, возможно, останется у меня ночевать. Нужно застелить вторую кровать, ну, и все такое.

Рам Дасс удалился. Не дожидаясь приглашения, незнакомец подошел к буфету, налил себе большую порцию виски, немного помедлил и плеснул в стакан содовой. Казалось, он забыл, в каких пропорциях надо смешивать эти напитки.

- Где вы собирались высадиться, если бы вас не прогнали с корабля? - спросил я. - Вряд ли вас интересовал Роу.

Потягивая виски, он повернулся к окну, выходящему на гавань.

- Это остров Роу?

- Да. Во многих отношениях - край света.

- Что? - Он с подозрением посмотрел на меня, и я снова увидел тоску в его глазах.

- Фигурально выражаясь, - пояснил я. - Видите ли, путешественнику здесь совершенно нечем заняться, лучше всего сразу плыть дальше. Кстати, откуда вы держите путь?

Он слушал меня, кивая.

- Понимаю. Да. Откуда? Кажется, из Янонии.

- Из Японии? Надо полагать, вы находились там на дипломатической службе?

Он пристально смотрел мне в глаза, будто искал в моих словах скрытую издевку. Наконец сказал:

- А до того я был в Индии. Да, сначала в Индии. Я служил в армии.

- Как же... - Я был сбит с толку. - Как же вы оказались на борту "Марии Карлсон" - корабля, который доставил вас сюда?

Он пожал плечами.

- Боюсь, мне этого не вспомнить. С тех пор, как я покинул... с тех пор, как я вернулся, мне все кажется сном. Только опиум помогает забыться, будь он проклят. Навешиваемые им сны не так страшны, как... - Он не договорил.

- Вы курите опиум? - Задавая этот лицемерный вопрос, я едва не покраснел.

- Всякий раз, когда удастся его раздобыть.

- По-видимому, на вашу долю выпали суровые испытания, - заметил я, напрочь забыв правила хорошего тона.

Он засмеялся - похоже, не столько над моими словами, сколько над собой.

- Да! Да! И эти испытания свели меня с ума. Вот о чем вы подумали, верно? Между прочим, какое сегодня число?

Третий выпитый стакан сделал моего собеседника заметно общительнее.

- Двадцать девятое мая.

- Какого года?

- То есть? Тысяча девятьсот третьего, разумеется.

- Я знал, что это не сон! Знал! - Казалось, он оправдывается. - Конечно, сейчас девятьсот третий. Начало нового светлого века, возможно, последнего века этого мира. - Странная убежденность в голосе гостя помешала мне счесть его слова бредом наркомана. Я решил, что пора познакомиться.

Мой собеседник выбрал весьма своеобразную форму ответного представления. Он встал по стойке "смирно" и отчеканил:

- Перед вами Освальд Бастейбл, капитан пятьдесят третьего уланского полка. - Он улыбнулся своим мыслям и опустился в кресло у окна.

Через секунду, когда я пытался оправиться от изумления, он повернул голову и посмотрел на меня с веселой ухмылкой.

- Как видите, я не желаю скрывать свое безумие. Вы очень добры, - он отсалютовал стаканом, - и я благодарен вам. Наверное, я должен вспомнить приличия. Когда-то я мог гордиться своими манерами, и, отважусь предположить, они еще не до конца выветрились. Если угодно, я могу представиться как-нибудь иначе. Например, так: я - Освальд Бастейбл, воздухоплаватель.

- Вы летали на воздушных шарах?

- Я летал на воздушных кораблях, сэр! На кораблях, достигавших тысячи двухсот футов в длину и передвигавшихся со скоростью более ста миль в час. Видите, я и в самом деле безумен.

- Ну, я бы сказал, что вы изобретательны... или что-нибудь в этом роде. И где вам доводилось летать?

- О, почти везде.

- Должно быть, я совершенно не в курсе событий. Беда в том, что новости приходят сюда с большим опозданием. Боюсь, я ничего не слышал об этих кораблях. Когда состоялся ваш первый полет?

Стеклянные от наркотика глаза Бастейбла вдруг впились в меня. Я вздрогнул от неожиданности.

- Неужели это вас интересует? - тихо, холодно произнес он.

У меня пересохло во рту при мысли, что у него начинается приступ бешенства, и я невольно шагнул к шнурку звонка. Но Бастейбл, точно прочитав мои мысли, со смехом покачал головой.

- Не беспокойтесь, сэр, я вас и пальцем не трону. Но теперь вы знаете, что я курю опиум, и что я безумен. Кто, как не сумасшедший, станет утверждать, что путешествовал на летательном аппарате, который обгонит самый быстроходный океанский лайнер? Кто, как не сумасшедший, станет утверждать, что это происходило в тысяча девятьсот семьдесят третьем году от Рождества Христова, то есть почти через три четверти века от нынешнего дня?

- Вы действительно в это верите? Но вас, должно быть, никто не хочет слушать. Не в этом ли причина вашего душевного упадка?

- Что? Нет. Да и с чего бы? Нет, самую тяжелую муку причиняют мне мысли о собственной глупости. Лучше бы я умер - это было бы справедливо. Но вместо этого я влачу жалкое существование, будучи не в силах отличить явь от сна...

Я взял из его руки и снова наполнил стакан.

- Послушайте, если вы окажете мне одну услугу, я соглашусь выслушать вашу историю. А хочу я от вас сущего пустяка.

- А именно?

- Чтобы вы все-таки попытались съесть ленч и какое-то время воздержались от опиума. Хотя бы до тех пор, пока вас не осмотрит врач. Еще я хочу, чтобы вы позволили мне взять над вами опеку и даже, быть может, возвратились со мной в Англию. Согласны?

Он пожал плечами.

- Возможно. Это будет зависеть от моего настроения. Признаться, у меня еще ни разу не возникало желания рассказать кому бы то ни было о воздушных кораблях и обо всем прочем. Все же не исключено, что ход истории можно изменить... Если я вам расскажу все, что знаю... Обо всем увиденном, о том, что случилось со мной... это многое изменит. А вы бы согласились записать мой рассказ и, если удастся, опубликовать, когда вернетесь?

- Когда мы вернемся, - мягко поправил я.

- Как вам угодно. - Он помрачнел. По-видимому, его слова имели скрытый смысл, которого я не уловил.

В эту минуту принесли ленч, и мы закусили холодным цыпленком с салатом. От еды настроение гостя заметно улучшилось, речь стала более связной.

- Попытаюсь рассказать все по порядку, - пообещал он. - С самого начала и до конца.

С собой у меня был большой блокнот и несколько карандашей. В молодости я зарабатывал на жизнь нелегким трудом парламентского корреспондента, и теперь знакомство со стенографией сослужило мне добрую службу.

Рассказ Бастейбла длился более трех дней, в течение которых мы редко покидали номер и мало спали. Иногда Бастейбл взбадривал себя какими-то таблетками, клятвенно уверяя меня, что это не опиум. Мне же не нужно было никаких возбуждающих средств, настолько захватила меня история гостя. По мере развития сюжета обстановка гостиничного номера становилась все менее реальной. Поначалу рассказ Бастейбла казался мне фантазмагорическим бредом, но к концу я твердо уверовал в его правдивость.

С глубоким почтением
Майкл Муркок,
Англия, гр. Суррей,
г. Митчем, ул. Трех Труб,
октябрь 1904 г.

Глава II

ХРАМ В ТЕКУ БЕНГА

- Не знаю, доведется ли вам посетить северо-восточную Индию, - начал Бастейбл, - но если доведется, вы поймете, почему я называю ее местом слияния древних цивилизаций. Там, где Индия граничит с Непалом, Тибетом и Бутаном, милях в двухстах севернее Дарджилинга и в ста западнее горы Кинчунмаджи, лежит страна Кумбалари, которая, по мнению ее обитателей, древнее, чем само Время. Форма правления в этой стране - так называемая теократия, крайняя разновидность жреческой власти, опирающаяся на мрачные суеверия и еще более мрачные мифы и легенды. Кумбаларийцы почитают всех богов и демонов, отдавая предпочтение тем, кто им наиболее выгоден. Это жестокий, коварный, нечистоплотный и спесивый народ, глядящий свысока на все остальные народы. Кумбаларийцев крайне раздражает присутствие англичан поблизости от их земель, и за последние две сотни лет они не раз доставляли нам хлопоты - правда, серьезными те заварушки не назовешь. К счастью, их отряды не решаются уходить далеко от своих границ, а экономическая и военная мощь их государства весьма невелика из-за варварства, в котором погрязло население. Правда, время от времени, как в случае, о котором идет речь, там появляется сильный вождь, способный поднять нацию на джихад против Британии или опекаемых ею стран. Вождь внушает соплеменникам, что их тела неуязвимы для наших пуль, и тогда нам приходится учить их уму-разуму. Командование армией не принимает их всерьез, и несомненно, имен-

по этому обстоятельству я обязан назначением в отряд, выступивший на Кумбалари в тысяча девятьсот втором году.

Впервые под моим началом оказалось так много солдат, и я в полной мере сознавал свою ответственность. Отряд состоял из эскадрона в полтора-два лихих пенджабских улан и двухсот маленьких, но отважных и верных сипаев-гурков девятого пехотного полка. Я безмерно гордился своей маленькой армией и готов был вместе с нею завоевать хоть весь Бенгал. Разумеется, я был единственным белым офицером в отряде, но охотно допускал, что офицеры-туземцы - вояки весьма опытные, и без предубеждения пользовался их советами.

Мне было поручено провести демонстрацию силы, по возможности избегая кровопролития. Мы хотели только одного: чтобы у нахалов сложилось ясное представление об участии, которая их постигнет, если мы возьмемся за них всерьез. В то время их царем, а также архиепископом и главнокомандующим был старый религиозный фанатик по имени Шаран Канг. Он уже успел сжечь нашу заставу на границе и перебить два отделения туземной полиции. И тем не менее, мы желали не возмездия, а лишь гарантии, что подобные инциденты прекратятся.

В моем распоряжении было несколько довольно подробных карт и два вполне надежных проводника, состоявших в дальнем родстве с гурками из нашего отряда. Мы рассчитывали за два-три дня добраться до Теку Бенга - высокогорной столицы Кумбалари. Путь к ней лежал по нескольким ущельям. Поскольку мы были скорее дипломатической миссией, нежели карательной экспедицией, то пересекая кумбаларийскую границу, проходящую по заснеженным горам, которые обступали нас со всех сторон, мы держали на виду флаг парламентаров.

Итак, мы вступили в пределы Кумбалари и вскоре увидели местных жителей - нескольких коренастых желтокожих воинов в коже, овчине и раскрашенной стали, верхом на приземистых лошадях, карабкавшихся с уступа на уступ, как горные козы. Узкие глаза кумбаларийцев светились подозрительностью и злобой. Наверное, их предками были гунны Аттилы, а может, еще более древние завоеватели, сражавшиеся в этих ущельях за тысячу, а то и за две тысячи лет до того, как орды Кары Небесной ринулись на восток и запад, чтобы захватить и ограбить три четверти мира. Подобно их воинственным предкам, эти люди были вооружены луками, пиками и саблями, но у некоторых за плечами висели карабины, по всей видимости, русского образца.

Я вел солдат по ущелью, демонстративно не обращая внимания на соглядятаев, но когда наверху громыхнуло несколько выстрелов, и эхо раскатилось среди скал, я встревожился. Впрочем, проводник заверил меня, что это всего лишь сигнал, извещающий кумбаларийцев о появлении незваных гостей.

Мой отряд медленно продвигался по каменистой земле. Время от времени всадникам приходилось спешиваться и вести коней в поводу. Чем

выше мы поднимались, тем холоднее становился воздух. Солдаты были счастливы, когда стемнело, и я приказал разбить бивак и развести костры.

В моем отряде конницей командовал Ризальдар Джехаб Сах, а пехотой - Субадар Дж. К. Бишт. Оба были ветеранами множества подобных экспедиций, но при всей своей опытности к кумбаларийцам они относились на удивление опасливо. Субадар Бишт даже посоветовал мне выставить на ночь удвоенный караул. Я так и поступил.

Субадару Бишту не давал покоя некий "запах ветра". Гурка что-то знал о кумбаларийцах, и когда он заговаривал о них, в его глазах появлялся блеск, который я мог объяснить только страхом.

- Это хитрые и подлые людишки, сэр, - сказал он за ужином в моей палатке. - Они унаследовали древнее зло, существовавшее еще до того, как родился этот мир. На нашем языке "Кумбалари" - "Царство Дьявола". Не думайте, сэр, что для них что-то значит наш белый флаг. Они не тронут нас лишь в том случае, если сочтут это выгодным.

- Очень мило, - хмыкнул я. - Но я надеюсь на нашу численность и вооружение.

- Пожалуй, - с сомнением протянул Субадар Бишт. - Если только Шаран Канг не внушил им, что они защищены его колдовством и неуязвимы. Ходят слухи, что он пользуется благосклонностью богов и повелевает демонами.

- Ни один демон не устоит перед современным оружием, - возразил я. Гурка нахмурился.

- Ваша правда, капитан. Но в арсенале кумбаларийцев есть еще их знаменитое коварство. Можно ожидать, что они пойдут на любые ухищрения, чтобы разделить наш отряд и уничтожить по частям.

- Разумеется, мы должны быть готовы ко всему, - согласился я. - Но не думаю, что следует бояться колдовства.

Молчаливый гигант Ризальдар Джехаб Сах рассудительно произнес:

- Дело не столько в том, чего мы боимся, сколько в том, во что они верят. - Он пригладил черную лоснящуюся бороду. - Субадар прав. Нельзя забывать, что мы имеем дело с безумцами, безрассудными фанатиками, которые ни в грош не ставят собственную жизнь.

- Кумбаларийцы ненавидят нас, - добавил Субадар Бишт. - Они хотят драться. Очень подозрительно, что они не нападают в открытую. Не следует ли предположить, что нас заманивают в ловушку?

Я кивнул.

- Возможно. Но опять же, Субадар, надо допустить, что нас просто-напросто боятся. Ведь если с нами что-нибудь случится, могущественный британский раджа пришлет других слуг, которые очень жестоко накажут кумбаларийцев.

- А если они уверены, что их не накажут... если Шаран Канг убедил их в этом, наше положение безнадежно. - Джехаб Сах сумрачно улыбнулся. - Мы все погибнем, капитан.

- Пожалуй, надо подождать здесь, - сказал Субадар Бишт. - Путь они подойдут поближе, чтобы мы могли послушать их разговор, понаблюдать за их лицами. Возможно, мы поймем, что они затевают.

- Припасов нам хватит дня на два. Пока останемся здесь. Если в течение двух суток они не придут к нам, мы сами отправимся в Теку Бенга.

С этим решением оба офицера согласились. После ужина они разошлись по своим палаткам.

Итак, мы решили ждать.

На следующий день за поворотом тропы показалось несколько всадников, и мы приготовились к встрече. Но всадники, понаблюдав за нами часа два, исчезли. К вечеру беспокойство, охватившее солдат, усилилось.

На второй день в лагерь прискакал улан из разъезда и сообщил, что по тропе в нашу сторону движется более сотни кумбаларийцев. На всякий случай мы заняли оборонительный рубеж, но активных действий не предпринимали. Вскоре мы увидели медленно продвигающуюся колонну всадников. В бинокль я отчетливо разглядел несколько флагов, искусно сотканных из конского волоса. К древку одного из них было прикреплено белое полотнище. Знаменосцы ехали по бокам золотисто-алого паланкина, который несли на своих спинах два пони. Вспомнив предостережение Субадара Бишта, я скомандовал уланам "по коням". Вряд ли на свете найдется зрелище более впечатляющее, чем полтора ста пенджабских улан, салютующих пиками в конном строю. Я протянул бинокль Ризальдару Джехабу Саху, сидевшему на коне рядом со мной. Он несколько секунд рассматривал кавалькаду, а потом насутился.

- Похоже, с ними сам Шаран Канг, - сказал он. - В паланкине. Если это парламентареры, почему их так много?

- Может быть, демонстрация силы? - предположил я. - Но одной конной сотни для этого недостаточно.

- Все зависит от того, насколько велика их решимость погибнуть во имя веры, - проворчал Джехаб Сах. Он повернулся в седле. - Бишт, что ты думаешь обо всем этом?

- Собирайся Шаран Канг напасть, он не ехал бы во главе отряда. Жрецы Кумбалари не сражаются вместе со своими воинами. - В словах гурки звучало презрение. - Но предупреждаю вас, сэр: это может быть ловушка.

Я кивнул, затем окинул взглядом свои войска.

Пенджабским кавалеристам и сипаям-гуркам явно не терпелось поместиться силами с кумбаларийцами.

- Неплохо бы напомнить людям, что мы пришли сюда с миром, - заметил я.

- Без приказа они в бой не вступят, - пообещал Джехаб Сах. - Но уж если придется драться, мы покажем этим дикарям!

Кумбаларийцы остановились в нескольких сотнях футов от нашей линии обороны. Знаменосцы отделились от отряда и, сопровождая паланкин, направились ко мне и моим офицерам.

Окна золотисто-алых носилок были занавешены. Я вопросительно смотрел в лица знаменосцев, но они оставались бесстрастными. Наконец передние занавески раздвинулись, и я увидел самого верховного жреца в

роскошном парчовом облачении, расшитом десятками крошечных зеркал, и высоким колпаке из раскрашенной кожи, с фестонами из золота и слоновой кости. Увидел сплошь изборожденное морщинами лицо коварнейшего из демонов.

- Приветствую вас, Шаран Канг, - торжественно произнес я. - Мы прибыли сюда по приказу великого короля-императора Британии, чтобы узнать, зачем вы вторглись в его владения и убили его подданных, в то время как он предлагал вам дружбу?

Один из проводников начал было переводить, но Шаран Канг раздраженно отмахнулся.

- Шаран Канг говорит по-английски, - услышал я непривычно высокий голос. - Точно так же, как и на всех остальных языках, ибо кумбаларийский - древнейший предок всех языков на свете.

Должен признаться, в тот момент по моей спине побежал холодок. Я склонен был поверить, что Шаран Канг - в самом деле великий волшебник.

- Если народ Кумбалари такой древний, следует ожидать от него мудрости. - Я с трудом выдерживал жестокий, пронизательный взгляд жреца. - Мудрый народ не станет беспричинно сердить короля-императора.

- Мудрый народ понимает, что от волков надо защищаться. - Губы Шаран Канга скривились в усмешке. - А британский волк - самый ненасытный, не правда ли, капитан Бастейбл? Он хорошо покушал в южных и западных странах, а теперь устремил свой алчный взор на Кумбалари.

- Тот, кого вы принимаете за волка, на самом деле лев. - Меня поразило, что он знает мою фамилию, но я ничем не выдал изумления. - Лев, приносящий мир, безопасность и справедливость тем, кто зовет его на помощь. Лев, которому известно, что Кумбалари в его опеке не нуждается.

Беседа продолжалась в том же высокопарном стиле, пока явно не наскучила Шаран Кангу. Неожиданно он спросил:

- Почему вы привели в нашу страну столько солдат?

- Потому что вы сожгли наш пограничный форт и убили людей.

- Ваш так называемый "пограничный форт" стоял на нашей земле. - Шаран Канг неопределенно махнул рукой. - Мы, кумбаларийцы, народ не жадный. Нам ни к чему новые земли, которых постоянно алчут люди Запада, ибо мы знаем: земля ничего не стоит, коль скоро душа человеческая способна странствовать по Вселенной. Я позволяю вам прийти в Теку Бенга, откуда правят миром все боги, и где вы получите от меня ответ этому выскочке, льву-варвару, награждающему себя громкими титулами.

- Вы согласны вступить в переговоры?

- Да. Но только в Теку Бенга, и только в том случае, если с вами придет не более шести человек. - Он задернул занавески. Паланкин развернулся, и кавалькада двинулась обратно по ущелью.

- Это ловушка, сэр, - сразу предупредил меня Бишт. - Он хочет обезглавить отряд - тогда ему легче будет нас уничтожить.

- Возможно, Субадар, но тебе хорошо известно, что подобные уловки бессмысленны. Гурки не боятся драки. - Я оглянулся на сипаев. - Похоже, им не терпится задать кое-кому взбучку.

- Вы правы, сэр, мы не боимся смерти... чистой смерти в бою. Но меня тревожит не предстоящая схватка. Я нутром чую: должно случиться что-то очень плохое. Кумбаларийцы - опасное племя, о них ходит множество невероятных слухов. Я боюсь за вас, сэр.

Я положил руку ему на плечо.

- Субадар, я тронут твоей заботой. Однако я должен ехать в Теку Бенга. Мне приказано поладить с Шаран Кангом, если только это возможно.

- Если через сутки вы не вернетесь, сэр, мы подойдем к городу и потребуем доказательства тому, что вы целы и невредимы. И, если с вами что-нибудь случится, мы нападём на Теку Бенга.

- Что ж, план не плох.

На следующее утро, сопровождаемый Джехабом Сахом и пятью его рубаками, я отправился в Теку Бенга. Наконец-то я увидел этот город посреди Гималаев, за крепостную стену которого тысячу лет не ступала нога чужеземца. Разумеется, меня ни на минуту не оставляли опасения насчет Шаран Канга. Я не мог понять, почему Шаран Канг все-таки позволил чужестранцу осквернить своим присутствием "священный город". Но мог ли я отказать от его приглашения? Если верховный жрец заявил, что желает вести переговоры, мне оставалось только верить ему на слово.

Рассматривая здания, как будто вытесанные из гималайских утесов, я терялся в догадках, кто и как мог их воздвигнуть. Безумная архитектура Теку Бенга словно насмехалась над законом тяготения.

Крепостная стена обегала город вдоль обрыва, тут и там высились шпили и купола, что касается хижин, то они казались стаей птиц, когда-то испорхнувших и осторожно рассеявшихся по скальным выступам. Стены и кровли многих зданий украшали тонкая резьба, алмазы, драгоценные металлы, редкие породы дерева, благородный жадеит и слоновая кость. Из ниш в стенах, с крыш и постаментов на нас взирали каменные чудовища. Город был озарен призрачным светом и действительно выглядел древнее всех столиц, о которых я читал и которые видел собственными глазами. И все же, несмотря на пышность и величие, Теку Бенга показался мне до крайности обветшалым; с первого взгляда стало ясно, что он знавал лучшие времена. Я подумал, что его, скорее всего, построили не кумбаларийцы, а таинственный народ, исчезнувший тысячи лет назад. Кумбаларийцы же, как это нередко случается в истории, пришли на готовенькое.

- Ф-фу-у! Ну и вонища! - Ризальдар Джехаб Сах брезгливо прижал к носу платок. - Похоже, в этих дворцах и храмах держат коз и овец.

Пахло давно не чищенным скотным двором, и этот запах многократно усилился, как только мы под суровыми взглядами стражи въехали в главные ворота. На улицах, загаженных навозом и прочими нечистотами, кое-где сохранилась мостовая. По пути мы не встретили ни одной женщины - только мальчишек и одолеваемых скукой воинов верхом на пони. Улица полого спускалась между храмами к широкой площади, расположенной, по всей видимости, в центре города. Храмов здесь было несметное множество, но они производили отталкивающее впечатление - наверное, ученые

назвали бы этот архитектурный стиль "упадком восточного барокко". Каждый квадратный дюйм каждой стены был украшен изображением бога или демона. Разглядывая роспись, я узнавал сюжеты из всех религий: буддистские, индуистские, мусульманские, реже - христианские; встречались сюжеты египетские (если я их ни с чем не спутал), финикийские, персидские, даже греческие; попадались и совершенно незнакомые, видимо, еще более древние. Ни одна из этих фресок не радовала мой глаз, но теперь я понимал, почему Теку Бенга называют "городом, откуда правят миром все боги". Каждому из них в отдельности можно было только посочувствовать - очень уж неприятная подобралась у него компания.

- Не нравится мне тут, - пробормотал Джехаб Сах. - Буду счастлив, если сумею унести ноги. Не хочется здесь умирать, капитан. Я очень боюсь за свою душу.

- Будем надеяться, что Шаран Канг сдержит слово.

- Что-то я не припомню, сэр, чтобы он давал слово, - мрачно произнес Ризальдар, останавливая коня и спешиваясь. Мы находились возле причудливо украшенного здания, которое значительно превосходило размерами все остальные, построенные в том же стиле. Точнее, в смешении стилей, ибо чего здесь только не было: купола, минареты, спиральные колокольни, решетчатые стены, изломанные, как у пагод, крыши, резные колонны, фризы, по углам - мифические чудовища, ухмыляющиеся или скалящие зубы в беззвучном рыке. У каждого входа - изваяния слонов и тигров. Окраска здания была пестрой, преобладали зеленый и шафрановый цвета, но присутствовали также красный, синий, оранжевый и золотой. Крыша кое-где была выложена золотым и серебряным листом. Я почему-то сразу решил, что этот храм - самое древнее сооружение в Теку Бенга. Его шпили и маковки упирались в синее гималайское небо, кипевшее серыми и белыми облаками. От этого зрелища сердце мое наполнилось дурными предчувствиями, словно я находился рядом с чем-то сверхъестественным, созданным нечеловеческими руками.

Между тем из многочисленных дверей неторопливо выходили жрецы в шафрановом облачении, выстраиваясь на лестницах и галереях храма... или дворца - в тот момент я еще не знал предназначения этого необычного здания. Жрецы походили на кумбаларийских воинов разве что своей неопытностью. В голову мне пришла мысль, и я поделился ею с Ризальдаром, что этот пренебрегающий землей народ воду, наверное, недолго любит еще больше. В ответ сикх запрокинул голову и расхохотался, отчего глаза стоявших поблизости жрецов загорелись злобой и презрением.

В отличие от буддистских жрецов, тоже носящих шафрановые наряды, эти не были бритоголовыми. Напротив, у них были длинные волосы, спадающие на лица сальными космами, а у некоторых даже усы и бороды, впрочем, не более ухоженные, чем шевелюры. У многих за кушаки (или камербанды) были заткнуты мечи в ножнах.

Смотреть на эту толпу было жутко и противно, но мы старались не прятать глаз и держаться как ни в чем не бывало. Коня беспокойно гарцевали под нами и вскрапывали, когда зловоние слишком щекотало им ноздри.

Наконец из входа, который я считал парадным, появился давешний красно-золотой паланкин, несомый четырьмя жрецами. Занавески раздвинулись, и я снова увидел Шаран Канга. Он ухмылялся.

- Шаран Канг, я пришел узнать, что побудило вас совершить набеги на землю короля-императора. Кроме того, я хотел бы обсудить с вами взаимные уступки, которые позволят нашим народам жить в мире.

Растянутые в улыбке губы верховного жреца не дрогнули, чего, боюсь, нельзя сказать о моем голосе. Глядя в уродливое морщинистое лицо, я впервые в жизни ощутил близость абсолютного зла.

Выдержав паузу, Шаран Канг заговорил:

- Я должен обдумать ваши слова. А пока я приглашаю вас погостить в храме Грядущего Будды, который служит мне дворцом. Храм Грядущего Будды - самое древнее здание в Теку Бенга.

Немного нервничая, мы спешились. Четверо жрецов подняли и унесли в храм паланкин Шаран Канга. Мы направились следом и оказались в просторном зале. Там пахло ладаном, коптили фитили в чашах с маслом, подвешенных на цепях к потолку. Никаких изображений Будды я там не увидел, но объяснил это себе тем, что Грядущий Будда еще не родился.

Мы брели за паланкином по коридорам, столь многочисленным, что храм казался настоящим лабиринтом, и наконец остановились в небольшой комнате. Мы увидели низкий стол, окруженный подушками и уставленный яствами. Носильщики опустили паланкин и удалились, оставив нас наедине с Шаран Кангом. Он жестом предложил усаживаться на подушки, что мы и сделали.

- Ешьте и пейте. Хорошее угощение располагает к душевной беседе, - наставительно произнес верховный жрец.

Мы окунули руки в серебряные чаши с теплой водой и вытерли шелковыми полотенцами, после чего весьма неохотно приступили к трапезе. К немалому нашему облегчению, Шаран Канг ел то же, чем потчевал нас. Признаюсь, я был рад вдвойне, потому что на вкус пища показалась восхитительной.

Я искренне поблагодарил верховного жреца за гостеприимство, и он достаточно благосклонно воспринял мои слова. Шаран Канг уже не казался мне таким злобным, признаться, он даже вызывал у меня симпатию.

- Впервые в жизни вижу храм, который одновременно служит дворцом, - заметил я. - Да и называется он как-то странно.

Шаран Канг улыбнулся.

- Кумбаларийские верховные жрецы - те же боги, им подобает жить в храме. А поскольку Грядущий Будда еще не пришел к нам, что зазорного, если я живу в его обители?

- Должно быть, вы уже давно ждете его пришествия. Сколько лет этому зданию?

- Некоторые его части построены от трех до пяти тысячелетий назад, а самые древние - намного раньше.

Разумеется, я решил, что верховный жрец преувеличивает, как это принято на Востоке.

- И ваш народ живет здесь все это время? - вежливо поинтересовался я.

- Мы поселились здесь очень давно. А раньше здесь жили... другие существа.

В его глазах мелькнуло нечто, весьма похожее на страх. Быстро взяв себя в руки, Шаран Канг улыбнулся.

- По вкусу ли вам угощение?

- Выше всяческих похвал, - ответил я, глядя на жреца, как младенец на доброго дяденьку. Затем посмотрел на своих спутников, и тут ко мне в душу закралась тревога, потому что у каждого из них на лице сияла глупая улыбка. Внезапно на меня навалилась сонливость. Пытаясь избавиться от нее, я потряс головой, затем неуверенно поднялся на ноги и схватил Джехабаса Саха за плечо. - Ризальдар, как ты себя чувствуешь?

Он посмотрел на меня, хохотнул, потом вдруг стал серьезным и кивнул, будто услышал необычайно мудрое изречение.

Теперь я понимал, почему коварный старик вызывал у меня такую приязнь.

- Ты одурманил нас, Шаран Канг! Зачем? Неужели надеешься, что договор, который мы заключим с тобой в таком состоянии, останется в силе, когда обман откроется? Или ты хотел загипнотизировать нас, чтобы мы привели солдат в западню?

Взгляд Шаран Канга снова стал колючим.

- Сядьте, капитан. Я вас не одурманивал. Вы же видели, я ел ту же пищу, что и вы.

- Ну и что? - Я пошатнулся и едва не упал - комната завертелась перед глазами. - Просто ты привык к этому зелью, а мы - нет. Что ты нам подсыпал? Опиум?

Шаран Канг расхохотался.

- Опиум? Ха-ха-ха! Опиум! С чего вы взяли? Вас клонит в сон только от сытной кумбарлийской еды - она явно пришлась по вкусу вам и вашим слугам. Ничего удивительного - вы привыкли к более скромной солдатской пище. Почему бы вам не вздремнуть?..

У меня першило в горле и слезились глаза. Шаран Канг невнятно бормотал и покачивался, словно кобра, готовящаяся к броску. Мысленно проклиная его, я расстегнул кобуру и достал револьвер.

Тотчас откуда ни возьмись появились десятки жрецов с мечами наголо. Я навел на Шаран Канга дрожащий ствол револьвера и сказал, с трудом ворочая языком:

- Если один из вас сделает хоть шаг, старик умрет!

Возможно, жрецы не знали английского, но все было ясно и так.

- Шаран Канг... - Мне казалось, что мой голос доносится издалека. - Завтра мои люди придут сюда. Если они не увидят меня живым и здоровым, то уничтожат город вместе со всеми жителями.

Шаран Канг улыбнулся.

- Не сомневайтесь, капитан, вы останетесь целы и невредимы. Более того, ваше настроение улучшится. Уверен в этом.

- А, черт! Ты не загипнотизируешь меня! Я английский офицер, а не твой глупый соплеменник!

- Ну, что вы, капитан! Должно быть, вы переутомились. Ложитесь, отдохните, а наутро...

Краешком глаза я уловил движение - два жреца бросились ко мне сзади. Я повернулся и выстрелил. Один упал, другой вцепился в мою руку, пытаясь вырвать револьвер. Я нажал на спуск и проделал в жреце изрядную дыру. Заверещав от боли, он разжал пальцы, скорчился и рухнул.

Пенджабцы уже стояли рядом со мной, поддерживая друг друга. Все они были одурманены ничуть не меньше меня. Джехаб Сах, запинаясь, сказал:

- Капитан, надо выбираться на свежий воздух. Это должно помочь. А если пробьемся к лошадям...

- Покинув эту комнату, вы совершите большую ошибку. - будничным голосом перебил его Шаран Канг. - Даже мы не знаем всех помещений храма Грядущего Будды. Это настоящий лабиринт. По слухам, не все его помещения находятся в нашем времени...

Мы попятились, держа Шаран Канга под прицелом. Все двери выглядели одинаковыми, и мы не сразу решились выйти в одну из них.

За дверью царил мрак. Блуждая в поисках выхода, я ломал голову, зачем верховному жрецу понадобилось одурманивать нас. Впрочем, мне так и не суждено было узнать замыслов старого негодяя.

Внезапно один из моих людей закричал и выстрелил во тьму. словно ниоткуда на нас бросились трое жрецов, безоружных, но явно невосприимчивых к пулям.

- Прекратить огонь! - прохрипел я, не сомневаясь, что мы имеем дело с оптическим обманом. - За мной!

Спотыкаясь, я спустился по короткой лестнице и ворвался через портьеры в комнату, где мы только что обедали. Неужели я все-таки угодил в паутину наркотического сна?

Я пересек комнату, пинком отбросил от стола подушку, раздвинул с десяток шелковых портьер и наконец обнаружил выход. Мои люди брели следом за мной.

Я прошел через узкую арку, спотыкаясь и больно ударяясь плечами о стены. И снова - лестница в один пролет, снова комната, почти в точности похожая на предыдущую. Опять выход и лестница, ведущая вниз. За ней - коридор со сводчатым потолком.

Не знаю, сколько времени длилось блуждание в потемках - наверное, целую вечность. Мы совершенно не ориентировались в лабиринте и утешали себя лишь предположением, что наши недруги прекратили погоню. Наверное, мы находились в самом центре храма Грядущего Будды. Здесь не пахло благовониями, воздух был холоден и неподвижен. Стены покрывали миниатюрные лепные барельефы и орнамент из благородных металлов и неошлифованных алмазов.

Дурман еще не вышел из нас, но страх и напряжение ослабили его действие. Тяжело дыша, я остановился, безуспешно всматриваясь во мрак.

- По-моему, в этой части храма никто не живет, - заметил я. - Судя по количеству пройденных нами лестниц, мы глубоко под землей. Странно, почему не слышно погони? Может, подождем немного и попробуем вер-

нуться незамеченными? Главное - добраться до коней, а там, возможно, мы сумеем вырваться из города и предупредить Субадара Бишта о западне. Что скажешь, Ризальдар?

Тишина.

Я достал из кармана спички, зажег одну и обнаружил только изображения на стенах - столь же древние, что и в верхних помещениях, но куда более омерзительные. Теперь я понимал, почему нас не преследуют. Я вздрогнул от страха и выронил спичку. Где мои люди?!

- Ризальдар! Джехаб Сах!

Тишина.

Я задрожал, начиная верить всему, что слышал о могуществе Шаран Канга. Потом, спотыкаясь, зашагал вперед, побежал, упал на каменные плиты, поднялся и снова побежал, обезумев от страха. Наконец, лишившись сил, рухнул на холодный как лед пол храма Грядущего Будды. Наверное, я ненадолго потерял сознание, поскольку следующее, что врезалось мне в память - это доносящиеся издали звуки. Несомненно, это был смех, но необычный, лязгающий. Шаран Канг? Нет.

Я попытался дотянуться до стены, но со всех сторон меня окружала пустота. "Это не коридор," - с дрожью подумал я. Наверное, я не заметил, как убежал в зал. И снова этот жуткий смех!

Внезапно я увидел впереди крошечный огонек и, поднявшись, пошел к нему. Но он не увеличивался - видимо, находился слишком далеко.

Я остановился. Огонь двинулся навстречу!

По мере того, как он приближался, нечеловеческий смех звучал все громче. В конце концов мне пришлось вложить револьвер в кобуру и заткнуть уши. Огонь разгорался все ярче, и вскоре я зажмурился от рези в глазах. Под ногами вздрогнул и закачался пол. Землетрясение?

Я рискнул на мгновение поднять веки и в слепящем белом сиянии увидел резные изображения - не то фигуры чудовищ, не то чертежи необыкновенных, очень сложных механизмов, которые могли быть созданы древними индийскими божествами.

А затем пол как будто раскололся подо мной, и я полетел вниз. Но вихрь, рванувшийся навстречу, подхватил меня, перевернул кверху тормашками, закружил... Потом я опять провалился в бездну, и вскоре меня покинули все ощущения, кроме невыносимого холода.

В конце концов исчез даже холод. Я поверил, что умер. Меня погубили силы, таившиеся под храмом от сотворения мира, силы, которых боялся даже Шаран Канг, самый могущественный из колдунов Теку Бенга.

С этой мыслью я погрузился в небытие.

Глава III

ТЕНЬ

Сознание возвращалось чередой неясных картин. Я видел армии в миллионы солдат, марширующих на фоне серых и белых деревьев; черный

дым пожаров; девушку в белом платье, пронзенную десятком длинных стрел. Подобных видений было не счесть, каждое последующее - все отчетливее и красочнее. Вскоре я начал ощущать собственное тело - оно было холоднее льда. Как ни странно, ни боли, ни страха я не испытывал.

Ничего вокруг себя не видя, я попытался шевельнуть правой рукой и подумал, что указательный палец, кажется, откололся.

Картины в моем мозгу сменились еще более ужасающими. Череп был наполнен образами трупов, расчлененных безжалостными палачами. Умирающие дети тянули ко мне ручки, моля о помощи. Звероподобные солдаты в бесцветных мундирах насиловали женщин. И повсюду - огонь, черный дым и развалины. Необходимо было избавиться от этих видений, и я сосредоточил все внимание на правой руке.

Наконец мне с превеликим трудом удалось согнуть ее в локте. В тот же миг тело пронзила такая боль, что я закричал. Глаза мои широко раскрылись, но сначала я не видел ничего, кроме молочного тумана. Я пошевелил головой. Опять накатила боль, но кровавые образы начали таять. Я согнул ногу и захрипел: казалось, меня наполнило пламя, растопив лед в жилах. Я задержался всем телом, и мало-помалу боль отступила. Теперь я понимал, что лежу на спине, надо мной - синее небо, а кругом - отвесные стены. По-видимому, я находился на дне колодца.

Прошло очень много времени, прежде чем мне удалось сесть и как следует осмотреться. Действительно, я находился в некоем подобии колодца, созданном, судя по резным изображениям на каменных стенах, человеческими руками. Изображения походили на мельком виденные мною в храме; в свете дня они выглядели неприятно, но не столь омерзительно.

Я улыбнулся, отменяя страхи. Все кончено: храм Грядущего Будды разрушен землетрясением. Недавние видения, несомненно, были рождены наркотиком и паникой. Мне повезло: из ужасного землятресения я вышел живым и сравнительно невредимым. Вряд ли Шаран Канг и его люди оказались столь же удачливы, но надо соблюдать осторожность, пока я не узнаю наверняка, что они не поджидают меня наверху. Очевидно, бедняга Сах и уланы погибли в подземелье, но Природа выполнила нашу миссию, "умиротворив" Шаран Канга. Даже если он остался в живых, его авторитет подорван, так как в падении храма уцелевшие приверженцы колдуна обязательно усмотрят немилость богов.

Поднявшись на ноги, я оглядел свои руки, густо покрытые пылью, которая казалась вековой. Мой мундир превратился в лохмотья! Когда я стал отряхиваться, от него полетели ключья. Я пощупал материю - она рассыпалась. Тотчас нахлынул страх, но я успокоил себя, предположив, что ткань подверглась воздействию какого-то газа, скопившегося в нижних помещениях храма. Возможно, мои необыкновенные галлюцинации вызваны не только наркотиком, но и этим газом.

Мало-помалу собравшись с силами, я осторожно полез наверх по стене колодца. Высотой он был футов тридцать, рыхлый камень крошился под носками сапог, от слабости и страха кружилась голова, но, преодолевая себя, используя в качестве ступенек и зацепок уродливые барельефы, я

постепенно добрался до самого верха. Перевалившись через край колодца, я осторожно огляделся.

Шаран Канга и его подручных я не заметил, как не заметил вообще никаких признаков жизни. Из жилых домов в Теку Бенга не уцелел ни один, их судьба постигла многие храмы.

Я встал и побрел по растрескавшимся плитам мостовой, и вдруг застыл как вкопанный, сделав открытие, которое не укладывалось в моей голове.

Я не видел кругом трупов, а ведь землетрясения, разрушающие такие густонаселенные города, без жертв не обходятся. Хотя можно допустить, что населению удалось покинуть Теку Бенга.

Скрепя сердце я принял этот довод и двинулся дальше. И снова остановился. Но не пропасть преградила мне путь - трава, росшая из трещин в плитах мостовой.

Куда бы я теперь ни посмотрел, в глаза бросались вяющие растения, крошечные горные цветы, островки вереска. Прошел не один год с тех пор, как отсюда исчезли люди.

Я облизнул губы и попытался собраться с мыслями. Может быть, этот мертвый город - вовсе не Теку Бенга? Возможно, жрецы вынесли меня из дворца Шаран Канга и оставили среди развалин другого поселения?

Нет, это исключено. Приглядевшись, я узнал несколько зданий, которые видел прежде. Вряд ли у такого города может быть двойник, даже здесь, в таинственных Гималаях.

Кроме того, я узнал окружающие горы и дорогу, уходящую вдаль от останков городской стены. Несомненно, я стоял посреди центральной площади, над которой раньше высился храм Грядущего Будды.

Я вновь ощутил холодное прикосновение страха. Вновь окинул взглядом истлевший мундир, свою грязную кожу под прорезами, растения вокруг растрескавшихся сапог - все эти глумящиеся над рассудком свидетельства тому, что с тех пор, как я и мои спутники пытались выбраться из западни Шаран Канга, прошли не часы, а годы.

"Может, мне это снится? - спросил я себя. - Но если это сон, то совершенно непохожий на виденные мною прежде. К тому же, человек всегда способен отличить реальность от сновидения, каким бы четким и правдоподобным оно ни было." Впрочем, так я думал в те минуты; теперь у меня нет такой уверенности.

Я сел на выпавший из кладки камень и постарался сосредоточиться. Чем объяснить, что я остался в живых? После землетрясения прошло не менее двух лет, но время, уничтожив одежду, пощадил мое тело. Существует ли в природе газ, способный разъедать ткань, оставляя кожу невредимой? Абсурд. Будь на моем месте знаток естественных наук, он бы, наверное, понял, в чем тут дело. Мне эта загадка была не по зубам. Я решил подумать о другом: о том, как вернуться в цивилизованный мир. Если это удастся, я свяжусь с командованием полка и выясню, что произошло с тех пор, как я потерял сознание в храме Грядущего Будды.

Пробираясь между руинами, я пытался преодолеть замешательство и сосредоточиться на поисках пути к спасению. Но это было не просто: меня преследовала мысль, что я сошел с ума.

Не скоро добрался я до полуразвалившейся крепостной стены и с превеликим трудом взобрался на нее. Оглядев сверху окрестности, я увидел дорогу, по которой проехал в город. Теперь ее пересекала бездна. Казалось, гора раскололась, и та ее часть, на которой стоял Теку Бенга, сместилась по меньшей мере на сто футов. Я понял, что на ту сторону перебраться невозможно. Из моего горла вырвался смех, вернее, слабый хриплый кашель, сменившийся сухими спазматическими рыданиями. Судьба по одной лишь ей ведомой причине пощадила меня во время землетрясения, чтобы обречь на медленную голодную смерть посреди безжизненных гор!

Спустившись со стены, я обессиленно лег на камни и погрузился в беспамятство. Должно быть, я заснул, поскольку придя в себя, обнаружил, что солнце заметно склонилось к горизонту. Было примерно три часа пополудни.

Я заставил себя подняться и побрел мимо развалин обратно, решив добраться до противоположной окраины города. Со всех сторон меня обступили холодные, безучастные горы. Над снежными шапками синело небо, в котором не летали даже ястребы. Мне казалось, будто я - последнее живое существо на Земле.

Я спохватился: если не избавлюсь от подобных мыслей, как пить дать лишусь рассудка.

Когда наконец я добрался до окраины, мною овладела полная безнадёжность. Развалины вплотную подступали к крутому обрыву, уходящему вниз на несколько сот футов. Это, несомненно, и было причиной, по которой город построили именно здесь. Вздумай враги захватить Теку Бенга, им пришлось бы штурмовать его с наиболее укрепленной стороны.

Блуждая среди руин, я боролся с искушением опытным путем определить, какие растения годятся в пищу. Хотя, надо отметить, голода я пока не испытывал. Да и с чего бы мне его испытывать, если два года у меня маковой росинки во рту не было - и ничего, жив? Подумав об этом, я горько засмеялся, но тут же смолк, увидев, что солнце почти село. Подул холодный ветер. Пора было позаботиться о ночлеге. Найдя себе подходящее укрытие среди камней, я мгновенно провалился в сон.

Проснувшись на рассвете, я почувствовал, что ко мне вернулась уверенность в своих силах. В голове сложилось нечто вроде плана. Хотя одежда моя и истлела, кожаный ремень и портупея остались целы, только чуть-чуть потрескались. Возможно, как следует обыскав руины, я найду изделия из кожи: конскую сбрую или доспехи кумбаларийских воинов. Пусть даже во время этих поисков я погибну - такой конец предпочтительней любой другой смерти, ожидающей меня среди этих развалин.

Через несколько часов мне посчастливилось обнаружить первый скелет воина, облаченного в мех, кожу и сталь. С его пояса я снял довольно длинный каженный аркан. Убедившись в его прочности, я повеселел и возобновил поиски.

Вытаскивая из-под обломков одного из храмов другой скелет, я услышал необычный шум. Сначала я решил, что это кости скрежещут о камень, но затем обратил внимание на монотонность звука. Сердце забилось сильнее при мысли, что в этом мертвом городе я не одинок. А может, это рычит тигр? Вряд ли, хотя звук отдаленно напоминал рычание. Оставив скелет в покое, я наклонил голову, прислушиваясь. Что бы это могло быть? Барабанная дробь? Возможно. Но радоваться преждевременно — эхо барабана способно разноситься миль на пятьдесят.

Едва я выполз из отверстия в завале, по руинам передо мной заскользила тень. Не будь она овальной, я решил бы, что ее отбрасывает огромная птица.

Я содрогнулся, вновь усомнившись в своем рассудке, заставил себя поднять голову... и не сдержал возгласа изумления, увидев над собой не птицу, а гигантский сигарообразный аэростат. Выглядел он необычно: жесткий баллон из серебристого металла, снизу к нему прикреплена (а не подвешена на канатах) почти такой же длины гондола.

Но более всего меня поразила огромная надпись на баллоне:

"КОРОЛЕВСКИЕ ИНДИЙСКИЕ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ"

Из задней части обращенного ко мне правого борта выступали треугольные плоскости, напоминавшие плавники кита. На каждой красовался яркий ало-бело-синий "Юнион Джек".

Вначале я мог только оцепенело смотреть на это летучее диво. Придя в себя, я запрыгал среди руин, размахивая руками и крича что есть мочи.

Глава IV

АРХЕОЛОГ-ЛЮБИТЕЛЬ

Наверное, сверху я выглядел довольно комично. Вообразите грязного оборванца, скачущего посреди развалин древнего города и оглашающего окрестности безумными воплями — ни дать, ни взять моряк, который потерпел крушение и многие годы спустя увидел вдали возделенную пшуну. Но экипаж моей летающей шхуны если и заметил меня, то ничем этого не выдал. Небесный корабль неуклонно плыл к далекой северной вершине, и четыре огромных двигателя, рокоча, вращали широкие лопасти винтов, толкавших его вперед.

Внезапно винты остановились. Я затаил дыхание. Инерция все еще несла воздушное судно вперед.

Вскоре двигатели ожили, их гул был более высоким, чем прежде. Меня захлестнула волна отчаяния. Должно быть, воздухоплаватели заметили меня, но, поразмыслив, решили, что не стоит останавливаться ради какого-то бродяги. А может, на корабле вообще нет людей?

По огромному серебристому эллипсоиду пробежала дрожь, и он двинулся вспять. Я не дышал и не верил в свое спасение. Лопасти вращались в обратном направлении, точь-в-точь как у парохода, дающего задний ход.

Я расплылся в счастливой улыбке. Что с того, что спасение явилось ко мне в виде нисобыкновенного, неведомо кем изобретенного летательного аппарата? Главное - я буду жить.

Вскоре огромный, размером с небольшой пароход, эллипсоид затмил небо над моей головой. Не помня себя от радости, я размахивал руками. Наверху кто-то кричал, но я не разобрал слов. Взвыла сирена, но я принял это за приветствие, вспомнив, как гудят пароходы, приближаясь к пристани.

Внезапно от корабля что-то отделилось и полетело вниз. Получив сильный удар в лицо, я упал навзничь. Лежа на камнях, я хрипел, оправляясь от падения и не понимая, почему на меня напали и что за оружие использовали.

Наконец я нашел в себе силы сесть и оглядеться. В радиусе нескольких ярдов от меня шебень и кусты были мокры, на земле появились широкие лужи. Сам я промок до нитки. Неужели это злая шутка, намек на то, что мне не мешало бы принять ванну? Не верится. Я поднялся на ного, со страхом ожидая, что с корабля снова хлынет вода.

Но в следующее мгновение я обнаружил, что он быстро снижается. Очевидно, вода служила балластом - избавляясь от нее, корабль приобретал маневренность. Мне следовало благодарить судьбу, что в качестве балласта не использовался песок.

Вскоре корабль завис футах в двадцати надо мной. Задрав голову, я разглядывал буквы на его корпусе и "Юнион Джек" на хвостовых плоскостях. Сомнений в реальности корабля у меня не возникало. однажды мне довелось видеть аэростат, управляемый мистером Сантос-Дюмоном, но он выглядел жалкой поделкой в сравнении с этим красавцем-гигантом. По-видимому, за последние два года прогресс шагнул далеко.

В днище металлической гондолы появилось круглое отверстие, из него высунулось веселое лицо с британскими чертами.

- Приятель, извини за холодный душ, - произнес воздухоплаватель с акцентом кокни, - но мы тебе кричали, хотели предупредить. По-английски понимаешь?

- Я англичанин! - хрипло выкрикнул я.

- Да что ты! Ну, потерпи минутку. - Лицо исчезло, но вскоре появилось вновь. - Все в порядке. Отойди-ка.

Я попятился, с тревогой ожидая, что меня снова обольют, но на этот раз с корабля сбросили веревочную лестницу. Обрадованный, я подбежал и схватился за перекладину, но кокни закричал:

- Куда?! Стой, чтоб тебя...

Конца фразы я не расслышал - меня потащило по камням. Не сразу догадался я разжать пальцы. Я упал ничком, а поднявшись, уже не пытался схватить лестницу.

- Стой на месте! - велел кокни. - Мы сейчас спустимся.

Из люка выбрались и полезли вниз двое щеголевато одетых мужчин. Их белый наряд очень походил на тропическую форму моряков, разве что на брюках и кителях была широкая голубая окантовка, а на рукавах - незнакомые эмблемы. Я восхищался, глядя, с какой непринужденной лов-

костью и быстротой они спускаются по раскачивающейся лестнице, разма-
тывая бечеву, один конец которой исчезал в корабельном чреве. Когда под
ногами нижнего воздухоплавателя осталось несколько перекладин, он
бросил мне бечеву.

- Действуй, приятель, - сказал он мне. - Обвяжись под мышками, а мы
тебя поднимем. Сумеешь?

- Сумею. - Я быстро выполнил его требование.

- Готово? Не развяжется?

Я кивнул.

- Берт, поднимай! - крикнул кому-то невидимому небесный "моряк".

Я услышал гул мотора, затем меня потащило вверх. Я завертелся вокруг
собственной оси. Сразу накатила тошнота. Свет в глазах померк. К счастью,
один из воздухоплавателей дотянулся до меня с лестницы и остановил,
схватив за ногу.

Должно быть, подъем длился не больше минуты - но эта минута
показалась мне часом. В конце концов я очутился в круглой комнате с
диаметром пола футов двенадцать и высотой стен футов восемь. Стены,
пол и потолок были металлические, как в орудийной башне броненосца.

Третий человек в форме - по всей видимости, тот самый Берт - заглу-
шил мотор лебедки, поднявший меня на борт. Двое матросов уже перебра-
лись через край люка. Ловко выбрав лестницу, они с лязгом опустили
крышку и задраили его.

Возле овальной двери в стене стоял четвертый воздухоплаватель. Он
тоже был в белом, его голову украшал тропический шлем, а плечи - погоны
с майорскими звездочками. Он был невысок, с лисьими чертами лица и
аккуратными черными усиками, которые поглаживал набалдашником офи-
церского стека. Лицо майора ничего не выражало.

Выдержав долгую паузу, он сказал:

- Приветствую вас на борту нашего корабля. Вы англичанин?

Я развязал на груди веревку и отдал честь, глядя в его темные глаза.

- Да, сэр. Капитан Освальд Бастейбл, сэр.

- Армия? Гм, странно. Ну, ладно, будем знакомы. Я - майор Хоуэл,
капитан "Перикла", патрульного корабля Королевской индийской воздуш-
ной полиции. - Он почесал стеком длинный нос. - М-да, занятно. Впрочем,
мы с вами еще поговорим. А пока отправляйтесь-ка в лазарет.

Он отворил овальную дверь и шагнул в сторону, уступая мне дорогу.
Сопровождаемый двумя матросами, я вошел в длинный коридор, где с
одной стороны была сплошная переборка, а с другой - борт со множеством
иллюминаторов, за которыми постепенно уменьшались развалины Теку
Бенга.

В конце коридора оказался еще один овальный люк, за ним - коридор
покороче. У двери с табличкой "Лазарет" мы остановились.

В лазарете я увидел восемь незанятых коек и разнообразные аксессуары
больницы (предназначение многих из них мне было совершенно незнако-
мо). Меня оставили в одиночестве, предложив раздеться и принять ванну.

Ванна возвратила мне силы. Выбравшись из нее, я облачился в пижаму (тоже белую с небесно-голубой окантовкой) и уселся на кровать в углу, застеленную специально для меня.

Признаться, я пребывал в некоем подобии транса. Просто в голове не укладывалось, что кровать, на которой я сижу, летит в нескольких сотнях футов над вершинами Гималаев. Корабль слегка покачивался, пол под ногами вздрагивал - казалось, я еду в поезде, в вагоне первого класса.

Через несколько минут в лазарет вошел корабельный врач. Он сказал несколько слов матросу-санитару, и тот раздвинул шторы на иллюминаторах. Врач был моложав, большую круглую голову украшала пышная рыжая шевелюра. Говорил он с легким шотландским акцентом.

- Капитан Бастейбл?

- Да, доктор.

- Как вы себя чувствуете?

- По-моему, я здоров. Во всяком случае, физически.

- Физически? Думаете, у вас что-то не в порядке с рассудком?

- Говоря откровенно, сэр, у меня такое ощущение, будто я сплю.

- У нас тоже возникло подобное чувство, когда мы увидели вас внизу.

Черт побери, как вам удалось добраться до этих развалин? Я считал, что это невозможно. - Разговаривая, он проверил мой пульс, посмотрел в зрачки, пощупал лоб - короче говоря, сделал все, что делают врачи, когда не видят у пациента явных симптомов болезни.

- Наверное, вы не поверите, если я скажу, что приехал туда верхом на лошади?

Врач хохотнул и сунул мне в рот термометр.

- Вы угадали, не поверю. На лошади? Ха-ха-ха!

- Так вот, - серьезно произнес я, когда он вынул термометр, - я действительно приехал туда верхом.

- Ну, конечно. - Определенно, он не поверил. - Возможно, вы в самом деле так считаете. Стало быть, ваша лошадь перепрыгнула через пропасть?

- В то время там не было пропасти.

- Не было пропасти? Ха-ха-ха! О, небо! Не было пропасти! Сэр, пропасть была всегда. Во всяком случае, она там уже очень давно. До Теку Бенга можно добраться только по воздуху. Наш капитан, майор Хоуэл, - археолог-любитель, ему разрешили исследовать эти места, а в будущем здесь, возможно, начнутся серьезные раскопки. Майор собаку съел на исчезнувших цивилизациях Гималаев.

- Едва ли можно считать Кумбалари исчезнувшей цивилизацией, - заметил я. - Ведь землетрясение произошло каких-нибудь два года назад. Я присутствовал при этом.

- Два года назад? Вы провели в этих богом проклятых развалинах целых два года? Бедняга! Надо сказать, вы прекрасно сохранились. - Внезапно он нахмурился. - Землетрясение? В Теку Бенга? Я ничего о нем не слышал. Может быть, вы имеете виду...

- На моей памяти в Теку Бенга не было землетрясений, - раздался твердый, авторитетный голос Хоуэла, вошедшего в лазарет в разгар нашей

беседы. Майор посмотрел на меня с любопытством, к которому примешивалось подозрение. - И мне весьма сомнительно, что вы провели в этих развалинах два года. Во-первых, там нечего есть, во вторых, вы могли попасть туда только с частной экспедицией. Но, насколько мне известно, два года назад там никто не летал.

Пришел мой черед улыбаться.

- Вы совершенно правы, сэр. В то время кораблей, как ваш, попросту не существовало. Я просто диву даюсь, как...

- Джим, думаю, ты должен хорошенько обследовать нашего пассажира, - обратился майор к врачу, легонько постучав себя по лбу. - Похоже, бедняга утратил всякое представление о времени. Капитан, когда вы отправились в Теку Бенга?

- Двадцать пятого июля, сэр.

- Гм. Какого года.

- Тысяча девятьсот второго, сэр.

Врач и майор озабоченно переглянулись.

- Именно тогда и произошло землетрясение, - тихо произнес Хоуэл. - в тысяча девятьсот втором. Погибли почти все жители, а также несколько английских солдат. О Боже! Уму непостижимо! - Его глаза снова впились в меня. - Похоже, дело нешуточное, молодой человек. Я бы не назвал вашу болезнь амнезией - по-моему это разновидность ложной памяти. А может, вы меня разыгрываете? Небось, увлекаетесь историей? Сдается мне, вы тоже археолог-любитель? Дадно, не волнуйтесь, скоро вы придете в себя и вспомните, что с вами случилось на самом деле.

- Сэр, вы не верите мне? Почему?

- Хотя бы потому, старина, что вы слишком молодо выглядите. Сегодня, да будет вам известно, пятнадцатое июля тысяча девятьсот семдесят третьего года. От Рождества Христова, разумеется. Ну что, скажете, это не довод?

Я расстерянно покивал.

- Извините, майор. В одном я с вами согласен: у меня не все дома.

- Будем надеяться, что это пройдет, - улыбнулся врач. - Скажите, а вы, часом не начитались Уэллса?

Глава V

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ УТОПИИ

Наверное, врачу и майору не следовало оставлять меня одного, хотя ими, несомненно, двигали самые лучшие побуждения. Перед тем как уйти, врач ввел мне подкожу какое-то лекарство, от которого меня стало клонить в сон. Но заснуть я не мог, поскольку уже не сомневался, что неведомые силы, таившиеся в подземелье храма Грядущего Будды, перенесли меня сквозь время. По-видимому, мой рассудок не пострадал, но если я и сошел с ума, не было смысла бороться со столь отчетливой и стойкой иллюзией - лучше считать окружающий мир реальным. Мне хотелось

поговорить об этом с Хоуэлом и врачом, спросить, не известны ли науке случаи, подобные моему, не доводилось ли им слышать о людях, якобы пришедших из другого времени?

Впрочем, если такие люди и появлялись, их, скорее всего, помещали в лечебницы для душевнобольных, а может быть, даже в тюрьмы. Если я дорожу свободой и хочу хорошенько познакомиться с миром будущего, а если повезет, найти дорогу в собственный мир, я должен вести себя осмотрительнее. История моего появления в Теку Бега кажется людям невероятной - так стоит ли настаивать на ее правдивости? Не лучше ли изображать амнезию? Майор Хоуэл полагает, что я - уцелевший участник какой-то экспедиции. Ну что ж, пусть так и будет. Приняв это решение, я с облегчением опустил голову на подушку и вскоре задремал.

- Корабль готов к посадке, сэр, - Услышав сквозь сон голос санитаря, я попытался сесть, но матрос удержал меня легким прикосновением руки. - Не о чем беспокоиться, сэр. Лежите, отдыхайте. Скоро мы причалим, вас отвезут в больницу. Просто капитан счел нужным сообщить вам, что мы уже прилетели.

- Спасибо, - произнес я слабым голосом.

- Вы обязательно поправитесь, сэр, - с сочувствием сказал матрос. - Должно быть, вам здорово досталось при восхождении. Да, с горами, особенно с Гималаями, шутки плохи...

- Кто вам сказал, что я - восходитель?

Санитар смутился.

- Никто, сэр, но другого объяснения мы не нашли...

- Гм... Ну что ж, наверное, вы правы. Еще раз спасибо, приятель.

- Не за что, сэр.

Посадки корабля я не заметил, если не считать ощущения уходящего из под ног пола, нескольких слабых толчков и легкого головокружения. Собственно, о том, что мы причалили, я догадался, только когда матросы начали отвинчивать болты, которыми моя койка крепилась к палубе.

Меня перевезли в тамбур, находившийся, по моим представлениям, в средней части гондолы. Огромная раздвижная дверь, ведущая наружу, сейчас была опущена и служила трапом; поверх ступеней лежали широкие доски.

Воздух снаружи был теплым и чистым. Койка подо мной вздрагивала, когда меня везли по зеленой траве поля к белому фургону с большими красными крестами на боках - несомненно, карете скорой помощи. Карета, судя по отсутствию лошадей, была самодвижущейся. Меня окружало множество башен, весьма похожих на Эйфелеву, но уступающих ей по высоте. Примерно половина этих огромных пирамид из стальных брусьев была занята, удерживая на месте свыше полудюжины кораблей. Большинство из них были значительно крупнее "Перикла". Далеко не все летучие гиганты принадлежали военному флоту - некоторые были раскрашены более броско, чем "Перикл", и на их бортах я прочитал названия торговых компаний.

Корабельный врач шагал рядом с моей койкой.

- Как самочувствие?

- Благодарю, уже лучше. Где мы?

- Не узнаете? Это Катманду. Здесь наша штаб-квартира.

Катманду! Подумать только, как изменился этот город! Семь десятилетий назад это была типичная восточная столица с древней архитектурой. Но теперь вдалеке за огромными причальными мачтами я видел многоэтажные здания - казалось, крышами они задевают облака. Виднелись среди них и старые непальские строения, но рядом с устремленными ввысь современными "столпами" они казались карликами.

Прежде чем меня внесли в карету, я успел заметить длинную стальную ленту на высоких серых опорах, которая тянулась от города к горизонту.

- Что это? - спросил я врача.

Он недоуменно посмотрел на меня.

- Это? Самая что ни есть обычная монорельсовая железная дорога.

- Вы имеете виду, что по этому единственному рельсу ходят поезда?

- Ну, конечно. - Он замолчал, входя в карету. Раздалось шипение, и двери закрылись. - Знаете, Бастейбл, порой вы удивляетесь чертовски правдоподобно. Хотелось бы выяснить, что с вами стряслось на самом деле.

Я воспользовался случаем, чтобы предложить свою версию:

- Может быть, это все-таки амнезия?

Койка подо мной дернулась - это поехала карета. Не услышав тарахтения двигателя внутреннего сгорания, я заинтересовался, что приводит в движение наш экипаж.

- Как что? Пар, естественно. Это самый обыкновенный паромобиль с двигателем Стенли.

- Вы уверены, что пар, а не бензин?

- Боже упаси! Нет ничего примитивнее бензинового двигателя. Паровой куда лучше, и вы должны это понимать. Я не хочу сказать, что вы намеренно вводите меня в заблуждение, но...

- Наверное, вам следует допустить, что я забыл все на свете, кроме своего имени. Возможно, мои воспоминания - не более чем иллюзии, порожденные смертельным риском и лишениями. Думаю, скоро выяснится, что я единственный уцелевший участник экспедиции, которая исчезла несколько лет назад.

- Возможно, - с облегчением кивнул он. - Это объяснение мне тоже кажется наиболее подходящим. Может быть, вы что-нибудь припомните? Например, имена ваших спутников?

- Боюсь, что нет.

- Ну что ж, не огорчайтесь, - сказал врач. - Будем считать, что первый шаг к выздоровлению вы уже сделали.

Карета остановилась, мою койку выкатили на платформу. Через металлическую дверь (отворяющуюся, как и дверь кареты, без помощи человека) я попал в чистый, ярко освещенный коридор.

- Вот мы и приехали, - сказал врач, когда меня доставили в комнату, такую же чистую и светлую, как коридор.

- Где мы?

- В больнице имени Черчилля, последнего вице-короля. Лорд Уинстон очень много сделал для Индии.

- Это не тот Черчилль, который писал репортажи с театра военных действий, а в девяносто восьмом дрался при Омдурмане в составе Двадцать первого уланского полка?

- Наверное, тот самый. По-видимому, это происходило в начале его карьеры. Вы весьма сведущи в истории.

Я улыбнулся.

- Должно быть, он малость остепенился, если стал вице-королем Индии.

Врач озабоченно посмотрел на меня.

- Разумеется, капитан. Завтра или послезавтра в Калькутту отправится санитарный поезд. Думаю, вам нужен специалист... по амнезии. Ближе, чем в Калькутте, таких специалистов нет.

Я хотел поинтересоваться, сильно ли изменилась Калькутта по сравнению с Катманду, но удержался. Затем, чтобы нарушить затянувшуюся паузу, заметил:

- Судя по всему, сейчас в этой стране царит мир.

- Да, пожалуй... Вам это покажется странным, но время от времени напоминают о себе группировки крайних националистов. Впрочем, нельзя считать эту проблему серьезной. Что касается войн, то их не было уже сто лет.

- Очевидно, у меня очень тяжелая форма амнезии, - улыбнулся я.

- А вот и ваша сиделка, - обрадованно произнес врач. - До свидания, Бастейбл. Не унывайте, все будет хорошо. - Он вывел сиделку в коридор и затворил дверь.

Одного краткого взгляда на сестру милосердия хватило, чтобы понять, насколько изменился мир с тысяча девятьсот второго года. Девушка была очаровательна, но не красота ее потрясла меня, а форма: белая с голубым юбка и блузка, а поверх аккуратно уложенных золотисто-каштановых волос - накрахмаленный колпак. Чем же, спросите вы, эта форма была необычна? Только тем, что подол юбки заканчивался по меньшей мере в двенадцати дюймах над полом, открывая моему взгляду пару самых прелестных лодыжек, которые мне доводилось видеть за пределами Лестер-Сквер. Впрочем, мне сразу пришло в голову, что во-первых, такая юбка практична, поскольку не стесняет ходьбы, а во-вторых, если все современные женщины одеваются подобным образом, непредвиденный вояж в будущее сулит мне весьма приятные впечатления...

Вскоре, потолковав в коридоре с врачом, сиделка вернулась. Наверное, я показался ей не совсем нормальным - настолько меня восхитила и смущала ее внешность. Было трудно видеть в этом создании, одетом как балетная танцовщица, обычную молодую женщину, между прочим, очень скромную и воспитанную. Я покраснел до корней волос, и она первым делом проверила мой пульс.

Чуть позже пришел майор Хоуэл. Подтащив к кровати металлический стул, он уселся и спросил:

- Ну, старина, как вы себя чувствуете?

- Гораздо лучше. Похоже, у меня амнезия. - Я повторял это так часто, будто хотел убедить самого себя.

- Вот и док так считает. Он говорит, вы сумели кое-что вспомнить.

- Кажется, я помню, как мы шли по горам, - честно ответил я.

- Вот и прекрасно. Уверен, скоро память вернется к вам полностью. Мне чертовски интересно будет вас послушать. Представляете, какая буде удача, если выяснится, что вы в самом деле из девятьсот второго?

- Что вы имеете в виду, сэр?

- Это очень поможет мне в работе. Видите ли, история и архитектура Теку Бенга - сплошная загадка. Просто диву даюсь, как в этом диком горном краю мог вырасти такой великолепный город. Сделанные нами аэрофотоснимки позволяют предположить, что в Теку Бенга долгое время соседствовали все культуры Земли. Вам это тоже кажется невероятным?

- Ничуть, - сказал я. - Более того, я могу предположить, что в Теку Бенга оставили свой след культуры, доселе неизвестные ученым. Я говорю об очень древних сооружениях...

- Да, я слышал нечто в этом роде, - кивнул майор. - Несколько легенд... Беда в том, что большинство жрецов погибло во время землетрясения, а простой народ крайне невежественен. Кумбаларийцы словно сговорились утаивать правду о Теку Бенга. К тому времени, когда в эту страну прибыли первые ученые, туземцы почти забыли свою историю. Я полагаю, вы пришли туда именно с этой целью? Искали следы исчезнувших цивилизаций? Чертовски опасное предприятие, друг мой. Даже я, имея в своем распоряжении воздушный корабль, не пошел бы на такой риск. Для этого нужна экспедиция, оснащенная по последнему слову техники - но и она не будет застрахована от гибели. Очень уж коварная в этих горах погода. - Он нахмурился. - Все-таки, почему я ничего не слышал о вас? Мне казалось, я неплохо знаком с историей изучения Кумбалари. Попытаюсь выяснить, в каком полку вы служили. Скоро вы все узнаете о себе, а потом вернетесь в Англию. Возможно, у вас там есть родственники.

- Вы очень добры ко мне, - сказал я.

- Ну что вы, это сущие пустяки. Может, вы все-таки историк? Не припоминаете?

- В некотором роде - историк, - улыбнулся я. - Очевидно, я много знаю о прошлом, и ничего - о настоящем.

Майор рассмеялся.

- Кажется, я вас понимаю. Я ведь и сам такой. Прошрое во многих отношениях чертовски привлекательнее настоящего, вы не находите?

- Мне трудно об этом судить, - ответил я со смехом.

Лицо майора стало серьезным.

- Ну, конечно. Значит, вам известно все, что происходило до тысяча девятьсот второго года, задолго до вашего рождения, и ничего из дальнейших событий. Определенно, это самая необычная разновидность амнезии, о которой мне доводилось слышать. Вы были очень хорошим историком, если ваши "воспоминания" столь подробны. Не могу ли я как-нибудь освежить вашу память?

- Наверное, сможете, если вкратце расскажете историю двадцатого века. - Я мысленно похвалил себя за то, что сумел подвести Хоуэла к этой идее.

Он пожал плечами.

- В сущности, ничего примечательного. Семьдесят лет мира и процветания, только и всего. Скучища.

- И ни одной войны?

- Ничего такого, что можно всерьез назвать войной. Последнюю занавушку, помнится, устроили буры.

- В Южной Африке?

- Да, в десятом. Бурам вдруг захотелось независимости. Пожалуй, у них имелось на то основания, но мы их утихомирили. Шесть месяцев мы дрались, а потом пошли на большие уступки. Я читал, это была очень кровопролитная война. - Он достал из кармана кителя портсигар. - Ничего, если я закурю?

- Пожалуйста.

- Угощайтесь.

- Спасибо. - Я взял сигарету.

Он криво ухмыльнулся, поднося к ней какую-то металлическую коробочку. Коробочка щелкнула, появился огонек. Прикуривая, я понял, что это за вещь: миниатюрная газовая горелка. Я с большим трудом отвел от нее взгляд.

- Признаться, я еще ни разу в жизни не играл роль учителя начальной школы, - смущенно проговорил майор, пряча горелку. - Но если мой урок хоть чуть-чуть вам поможет...

- Обязательно поможет, - уверил его я. - Расскажите о других великих державах - Франции, Италии, России, Германии...

- И Японии, - с неодобрением добавил он.

- У них тоже возникали проблемы с колониями?

- Возникали, но пустяковые. По мне, так иные державы заслуживают серьезных проблем. Особенно Россия и Япония. Не нравится мне, знаете ли, как они хозяйничают на своих территориях в Китае. - Он кашлянул, прочищая горло. - Правда, китайцы - еще тот народец. Неуправляемый... - Майор сделал глубокую затяжку. - Американцам тоже не мешало бы обращаться с туземцами помягче, особенно в Индокитае, но все же их методы куда гуманнее...

- У Америки есть колонии?

- Вас это удивляет? Есть. Куба, Панама, Гавайи, Филиппины, Вьетнам, Корея, Тайвань... Солидная империя. Но сами янки, разумеется называют ее иначе: Великое Американское содружество. У них очень натянутые отношения с Францией и Россией, но, к счастью, наше правительство делает все возможное, чтобы предотвратить войну. Бог с ними. Вот увидите, наша империя и Pax Britannica¹ переживут их всех.

- Между прочим, в девятьсот втором кое-кто предрекал развал Британской империи, - заметил я.

Мои слова развеселили майора.

1

Британский мир (лат.) Здесь и далее - примечания переводчиков.

- Развал? Вы, наверное, имеете в виду Редьярда Киплинга, Ллойда Джорджа и им подобных? Боюсь, нынче у Киплинга изрядно подмочена репутация. Он был беззастенчиво предан родине, но, кажется, перед смертью утратил оптимизм. Не погибни старик в бурской войне, он бы раскаялся в своем маловерии. Поверьте, мой друг: наша политика дала миру стабильность, которой он не знал прежде. Благодаря нам сохраняется равновесие власти, и, согласитесь, туземцам в наших колониях живется не так уж плохо.

- Да, Катманду очень изменился за эти годы.

Хоуэл снова устремил на меня настороженный, изучающий взгляд.

- Гм... Знаете, Бастейбл, порой мне кажется, что вы и впрямь провели на этой горе семьдесят лет. Признаться, очень непривычно слышать от молодого человека столь категоричные суждения о прошлом.

- Извините...

- Бросьте, вам не за что извиняться. Для докторов вы будете сущим подарком. - они с наслаждением вонзят зубы в ваши мозги. *

- А вы не очень-то стараетесь меня успокоить, - улыбнулся я и показал на окно. - Нельзя ли поднять жалюзи?

Он постучал пальцем по коробочке с тремя кнопками, лежащей на столике у кровати.

- Нажмите вот эту.

Я нажал указанную кнопку с изумлением увидел, как жалюзи медленно поднимаются, открывая вид на белые башни и воздухоплавательный парк за ними.

- Очевидно, вам эта картина непривычна. Я бы посоветовал принимать как само собой разумеющееся все, что увидите. Индия многим обязана этим кораблям. Империя тоже... да, если угодно, и весь мир. Ускорение пассажирских и грузовых перевозок, расширение рынка, повышение маневренности войск... Всего не перечать.

- Все-таки меня удивляет, как они держатся в воздухе. Я имею в виду, что баллоны, похоже, сделаны из металла.

- Из металла? - Он расхохотался. - Ей-Богу, Бастейбл, если бы не ваше плачевное состояние, я бы подумал, что вы шутите. Металл! Корпус изготовлен из бороволокна. Металл в конструкции тоже присутствует, но в основном - пластик.

- Пластик? Что это? - озадаченно спросил я.

- Гм... пластичный материал... его производят из химических веществ... Черт, вы должны были о нем слышать. Это нечто вроде резины, только разной прочности, формы и пластичности...

Оставив попытки понять майора, я просто принял к сведению существование пластика, как когда-то в школе принял к сведению существование непостижимого электричества. Утешением мне служило открытие, что многое в мире сохранилось в прежнем виде, а если и изменилось, то в лучшую сторону.

Самые непримиримые критики империализма, которыми изобилывала моя эпоха, как следует призадумались бы, окажись они сейчас рядом со мной. Видя за окном картину мира и процветания, я испытывал гордость за

свою расу и благодарил Всевышнего. Все указывало на то, что последние семьдесят лет белый человек с честью нес бремя забот, добровольно взваленное им на свои плечи.

Майор встал и подошел к окну. Глядя на высотные здания и мачты аэропарка и сжимая за спиной стек, он словно эхо отозвался на мои мысли:

- Какой восторг вызвало бы это зрелище у викторианцев... Исполнились все их мечты, воплотились все идеалы. Но нам еще рано почивать на лаврах. - Он повернулся ко мне. На его лицо падала тень, но я чувствовал устремленный на меня твердый взгляд. - А главная причина наших успехов - хорошо усвоенные уроки прошлого.

- Я знаю, что вы правы, сэр.

Он кивнул.

- Я тоже.

Внезапно он вспомнил о чем-то неотложном и отсалютовал мне стеком.

- Мне пора, старина. До скорой встречи.

Он направился к двери, и в этот момент здание содрогнулось от глухого удара. Вскоре издали донеслись рев сирен и звон колоколов.

- Что это, сэр?

- Бомба!

- Как? Здесь?

- Да. Анархисты. Сумасшедшие. Европейские смутьяны, не иначе. Индусы тут ни при чем. Это все немцы, русские и евреи. Им очень выгодны беспорядки у нас.

Он выбежал из палаты.

Вторжение насилия в безмятежность этого мира ошеломило меня. Я лег на кровать и повернулся к окну. По воздухоплавательному парку мчался военный автомобиль. Откуда-то донесся хлопок второго взрыва. Боже мой, неужели кто-то желает зла этой сказочной стране?

Глава VI

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЦЕЛИ

Раздумывать о причине диверсии не было смысла, как не было смысла ломать голову над загадкой моего путешествия сквозь время. После взрывов в Катманду события понеслись вскачь. Меня, словно редкий музейный экспонат, возили по всему миру. Из Катманду я выехал утренним поездом и к вечеру, сделав в пути несколько остановок, прибыл в Калькутту. Своими очертаниями локомотив монорельсовой дороги напоминал воздушный корабль, но изготовлен был целиком из стали и сверкал свежей краской и бронзовыми украшениями. Увлекая за собой пятьдесят вагонов, на прямых участках он достигал ужасающей скорости - почти сто миль в час. Двигатель локомотива, как мне сказали, работал на электричестве.

Калькутта мне показалась огромной. Она разительно переменялась с тех пор, когда я был там последний раз. Ее сияющие башни были намного выше так поразивших меня высотных зданий Катманду.

В центральной больнице Калькутты мною занималось два десятка эскулапов. Проведя всевозможные исследования, они дружно заявили, что ничего не понимают, и решили с первой же оказией отправить меня в Англию. Мысль о предстоящем полете ввергла меня в замешательство, поскольку я все еще не мог поверить в существование материала, который превосходит прочностью сталь, уступая ей в удельном весе, как не мог поверить в способность человека преодолеть такое огромное расстояние без единой промежуточной посадки.

В Англии проявили к моей персоне самый живой интерес, главным образом потому, что в списках офицеров, пропавших без вести за последние десять лет, капитан Освальд Бестейбл не значился. Однако, просмотрев списки командного состава моего полка, с момента его формирования, чиновники выяснили, что капитан Бастейбл действительно погиб в Теку Бенга в тысяча девятьсот втором году. Помимо докторов, мне теперь не давала покоя армейская контрразведка – ей очень хотелось узнать, что побудило Неизвестного (так именовали меня ее офицеры) вжиться в образ человека, погибшего свыше семидесяти лет назад. Очевидно, они подозревали во мне иностранного шпиона, но не могли этого доказать, как и я не мог доказать, что я – тот, за кого себя выдаю.

Итак, я сел на огромный коммерческий ВК – воздушный корабль – под названием "Гордость Дрездена". Совладельцами этого небесного лайнера были немецкая фирма "Крупп Люфтишфарт АГ" и британская "Викерз Империзл Эрвейз". Что же касается приписки, то "Гордость Дрездена" была английской и носила на корпусе и хвостовых плоскостях соответствующую символику, хотя ее экипаж наполовину, включая капитана, состоял из немцев. Я уже знал, что немцы первыми начали строить воздушные корабли, и долгое время лидерство принадлежало ныне не существующей компании "Цепелин". Англии и Америке удалось наверстать упущенное, общими усилиями создав бороволокнистый корпус и разработав способы подъема и опускания корабля без помощи балласта. В корпусе "Гордости Дрездена" находилось устройство, позволяющее очень быстро и в больших количествах нагревать и охлаждать гелий. Кроме того, на мостике этого суперлайнера была установлена электрическая счетная машина под названием "компьютер", следящая за курсом без помощи человека. Принцип действия двигателя я так до конца и не понял, приняв на веру, что он представляет собой газовую турбину, вращающую огромный винт, точнее, пропеллер в хвосте корабля. Кроме газового, корабль был оснащен вспомогательными нефтяными двигателями, позволяющими ему выправлять курс, а при необходимости и разворачиваться на триста шестьдесят градусов. Эти двигатели и сами могли поворачиваться, чтобы толкать лайнер вверх или вниз.

Но я забыл как следует описать "Гордость Дрездена". В длину эта великанша была свыше тысячи, а в высоту – свыше трехсот футов. Большая часть объема, разумеется, приходилась на долю газового контейнера, или "корпуса", к которому крепилась трехпалубная гондола. Нижняя палуба предназначалась для пассажиров первого, а верхняя – третьего класса. Впереди, в конусовидном носу, находился мостик; там, за всевозможными

"умными" механизмами, одновременно несли вахту более дюжины офицеров.

На стоянках "Гордость Дрездена" швартовалась к трем причальным мачтам - иначе ей было не удержаться на месте. Когда я впервые увидел ее в калькутском аэропарке (удаленном от города миль на десять), у меня аж дух захватило. Рядом с другими кораблями, среди которых были довольно крупные, она казалась китом, окруженным мелкой рыбешкой. Мне уже говорили, что она запросто поднимает четыреста пассажиров и пятьдесят тонн груза. Увидев ее, я поверил в это.

С небольшой группой пассажиров я поднялся в лифте на самый верх металлической клетки, которую представляла собой причальная мачта, и по крытой подвесной дорожке прошел в коридор, соединяющий мостик с гондолой. Палубу первого класса мне показывал лейтенант Джаггер, мой "проводник", - ему было поручено опекать меня до прибытия в Лондон. Роскошная обстановка нижней палубы бросалась в глаза, обслуга вела себя безукоризненно вежливо. Обилие новых впечатлений вскоре заставило меня забыть страх, а когда "Гордость Дрездена" отчалила и величественно поплыла к облакам, я чувствовал себя едва ли не более уверенно, чем на земле.

Весь полет от Калькутты до Лондона (с остановками в Карачи и Аделе) занял семьдесят два часа. Не обращая внимания на погоду, которая, прямо скажем, не баловала, мы за три дня пересекли Индию, Африку, Европу и три океана. Я видел проплывающие подо мной города, пустыни, горы и леса. Я проносился сквозь облака, казавшиеся живыми. Когда люди на земле мокли под дождем, я блаженствовал над тучами, в безмятежной синеве, под ярким солнцем. Я завтракал за столом, устойчивости которого, равно как и подаваемым на него яствам, могли позавидовать его собратья в отеле "Ритц", а подо мной мирно дремало Аравийское море. Я смаковал обед, а далеко внизу дышали зноем пески Сахары.

К моменту прибытия в Лондон я уже был страстным поклонником воздухоплавания. Никогда еще на мою долю не выпадало такого приятного путешествия.

Признаюсь, я казался себе самым счастливым человеком на свете. Едва не погибнув в страшном землетрясении тысяча девятьсот второго года, я волею судьбы перенесся в царство роскоши, в мир тысяча девятьсот семьдесят третьего, где, судя по всему, решены почти все проблемы. Разве это не величайшая удача, о которой можно мечтать? Не скрою, такие мысли приходили мне в голову. Мне еще только предстояло встретиться с Корженевским и остальными...

Прошу извинить меня за невольное опрежение событий. Постараюсь рассказывать все по порядку, чтобы передать вам свои впечатления.

Итак, на закате третьего дня мы пересекли Ла-Манш, и я увидел незабываемую картину - белые утесы Дувра. Вскоре мы описали круг над огромным аэропарком Кройдон и совершили посадку. Поскольку Пикадилли едва ли годится для стоянки воздушных кораблей, причальные мачты были возведены в пригороде Лондона. Как я узнал впоследствии, Кройдонский аэропарк был самым крупным в мире, его периметр достигал

двенадцати миль. Нет нужды говорить, что в нем было видимо-невидимо кораблей - больших и маленьких, торговых и военных, старых и новых. Пассажиры, прилетевшие из Индии, не проходили таможенный досмотр, поэтому сразу после посадки мы вышли из здания аэровокзала и сели на поезд, курсирующий по монорельсовой дороге между Кройдоном и Лондоном. В который раз я растерялся под натиском новых впечатлений; видя это, лейтенант Майкл Джаггер усадил меня в кресло и, предложив купленную на перроне газету, сел рядом.

Впервые с тех пор, как я оказался в будущем, в мои руки попала газета. Ее размеры и шрифт были мне непривычны, а многие аббревиатуры - незнакомы. Но за десять минут, пока поезд мчался к Лондону, я худо-бедно уяснил, о чем идет речь в передовице. Все Великие Державы подписали новый договор о твердых ценах на многие товары (с каким возмущением, должно быть, восприняли это известие сторонники свободной торговли!) и признании некоторых законов международными. В будущем, утверждал автор, человек, совершивший преступление на Тайване, не сможет укрыться от правосудия за морем, например, в японской Маньчжурии или британском Кантоне. Закон этот был принят представителями всех Великих Держав при тайном голосовании; объяснялось это резким ростом преступности, в чем повинны группировки анархистов, нигилистов и социалистов, склонных к насилию и готовых на все ради достижения своих целей. В газете были и другие статьи (содержания которых я по большей части не понял), были и малозначительные заметки. Одна из них, посвященная нигилистам, меня заинтересовала, поскольку в ней рассказывалось о недавних событиях в Катманду. "Подобные проявления насилия, - писал репортер, - в мире, уверенно идущем дорогой процветания, счастья и справедливости, лишены всякого логического объяснения. Что нужно этим безумцам? Несомненно, некоторые из них - туземные националисты, требующие для своей страны статуса доминиона, хотя она к нему еще не готова. Но чего добиваются остальные?"

"Неужели эта Утопия все-таки не идеальна?" - с сомнением думал я, выходя из вагона на вокзале Виктория, почти не изменившемся с тысяча девятьсот второго года.

Покинув здание вокзала, я увидел, что кругом светло как днем. Город был залит электрическим светом всех вообразимых цветов и оттенков. Каждая башня, каждый дом сияли россыпью огней. По многоярусным дорогам сновали самодвижущиеся экипажи, взмывая и плавно опускаясь, словно их несло ветром.

В этом Лондоне не было аляповатых афиш, светящихся реклам и безвкусных лозунгов. Когда мы сели в двухместный паровой экипаж и двинулись по одной из подвесных дорог, я заметил отсутствие еще одной черты моего Лондона: грязных трущоб. Бедность в этой стране была изжита, болезни - побеждены.

Боюсь, мне не хватит красноречия, чтобы выразить восторг, охвативший меня во время первого посещения Лондона семьдесят третьего. Его красота и чистота, а также вежливость его обитателей были безупречными. Люди, которые мне встречались, были сыты, благожелательны, очень

хорошо одеты и весьма довольны своей судьбой. На следующий после приезда день меня отдали на попечение доктору Петерсу, и он, уповая на то, что знакомые виды разбудят мою память, пригласил меня на экскурсию по городу. Я с честью выдержал это "испытание", сказав себе, что рано или поздно меня оставят в покое, и тогда я выберу себе профессию по вкусу. Возможно, снова пойду служить, благо к армейской жизни мне не привыкать. Но до тех пор, пока я не окажусь на свободе, надо делать все, что мне предложат и чего от меня потребуют.

Всюду, куда меня ни возили, я отмечал разительные перемены, произошедшие с некогда грязным, туманным городом. Туман ушел в прошлое: лондонский воздух был чист и свеж. На любом свободном от построек клочке земли росли деревья, кусты и цветы, среди них во множестве порхали бабочки и птицы. На ухоженных скверах били фонтаны. Иногда нам встречались музыканты, фокусники, клоуны или негритянские певцы в окружении толпы горожан.

Не все старинные здания разрушило время. Опрятные и прочные, будто только что построенные, передо мной вставали Тауэрский мост, Тауэр, собор св. Павла, здание парламента и Букингемский дворец - резиденция еще довольно молодого короля Эдуарда VII. Британцы остались прежними: они берегли самое лучшее из старого и охотно брали самое лучшее из нового.

Визит в семьдесят третий год казался мне прогулкой в мир мечты, и я подумывал, что если судьба будет благосклонна, эта прогулка продлится всю мою жизнь.

КНИГА ВТОРАЯ

**в которой рассказывается о
неожиданных поворотах событий,
разжаловании и нескольких несчастьях**

Не буду утаивать, что в последующие шесть месяцев я бил баклуши, симулируя амнезию. Как вы догадываетесь, ни один врач не сумел вернуть мне память. В конце концов мне самому стало казаться, что вся моя прежняя жизнь - не более чем очень реалистичный сон. Поначалу это беспокоило меня, но мало-помалу я привык и уже не слишком часто задавался вопросом, какой эпохе "принадлежу".

Ученые сочли меня феноменом, и вскоре я прославился - благодаря газетам. Заметки о моем загадочном появлении в Гималаях изобиловали домыслами; особенно щедро на них была бульварная пресса. Некоторые авторы обладали столь буйной фантазией, что, представьте себе, иногда бывали близки к истине. С бесчисленными интервью я снимался в кинематографе (изображения людей на экране могли уже не только двигаться, но и говорить), выступал по марконифону (это аппарат наподобие телефона, он принимает с центральной станции новости, пьесы и популярную музыку; чтобы слышать передачу, совсем не обязательно держать трубку возле уха - достаточно отрегулировать громкость приемника, который можно увидеть практически в каждом доме). Однажды я побывал на банкете, который почтил своим присутствием премьер-министр от партии либералов (либералы свыше тридцати лет кряду находятся у власти, а консерваторы близки к полному упадку). Там я узнал, что социалистическая пропаганда конца девятнадцатого - начала двадцатого веков в немалой степени отразилась на деятельности здравомыслящих политических деятелей, дав толчок многим реформам. Это позволило усыпить змею социализма, но недавно она, как ни странно, снова зашевелилась, норовя просунуть голову в мировую политику. Впрочем, этому вероучению не удалось широко распространиться на нашей родине, хотя находились фанатики и невразумительные интеллектуалы, искавшие в нем логическое обоснование своим бредовым фантазиям.

В эти месяцы я много путешествовал - по монорельсовой дороге, на воздушных кораблях, паровых и электрических автомобилях - посещая самые отдаленные уголки страны. Разумеется, в ней мало что сохранилось в прежнем виде. Все крупные города - так называемые конурбации - внешне походили на Лондон и были связаны между собой надежными средствами транспорта. Пользоваться этими средствами мог любой желающий - это было выгодно государству, а следовательно, поощрялось.

Численность населения изрядно увеличилась с начала века, а уровень жизни рабочего не уступал уровню жизни среднего англичанина моего времени. Тридцатичасовая рабочая неделя обеспечивала человеку сносное существование. Хорошее жилье было доступно каждому, а такой проблемы, как безработица, Англия не знала, поскольку очень многие охотно перебирались с Британских островов в колонии (Индию и Африку), протектораты, китайские провинции и доминионы (Австралию, Новую Зеландию, Канаду). Британцы тысячами (спасибо изобретателю воздушного ко-

рабля) селились в самых необжитых краях и всюду добросовестно выполняли свою миссию.

Природа сельской местности в Англии за семьдесят лет не пострадала. Совсем напротив: исчезла копоть, вылетавшая из топок локомотивов и оседавшая на деревьях, исчезли щиты с афишами вдоль дорог и прочие уродливые черты Британии начала века. Велосипед с электрическим двигателем был по карману даже нищему, а значит, человек весьма скромного достатка мог в любое время насладиться прелестями загородной поездки. Цены были низкими, а жалование высоким - квалифицированный рабочий получал до пяти фунтов в неделю и вполне мог накопить несколько соверенов на воздушное путешествие во Францию или Германию. Самый низкооплачиваемый труженик мог позволить себе визит к родственникам, живущим в отдаленном уголке Империи. Что касается темных сторон жизни, то их почти не осталось, поскольку исчезли социальная и нравственная основы зла. Мои современницы-суфражистки пришли бы в восторг, узнав, что в будущем женщины старше тридцати лет получают избирательные права, и встанет вопрос о снижении возрастного ценза до двадцати одного года. Лондонские девушки носили юбки ненамного длиннее, чем юные жительницы Катманду. Через два месяца я осмелел настолько, что стал приглашать девушек в театры и концертные залы. Чаще всего это были дочери врачей или армейских офицеров, в компании которых я проводил большую часть своего бесконечного досуга. По меркам моего времени, эти девушки были исключительно эмансипированы, занимая равное с мужчинами положение в обществе и не уступая им в откровенности высказываний. Поначалу эти высказывания коробили меня, но потом я стал находить в них некоторый шарм, как и в спектаклях с типичными чертами драматургии Бернарда Шоу (к счастью, политика в этих спектаклях отсутствовала).

Постепенно моя популярность увяла, затянувшиеся "каникулы в будущем" начали мне надоедать. Я отклонил предложение нескольких издательств написать мемуары (ведь у меня, как-никак, была "амнезия") и подумывал уже над выбором профессии, которая обеспечила бы меня приличным и честным заработком. Поскольку моя карьера начиналась в армии, я решил, если возможно, и дальше служить своей стране в чине офицера. С другой стороны, я вошел во вкус полетов на воздушных кораблях. Расспросив кое-кого из знакомых, я выяснил, что могу вступить в ряды только что сформированной специальной воздушной полиции - для этого не требовалось длительной подготовки, которую проходили пилоты. Для поступления в воздушную полицию необходимо было сдать несколько серьезных экзаменов, а затем пройти шестимесячный курс обучения, но я был уверен, что справляюсь. Во всяком случае, к дисциплине мне было не привыкать.

В новое подразделение полиции набирали по большей части офицеров сухопутных войск, но принимали также добровольцев из морского и воздушного флотов. Они были обязаны защищать гражданские суда от воздушных пиратов, выявлять и задерживать проникших на борт потенциаль-

ных диверсантов, воров и грабителей. Фанатики часто угрожали диверсиями, но серьезного вреда пока не причиняли.

Итак, я подал заявление, успешно сдал экзамены и стал кадетом Кардингтонского училища воздушной полиции. Я познал множество тайн, (например, принцип действия беспроволочного телефона, используемого для связи между кораблями и землей) постиг основы воздухоплавания и смысл многочисленных технических терминов, приобрел некоторые навыки пилотирования. Надо ли говорить, что практические уроки кораблевождения доставили мне гораздо большее удовольствие, чем изучение метеорологии и тому подобного? Хотя воздушный полицейский - не профессиональный пилот, при необходимости он может встать к штурвалу.

К концу первого года, прожитого в будущем, я получил звание лейтенанта специальной воздушной полиции Его Величества и назначение на "Лох-Несс".

"Лох-Несс" был вовсе не чудовищем, как я мог предположить, услышав это название, а небольшим, изящным и легким в управлении кораблем весом немногим более восьмидесяти и грузоподъемностью около шестидесяти тонн. Я был доволен своим назначением, несмотря на ворчание капитана, не сразу признавшего целесообразность моего присутствия на борту. Обычно чем меньше воздушный корабль, тем слабее на нем дисциплина, и малютка "Лох-Несс" не была исключением из этого правила, зато ее команде нельзя было отказать в сообразительности, добродушии и надежности. Наш корабль не предназначался для дальних рейсов, поскольку имел не пластиковую, а так называемую "мягкую" обшивку, и не был оснащен устройством автоматического контроля за температурой, которое препятствовало бы чрезмерному расширению газа в тропиках. Дальше Гибралтара я на нем не летал.

Служба на "Лох-Нессе" научила меня многому, и мне было жаль расставаться с ним - к воздушному кораблю привыкаешь точно так же, как к обычному. И все же пришлось уйти, потому что на "Лох-Несс" меня назначили для стажировки, по завершении которой Макафи, владелец "Лох-Несс", обратился к моему начальству с просьбой перевести исполнительного и скромного лейтенанта Бастейбла на лучший корабль его флотилии.

Недавно построенный "Лох-Итайв" был похож на "Тордость Дрездена" - первый коммерческий корабль, на котором мне довелось летать. Но только теперь я мог по достоинству оценить лайнеры этого класса. "Лох-Итайв" имел тысячу футов в длину. Он был оснащен восемью дизелями, по четыре с каждого борта, и пропеллерами, способными перемещать его вперед и назад. В двадцати четырех газовых резервуарах содержалось двенадцать миллионов кубических футов гелия. Каркас был изготовлен из так называемой "дюралю", что позволяло кораблю поднимать четыреста пассажиров и пятьдесят тонн груза. Крейсерская скорость "Лох-Итайва" составляла сто миль в час, а предельная - сто пятьдесят при хорошей погоде. Все механизмы, за исключением моторов и пропеллеров, размещались внутри корпуса. На корпусе имелись крытые переходы для ремонтников, а в случае серьезной аварии пассажиры и команда могли восполь-

зоваться парашютами, надувными лодками, спасательными жилетами и двумя "мягкими" воздушными шарами. Чтобы пассажиры не скучали, путешествуя в двух-трех тысячах футах над землей, к их услугам были граммофоны в каютах, рестораны, казино, а также кинематографический, танцевальный и спортивный залы.

Мы летали по "красным" маршрутам, то есть в страны с сомнительной формой правления (эти государства на карте были выкрашены в красный тон). Мы посещали Соединенные Штаты Америки, изрядно раздвинувшие свои границы, и Канаду; совершали кругосветные путешествия через Канаду, США, Британский Эквадор, Австралию, Гонконг, Калькутту, Аден и Каир. Я наблюдал за подозрительными пассажирами, изымая проносимое на борт оружие и взрывчатку, и принимая жалобы людей, пострадавших во время полета от мелких жуликов. Работа была необременительной, серьезные происшествия случались нечасто, и я мог как следует насладиться путешествиями. Среди наших пассажиров встречались высокопоставленные представители всех наций - индийские принцы, африканские вожди, британские дипломаты, американские конгрессмены, а однажды мы везли престарелого китайского Президента (с прискорбием должен отметить, что Китайская Республика на самом деле была зыбким союзом провинций, каждой из которых управлял какой-нибудь военачальник). Особенно меня впечатляли образованность и ум туземных вождей, в частности африканцев - если бы не цвет кожи, многих из них можно было принять за английских джентльменов.

Куда большая ответственность за безопасность "Лох-Итайва" и жизнь всех его пассажиров лежала на плечах капитана Хардинга, ветерана воздухоплавания, не летавшего разве что на самом первом корабле. В годы его молодости вождение небесных судов было делом отнюдь не безопасным. Мне сказали, что Хардинг командовал одной из "летучих мин", резервуары которых заполнялись взрывчатыми газами. Такие суда строили до крушения "Элефанта" в тысяча девятьсот тридцать шестом году. После этой катастрофы было принято международное соглашение о демонтаже "летучих мин".

Узнав Хардинга поближе, я понял, что ему не очень нравится служить на пассажирском лайнере, особенно сверхсовременном "Лох-Итайве". Но сама мысль об отставке претила ему. "Небо - естественная среда моего обитания, - говаривал он, - и будь я проклят, если променяю его на птичью клетку". Наверное, старик умер бы от тоски, если бы его лишили возможности летать.

Это был необыкновенно порядочный человек, и я вспоминаю о нем с глубоким уважением. Почти весь досуг я проводил в его обществе. "На черта, спрашивается, на этом корабле нужен капитан? - бывало, ворчал он. - Ведь им можно управлять по телефону из Лондона, настолько тут все автоматизировано".

Именно привязанность к капитану Хардингу погубила мою новую карьеру. За этим переломом последовали другие, пока наконец... Но опять я забегаю вперед.

Все началось с каприза погоды. Мы вылетели из Сан-Франциско, чтобы посетить Британский Эквадор, Таити и Тонга, а потом взять курс на запад. Можете обвинять стихию или вашего покорного слугу, но я считаю, что всему виной маленький калифорнийский скаутмастер Эган. Не оказавшись его на борту "Лох-Итайва", я бы не угодил в самую гущу событий, изменивших судьбы великого множества людей, а может быть, и судьбу всего мира.

Глава II

ЧЕЛОВЕК С ТОЛСТЫМ ПОСОХОМ

Мы пришвартовались в аэропарке Беркли, чтобы принять пассажиров и груз. Затянувшиеся поиски стоянки вынудили нас торопиться, чтобы не выбиться из графика. Я наблюдал за посадкой, поглядывая на огромные ящики, поднимаемые в трюм через погрузочные люки в днище корабля. Благодаря полусотне стальных тросов, притягивавших лайнер к мачте, он был совершенно неподвижен. Я не мог не испытывать гордости, глядя снизу на сверкающий серебристый корпус, круглые эмблемы с "Юнион Джеком" на огромных хвостовых плоскостях и яркую надпись на боку: КВФ 801. ЛОХ-ИТАЙВ. ЛОНДОН. АЭРОКОМПАНИЯ МАКАФИ. ЭДИНБУРГ. "КВФ" означало: "Королевский Воздушный Флот", число 801 - наш номер в судовом регистре.

Вокруг нас стояли на приколе корабли "Американских Императорских Воздушных Путьей", "Версальских Линий", "Австро-Прусской Королевской Воздухоплавательной Компании", "Российской Императорской Воздушной Компании", "Авиалиний Японии", "Итальянских Королевских Авиалиний" и множества компаний рангом ниже. Но "Лох-Итайв", на мой взгляд, был самым лучшим из этих лайнеров, и слава о нем гремела по всему миру.

В некотором отдалении от здания аэровокзала я разглядел зеленый электрический омнибус с последними пассажирами - подпрыгивая, он мчался по траве к нашей мачте. Меня уже предупредили, что на "Уильяме Рэндольфе Харсте" из "Американских Императорских" произошла поломка дизеля, и нам, поскольку мы летим почти тем же маршрутом, предстоит взять на борт часть пассажиров с этого корабля. Должно быть, в омнибусе ехали они.

До отлета оставались считанные минуты. Погрузка закончилась, я удостоверился, что грузовые люки задраены, и спустился с мачты.

Лифт, движущийся по центральному стволу мачты, предназначался для пассажиров и экипажа. Наземная служба пользовалась спиральной лестницей. Спускаясь на лифте, я видел, как техники бегут по ступенькам, спеша занять свои места. Топливные заправщики уже давно были отбуксированы.

Я остановился у входа в лифт, рядом с офицером из наземной службы, который проверял билеты у пассажиров и накладные на груз. Во внешности состоятельных американцев, поднимавшихся на борт "Лох-Итайва", не бы-

по ничего подозрительного. Правда, они казались немного раздраженными тем, что им приходится менять корабль.

При виде одного из стоящих в очереди людей я не удержался от улыбки. Он выглядел лет на пятьдесят и был одет в весьма примечательный наряд: шорты цвета хаки, гольфы, зеленая рубашка со множеством значков и широкополая коричневая шляпа. В руке он держал полированный посох с флажком. Самоуверенность, ясно читавшаяся на одутловатом красном лице, делало его внешность еще более комичной. Колени его были такими же красными, как и нос. Я решил, что вижу перед собой не успевшего переодеться комика из кинематографа или мюзик-холла. За ним стояло десятка два мальчишек лет двенадцати, в таких же костюмах, с такими же серьезными минами на лицах и с рюкзаками за спиной.

- Что это за маскарад? - спросил я офицера.

- Американский вариант молодежной бригады Баден-Пауэла. Разве вы не состояли в этой организации?

Я отрицательно покачал головой.

- А кто они такие?

- Скауты Рузвельта, - ответил офицер. - Кажется, называют себя "юны-ми берейторами".

- Я бы не сказал, что их предводитель так уж юн.

Краснолицый повернулся ко мне спиной. Ткань цвета хаки угрожала лопнуть на его упитанном заду.

- Не он один, - усмехнулся мой собеседник. - Знаю я таких, они не вырастут. Всю жизнь в скаутах. Их хлебом не корми - дай покомандовать.

- Рад, что не приставлен к ним нянькой, - с чувством произнес я, косясь на прыщавые личики под широкополыми шляпами. Дети нервничали - похоже, им еще не приходилось летать на воздушных кораблях.

Внезапно я вспомнил о своих обязанностях. На кожаном ремне, стягивавшем объемистое брюшко вожака скаутов, висела большая пистолетная кобура. Я подождал, пока офицер проверит у него билеты, затем приблизился и вежливо отдал честь.

- Прошу прощения, сэр, но при посадке на корабль оружие полагается сдавать эконому. Будьте любезны, отдайте револьвер. Вы получите его, как только...

Краснолицый раздраженно отмахнулся посохом и, скомандовав: "Мальчишки, за мной!" попытался пройти мимо меня.

- Извините, сэр, но я не пропущу вас на борт, пока...

- Я имею право носить оружие! Какого черта...

- Сэр, согласно международным правилам пассажиры с оружием на борт воздушных кораблей не допускаются. Отдайте мне револьвер под расписку, а по прибытии в... - я глянул на билет, - ...по прибытии в Сидней вы получите его обратно, мистер Эган.

- Капитан Эган! - рявкнул он. - Командир отряда берейторов!

- Капитан Эган. В противном случае вам придется остаться.

- На американский корабль меня пустили бы без всяких придирок. Подождите, я позову капитана...

- Капитан американского корабля тоже подчиняется международным правилам, сэр, - перебил я, выразительно глядя на часы. - Повторяю, мы будем вынуждены улететь без вас.

- Сопливый выскочка! - Красный цвет на физиономии предводителя скаутов превратился в пунцовый; в голосе звучала не только ярость, но и угроза. Впрочем, Эган тут же сник. Он расстегнул ремень, снял кобуру и, помедлив, протянул мне. Я достал пистолет.

- Воздушный, - проворчал Эган, - не очень мощный.

- Правила есть правила, сэр. У кого-нибудь из ваших... подчиненных есть оружие?

- Конечно, нет! Это моя привилегия! Я же был берейтором. Настоящим берейтором. Ушел в отставку одним из последних... За мной шагом марш! - скомандовал он, указывая посохом вперед, и затопал к лифту во главе своего отряда. Скауты все как один обожгли меня взглядом - им явно не нравилось, когда унижали их командира.

В кабине лифта оставалось свободное место, но я предпочел подняться по лестнице, так как сомневался, что сумею удержаться от смеха.

На корабле я отдал пистолет эконому, а расписку с первым же встреченным стюардом отослал капитану Эгану. Потом я поднялся на мостик. С минуты на минуту корабль должен был отчалить, и я не хотел пропустить это зрелище.

Один за другим падали швартовочные тросы. Я чувствовал подрагивание палубы - казалось, кораблю не терпится в небо. Тихо загудели моторы, в зеркалах заднего обзора медленно завертелись пропеллеры. Капитан посмотрел вперед, затем вниз, затем повернул зеркала. Удостоверясь, что за кормой тоже все в порядке, он отдал несколько приказаний, и матросы втянули в корпус трап, соединявший корабль и мачту. Теперь только канаты удерживали "Лох-Итайв".

- Мачтовый, жду разрешения на взлет, - произнес капитан Хардинг в телефон.

- Взлет разрешаю, сэр, - отозвался мачтовый диспетчер.

- Отдать концы!

"Лох-Итайв" вздрогнул и стал разворачиваться. Его нос по-прежнему гнезился в конусе мачты.

Все двигатели средний назад! - скомандовал капитан. - Рулевой-один, два градуса лево руля!

- Есть два градуса лево руля, сэр.

- Рулевой-два, пятьсот футов вверх.

- Есть пятьсот футов вверх, сэр. - Второй рулевой повернул огромный штурвал. Вокруг нас гудели и шелкали внушительных размеров приборы; в их показаниях запутался бы любой морской волк былых времен.

Просторный аэропарк таял внизу. Мы шли по кривой к мерцающей бухте Сан-Франциско, вдоль которой стояли на якоре крошечные суда. Как всегда, красавец "Лох-Итайв" безукоризненно слушался рулей.

И вот мы над океаном.

- Рулевой-один, пять градусов лево руля, - приказал капитан, склоняясь над консолью компьютера.

- Есть пять градусов лево руля, сэр.

В иллюминаторах правого борта показались небоскребы Сан-Франциско, раскрашенные во все мыслимые цвета.

- Рулевой-два, подъем на две тысячи футов.

- Есть две тысячи футов вверх, сэр.

Мы прорывались сквозь тонкую целену облаков. Погружались в безбрежное море голубизны.

- Всем дизелям - полный вперед!

Моторы взревели. "Лох-Итайв" летел к Южной Америке с постоянной скоростью сто двадцать миль в час, неся на борту триста восемьдесят пять пассажиров и сорок восемь тонн груза с легкостью орла, несущего в когтях мышь.

К вечеру об инциденте со скаутмастером знал весь экипаж. Офицеры спрашивали меня, как я намерен обуздать Ковбоя Робби - так кто-то из них окрестил Эгана. Я обещал держаться от него подальше, если только не выяснится, что он - диверсант. Однако, Эган явно не разделял моего миролюбия.

Вторая стычка между нами произошла в тот вечер, когда я совершал инспекционный обход корабля. Такие обходы, как правило, очень скучны и отнимают много времени.

В рекламных проспектах компании интерьер гондолы назван шикарным, и это соответствует истине. Особенно роскошна обстановка палубы первого класса. Пластиковая облицовка стен неотличима от мрамора, дуба, красного дерева, тика, стали, меди и золота. На огромных иллюминаторах вдоль всей гондолы - бархатные гардины и шелковые маркизы, на полу - толстые ковры с сине-красно-желтым узором, в залах отдыха и коридорах - удобные кресла. Залы отдыха, рестораны, курительные, бары и ванные обставлены по последней моде и оборудованы электрическими лампами. Именно эта роскошь и сделала "Лох-Итайв" одним из наиболее дорогих воздушных лайнеров, но большинство пассажиров считало, что путешествие на нем стоит тех денег, которые пришлось выложить за билет.

Я добрался до палубы третьего класса и уже подумывал, не повернуть ли обратно. Внезапно из бокового коридора, ведущего к столовой, выбежал капитан-берейтор. Он был вне себя от злости.

- У меня жалоба! - выкрикнул он, схватив меня за руку.

"Да уж понятно, что не благодарность", - едва не сорвалось у меня с языка. Я вопросительно поднял бровь.

- По поводу ресторана, - добавил он.

- У вас претензии к стюардам, сэр? - с облегчением предположил я.

- Я уже обращался к главному стюарду, но он не пожелал мне помочь.

- Эган сощурился. - Вы, кажется, офицер?

- Да, но я отвечаю только за безопасность корабля.

- А как насчет нравственности?

- При чем тут нравственность, сэр? - опешил я.

- Вот что я вам скажу, молодой человек. Я несу ответственность за своих скаутов и не хочу, чтобы их оскорбляли, чтобы им показывали дурной пример... Ступайте за мной.

Повинуясь скорее любопытству, нежели чувству долга, я проследовал за Эганом в столовую. Там довольно вяло играл джаз-бэнд и танцевало несколько пар. Посетители ели и беседовали, не обращая внимания на службу юных берейторов, сидевших за одним столом.

- Видите? - прошептал Эган. - Видите?

- О чем вы, сэр?

- Никто не предупреждал меня, что я окажусь на борту летающего храма Иезавели. Что беспутные женщины будут демонстрировать тут свои телеса! Смотрите, смотрите! Да, я не спорю, на этих девицах есть нечто, отдаленно напоминающее вечерние платья, но скажите, разве подобное зрелище типично для ночного Лондона? А эта омерзительная музыка! - Он указал на эстраду со скужающим оркестром. - Но что самое отвратительное, молодой человек, - зашепел он мне на ухо, - рядом с нами едят черномазые! Это не корабль, сэр - это настоящее гнездо разврата!

Рядом со скаутами сидели несколько молодых индусов. Сдав экзамены в Лондоне, они летели в Гонконг, чтобы поступить на государственную службу. Они были хорошо одеты и вели себя весьма пристойно, вполголо-са беседа между собой.

- Белых мальчиков вынуждают есть бок о бок с черномазыми, - продолжал Эган. - Вы должны помнить, что нас перевели на этот корабль, не спрашивая нашего согласия. На американском корабле...

Подошел главный стюард. Он смотрел на меня устало и с сочувствием. Я искал выход.

- Наверное, будет лучше, если ужин для этого пассажира и мальчиков подадут к ним в каюты? - спросил я главного стюарда.

- Ни за что! - В глазах Эгана появился безумный блеск. - Я обязан присматривать за детьми! Следить, чтобы они правильно питались и соблюдали гигиену!

Я был готов махнуть рукой и уйти, но тут стюард с непроницаемым лицом предложил поставить вокруг стола ширмы. Разумеется, они не могли оградить берейторов от музыки, зато вид индийских чиновников и "полуодетых" леди не будет оскорблять их чувства. Эган с кислой миной пошел на компромисс.

Он двинулся к своим подопечным, и тут двое из них бросились к нему навстречу. У одного, зажимавшего рот носовым платком, лицо было зеленым.

- Сэр, кажется, у Дубровского воздушная болезнь, - сообщил второй мальчик.

Я выбежал из ресторана, слыша за спиной истошные вопли Эгана:

- Врача! Врача!

Как известно, воздушная болезнь вызывается самовнушением, но она способна передаваться от человека к человеку. Вскоре, к немалому моему облегчению, она свалила всех бойскаутов вместе с Эганом.

Два дня, пока мы летели до Британского Эквадора, скаутмастера было не видно и не слышно, хотя одному из корабельных врачей, должно быть, пришлось туго.

В Куэто мы сделали короткую остановку, чтобы взять на борт несколько пассажиров, почту и две клетки с обезьянами для австралийского зоопарка.

Капитан Хардинг лично не сталкивался с Этаном, поэтому доклады о моих неурядицах вызывали у него только веселье.

- Надо помягче с ним, лейтенант, - сказал он, когда мы распивали бутылочку на мостике, что было исключительно офицерской привилегией. - Если хотите стать профессионалом, учитеесь ладить с пассажирами.

- Он не в своем уме, капитан. Видели бы вы его глаза!

Хардинг сочувственно улыбнулся, но я догадался, что участвовавшие инциденты со скаутмастером он объясняет моей неопытностью - ведь я, что ни говори, летал без году неделя.

Путешествие из Южной Америки к первому из островов Тихого океана было спокойным и приятным. Внизу расстилалась бескрайняя синяя гладь; над нами ослепительно сияло солнце.

Однако, когда показался атолл Пукапука, мы приняли по телефону сообщение о буре, разыгравшейся в районе Папезте. Вскоре телефонная связь прервалась из-за сильных помех, но трудностей с управлением кораблем мы пока не испытывали и надеялись прибыть на Таити по расписанию. Стюарды предупредили пассажиров о возможной болтанке. Стремясь уйти от штормового ветра, мы поднялись на высоту две с половиной тысячи футов. Инженеры в двигательных гондолах получили команду "полный вперед", но было поздно.

Внезапно свет за бортом померк; только призрачные серые лучи проникали через иллюминаторы. На мостике и в гондоле зажглись электрические лампы. Мгновение спустя разразилась гроза. Казалось, нас обстреливают тысячи пулеметов - с таким грохотом били о корпус градины. Температура на мостике падала с умопомрачительной быстротой, и мы дрожали от холода, пока не заработала автоматическая отопительная система. "Лох-Итайв" тоже подрагивал, уверенно пронизывая клубящуюся черную тучу. Страха мы не испытывали - корпус корабля надежно защищал нас от молний.

В конце концов мы вырвались из тучи и увидели внизу бушующее море.

- Рад, что я здесь, а не там, - ухмыльнулся Хардинг, глядя вниз. - Хорошо, что на свете существуют воздушные корабли.

Из телефонных приемников, установленных на мостике, зазвучала легкая музыка. Шкипер велел второму помощнику выключить их.

- Никак не возьму в толк, для чего это нужно.

Корабль неожиданно провалился на несколько футов. Мой желудок подскочил к горлу, а страх запустил в душу свои холодные щупальца. Впервые с тех пор, как майор Хоуэл подобрал меня в Теку Бенга, я испытал тревогу на борту воздушного корабля.

- Н-да, погода не балует, - пробормотал капитан, застегивая китель. - Вряд ли бывает хуже в это время года. Рулевой-два, как высота?

- Полный порядок, сэр.

Отворилась дверь, на мостик вошел третий помощник. Он был взволнован.

- Что случилось? - спросил я.

- А, дьявол! - воскликнул он. - Только что поцапался с твоим приятелем, Бастейбл. Чертов Ковбой! Закатил, понимаешь, истерику, требуя спасательные плоты и парашюты. Это же просто берсерк, а не пассажир! Сколько летаю, впервые встречаю такого! Втемяшил себе в голову, что мы падаем.

Я улыбнулся Хардингу, тот невесело ухмыльнулся в ответ.

- Что вы ему сказали? - спросил он третьего помощника.

- Кажется, мне удалось его немного успокоить. Знали бы вы, как хотелось врезать ему в челюсть!

- Ну, это уж совсем ни к чему, - сказал капитан, раскуривая трубку. Вряд ли хозяева погладят нас по головке, если он подаст в суд. К тому же, это особый случай - нельзя ударить лицом в грязь перед "Американскими Императорскими".

Третий помощник повернулся ко мне.

- Тебя он тоже страшал? Говорил, что у него большие связи в Вашингтоне? Обещал позаботиться, чтобы тебя вышвырнули со службы?

Я рассмеялся.

- Нет, до этого у нас еще не дошло.

Град забарабанил сильнее, ветер взревел, словно осерчав на корабль, вторгшийся в его царство. "Лох-Итайв" снова попал в воздушную яму и содрогнулся всем корпусом. Снаружи было темно как ночью, молнии клевали лайнер со всех сторон. Не зная, чем еще заняться, я направился к выходу, чтобы успокоить пассажиров.

Едва я протянул руку к двери, она распахнулась, и на мостик вбежал Эган - воплощение паники. За ним гурьбой ввалились бледные скауты.

Потрясая над головой посохом, Эган наступал на Хардинга.

- Я отвечаю за этих мальчиков! Мне доверена их жизнь! Я требую, чтобы нам немедленно выдали парашюты и спасательные плоты!

- Сэр, прошу вас немедленно вернуться в свою каюту, - спокойно произнес Хардинг. - Кораблю не угрожает никакая опасность. Если у вас разгулялись нервы, обратитесь к врачу - он даст вам успокоительное.

Ковбой Робби завопил что-то совершенно неразборчивое. Сунув в рот трубку, капитан повернулся к консоли и буркнул:

- Будьте любезны, сэр, покиньте мостик.

Я шагнул к Эгану.

- Сэр, полагаю, будет лучше всего...

Но Эган не слушал меня. Его мясистая пятерня ударила капитана по плечу.

- Капитан, вы от меня так просто не отвяжетесь. Я имею право...

Шкипер повернулся к нам и холодно произнес:

- Надеюсь, кто-нибудь выведет отсюда этого джентльмена.

Мы с третьим помощником схватили Эгана под руки и потащили к выходу. Вопреки нашим ожиданиям, он почти не сопротивлялся. Его трясло от страха.

В крытом переходе я подозвал двух матросов и поручил им отвести Эгана в его каюту. Меня возмутило бесцеремонное обращение скаутмастера с нашим капитаном, и я боялся, что не удержусь от рукоприкладства.

Возвратясь на мостик, я увидел, что Хардинг как ни в чем не бывало посасывает трубку.

- Чертов неврастеник, - проворчал он, ни к кому не обращаясь. - Ну, да Бог с ним. Надеюсь, шторм скоро утихнет...

Глава III

СТЫЧКА И... РАЗЖАЛОВАНИЕ

Когда мы наконец достигли берегов Таити и в поисках аэропарка спустились ниже облаков, стало ясно, что чудовищный тайфун обрушился и на остров. Воздушный корабль мотало, точно щепку, и рулевые изо всех сил старались удержать его на курсе.

Целые пальмовые рощи были выкорчеваны ветром; многие здания получили серьезные повреждения. В аэропарке уцелело только три мачты, и все оказались заняты - к ним было пришвартовано два корабля, удерживаемых паутиной дополнительных тросов.

Оценив обстановку, шкипер приказал первому рулевому кружить над аэропарком и покинул мостик. "Сейчас вернусь", - только и сказал он. Третий помощник подмигнул мне.

- Держу пари - пошел тыпнуть рому... А что прикажешь делать? Сначала шторм, потом этот Эган...

На полной скорости наш огромный корабль описывал круги над островом, борясь с завывающим ветром, который, похоже, не собирался стихать. Время от времени я смотрел вниз, на аэропарк, и видел, что ураган свирепствует и там.

Прошла четверть часа, а капитан все не возвращался.

- Что-то долго, - заметил я. - Не похоже на него.

Третий помощник попробовал связаться с каютой шкипера по телефону, но там никто не отвечал.

- Может, он уже идет сюда, - предположил помощник.

Через пять минут он послал свободного от вахты матроса проверить, все ли в порядке. Скорее тот в ужасе прибежал обратно.

- Капитан, сэр... Наверху, у склада парашютов... Кажется, он ранен, сэр. Доктор уже идет.

- У склада парашютов? Что он там делал?

Поскольку никто из вахтенных офицеров не имел права покинуть мостик без приказа, то с матросом отправился я. Мы прошли по узкому коридору, поднялись к офицерским каютам, миновали апартаменты шкипера и наконец оказались у подножья трапа, ведущего к хранилищу спаса-

тельного снаряжения. В полумраке я увидел лежащего в футе от лестницы капитана Хардинга и опустился рядом с ним на колени.

- Упал с этого треклятого трапа, - процедил он, морщась от боли. - Кажется, ногу сломал. - Корабль содрогнулся от очередного порыва ветра. - Эган, сволочь... Пытался вскрыть ящик с парашютами... Я поднялся, велел ему проваливать, а он толкнул меня... Ох!..

- Где он сейчас, сэр?

- Сбежал. Испугался, наверное...

Появился врач, осмотрел ногу капитана.

- Боюсь, это перелом. Вам надо немедленно в больницу.

Я перехватил полный страха взгляд шкипера. Если он сейчас окажется на земле, то окажется там навсегда: ведь Хардинг давно перешагнул пенсионный возраст. Скаутмастер Эган недрогнувшей рукой поставил точку на его карьере воздухоплателя. На всей его жизни. Попадись мне Эган в тот момент, я убил бы подлеца собственными руками!

Буря утихла, и через полчаса мы стояли у причальной мачты. Небо очистилось, показалось солнце, и остров засиял во всей своей красе. Если бы не несколько разрушенных зданий да сломанных деревьев, вы бы никогда не подумали, что здесь недавно бушевал тайфун.

Чуть позже я увидел, как медики осторожно подняли и понесли на нос корабля носилки с капитаном Хардингом, увидел, как его спустили на землю, где уже был разбит полевой лазарет... Я знал, что больше никогда не встречу со своим шкипером, и невыразимая печаль наполнила мое сердце. Господи, как я ненавидел Эгана! Никого в своей жизни я не презирал столь сильно. В этом мире Будущего Хардинг был одним из немногих людей, к кому я испытывал чувство привязанности. Наверное, из-за того, что Хардинг - старик, и потому ближе, так сказать, к моему времени, чем к своему собственному. А теперь нам приходится расставаться... Не могу передать, каким одиноким я чувствовал себя в эту минуту. Я решил уделить "капитану" Эгану особое внимание.

Мы пролетели над Тонга и держали курс на Сидней. При слабом (по сравнению с недавним штормом) встречном ветре скорость наша составляла почти сто двадцать миль в час.

Пока "Лох-Итайв" стоял на Таити, Эган и его скауты обедали за своими дурацкими ширмами, все остальное время почти не выходя из кают. Создавалось впечатление, что американец налуган собственной выходкой и рад, что легко отделался. Как-то раз мы случайно столкнулись в коридоре - он отвел взгляд и, не сказав ни слова, пошел своей дорогой. Однако затем произошло несчастье, послужившее толчком к дальнейшим событиям.

Однажды вечером, перед тем, как мы должны были прибыть в Сидней, на мостике прозвучал сигнал тревоги из столовой третьего класса. Идти и разбираться было моей обязанностью, и я нехотя отправился в обеденный зал. В углу, около ведущей на камбуз двери, толпились люди. Стюарды в белой форме, матросы в темно-синих мундирах, пассажиры в вечерних костюмах, их спутницы в коротких платьицах - все толкались и кричали, окружив человека, одетого в знакомые шорты цвета хаки и зеленую рубашку юного берейтора. Чуть поодаль кучкой стояли перепуганные скауты. С

побагровевшим лицом, отмахиваясь своим посохом от тех, кто хотел приблизиться. Эган что-то нечленораздельно вопил. Я разобрал только одно слово.

- Ниггеры! Ниггеры!.. Ниггеры!

В стороне несколько индийских клерков что-то втолковывали офицеру, который вызвал меня.

- Что здесь происходит, Муир? - спросил я.

Он покачал головой.

- Как я понял, этот джентльмен, - он указал на одного из индийцев, - попросил соль со стола мистера Эгана. В ответ мистер Эган ударил его... а затем взялся за его друзей.

Только теперь я увидел на лбу пострадавшего пассажира большущий синяк. Кое-как совладав с собой, я громко сказал:

- Так, господа! Не будете ли вы так любезны немного расступиться? Пожалуйста, отойдите.

Слава Богу, пассажиры и обслуживающий персонал послушались.

Эган, тяжело дыша и глядя вокруг себя безумными глазами, оказался в центре круга. Внезапно он отпрыгнул к ближайшему столу и пригнулся, держа посох наготове. Я должен был говорить вежливо - во-первых, чтобы не опорочить доброе имя компании и свой мундир, а во-вторых, чтобы Эган успокоился и больше никому не причинил вреда. Взять себя в руки оказалось непросто - ненависть к этому человеку переполняла меня - но я постарался хоть как-то извинить его, посмотреть на происшедшее с некоторой долей юмора.

- Все в порядке, капитан Эган. Если вы попросите прощения у джентльмена, которого ударили...

- Прощения? У этого ублюдка?

Эган взревел и замахнулся на меня посохом. Уклонившись, я перехватил его и, дернув, выволок американца из-за стола. Никто не осудил бы меня, если б я его ударил... но я не хотел уподобляться этому типу. Эган почти вплотную приблизил ко мне искаженное яростью лицо и прорычал:

- Отпусти мой посох... и иди целуйся со своими черномазыми, ты, британская свинья!

Этого я стерпеть уже не мог.

Я плохо помню, как нанес первый удар. Помню лишь, что бил, бил его, пока меня не оттащили; помню, как кричал что-то невразумительное о покалеченном шкипере. Помню кровь, струившуюся по разбитому лицу, его палку в моих руках - поднимающуюся и опускающуюся... Потом матросы оттащили меня, и стало вдруг очень тихо. Эган лежал на полу - весь в крови, без сознания, а может быть, даже мертвый.

Потрясенный содеянным, я обернулся и увидел ошарашенные лица скаутов, пассажиров, членов экипажа. Увидел бегущего ко мне второго помощника - ныне исполняющего обязанности командира корабля. Офицер склонился над Эганом, а я спросил:

- Он умер?

- Живехонек, - ответил кто-то. - А жаль...

Второй помощник повернулся ко мне.

- Освальд, бедолага! Что ты натворил? Теперь жди неприятностей.

Разумеется, я был отстранен от своих обязанностей и сразу по прибытии в Сидней доложил о случившемся в местное отделение СВП. Все мне сочувствовали, особенно когда офицеры "Лох-Итайва" рассказали во всех подробностях, как было дело. Однако Эган успел изложить газетам свою версию. И произошло самое неприятное.

"АМЕРИКАНСКИЙ ТУРИСТ ИЗБИТ ОФИЦЕРОМ ПОЛИЦИИ!" - так, к примеру, написала "Сидней Геральд". Большинство сообщений об этом инциденте, помещенных на первой полосе, носило откровенно сенсационный характер. Репортеры не забыли упомянуть и компанию, и название корабля. Прошлись они и по всей недавно созданной ЕИВ службе СВП. "Этого ли должны мы ждать от людей, призванных защищать нас?" - вопрошала какая-то газетенка. У пассажиров брали интервью, цитировали невразумительные оправдания, даваемые представительством компании в Сиднее... Прессе я, естественно, ничего не сообщил, и некоторые газеты расценили мое молчание как признание вины - мол, я первый набросился на Эгана, вознамерясь его убить безо всяких на то оснований. Потом пришла телеграмма от моего начальства: "НЕМЕДЛЕННО ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ В ЛОНДОН".

В моей душе поселилось уныние. Летя в Лондон на военном корабле "Беспощадный", я мог думать лишь о своей тяжелой судьбе. Оправдания ждать не приходилось, поскольку в этом деле оказалась замешана армия. Несомненно, я попаду под трибунал, и меня уволят со службы. Хорошенькая перспектива!..

Прибыв в Лондон, я был немедленно доставлен в небольшой военный аэропарк неподалеку от Лаймхауса, где находилась штаб-квартира СВП, и посажен под замок в казарме - до тех пор, пока командование и военное ведомство не решат мою участь.

В конце концов Эган был вынужден отказаться от своих обвинений, выдвинутых против каждого, кто находился на "Лох-Итайве", и признать, что в этом конфликте виноват он сам. Но на меня все еще смотрели косо, и угроза трибунала по-прежнему висела надо мной.

Несколькими днями позже меня вызвали к начальству. Генерал-майор Фрай, человек очень порядочный, вояка старой закваски, прекрасно понимал мое состояние, но, предложив сесть, высказал свое мнение крайне резко:

- Слушайте, Бестейбл, я знаю, через что вы прошли. Сначала амнезия, теперь этот... ну, скажем, приступ... Назовем это приступом ярости, договорились? Бывает. Но... видите ли, мы не уверены, что это не повторится. Я имею в виду... э-э... слабая черепушка и все такое... Ну, какое-нибудь пустяковое замыкание в мозгах... Понимаете?

Я криво усмехнулся.

- Думаете, я сумасшедший?

- Нет-нет. Конечно, нет. Скажем, шалят нервишки... Короче говоря, что бы у вас там ни было, я хочу, чтобы вы подали в отставку.

Он смущенно кашлянул и, не глядя мне в глаза, предложил сигару. Я отказался. Затем встал и отдал честь.

- Сэр, я все понимаю. И крайне признателен за то, что вы позволили мне самому сделать это. Разумеется, я подам в отставку... утром. Вас устроит?

- Вполне... Что ж, вы свободны. Жаль терять вас... Удачи, Бастейбл. Все офицеры на вашей стороне, поэтому, думаю, Макафи неприятностей не доставит. Кроме того, капитан Хардинг замолвил за вас словечко.

- Я не знал этого... Спасибо, сэр.

- Не за что. До свидания, Бастейбл. - Он встал и пожал мне руку. - Да, кстати. Мне сказали, что ваш брат хочет с вами встретиться. Сегодня вечером он будет ждать в Королевском Аэроклубе.

- Мой брат?

- А вы и о его существовании забыли?

Не было у меня никакого брата!.. То есть, было - целых три, но все остались в девятьсот втором. Чувствуя себя так, будто и впрямь сошел с ума, я вернулся к себе, написал рапорт об отставке, собрал нехитрые пожитки, переоделся в штатское и, поймав электрокэб, поехал на Пикадилли - в Королевский Аэроклуб. Зачем кому-то понадобилось выдавать себя за моего брата? Конечно, есть простое объяснение - ошибка, но я не был в этом уверен.

Глава IV

"БРАТИШКА" ИЗ БОГЕМЫ

Я глядел в окно мягко движущегося кэба и старался собраться с мыслями. С тех самых пор, как произошла стычка с Эганом, я находился в каком-то заторможенном состоянии, и только теперь, когда казармы остались позади, до меня начал доходить смысл всего происшедшего. С одной стороны, я легко отделался... Однако все мои усилия стать гражданином общества семьдесят четвертого года оказались тщетными. Сейчас, как никогда раньше, я чувствовал себя чужим в этом мире. Я уронил честь офицера; я оказался не у дел. То, что виделось мне волшебной грезой, обернулось жутким кошмаром.

Я вынул часы. Было всего лишь три часа пополудни - до вечера, как ни крути, еще далеко. Какой прием окажут мне в КА? Я по-прежнему являлся его членом, но вполне вероятно, что меня решат исключить - точно так же, как исключили из СВВ. Лучше всего не показываться в клубе, чтобы не быть в тягость посетителям.

Постучав в крышу, я приказал кэбмену остановиться у ближайшего входа на пешеходный уровень, расплатился и вышел.

Безо всякой цели бродил я по огромным сводчатым галереям, блуждал между изящных колонн, поддерживающих транспортные уровни, рассматривал экзотические товары, в изобилии выставленные в витринах - товары,

привезенные со всех уголков Империи и напоминающие о странах, которые я, возможно, больше не увижу...

Чтобы отвлечься, я заглянул в кинематограф, где шла музыкальная комедия. Действие ее происходило в шестнадцатом веке. В роли сэра Френсиса Дрейка снимался американский актер Хэмфри Богарт, а шведская актриса Грета Гарбо (подозреваю, жена Богарта) играла королеву Элизабет. Фильм оставил у меня самые светлые воспоминания за весь день.

Около семи часов я появился в клубе и, никем не замеченный, проскользнул в приятный сумрак бара. Стены его украшали десятки эмблем известных воздушных судов; за столиками сидело несколько завсегдатаев, но, к счастью, никто меня не узнал. Я заказал виски с содовой и залпом выпил. Потом заказал еще, и тут кто-то дотронулся до моей руки. Уверенный, что меня сейчас выставят за дверь, я обернулся и увидел бодро ухмыляющегося молодого человека, одетого по дикой моде старшекурсников Оксфорда: непривычного покроя сюртук с бархатными лацканами, парчовый жилет, галстук малинового цвета и брюки - узкие на бедрах и необычайно широкие у щиколоток. Черные длинные волосы незнакомца были зачесаны назад без пробора... Короче, этих так называемых "эстетов" вы можете встретить и сейчас, в девятьсот третьем. К подобным щеголям из богемы я всегда относился с некоторым подозрением. Мне стало как-то не по себе - ведь я старался не привлекать внимания, а теперь все посетители бара крайне неодобрительно косились на этого типа рядом со мной. Как будто не подозревая о реакции, которую вызвало его появление в клубе, молодой щеголь схватил мою руку и тепло пожал.

- Освальд, братишка!

- Освальд Бастейбл, - представился я. - Но, боюсь, не тот, который вам нужен. У меня нет братьев.

Он склонил голову набок и ухмыльнулся.

- Почему знать, почему знать... Ведь у тебя амнезия, не так ли?

- Э... да. - В самом деле, трудно было отказываться от брата, одновременно настаивая на потере памяти. Я попал в дурацкое положение. - Почему ты не объявился раньше? Когда газеты писали про меня всякую чушь?

Он потер подбородок и весело ответил:

- А я был далеко. В Китай летал, ей-Богу. Но не будем об этом.

- Слушай-ка, - тихо сказал я, теряя терпение, - ты ведь сам, черт побери, прекрасно знаешь, что я тебе не брат. Ума не приложу, чего тебе надо, но лучше оставь меня в покое.

Он вновь ухмыльнулся.

- Совершенно верно, мы даже не родственники. Если серьезно, то меня зовут Демпси. Корнелиус Демпси. Дай, думаю, представлюсь вашим братом - вдруг поверите, или в вас проснется любопытство. Однако это забавно, - он с хитрецей посмотрел на меня, - полная амнезия, и тем не менее вы уверены, что брата у вас нет. Останемся поболтать или выпьем где-нибудь в другом месте?

- Не уверен, мистер Демпси, что мне понравится ваше общество. Вы, между прочим, так и не объяснили, зачем был нужен этот обман. Жестокая шутка, не находите?

- Пожалуй, - небрежно ответил он. - А с другой стороны, вы могли по какой-то причине симулировать амнезию. Скрываете что-то от властей, да?

- Не ваше дело. И уверяю вас, мистер Демпси, что имя Освальд Бастейбл я ношу с колыбели. А теперь будьте любезны, оставьте меня одного. И без вас проблем хватает.

- Бастейбл, старина! Я за тем и пришел. Простите, если обидел вас, но, ей-Богу, я хочу помочь. Уделите мне полчаса. - Он огляделся. - Тут за углом есть местечко, где мы можем спокойно пропустить по стаканчику.

Я вздохнул.

- Ну, ладно. - В конце концов я ничего не терял. Мне вдруг пришло в голову, что юный щеголь, такой самоуверенный и невозмутимый, знает обо мне правду... Но я отбросил эту мысль.

Покинув КА, мы свернули на Берлингтонский пассаж - одно из немногих мест, почти не изменившихся с девятьсот второго года, - и двинулись по Джермин-стрит. Наконец Демпси остановился у не приметной двери и постучал медным молоточком. Дверь отворила старуха. Оглядела нас с ног до головы и, узнав Демпси, впустила в темную прихожую. Откуда-то снизу доносились голоса и смех. По запаху я понял, что попал в трактир.

Мы спустились по ступеням и оказались в скудно освещенном помещении, заставленном грубыми столами, за которыми сидели юноши и девушки, облаченные в такие же, как у Демпси, наряды. Несколько человек приветствовали моего спутника. Мы прошли между столами и заняли отдельный кабинет. Тут же появился официант; Демпси заказал бутылку красного *vin ordinaire*¹.

И здесь я чувствовал себя не в своей тарелке - впрочем, не так сильно, как в КА. Я впервые увидел изнанку лондонской жизни, в существовании которой верилось с трудом. Подали вино, и я сразу осушил большой бокал, с горечью подумав: "Будь я изгнанником, я бы терпимее относился к подобного рода заведениям". Демпси, откровенно потешаясь, смотрел, как я пью.

- Не бывали в этом подвальчике?

- Нет. - Я налил себе еще вина.

- Расслабьтесь. Атмосфера здесь приятельская, непринужденная. Как вино?

- Превосходное. - Я откинулся на спинку стула и попытался взять себя в руки. - Итак, мистер Демпси?

- Насколько я понимаю, вы пока не у дел.

- Вы преуменьшаете. Кажется, я остался без работы навсегда.

- Ну, это одно и то же. Короче, мне случайно стало известно, что в одном месте требуются люди. На воздушном корабле, если это вас инте-

¹ столовое вино (франц.)

решает. Я уже переговорил с хозяином, и он не прочь взять вас. Он знает вашу историю.

Во мне зародилось подозрение.

- А что за работа, мистер Демпси? Никакой уважающий себя шкипер не примет...

- Этот шкипер - один из самых порядочных людей, которые когда-либо командовали воздушным кораблем. - Демпси отбросил шутливый тон. - Я восхищаюсь им. И вам он понравится, уверен. Такого кристально честного человека еще поискать.

- Тогда зачем...

- Его корабль - дряхлая развалюха, ничуть не похожая на ваш лайнер. Старая модель, исповоротливая. Перевозит грузы, от которых другие капитаны отказываются. Работа не пыльная, но подчас опасная. Ну, вы понимаете, о чем я говорю.

- Думаю, да. - Я отхлебнул вина. Это была невероятная удача, шанс, на который я и рассчитывать не мог. Известно, что на маленьких, "вольных" кораблях постоянно не хватает рук - ведь на больших платят гораздо больше. И тем не менее в этот момент я был серьезно озабочен - все клял себя за глупую выходку на "Лох-Итайве". - А вы уверены, что капитан знает обо всем? Ведь меня неспроста вышибли из полиции. Вам это известно?

- Да, известно, - с чувством ответил Демпси. - И я восхищаюсь вами.

- Восхищаетесь? Почему?

- Скажу лишь, что не терплю таких типов, как Эган. И очень рад, что вы вступились за тех индийцев. Значит, сердце у вас не каменное, как и у всех порядочных людей.

He уверен, что я правильно оценил похвалу из уст этого юноши.

- Индийцы здесь ни при чем, - пожал я плечами. - Я ненавижу Эгана за то, что он покалечил нашего шкипера.

Демпси улыбнулся.

- Как вам угодно, мистер Бастейбл... В общем, для вас есть работа. Беретесь?

Я допил второй бокал и нахмурился.

- Даже не знаю...

- Не хочу принуждать, но позвольте заметить: вряд ли вам предложат нечто лучшее, чем временная работа палубного матроса.

- Это мне известно.

Демпси раскурил длинную "шерут"¹.

- Может быть, у вас есть друзья, которые подышут вам работу на земле?

- Друзья?.. Нет у меня друзей. - Это было правдой. Из всех знакомых только капитана Хардинга я мог считать своим другом.

- Вот видите. Кроме того, вы летали. Сумеете управиться с кораблем, если придется?

- Наверное... Я сдал экзамен на второго помощника... но в практике, боюсь, слабоват.

1

Сорт сигар с обрезанными концами.

- Ерунда, научитесь.
- Откуда вы знаете этого капитана? - спросил я. - Разве вы не студент? Демпси потупил взор.
- Старшекурсник, вы хотите сказать? Был когда-то. Но это отдельная история. Видите ли, с тех пор, как вас нашли на вершине горы, я пристально слежу за вами. Можно сказать, вы пленили мое воображение.
- Я рассмеялся - впрочем, без особого веселья.
- Что ж, очень великодушно с вашей стороны предложить мне помощь. Когда я увижусь с капитаном?
- Нынче же вечером, хорошо? - Демпси улыбнулся во весь рот. - Можно поехать в Кройдон на моей машине. Что скажете?
- Я пожал плечами.
- Почему бы и нет?

Глава V

КАПИТАН КОРЖЕНЕВСКИЙ

Демпси вел паромобиль на огромной скорости, и я не мог не восхищаться мастерством, с которым он управлял своим старым "морганом". В Кройдон мы прибыли через полчаса.

Куда ни кинь взгляд, все говорило о том, что это не просто город, а огромный аэропарк: большинство гостиниц носило названия знаменитых воздушных кораблей, на улицах нам то и дело встречались аэронавты из разных стран. Кройдон был шумным, суетным - очень похожим на портовые города моей эпохи. (Наверное, я должен говорить обо всем этом в будущем времени - "Кройдон станет похож..." и так далее, но это нелегко, ведь грядущее осталось в моем прошлом).

Демпси въехал во двор небольшой гостиницы на одной из задних улочек. Гостиница называлась "Приют воздухоплателей" и в давние времена была, очевидно, конюшней при постоялом дворе. Нет нужды говорить, что находилась она в старом районе города и резко контрастировала со сверкающими стеклом и сталью высотными зданиями, которыми в основном был застроен Кройдон.

Мой спутник провел меня через большую гостиную, где отдыхали пожилые аэронавты, предпочитающие атмосферу "Приюта воздухоплателей" стерильному воздуху современных отелей. Мы поднялись по лестнице и прошли до конца коридора - к торцевой двери. Демпси постучал.

- Капитан!.. Сэр, можно к вам?

Я был удивлен почтительным тоном Демпси.

- Входите.

Мы оказались в уютном однокомнатном номере. Огонь, разоженный не столько для тепла, сколько для освещения, сверкал на каминной решетке. В глубоком кресле сидел пожилой - лет шестидесяти - человек с бородой, подстриженной в имперском стиле, и прической под стать бороде. Над резко очерченным ртом нависал огромный, похожий на клюв нос;

водянисто-голубые глаза смотрели твердо и проникающе. Поднявшись на ноги, старик оказался сравнительно небольшого роста, но ладно сложенным.

- Капитан Корженевский, лейтенант Бастейбл, - представил нас Демпси.

Мы обменялись рукопожатиями. Ладонь капитана была сухой и крепкой.

- Здравствуйте, лейтенант. - Говорил он с сильным акцентом, но слова произносил четко. - Рад встрече.

- Здравствуйте, сэр. Лучше говорите мне просто "мистер". Сегодня я подал в отставку. Ушел из СВП. Теперь я обыкновенный штатский.

Улыбнувшись, Корженевский подошел к массивному дубовому бару.

- Итак... мистер Бастейбл, что вам налить?

- Виски, если не возражаете.

- Добро. А вам, юноша?

- Я вижу у вас там "шабли"¹... Стаканчик, с вашего позволения.

- Добро.

Корженевский был одет в толстый белый свитер под горло и темносиние брюки от формы офицера гражданского воздушного флота. Над письменным столом висел китель с капитанскими знаками различия и помятая фуражка.

- Сэр, я передал ваше предложение мистеру Бастейблу, - сообщил Демпси, беря бокал. - Вот почему мы здесь.

Корженевский задумчиво приложил палец к губам и посмотрел на меня.

- Несомненно... - пробормотал он. - Несомненно... - Передав мне бокал, он вернулся к бару и, налив себе совсем чуть-чуть виски, щедро разбавил его содовой. - Видите ли, мне позарез нужен второй помощник. Я мог бы взять человека, у которого хватит опыта, да вот беда - среди англичан такого не найти, а иностранца брать не хочу. А о вас я читал. Вы несколько вспыльчивы, да?

Я отрицательно покачал головой. Мне захотелось быть полезным Корженевскому, поскольку в первую же минуту я почувствовал симпатию к этому человеку.

- Не всегда, сэр. Это были... м-м... особые обстоятельства.

- Я так и думал. До недавнего времени у меня был второй помощник - парень по фамилии Марло. Он попал в переделку под Макао.

Нахмурившись, капитан взял со стола коробку "шерут", начиненных черным табаком, и предложил нам. Демпси, усмехнувшись, отказался - в отличие от меня. Корженевский пристально смотрел мне в глаза - казалось, взгляд его проникает в самую душу. Все движения капитана были неторопливы и рассчитаны, говорил он несколько тяжеловесно.

¹ Шабли - белое бургундское вино.

- Вас нашли в Гималаях. Полная потеря памяти. Потом вы служили в аэрополиции. Подрались с пассажиром на "Лох-Итайве", здорово его покалечили, потому что потеряли голову... Пассажир был несносен, а?

- Да, сэр. - На вкус сигара оказалась неожиданно мягкой и сладковатой.

- Насколько я знаю, он не желал сесть рядом с какими-то индийцами?

- Среди всего прочего, сэр.

- Понимаю. - Корженевский бросил на меня пронзительный взгляд.

- Сэр, Эган повинен и в том, что наш шкипер сломал ногу, - добавил я.

- Иными словами, старик надолго прикован к постели. Он этого не вынесет.

Корженевский кивнул.

- Знаю, каково ему. Я давно с ним знаком. Отличный авиатор. Значит, ваш проступок состоит в излишней верности?.. Что ж, в некоторых обстоятельствах это очень серьезное преступление, не правда ли?

В его словах, казалось, был скрытый смысл.

- Полагаю, да, сэр.

- Добро.

- Мне кажется, сэр, - вставил Демпси, - это наш человек - по характеру, во всяком случае.

Корженевский поднял руку, призывая юношу к молчанию, потом отвернулся и некоторое время в глубокой задумчивости смотрел на огонь.

- Я - поляк, мистер Бастейбл, - наконец сказал он. - Живу в Брайтоне, но родился в Польше. Если б я вернулся на родину, меня бы тут же расстреляли. И знаете, почему?

- Почему, сэр?

Корженевский улыбнулся и развел руками.

- Потому что я поляк.

- Сэр, вы изгнанник? Русские?

- Именно. Русские. Польша - часть их империи. Я чувствовал, что это несправедливо, что народы должны сами решать свою судьбу. Я так и заявил... много лет назад. Меня услышали и изгнали. Вот почему я пошел служить на британский торговый флот. Потому что я - патриот Польши.

Недоумевая, зачем он все это рассказывает, я чувствовал, что тому есть веская причина, и слушал внимательно. Капитан повернулся ко мне.

- Как видите, мистер Бастейбл, оба мы - отверженные. Не по своей вине, а по воле рока.

- Понимаю, сэр. - Я все еще пребывал в замешательстве, но не произнес больше ни слова.

- Я - хозяин своего судна, - сказал капитан. - Это небольшой, но хороший корабль. С виду он, правда, не ахти... Хотите стать членом его команды?

- Почту за честь, сэр. Я вам очень признателен...

- Пустое, мистер Бастейбл. Мне нужен второй помощник, вам нужна работа. Жалованье невелико - пять фунтов в месяц, зато полное довольствие.

- Благодарю, сэр.

- Добро.

Я никак не мог понять, что связывает молодого шеголя и старого шкипера. По всей видимости, они были хорошо знакомы друг с другом.

- Ночь можете провести в этой гостинице, если вас устроит, - продолжал капитан, - а завтра приходите в аэропарк. В восемь часов, идет?

- Да, сэр.

- Добро.

Я взял свою сумку и выжидательно посмотрел на Демпси. Тот бросил взгляд на капитана, улыбнулся и похлопал меня по плечу.

- Устраивайтесь, а я попозже к вам загляну. Надо обсудить с капитаном кое-какие вопросы.

По-прежнему недоумевая, я попрощался с моим новым начальником и вышел. Закрывая за собой дверь, услышал голос Демпси:

- Так вот, что касается пассажиров...

На следующее утро, сев в омнибус, я отправился в аэропарк. Жизнь там была ключом. Прибывали и отправлялись в рейс воздушные суда, похожие на исполинских пчел, вьющихся вокруг исполинского улья. Их корпуса в лучах осеннего солнца отсвечивали золотом, серебром и алебастром. Демпси, перед тем, как покинуть меня прошлым вечером, сообщил название корабля - "Скиталец" (весьма романтично, подумалось мне), а начальство парка уверило, что он пришвартован у мачты номер четырнадцать. Только теперь, в холодном свете дня, мне пришло в голову, что слишком уж поспешно согласился я на эту работу... Однако отступать было поздно. Впрочем, я всегда смогу уйти с корабля, если пойму, что там что-то неладно.

Дойдя до мачты номер четырнадцать, я обнаружил, что она занята громадным русским лайнером, на который поспешно поднимали какой-то огнеопасный груз. Никто вокруг не имел представления, где находится "Скиталец".

Спустя полчаса, проведенных мною в бесплодных поисках, меня направили на другой конец поля - к мачте номер тридцать восемь. Я устало пробирался под огромными корпусами грузовых и пассажирских судов, едва не путаясь в переплетении дрожащих швартовочных канатов, блуждал среди стальных ферм причальных мачт, пока не увидел наконец мачту номер тридцать восемь и мой новый корабль.

Его каркас был покрыт выцветшей матерчатой обшивкой, и все же судно сияло чистотой, точно лайнер первого класса. Ветер с трудом качал его - казалось, оно забито грузом до отказа. Четыре допотопных двигателя размещались снаружи гондол, к которым вели крытые местами переходы, а площадки для осмотра двигателей вообще представляли собой хлипкие, открытые всем ветрам фермы. У меня было чувство, какое, наверное, испытывает моряк, переведенный с океанского лайнера на старый, медлительный пароход. Хотя в мое время воздушный шар казался единственно возможным средством передвижения по воздуху, сейчас я разглядывал "Скитальца" как некий музейный экспонат. Бури сильно потрепали его. Серебряная краска на корпусе облупилась, цифры номера (806), буквы

названия и пункта приписки (Лондон) кое-где стерлись. А поскольку иметь хотя бы частично стертые регистрационные данные запрещено, двое аэронавтов, сидя в подвешенной к переднему переходу люлке, черным креозотом подновляли надпись. Корабль казался еще более старым, чем "Лох-Несс", и более примитивным. Я сомневался, что "Скиталец" оснащен такими устройствами, как компьютер, кондиционер и тому подобное - разве что простейшим беспроводным телефоном - и что из него можно выжать более восьмидесяти миль в час.

Стоя внизу и наблюдая, как корабль медленно поворачивается на канате, а затем, словно нехотя, возвращается в прежнее положение, я ощутил секундное замешательство. Длинной он был около шестисот футов, но каждый дюйм говорил о том, что этой рухляди давно пора на свалку.

Я забрался на мачту, надеясь, что мое опоздание не задерживает отлет, и вошел в "конус ожидания". Отсюда к кораблю вели сходни с канатными перилами, прогнувшиеся и заходившие ходуном, когда я поставил на них ногу. Ни пластиковых стенок, ни крытых переходов, чтобы пассажирам не приходилось смотреть вниз, на землю в сотне футов под ними...

Странное чувство охватило меня. Досада уступила место радости - мне вдруг стала приятна мысль о том, что я буду бороздить небеса на этом старом, потрепанном бродяге воздушных дорог. Была в нем некая изюминка, этакий дух воздушных кораблей-пионеров, о которых частенько вспоминал капитан Хардинг, хотя ничего особенного в конструкции "Скитальца" я не заметил.

На круглой грузовой площадке меня встретил авиатор в грязной фуфайке.

- Вы новенький, сэр? Второй помощник? Капитан ждет вас на мостике.
- Он ткнул пальцем в сторону короткого алюминиевого трапа, ведущего к гондолам из центра площадки.

Я поблагодарил авиатора и поднялся. На мостике было пусто - если не считать коренастого человека в поношенном, но тщательно выглаженном мундире капитана торгового флота. Он обернулся. Взгляд его водянисто-голубых глаз был по-прежнему твердым и цепким. Во рту дымилась "шерут", седая имперская борода воинственно торчала вперед. Он шагнул навстречу и протянул руку.

- Рад видеть вас на борту, мистер Бастейбл.

- Доброе утро, сэр, - ответил я, поставив сумку на палубу. - Прошу извинить за опоздание, но...

- Знаю, знаю. Наш причал отдала этому чертову русскому сухогрузу. Вы не задержали нас - мы все еще подновляем регистрационный номер, да и пассажиры пока не прибыли. - Он указал на ступеньки в задней части мостика. - Ваши "апартаменты" там. Пока вам придется делить каюту с мистером Барри, а в свою переселитесь, как только сойдут пассажиры. Обычно пассажиров с местами немного, хотя на палубе вы встретите людей, летящих аж до Сайгона. Ваша каюта - самая удобная, так что не обессудьте... Договорились?

- Да, сэр.

- Добро.

Я поднял сумку.

- Каюта Барри направо, - сказал Корженевский. - Моя прямо, на носу. Ваша - та, где пока живут пассажиры - налево. По-моему, Барри уже ждет вас. Увидимся через пятнадцать минут, надеюсь, к тому времени мы уже отчалим.

Поднявшись по трапу, я открыл дверь и оказался в небольшом коридоре, из которого вело еще три двери. Стены были исцарапаны, серая краска кое-где облупилась. Я постучал в правую дверь.

- Заходите!

На незаправленной нижней койке в одном белье сидел долговязый, худощавый человек с пышной рыжей шевелюрой и наливал себе щедрую порцию джина. Когда я вошел, он поднял на меня глаза и приветливо кивнул.

- Бастейбл? А я Барри. Хотите выпить? - Он протянул мне бутылку, а затем, словно вспомнив о приличиях, предложил и стакан.

Я улыбнулся.

- Спасибо, но я не пью в такую рань. Моя койка верхняя?

- Боюсь, что да. Конечно, это не совсем то, к чему вы привыкли на "Лох-Итайве", однако...

- Сойдет.

- Форму найдете вон в том шкафу. К счастью, у Марло была примерно ваша фигура. Вещи кладите туда же... Я слышал о вашей потасовке. Вы молодчина. А это проклятое корыто буквально набито недотепами... Порядки тут не очень строгие, но вкалываем до седьмого пота. Зато шкипер - один из лучших.

- Мне он понравился, - заметил я, складывая вещи в шкаф и доставая оттуда измятую форму.

- Один из лучших... - повторил Барри, натягивая брюки и свитер. Допив джин, он заботливо убрал бутылку и стакан. - Ну, кажется, это шаги пассажиров. Встретимся на мостике, когда взлетим.

Он открыл дверь, и я мельком увидел спину одного из пассажиров, входящих в каюту напротив. Женщина. В тяжелом дорожном плаще черного цвета. Вообще-то странно, что Корженевский взял пассажиров - он, как мне показалось, недолгобливает "сухопутных крыс". Но, очевидно, экипаж "Скитальца" непрочь зарабатывать сверх тарифа грузовых перевозок. Жить-то надо.

Через несколько минут я присоединился к капитану и Барри. Первый и второй рулевые уже стояли за штурвалами; в своей тесной клетушке, дожидаясь от диспетчера разрешения на взлет, скрючился связист. Я посмотрел в иллюминатор. Рядом со всеми этими прекрасными кораблями наш "Скиталец" выглядел таким маленьким и жалким, что мне захотелось скорее покинуть кройденский аэропарк.

Корженевский взял трубку телефона.

- Капитан - мотористам. Полная готовность.

Секундой позже я услышал рокот разогревающихся дизелей. По беспроводному телефону пришло разрешение с пункта наземного контроля - мы могли взлетать. Капитан перешел на нос, откуда были видны сходни и основной швартовочный канат. Барри занял его место возле телефона. Из люка, ведущего в трюм, показались голова и плечи боцмана.

- Поднять сходни, - скомандовал капитан.

Наклонившись, боцман передал его приказ кому-то внизу. Писались стук, лязгание, крики.

Спустя несколько секунд боцман доложил:

- Сэр, корабль к отлету готов.

- Отчаливаем. - Капитан расправил плечи и, зажав сигарету в зубах, сунул руки в карманы.

- Внизу, отчаливаем, - сказал Барри в трубку.

Последовал толчок, и корабль отошел от мачты.

- Отдать швартовы.

- Внизу, отдать швартовы.

Упали канаты; мы повисли в воздухе.

- Полный назад.

- Дизели - полный назад, - щелкнув переключателем, приказал Барри мотористам во внешних гондолах. Корабль вздрогнул и закачался, удаляясь от мачты.

- Рулевой-два, двести пятьдесят футов, - сказал капитан, не отворачиваясь от огромного лобового окна.

- Двести пятьдесят, сэр. - Рулевой повернул большой металлический штурвал, управляющий хвостовыми рулями. Немного задрал нос, "Скиталец" поплыл в синеву.

В первый момент меня кольнуло чувство потери - ведь я покидал все то, к чему мало-мальски привык в этом мире семидесятых годов... Но впереди меня, вероятно, ждали еще более удивительные открытия. Я ощущал себя мореплавателем времен королевы Элизабет, отправляющимся на поиски новых земель.

Кройдонский аэропарк остался позади; мы плыли над полями Кента к побережью со скоростью почти пятьдесят миль в час, постепенно набирая высоту в тысячу футов. Корабль на удивление легко слушался рулей, и я понял, что не умею судить о воздушных кораблях с первого взгляда. Каким бы примитивным ни было управление "Скитальца", он ровно и невозмутимо, с некоторой, я бы даже сказал, величавостью вершил свой небесный путь. Барри, которого я поначалу принял за никчемного пропойцу, на деле оказался отличным офицером; впоследствии я узнал, что напивается он только на земле.

Весь первый день и всю ночь пассажиры не покидали каюты. Это было странно, но я не удивлялся. Может быть, они страдали от воздушной болезни или не желали слоняться по палубам. В конце концов, ни прогу-

лочной палубы, ни кинематографа на "Скиталце" не было. Захоти пассажир поглазеть на что-нибудь, кроме ящиков в темном грузовом отделении, ему пришлось бы выйти на внешние переходы и крепко держаться за леера, ежесекундно рискуя сорваться под напором ветра.

На борту не было ни навигатора, ни офицера метеослужбы - их обязанности распределялись между шкипером, Барри и мной. Я надеялся, что коллеги-офицеры не примут мою сдержанную манеру поведения за высокомерие. Возложенные на меня обязанности я выполнял охотно, может быть, несколько неуклюже, но страстно желая показать Корженевскому, что стараюсь. Думаю, шкипер, Барри, да и весь экипаж понимали это, и я постепенно втянулся. Некоторое время спустя, когда мы проплывали над сверкающей голубизной водной гладью Средиземного моря, направляясь в Иерусалим, наш первый пункт назначения, я начал чувствовать машину. Она была проста в управлении, но повиновалась командам с... могу назвать это грацией. Обращайся с ней уважительно, и она сделает все, что ни попросишь. Это покажется глупой сентиментальностью, однако существовала взаимная привязанность, этакое дружелюбие как со стороны экипажа, так и со стороны судна.

Пассажиров я так и не видел. Они даже не выходили в крохотную кают-компанию за камбузом, где обедали офицеры, а ели в своей каюте. Складывалось впечатление, что пассажиры стараются не попадаться на глаза - разве что Корженевский и Барри заходили к ним время от времени.

Перед нашим прибытием в Иерусалим, когда я нес вахту с шести до восьми вечера, сверяя курс по навигационной карте, на мостике появился связист и, помявшись, завел со мной разговор:

- Бастейбл, что вы думаете о наших пассажирах?

Я пожал плечами.

- Ничего не думаю, Джонсон. Я видел только одного, и то мельком. Женщину.

- Старик говорит, они беженцы, - сказал Джонсон. - Направляются в Бруней.

- Может быть. Бруней - не самая спокойная страна. Я слышал, там пошаливают бандиты.

- Точнее, террористы. Они прекрасно организованы, а поддерживают их немцы и японцы. Не иначе, зарятся на наши колонии.

- Но ведь существуют международные соглашения. Нет, вряд ли они решаться их нарушить.

- Знаете, Бастейбл, - рассмеялся Джонсон, - вы еще зеленый новичок. Весь Восток лихорадит. Национализм, старина! Индия, Китай, Северо-Восточная Азия... Народ волнуется. - Джонсон был из тех пессимистов, которые со смаком обсуждают подобные вещи. Я слушал его недоверчиво.

- Ничего странного, если эти пассажиры окажутся соотечественниками

нашего старика. Политизгнанниками. Или даже русскими анархистами... А что?

Я расхохотался.

- Полиоте, Джонсон. Шкипер не полезет в эти дела.

Связист укоризненно покачал головой.

- Ах, дорогой мой Бастейбл! Ничего-то вы не понимаете. Ну, извините, если помешал.

Когда он покинул мостик, я улыбнулся и забыл его слова. Очевидно, это была шутка, розыгрыш - из тех, что частенько устраивают с новичками на любом корабле... Однако пассажиры, по-видимому, и в самом деле не собирались выходить из каюты.

На следующее утро мы прибыли в Иерусалим, и я переоделся в робу, чтобы осмотреть груз. В основном, он состоял из ящиков с сельскохозяйственным оборудованием, предназначенным для евреев, которые иммигрировали в Палестину. В трюме было сухо и жарко; грузчики ругались из-за двух ящиков, значащихся в документах, но почему-то не оказавшихся на месте.

Я послал за Корженевским, поскольку в момент погрузки меня на борту еще не было. Ожидая капитана, я купил у мальчика английскую газету и бегло просмотрел ее. Единственной заслуживающей внимания новостью был недавний взрыв бомбы в доме сэра Джорджа Брауна - одного из ведущих политических деятелей. К счастью, сэр Джордж в момент взрыва отсутствовал - пострадал, до и то не сильно, только один слуга. Но все газеты, ясное дело, исходили ненавистью, поскольку на стене дома появилась надпись: "СВОБОДУ КОЛОНИЯМ" - разумеется, работа каких-то фанатиков. Неужели еще находятся сумасшедшие, которые считают действительными такие методы борьбы? Газета напечатала фотографии шести-семи подозреваемых в этом покушении, среди них - небезызвестного графа Рудольфо Гевары, который давным-давно был выдворен со своей родины, Португалии. До этого взрыва все полагали, что он скрывается в Германии. Никто не мог понять, почему дворянин пошел против своего сословия, почему погряз в прививаемых ему с детства идеалах.

Наконец пришел капитан. Я сунул газету в задний карман и приступил к своим обязанностям.

Неисповедимы пути Господни! Мне уже следовало привыкнуть, что судьба бросает меня из огня да в полымя. Вот что случилось, когда я поднялся в трюм.

Один из грузчиков забыл снять с поднятого на борт ящика крюк, и я, зацепившись, порвал на спине рабашку. Ничего страшного, мы продолжали работу, но тут капитан заинтересовался, что произошло.

- Вы неосторожны, мистер Бастейбл, - заметил он. - Так у вас на солнце спина сгорит. Пойдите-ка переоденьтесь.

- Слушаюсь, сэр.

Оставив механика присматривать за грузом, я поднялся на мостик, а оттуда прошел к своей каюте. В коридоре было невероятно жарко и душно, поэтому все двери были открыты настежь. Проходя мимо каюты пассажиров, я бросил внутрь взгляд, но шаг не замедлил - не мог же я, в самом деле, стоять и глазеть на них... хотя, признаться, искушение было велико.

Переступив порог своей каюты и заперев дверь, я сел на нижнюю койку, медленно достал из кармана газету... и вздрогнул.

В пассажирской каюте находились двое - мужчина и женщина. Женщину я не знал, но вот лицо ее спутника мне было хорошо знакомо. Я развернул газету и снова посмотрел на анархистов, разыскиваемых в связи с покушением на сэра Джорджа Брауна. Самые противоречивые мысли теснились в моей голове, когда я вглядывался в одну из фотографий. Нет сомнений: высокий красивый мужчина, которого я увидел в пассажирской каюте, - ни кто иной, как граф Рудольфо Гевара - известный анархист и убийца!

Слезы навернулись на глаза, когда я понял, что все это значит.

Доброжелательный старый шкипер, который произвел на меня впечатление человека кристальной честности и твердого характера, в чьи руки я добровольно вверил свою судьбу, на деле оказался распоследним негодяем, пособником социалистов! Как же я ошибался в нем! У меня было такое чувство, будто меня предали.

Надо немедленно связаться с властями. Но как покинуть корабль, не вызвав подозрений? Каждый член экипажа, вплоть до матросов, предан шкиперу телом и душой. Сомнительно, что мне позволят добраться до иерусалимской полиции. Но мой долг - попытаться.

В спорах с самим собой, очевидно, прошло немало времени, потому что пол под ногами вдруг качнулся, и я понял, что "Скиталец" уже отходит от причальной мачты. Мы плыли в небо, а предпринимать какие-либо действия не борту корабля, полного опасных фанатиков, которые не остановятся ни перед чем, чтобы заставить меня замолчать, бесполезно.

Застонав, я прижал ладони к вискам. Каким надо быть глупцом, чтобы поверить Демпси - бесспорно, тоже члену этой шайки! Как жестоко меня обманули!

Дверь отворилась так неожиданно, что я чуть не вздрогнул. Это был Барри. Он дружески улыбался, а я испуганно смотрел на него: сколь умело он скрывает свое истинное лицо!

- Что случилось, дружище? - мягко спросил он. - Перегрелся на солнце? Старик послал меня посмотреть, все ли с тобой в порядке.

- Кто?... - выдавил я. - Пассажиры... Почему они... здесь?

Я ждал ответа, который оправдал бы в моих глазах и его, Барри, и капитана.

Первый помощник бросил на меня удивленный взгляд.

- Какие? Те, что напротив? Да ведь они старые друзья шкипера. Корженевский помогает им...

- Помогает?

- Именно. Слушай, тебе лучше прилечь. И не выходи без фуражки на солнце. Хочешь каплю чего-нибудь крепенького, чтобы придти в себя? - Он направился к своему шкафчику.

Какое двуличие! Я мог только предположить, что долгая жизнь вне закона приучает безучастно относиться не только к страданиям, причиняемым другим людям, но и к разложению собственной души.

Что могу я противопоставлять людям, подобным Барри?

КНИГА ТРЕТЬЯ,

повествующая об
обратной стороне медали,
появлении Небесного Полководца и
уходе путешественника во времени

Лежа на своей койке и мысленно возвращаясь к событиям последних дней, я понял, почему Корнелиус Демпси, а позднее и его друзья-анархисты решили, будто я их единомышленник. С их точки зрения моя стычка с Эганом явилась своего рода протестом против американских властей. Мне неоднократно делались различные намеки, а я, неверно истолковав их, позволил втянуть себя в эту грязную игру. "Оба мы отверженные", - говорил капитан Корженевский. Только теперь до меня дошел истинный смысл его слов. Капитан полагал, что я одного с ним поля ягода! Социалист! Или даже анархист!..

Однако затем я пришел к выводу, что создавшаяся ситуация как нельзя лучше отвечает моим намерениям. Я могу обелить свою честь, поскольку любой позор забывается, и вернуться к полюбившейся работе. Ведь никто меня не подозревает. Все на "Скитальце" думают, что я такой же бунтарь, как они сами. И если мне удастся каким-то образом захватить управление кораблем и повернуть к британским берегам, я смогу отдать преступников в руки полиции. Я стану героем (хотя к почестям не стремлюсь), и мне наверняка предложат вернуться в полк.

Но потом перед моим внутренним взором встало лицо Корженевского, и я почувствовал укол совести. Неужели я предам этого человека? Человека, который помог мне? Который на первый взгляд казался таким порядочным?.. Сердце мое окаменело. Вот почему Корженевский ухитрился так долго оставаться на свободе - он к а з а л с я порядочным. Дьявол! Сколько людей, столкнувшихся с этим негодяем, было обмануто, подобно мне?

Я встал и на негнувшихся ногах, словно под гипнозом, двинулся к шкафчику, где Барри держал большой служебный револьвер. Я открыл дверцу, достал оружие, проверил, заряжено ли. Сунул за пояс и надел куртку, чтобы не было видно рукоятки. Потом сел на койку и принялся составлять план.

Наш следующий пункт назначения - Кандагар в Афганистане. Номинальный союзник Британии, Афганистан слывет крайне нелояльной страной. В Кандагаре полно русских, немцев, турок и французов; то и дело они устраивают заговоры, чтобы склонить это горное государство на свою сторону. Идет игра, которую мистер Киплинг назвал "большой игрой политиков и интриганов". Даже если мне удастся уйти с корабля, совершенно неясно, найду ли я помощь. Что же делать? Пригрозить анархистам и вернуться в Иерусалим? На этом пути трудностей не меньше... Нет, надо ждать, пока мы не покинем кандагарский аэропарк и не прибудем в следующий порт - Лахор в британской части Индии.

Итак, пока Кандагар не останется позади, необходимо вести себя как ни в чем не бывало. Я нехотя положил револьвер в шкафчик Барри, глубоко вздохнул, чтобы расслабить мышцы лица, и поднялся на мостик.

До сих пор не могу понять, как я ухитрился не вызвать подозрений у своих "друзей". В последующие дни я выполнял обычные обязанности, стараясь работать как всегда хорошо... Однако непринужденные беседы с Корженевским, Барри и остальными давались мне с превеликим трудом. Они полагали, что я все еще страдаю от солнечного удара, и были крайне предупредительны. Не зная я об их истинной сущности, я бы поверил, что они мне искренне сочувствуют. Хотя, наверное, они не кривили душой, думая, что заботятся о здоровье своего единомышленника.

Мы прибыли в Кандагар - окруженный стеной мрачный город, почти не изменившийся с моего времени - и вскоре покинули его. Мое волнение росло, и я, чтобы успокоиться, вновь достал револьвер. Я неутомимо изучал карты, дожидаясь, когда "Скиталец" пересечет границу Индии.

В полдень мы должны были достичь Лахора. Сказавшись больным, я остался в каюте и обдумал последние детали. Ни матросы, ни офицеры, как правило, не носят оружия - весь мой план был построен на этом обстоятельстве.

Время шло. В одиннадцать часов я поднялся на мостик.

Капитан стоял спиной к двери, разглядывая сквозь клочья облаков коричневые, выжженные солнцем поля, проплывающие под нами. Барри сидел за компьютером, прокладывая кратчайший курс к лахорскому аэропарку. Связист находился в аппаратной. Первый и второй рулевые занимались своим делом. Никто меня не заметил. Я вытащил револьвер и спрятал за спиной.

- Все нормально? - поинтересовался я. - Идем в Лахор?

Барри поднял глаза и нахмурился.

- Привет, Бастейбл. Как вы себя чувствуете?

- Прекрасно, - ответил я, стараясь вложить в это слово как можно больше иронии.

- Рад слышать. Если нужно, лежите еще немного. Через три четверти часа мы будем на месте.

- Я в полном порядке. Просто хотел убедиться, что мы идем именно в Лахор.

Корженевский обернулся.

- А куда же еще? - спросил он, улыбаясь. - Вам что, плохой сон приснился?

- Не мне... Боюсь, капитан, вы заблуждаетесь относительно меня.

- Заблуждаюсь? - Он поднял брови, попыхивая трубкой. Его спокойствие сводило меня с ума. Я показал ему револьвер и извлек курок. - Да, - продолжал Корженевский тем же тоном, - а мне казалось, у вас солнечный удар.

- Солнце здесь ни при чем, капитан... Я ведь доверял вам - всем вам. Тут некого винить, просто вы полагали, что я - один из вас. "По характеру, во всяком случае", как сказал ваш приятель Демпси. Но это не так. Я думал, вы порядочный человек, и ошибался. А вы ошиблись, считая меня таким же негодяем, как вы сами... Забавно, не правда ли?

- Весьма.

Корженевский оставался хладнокровен, а Барри испугался - он переводил взгляд с меня на капитана и обратно, словно раздумывая, уж не спятили ли мы оба.

- Вы, конечно, понимаете, о чем я говорю.

- Должен признаться, не вполне. Если откровенно, я думаю, что у вас своего рода припадок. Надеюсь, вы не хотите кого-нибудь покалечить?

- Я мыслю как никогда разумно. Просто я понял, кто вы такие - вы лично и весь ваш экипаж. Поэтому я собираюсь привести "Скиталец" в Лахор, чтобы сдать властям и вас, и корабль.

- За контрабанду, что ли?

- Нет, капитан. За государственную измену. За укрывательство разыскиваемых преступников. Вы ведь говорили, что вы - английский подданный... Как видите, я знаю, кто ваши пассажиры - Гевара и девушка. И знаю, что вы сочувствуете анархистам. Это в лучшем случае. А в худшем...

- Мой мальчик, я вижу, что недооценил вас. - Корженевский вынул трубку из рта. - Я не говорил вам о пассажирах - не хотел подставлять под удар. Действительно, я симпатизирую графу Геваре и миссис Персон - кстати, она подруга графини. Таких людей я называю умеренными радикалами. Думаете, они имеют какое-нибудь отношение к террористам?

- Так пишут в газетах. Так утверждает полиция.

- Э, они всех стригут под одну гребенку, - бросил Корженевский. - Как и вы сами.

- Не отпирайтесь, капитан. - Моя рука задрожала, и я почувствовал, что решимость вот-вот покинет меня. - Я считаю вас лицемером.

Корженевский пожал плечами.

- Глупо. Я-то думал, что вы, по крайней мере... э-э... соблюдаете нейтралитет.

- Как бы вы ни думали, капитан, я прежде всего - патриот.

- По-моему, я тоже, - улыбнулся Корженевский. - И в британские идеалы правосудия верю сильнее вас. Но мне бы хотелось, чтобы эти идеалы, так сказать, простирались несколько дальше одного маленького острова. Чтобы они выражались на практике по всему миру. Я восхищаюсь многим из того, что олицетворяет собой Британия... но мне не нравится то, что происходит в ее колониях, поскольку я уже пожил под властью оккупантов. Вот так-то, дорогой Бастейбл.

- Оккупация Польши русскими едва ли похожа на британское правление в Индии, - возразил я.

- Не вижу большой разницы. - Корженевский вздохнул. - Но вы вольны поступать, как считаете правильным. У вас револьвер, а вооруженный человек всегда прав, не так ли?

Я не попался на эту удочку. Как и большинство славян, он мог кому угодно заморочить голову логическими выкрутасами.

- Оккупация, правление, или, как говорят американцы, предоставление "советников" - все одно и то же, Бастейбл, мой мальчик, - добавил Барри. Его ирландский акцент стал еще заметнее. - И в основе этого лежит один порок - алчность... Кроме того, я что-то не знаю колонии, которая стала богаче страны-колонизатора. Польша, Ирландия, Таиланд...

- Вы, как и все фанатики, очень похожи на детей, - холодно заметил я. - Вам все подавай немедленно. Однако перемены требуют времени. Никому не удастся изменить мир в одночасье. Сегодняшняя жизнь для многих людей гораздо лучше, чем она была в мое... чем в начале века, например.

- В некотором роде, - согласился Корженевский. - Но старые беды не исчезли. Они останутся до тех пор, пока власть имущие не поймут, что они сами порождают зло.

- А вы помогаете понять это с помощью бомб, убивая ни в чем не повинных людей, толкая несведущие народы на восстания, которые якобы одним махом освободят их от самого худшего? Я иначе представляю себе борцов за справедливость.

- Я тоже, - сказал Корженевский.

- Гевара ни одной бомбы в жизни своей не бросил! - воскликнул Барри.

- Он поощряет других, а это одно и то же.

Я услышал за спиной шорох и хотел обернуться, но тут что-то больно уперлось мне под ребра, и чья-то рука легла на барабан револьвера. Спокойный, даже веселый голос произнес:

- Полагаю, сеньор Бастейбл, вы правы. Но сегодня, боюсь, удача не на вашей стороне.

Прежде чем я сообразил, что к чему, у меня отобрали оружие. Обернувшись, я увидел цинично улыбающегося анархиста; за его спиной стояла прелестная девушка в черном дорожном плаще до пят - ее треугольное личико в обрамлении темных, коротко стриженных волос было серьезным, но в твердом взгляде серых глаз, тут же напомнившим взгляд Корженевского, сквозило любопытство.

- Это моя дочь, - сказал капитан. - А графа Гевару вы, как я понял, уже знаете.

И вновь мое намерение сделать что-то путное в этом мире Будущего потерпело неудачу. Я начал подозревать, что надо мной довлеет злой рок, и все мои устремления заранее обречены на провал. Из-за того ли, что я оказался в чужой эпохе? Или, попав в подобную ситуацию в своем времени, я так же упустил бы шанс?

Так размышлял я, безоружный, запертый в каюте Барри, а воздушный корабль, посетив Лахор, уже двигался к следующему порту - Калькутте. Оттуда мы должны были направиться в Сайгон и взять на борт палубных пассажиров - каких-то паломников; из Сайгона - в Бруней, где собирались сойти Гевара и его прелестная спутница (несомненно, чтобы присоединиться к террористам, ожидающим конца британского правления); затем - в Кантон, куда направлялись паломники или, вернее, террористы, друзья Корженевского, а затем - обратно, через Манилу и Дарвин. Интересно, какие из этих городов я увижу, прежде чем анархисты решат, что со мной делать? Вероятно, они уже сейчас думают над этим. Собственно, чего проще - я, например, могу случайно выпасть за борт над пустынной местностью...

Еду мне приносил Барри. С виду он был искренне опечален тем, что я оказался "предателем" - он скорее жалел меня, чем ненавидел. Какая извращенная личность!.. Однако и мне было трудно видеть в Барри и Корженевском негодяев; как-то раз я даже поинтересовался, не является ли Юна Персон своего рода заложницей террористов, желающих, чтобы капитан плясал под их дудку? Барри рассмеялся и покачал головой.

- Нет, мой мальчик. Она - дочь своего отца, и этим все сказано.

Теперь мне стало ясно, почему террористы, чтобы покинуть Британию, выбрали именно "Скитальца". Кроме того, я понял, что нравственность капитана находится, мягко говоря, в зачаточном состоянии, раз он позволил дочери жить в одной каюте с человеком, который, без сомнения, не был ее мужем. "Где мистер Персон?" - раздумывал я. Конечно, сидит в тюрьме: это еще один анархист. Итак, жить мне осталось всего несколько часов.

Была только одна надежда. Связист Джонсон наверняка пребывал в неведении относительно графа Гевара. Я был уверен, что он не такой убежденный социалист, как остальные, даже если у него свои причины служить на "Скитальце". Нельзя ли подкупить Джонсона? Или помочь ему чем-нибудь после того, как он поможет мне? Но как я доберусь до него? И, если доберусь, не попадет ли связист под подозрение? Сумеет ли послать сообщение в Британский аэропарк?

Я выглянул в крошечный иллюминатор. Пока мы стояли в Лахоре, Гевара все время держал меня на мушке, чтобы я не смог поднять тревогу или, на худой конец, выбросить наружу записку. А теперь я видел только серые, простирающиеся на целые мили тучи и слышал лишь мерный гул моторов, несущих меня навстречу судьбе.

В Калькутте Гевара вновь вошел в каюту, направив дуло револьвера мне в грудь. Я посмотрел на солнце, на долекий город, который в свое время хорошо знал и любил, но теперь не мог узнать. И как только у этих анархистов язык поворачивается утверждать, что британское правление - никуда не годное, когда оно так много пользы принесло современной Индии? Я высказал все это Геваре, но тот лишь рассмеялся.

- Знаете ли вы, сколько стоит в Англии пара добротных сапог? - спросил он.

- Около десяти шиллингов, - ответил я.

- А здесь?

- Думаю, меньше.

- В Калькутте - примерно тридцать... если вы индеец. И примерно пять, если вы европеец. Известно ли вам, что Европа контролирует всю торговлю обувью? Индийцы вынуждены покупать сапоги в магазинах, тогда как европейцы могут приобретать ее непосредственно у производителя. В лавках запрещено продавать обувь по цене ниже тридцати шиллингов, а это - месячный заработок среднего индийца... Продукты питания в Дели дороже, чем в Манчестере, хотя индийский рабочий получает четверть того, что платят английскому. И знаете почему?

- Нет. - Его слова казались мне сплошной ложью.

- Потому что в Британии цены и доходы поддерживаются искусственно, за счет колоний. Все торговые соглашения заключаются в пользу Англии.

Англия устанавливает закупочные цены, Англия держит под контролем средства производства, чтобы цена оставалась стабильной - независимой от изменений на рынке. Индийцы голодают, чтобы Брайтон мог пировать. То же самое происходит во всех колониях, "владениях" и протекторатах - неважно, какой ярлык вы на это навесите.

- Но ведь существуют больницы, программы повышения благосостояния, системы воспомоществования, - возразил я. - Индеец не голодает.

- Верно - в нем поддерживают жизнь. Глупо морить голодом собственную рабочую силу. Неизвестно, когда она может понадобиться. Рабы приносят богатства, не так ли?

Я отказался поддерживать этот бредовый разговор, поскольку, с одной стороны, сомневался в точности экономических экскурсов Гевары, а с другой - был уверен, что он видит мир в кривом зеркале собственного рассудка.

- Мне известно только одно, - сказал я, - средний индеец живет лучше, чем в тысяча девятисотом году. Богаче, чем многие англичане того времени.

- Вы говорите о положении в городах... А знаете ли вы, что индеец имеет право появляться в городе только в том случае, если у него есть разрешение правительства? Он должен иметь при себе паспорт, удостоверяющий, что в городе для него есть работа. А если работы нет, он возвращается в свою глухомань - туда, где школы, больницы и прочие блага британского правления столь малочисленны, что между ними лежат десятки миль. Такая система действует и в Азии, и в Африке. Она развивалась долгие годы и теперь применима и к некоторым колониям в Европе - русской Польше и немецкой Богемии.

- Я знаком с этой системой, - возразил я. - Она не бесчеловечна. Это просто средство контроля за миграцией рабочей силы, предохраняющее города от появления трущоб. Это выгодно всем.

- Это несправедливая система рабства, - гул свое анархист-аристократ. - Она ведет к ущемлению свобод. Защищая ее, вы защищаете деспотизм, мой друг.

Я улыбнулся и отрицательно покачал головой.

- Спросите первого попавшегося индийца, как он живет. Уверен, вы услышите, что он всем доволен.

- Потому что он не знает лучшей жизни. Потому что Англия обучает его немногому - ровно настолько, чтобы заморочить голову, чтобы он проглатывал пропаганду, не больше. Вам не кажется странным, что расходы на образование остаются прежними, а расходы на прочие формы "воспомоществования" выросли почти до требуемых сумм? Вы же убиваете дух людей, которые живут в колониях. Вы из тех, кто самодовольно рассуждает о свободе предпринимательства, о человеке, стоящем на собственных ногах, о проложенной своими руками дороге к успеху... и приходит в ужас, когда те, кого он колонизировал, выступают против покровительства и "контроля за миграцией рабочей силы". Тьфу!

- Хочу напомнить, - заметил я, - что почти семьдесят лет кряду мир стабилен как никогда. Ни одной крупной войны. Столетие покоя на всей Земле - по-вашему, это плохо?

- Да, потому что стабильность достигалась да счет ущемления прав других народов. Вы убивали души, а не тела - по-моему, это во сто крат хуже.

- Хватит! - не стерпел я. - Вы мне надоели, граф Гевара. Довольствуйтесь тем, что расстроили мои планы. Не желаю вас слушать. Я считаю себя человеком порядочным... гуманным... и, конечно, свободным... однако ваш брат вызывает во мне желание... желание... нет, больше я ничего не скажу.

- Посмотрите-ка на него! - засмеялся Гевара. - Я - голос вашей совести, вот почему вы отказываетесь меня слушать. Да так решительно, что готовы убить любого, кто попытается вас заставить! Вы - типичный представитель всех этих "порядочных", "гуманных", "свободных", которые две трети мира держат в рабстве! - Он помахал револьвером. - Просто диву даешься, почему все приверженцы авторитаризма вбили себе в голову, что сторонники свободы стремятся навязать им свою точку зрения! Между тем единственное, чего хотят последние - это воззвать к их здравому смыслу... Хотя я уверен, что вы, авторитаристы, не можете сойти со своей точки зрения.

- Ваши аргументы неубедительны, - ответил я. - Сделайте одолжение, дайте мне провести мои последние часы в тишине.

- Как пожелаете.

И до той поры, пока мы не отошли от причальной мачты, Гевара лишь невнятно бубнил себе под нос что-то о "человеческом достоинстве, означающем не более, чем заносчивость завоевателя". Я не обращал внимания на бред этого сумасшедшего. Он просто из кожи вон лез, чтобы вдолбить в мой разум свои революционные идеи.

Весь перелет до Сайгона я тщетно пытался связаться с Джонсоном, убеждая тюремщиков, что меня мутит от пищи, потому что ее носит Барри, и что хотелось бы увидеть чье-нибудь другое лицо. Вместо Джонсона они прислали Юну Персон, и при виде хорошенькой девушки я не смог изобразить недовольство. Раз два я интересовался, как ее отец собирается поступить со мной, но она отвечала, что он все еще "ломает над этим голову". "Поможете ли вы мне?" - спросил я напрямик. Девушка была как будто смущена этим вопросом и поспешно, не сказав ни слова, покинула каюту.

В Сайгоне - должно быть, это был Сайгон, судя по видному издалека блеску позолоты на куполах храмов - до меня донесся говор паломников-индокитайцев, размещающихся в трюме среди тюков и ящиков. Я не завидовал их душным, тесным "апартаментам". Хотя, разумеется, удача сопутствовала этим буддистам - если они на самом деле буддисты - раз им удалось получить места на воздушном корабле.

И вновь, несмотря на то, что Сайгон являлся "свободной зоной", находящейся под покровительством Америки, граф Рудольфо Гевара бдительно охранял меня. Однако со времени нашей последней встречи спеси в нем

явно поубавилось. Судя по всему, он чувствовал себя не в своей тарелке, и мне пришло в голову, что американские власти, заподозрив неладное, задали офицерам корабля много неприятных вопросов. Вне всякого сомнения, "Скиталец" спешил покинуть город, поскольку меньше, чем через два часа, едва заправившись топливом, мы уже плыли в небе на полной тяге.

Вечером того же дня с противоположного конца короткого коридора до меня донеслись звуки бурного спора. Я узнал Гевару, капитана, Барри, Юну Персон... Но среди них присутствовал кто-то еще - у кого был мягкий, необычайно спокойный голос. Я разобрал несколько слов: "Бруней", "Кантон", "японцы", "Шаньдун" - главным образом названия известных мне мест - однако суть спора была неясна.

Близился вечер, когда, наконец, впервые за весь день Юна Персон принесла мне еду, извинившись, что мясо остыло. Девушка казалась обеспокоенной, и я, просто из вежливости, спросил, что случилось. Она бросила на меня озабоченный взгляд и натянуто улыбнулась. "Определенно сказать не могу," - только и ответила она, вышла и, как всегда, заперла за собой дверь.

Первый выстрел раздался в полночь, когда мы должны были направляться к Брунею. Обычный выхлоп двигателя, поначалу решил я, но тут же понял, что это не так. Я вскочил с койки и подкрался к двери. Вновь зазвучали выстрелы, послышались крики, топот бегущих ног... Что происходит, черт подери? Неужто бандиты передрались между собой? А может, воздушный корабль приземлился незаметно для меня, и на борт проник отряд британской или американской полиции?

Я выглянул в иллюминатор. Мы по-прежнему плыли в небе, а под нами, насколько я мог судить, расстилалось Китайское море.

Звуки битвы доносились по крайней мере полчаса, затем выстрелы прекратились, но яростно препирающие голоса слышались еще некоторое время. Наконец и голоса стихли. Я услышал шаги по коридору, услышал, как в замке моей двери поворачивается ключ...

Припугнувшись от яркого света, я разглядел на пороге высокую фигуру. Одной рукой незнакомец придерживал дверь, а в другой сжимал револьвер. Он носил свободные восточные одежды, но черты его красивого лица были несомненно евразийскими. Очевидно, в жилах незнакомца текла смесь китайской и английской кровей.

- Доброе утро, мистер Бастейбл. - У него было безупречное оксфордское произношение. - Я - генерал Шоу. С этой минуты "Скиталец" находится в моем подчинении. Полагаю, у вас есть некоторый опыт в управлении воздушным кораблем. Буду крайне признателен, если вы позволите воспользоваться им.

У меня челюсть отвисла от изумления. Я знал этого евразийца. Да и кто его не знал! Обратившийся ко мне человек был известен, как атаман свирепейшей шайки бандитов, досаждающей Центральному правительству Китайской республики. Это был Шуо Хо Ти, правитель Чжили!

Глава II

УТРЕННЯЯ ДОЛИНА

"Из огня да в полымя", - было первой моей мыслью. Но потом я вспомнил, что многие китайские правители держат пленных европейцев исключительно ради выкупа. Это могло сыграть мне на руку - британское правительство в состоянии заплатить за мое освобождение.

Я улынулся про себя, подумав, что Корженевский и К° по неведению взяли на борт шайку негодяев еще более отъявленных, чем они сами. Мне это показалось очень смелым.

Генерал О.Т.Шоу (или Шуо Хо Ти, как он величал себя среди китайских сподвижников) создал столь мощную армию преступников, ренегатов и дезертиров, что по сути дела владел огромной территорией в провинциях Чжили, Шаньдун и Цзяньсу. Его армия держала под контролем все пути сообщения между Пекином и Шанхаем; с поездов и автотранспорта генерал взимал такие "пошлины", что торговые перевозки и связь стали осуществляться исключительно по воздуху. Но не каждый воздушный корабль мог считать себя в безопасности, если летел достаточно низко для пушек генерала Шоу. Центральное правительство было не в состоянии совладать с бандитами - слишком уж оно боялось искать помощи у иностранных держав, которые правили обширными территориями Китая, не входящими в республику: ведь чужеземцы - преимущественно японцы и русские - могли захватить владения Шуо Хо Ти под предлогом военного содействия и остаться там навсегда. Это и давало власть генералу и ему подобным.

Встреча с такой одиозной и знаменитой личностью застала меня врасплох, и на какое-то время я лишился дара речи.

- По... почему вы хотите, чтобы кораблем управлял я? - наконец выдал я из себя.

Высокий евразиец пригладил прямые черные волосы (это придавало его облику что-то демоническое) и ответил:

- К сожалению, мистер Барри мертв, а капитан Корженевский ранен. Так что вы - единственный, кто в состоянии справиться с такой работой.

- Барри мертв?.. - Наверное, я должен был обрадоваться, однако вместо этого меня охватило чувство потери.

- Мои люди действовали слишком быстро, когда увидели у него в руках оружие. Они, знаете ли, боятся умереть на такой высоте - считают, что демоны высших сфер заберут их души. Невоспитанные, суеверные люди, эти мои единомышленники.

- Капитан ранен тяжело?

- В голову. Ничего серьезного, но у него все плывет перед глазами, и управлять судном он, разумеется, не может.

- А его дочь... и граф Гевара?

- Заперты в каюте вместе с капитаном.

- А Джонсон?

- Последний раз его видели на внешней площадке. Полагаю, он оступился и упал за борт.

- Боже мой... - прошептал я. - Боже мой... - К горлу подкатил ком. - Пираты... убийцы... не могу верить...

- И тем не менее, это правда. Мне очень жаль. - Я узнал его спокойный голос - без сомнения, это он, генерал Шоу, спорил с анархистами в каюте напротив. - Но больше я не собираюсь убивать. Судно у нас в руках, и мы можем отправляться в Шаньдун... Трагедии не случилось бы, если б ваш Гевара не упорствовал. Ему, видите ли, нужно было в Бруней, хотя я предупреждал, что его там уже ждут англичане.

- А вам-то откуда об этом известно?

- Я - вождь, а вожди должны знать все и использовать знание на пользу своего народа, - уклончиво ответил он.

- Что будет со мной, если я откажусь помогать вам?

- Вас больше должно интересовать, что будет с остальными. Мы, конечно, не запытаем их до смерти... Вам это, наверное, не понравится, ведь они ваши враги... Но с другой стороны, - его правая бровь насмешливо поднялась, - они наши белые братья.

- Кем бы они ни были... Я презираю этих людей, но не держу на них зла... и мне бы не хотелось, чтобы ваши костоломы пытали их.

- Если все пойдет как надо, никто не пострадает. - Генерал Шоу поставил револьвер на предохранитель и опустил руку, но прятать оружие в кобуру не спешил. - Хочу заверить вас, что я убиваю не ради удовольствия. И клянусь: каждому на борту "Скитальца" будет сохранена жизнь... в том случае, если мы благополучно доберемся до Утренней долины.

- Где находится эта долина?

- В Шаньдуне. Это моя резиденция. Я покажу дорогу, когда мы достигнем Учана. Первоначально мы собирались летать в Кантон, а там пересесть на поезд, но кто-то - подозреваю, Джонсон, - сообщил по телефону, что мы на борту. Пришлось изменить планы - теперь мы вынуждены лететь напрямик в долину. Трудностей не возникнет...если только граф Гевара не станет возражать.

Значит, Джонсон был на моей стороне! Он нашел свою смерть, пытаюсь спасти меня и сообщить властям обо всем, что творится на борту "Скитальца"! Ужасно... Джонсон погиб, спасая меня, а теперь его убийца просит, чтобы я отвез бандитов в безопасное местечко... Впрочем, если я откажусь, другие тоже пострадают... Хотя некоторые из них и заслуживают смерти, но не такой, какую уготовил им Шоу. В подобной ситуации глупо строить из себя героя. Я глубоко вздохнул и, понурившись, ответил:

- Вы обещаете никому не причинить вреда, если я соглашусь?

- Обещаю.

- Ладно, генерал. Я поведу этот чертов корабль.

- Очень благородно с вашей стороны, дружище. - Шоу просиял и, похлопав меня по плечу, сунул револьвер в кобуру.

Когда я поднялся на мостик, смятение мое усилилось при виде пятен крови - на палубе, на переборках, на приборах... По меньшей мере один человек был зверски убит в этом тесном помещении, возможно, это был несчастный Барри. Бледные, растерянные рулевые находились на своих местах; за спиной у каждого стояло по двое китайцев, увешанных ножами,

револьверами и патронташами крест-накрест. В жизни своей я не видел столь злодейских рож. Запятнанные кровью карты и судовые журналы в беспорядке валялись под ногами - никто и не пытался прибраться на мостике.

- Пока здесь не будет чисто, я и пальцем не пошевелю, - холодно заявил я.

Генерал Шоу произнес что-то на кантонском диалекте. Двое его приспешников крайне неохотно покинули мостик и вернулись с ведрами и швабрами. Пока бандиты драили палубу, я осмотрел приборы и убедился, что они не повреждены, если не считать нескольких царапин, оставленных пулями. Только телефон оказался разбит - вдребезги, профессионально. Возможно, это сделал сам Джонсон перед тем, как выбежать на внешнюю площадку.

Наконец бандиты закончили приборку, и генерал указал мне на центральную консоль. Мы летели на опасно низкой высоте - не более трехсот футов.

- Рулевой-два, подняться до семисот пятидесяти футов, - мрачно приказал я.

Матрос безмолвно взялся за штурвал. Корабль задрал нос, да так резко, что Шоу подозрительно сощурился и потянулся к кобуре. Но затем мы выровнялись. Я разложил на столе карту Китая и углубился в ее изучение.

- Что ж, думаю, я найду дорогу в Учан, - сказал я спустя несколько минут. В крайнем случае можно двигаться вдоль железнодорожных путей, но это потребует больше времени, а я сомневался, что генерал согласится на задержку - судя по всему, он желал прибыть на место к рассвету. - Однако прежде я хочу удостовериться, что пассажиры и капитан живы.

Шоу поджал губы, посмотрел мне в глаза и круто повернулся.

- Извольте.

Он опять сказал что-то на кантонском, и один из бандитов встал у меня за спиной.

Мы подошли к центральной каюте; генерал Шоу достал из-за пояса ключи и отпер дверь.

На анархистов было жалко смотреть. Голова Корженевского, обвязанная пропитавшейся кровью тряпичей, покоилась на коленях дочери. Лицо приобрело землистый оттенок; он выглядел постаревшим со времени нашей последней встречи и не узнавал меня. Юна Персон - заплаканная, с растрепанными волосами - бросила на Шоу уничтожающий взгляд. Граф Гевара покосился на нас и отвернулся.

- Ну... как вы тут? - глупо поинтересовался я.

- Мы живы, мистер Бастейбл, - сухо ответил Гевара, вставая и поворачиваясь к нам спиной. - Вы это имели ввиду?

- Я собираюсь спасти вас. - Мои слова могли показаться несколько самоуверенными, но я хотел, чтобы они поняли: люди, подобные мне, великодушны к врагам. - Я веду корабль в... резиденцию генерала Шоу. Он дал слово, что вас не убьют, если мы благополучно прибудем на место.

- Трудно верить его слову после того, что случилось. - Гевара невесело рассмеялся. - Вы удивительный человек, Бастейбл! С радостью идете на поводу у этого типа, а нашу политику считаете грязной!

- Едва ли Шоу можно назвать политиком, - возразил я. - Да это и не важно. Ведь у него на руках все козыри - все, кроме того, которым играю я.

- Спасибо, мистер Бастейбл, - подала голос Юна Персон, глядя отца по голове. - Надеюсь, у вас добрые намерения. Спокойной ночи.

В расстроенных чувствах я вернулся на мостик.

Кутру мы достигли Учана и поспешили миновать этот большой город, пока он не проснулся. Шоу выглядел гораздо благодушнее, чем прошлой ночью. Он даже предложил мне трубку с опиумом, от которой я, не колеблясь, отказался. В те дни опиум был для меня не более, чем тошнотворной дрянью... Видите, как сильно я изменился?

Наконец пагоды и фанзы с голубыми кровлями остались позади, и генерал Шоу вычислил азимут, по которому я должен был вести корабль.

Незабываемое зрелище - рассвет в Китае: гигантское водянистое солнце показывается над горизонтом, и весь мир окрашивается в мягкие оттенки розового, желтого и оранжевого...

Мы приближались к гряде песочного цвета холмов. Я чувствовал, что бесцеремонное вторжение грохочущего воздушного судна, набитого головорезами из разных стран, нарушает эту первозданную красоту...

Когда мы пересекли линию холмов, Шоу распорядился замедлить ход. Затем он отдал несколько кратких приказов на кантонском, и один из его людей направился к трапу, ведущему на внешнюю носовую площадку. Очевидно, этот человек должен был подать условный сигнал.

Долина открылась перед нами совершенно неожиданно - широкое, глубокое ущелье, по дну которого текла река. Я увидел коров, свиней и коз, домишки и рисовые поля. Ущелье тонуло в зелени, и казалось, ему нет места в этой скалистой пустыне.

- Это и есть ваша "долина"? - спросил я.

- Да. Утренняя долина. А вон - взгляните-ка, мистер Бастейбл - вон там мой "лагерь".

Показались высокие белые здания, окруженные деревьями; вокруг искрящихся на солнце фонтанов играли дети. А над этим вполне современным городом развевался огромный малиновый флаг - несомненно, боевое знамя Шоу. Я был немало изумлен, увидев в этом диком краю цивилизованное поселение, и удивился еще больше, когда узнал, что это и есть резиденция Шоу: тихим, мирным уголком показалась мне долина. Шоу ухмылялся, видя мое смятение.

- Не так уж плохо для тупоголовых разбойников, правда? Мы построили город своими руками. Здесь вы найдете все, что душе угодно... и кое-что, чем не может похвастаться даже Лондон.

Шоу предстал передо мной в новом свете. Бандит, грабитель, убийца - несомненно... но вместе с тем - нечто больше, раз сумел создать такой город в китайской глуши.

- Мистер Бастейбл, разве вы не читали обо мне? Ну да, последних номеров "Шанхай-экспресс" вы могли и не видеть... Меня называют Александром Китайским. Значит, это - моя Александрия. Это - Шоу-таун, мистер Бастейбл. - Он радовался, как школьник своим пятеркам. - Мое детище! Я построил его!

- Охотно верю. - Мое изумление прошло. - Только строили вы его на костях, и кровью выкрасили свое знамя.

- В ваших словах чересчур много патетики, - сказал Шоу. - Обычно я стараюсь на прибегать к убийствам. Я солдат. Чувствуете разницу?

- Разницу-то чувствую, но весь мой опыт говорит, что вы, "генерал" Шоу, - заурядный головорез.

Он рассмеялся.

- Поживем - увидим... Взгляните-ка туда. Узнаете? Вон там, на другом краю города!

Да, я увидел и сразу узнал его - огромный воздушный корабль, мягко покачивающийся на швартовочных канатах.

- Боже! - воскликнул я. - Вы захватили "Лох-Итайв"!

- Ага, - ответил Шоу радостно, точно мальчишка, приобретший редкую марку для своей коллекции. - Мой будущий флагман. Скоро у меня будет целая флотилия воздушных кораблей. Что скажете, мистер Бастейбл? Вскоре я буду властвовать не только на земле, но и в воздухе. Каким могучим полководцем я стану! Остальные мне и в подметки не годятся!

Я смотрел в его горящие глаза и не знал, что ответить. Он не сумасшедший, не простачок, не дешевый фигляр. Напротив, это один из самых умных людей, которых мне доводилось встречать.

Шоу запрокинул голову и разразился хохотом, восторгаясь собой и своим дерзким поступком, достойным Гаргантюа - подумать только, он похитил самый красивый и большой воздушный корабль, когда-либо поднимавшийся в небо!

- Ох, мистер Бастейбл! - простонал Шоу, не в силах унять смех. - До чего же смешно! До чего смешно, мистер Бастейбл!

Глава III

ЧИН ЧЕН ТА-ЧЬЯ

На расположенной за городом посадочной площадке причальных мачт не оказалось. Мы просто сбросили швартовочные канаты, а техники внизу тянули их в разные стороны до тех пор, пока гондола не коснулась земли. После чего они закрепили канаты и отошли.

Мы вышли из корабля под бдительной охраной людей генерала Шоу. Их револьверы, ножи и патронташи резко контрастировали с мирной долиной. Я ожидал увидеть множество кули, спешащих на разгрузку судна, но люди, которые окружили нас, были хорошо одеты и не выглядели измученными непосильной работой - сначала я даже принял их за купцов и приказчиков. Шоу сказал им что-то, и они поднялись на борт, выказывая

не больше раболовства, нежели любые бандиты, подчиняющиеся своему главарю.

Сопровождавшие Шоу разбойники, разодетые в истрепанные шелка, сандалии,украшенные бисером головные повязки, сели в паромобиль и уехали - на другой конец долины, как объяснил Шоу.

- Там стоит наша армия, - сказал он. - Чин Чен Та-Чья - прежде всего гражданское поселение.

Мы с Юной Персон помогли Корженевскому спуститься на землю, ведя его под руки, и направились к городу. Граф Гевара понуро шел впереди. Сегодня Корженевский выглядел гораздо лучше, его взгляд вновь стал осмысленным. Позади нас, изумленно озираясь по сторонам, брел весь экипаж "Скитальца".

- Как, вы сказали, называется этот город? - спросил я генерала.

- Чин Чен Та-Чья. Это трудно перевести.

- Мне показалось, вы говорили - Шоу-Таун.

Подбоченившись, генерал снова расхохотался - все его тело сотрясилось от смеха.

- Мистер Бастейбл, я пошутил! Этот поселок зовется... э-э...Город на Заре Демократии. Или Город, Принадлежащий Всем Нам. Примерно так. Можете называть его Город-на-Заре-в-Утренней-Долине.Первый город Новой эры.

-Какой еще Новой эры?

-Новой эры Шуо Хо Ти. Знаете, как переводится мое имя с китайского? "Тот, Кто Создает Спокойствие." Миротворец, иными словами.

- Ха-ха, - мрачно сказал я. Мы шли по траве к высоким строениям Города-на-Заре. - Украл английский корабль, убили двух офицеров - тоже мне, миротворец! А сколько человек вы застрелили, чтобы захватить "Лох-Итайв"?

- Не много. Вам надо поговорить с моим другом Ульяновым - он докажет, что цель оправдывает средства.

- Ну, и каковы же ваши цели? - искренне заинтересовался я.

Просияв, Шоу обнял меня за плечи.

- Первая - освобождение Китая. Изгнание всех чужеземцев - русских, японцев, англичан, американцев, французов. Всех!

- Сомневаюсь, что вам это удастся. Но даже в случае успеха вам наверняка придется затянуть пояса: ведь стране нужны иностранные капиталы.

- Не скажите, не скажите. Иностранцы, особенно англичане, занимающиеся контрабандой опиума, - подрывают нашу экономику. Конечно, в одиночку тяжело будет поднимать ее, но мы справимся.

Я ничего не ответил. Генералом явно обуревали мессианские мечты - весьма похожие на мечты Шаран Канга. Однако Шоу считал себя сильнее, нежели был на самом деле. Я почувствовал жалость к этому человеку. Ведь как только в игру вступит Его Величества военно-воздушный флот, прекрасные грезы Шоу развеются как дым. Нападение на суда Великобритании - это гораздо опаснее,чем мелкие столкновения с местными властями.

Словно прочитав мои мысли, Шоу сказал:

- Пассажиры и команда "Лох-Итайва" будут отменными заложниками, мистер Бастейбл. Не думаю, что ваши боевые корабли атакуют нас немедленно.

- Возможно. А что вы намерены делать после освобождения Китая?

- Освободить весь мир, разумеется.

Я прыснул со смеху.

- А, понимаю!

Генерал загадочно улыбнулся.

- Известно ли вам, мистер Бастейбл, кто живет в Городе-на-Заре?

- Понятия не имею. Члены вашего будущего правительства?

- В том числе. А вообще Чин Чен Та-Чья - это город людей, объявленных вне закона. Изгнанников из стран, где притесняют инакомыслящих. Это интернациональное поселение.

- Город преступников?

- Кое-кто считает так. - Мы шли широкими улицами, вдоль тротуаров которых росли ивы и тополя, зеленели лужайки и пестрели клумбы. Из открытого окна одного из зданий доносилась музыка - кто-то играл на скрипке. Шоу остановился, прислушался. Экипаж "Скитальца" столпился за нашими спинами. - Моцарт. Прекрасно, не правда ли?

- Замечательно. Фонограф?

- Человек. Профессор Хира, индийский физик. За свою точку зрения по национальному вопросу попал в тюрьму, но мои люди помогли ему бежать, и теперь он занимается научными изысканиями в одной из наших лабораторий. У нас много лабораторий, а наши ученые делают много открытий... Тираны ненавидят вольнодумцев, поэтому те приезжают в Город-на-Заре. Здесь есть ученые, философы, актеры, журналисты. Даже несколько политиков.

- И уйма солдат, - добавил я.

- Да, солдат хватает. А также оружия и боеприпасов, - ответил он, помрачнев, словно мое замечание задело его.

- И все без толку, - вдруг обернулся к нам Гевара. - Ибо ты хочешь подчинить себе слишком большую силу.

- Мне повезло, Руди, - отмахнулся Шоу. - Я уже подчинил ее. И должен ею воспользоваться.

- Против своих же друзей! Меня ждали в Брунее. Мы планировали восстание. Я - организатор, без меня оно провалится... Наверное, уже провалилось.

Я в недоумении уставился на него.

- Так вы знакомы?

- Очень хорошо, - процедил Гевара сквозь зубы. - Даже слишком хорошо.

- Стало быть, вы тоже социалист? - спросил я Шоу.

Тот пожал плечами.

- Я предпочитаю называть себя коммунистом... хотя название не играет роли. Вот что заботит Гевару - названия... Я же говорил, Руди, - англичане ждали тебя. Когда вы прибыли в Сайгон, американцы поняли: на борту

"Скитальца" что-то не так. К тому же ваш связист послал им шифровку. Но ты меня не послушал. Смерть Джонсона и Барри на твоей совести!

- Ты не имел прав нападать на корабль! - закричал Гевара. - Никакого права!

- Если бы не я, вы бы сейчас сидели в британской каталажке!.. Или вообще были бы убиты!

- Хватит, - тихо сказал Корженевский. - Шоу поставил нас перед fait accompli!... Однако, генерал, мне бы хотелось, чтобы впредь ваши люди не поступали столь опрометчиво. Вы же знаете - бедняге Барри не стал бы стрелять...

- Но они-то этого не знали. Моя армия - демократическая армия.

- Если вы не будете держать ухо востро, солдаты попросту уничтожат вас, - продолжал Корженевский. - Ведь они подчиняются только потому, что считают вас самым свирепым бандитом Китая. Попытайтесь ужесточить дисциплину, и в один прекрасный день они перережут вам горло.

Кивнув, Шоу повел нас к низким бетонным зданиям в виде пагод.

- Армия мне нужна до поры, до времени. Как только мой воздушный флот будет готов...

- Флот! - фыркнул Гевара. - Два корабля!

- Скоро их станет больше, - уверенно заявил Шоу. - Много больше.

Мы вошли в одно из зданий; здесь было сумрачно и прохладно.

- Полагаться на войска, Руди, - это вчерашний день. Я делаю ставку на науку. Многие наши проекты близки к завершению. А если удастся Проект БРА, я вообще распушу армию.

- БРА? - Юна Персон нахмурилась. - Что это?

Шоу рассмеялся.

- Юна, вы - физик, уж вам-то я и подавно не скажу ни слова. По крайней мере, сейчас.

Гостеприимно улыбаясь, к нам приблизился европеец в белом костюме; у него были светлые волосы и морщинистое лицо.

- А, товарищ Спендер! - воскликнул генерал. - Вы не могли бы на время приютить этих людей?

- С радостью, товарищ Шоу. - Спендер подошел к голой стене и провел по ней рукой. В тот же миг на стене вспыхнуло множество огоньков - некоторые из них были красными, но большинство - голубыми. Какое-то время товарищ Спендер задумчиво смотрел на голубые огни, а потом повернулся к нам. - Свободна вся восьмая секция. Одну секунду, я приготовлю комнаты. - Он коснулся нескольких голубых огоньков, и они стали красными. - Все готово.

- Спасибо, товарищ Спендер.

Я недоумевал, что означает этот странный ритуал.

Шоу провел нас по коридору с большими окнами, выходящими во дворик. Я увидел сверкающие фонтаны в новейших архитектурных стилях... Не могу сказать, что все они были в моем вкусе. Мы подошли к двери,

1
свершившимся фактом (франц.)

на которой была нарисована огромная цифра "8", и Шоу, коснувшись ее, приказал:

- Откройся!

Дверная панель скользнула вверх и исчезла в потолке.

- К сожалению, мы не можем предоставить каждому отдельные апартаменты. Поэтому вам придется сидеть по двое. В комнатах вы найдете все необходимое; связаться друг с другом можете по телефону. До встречи, господа.

Он вышел, дверь опустилась за его спиной. Я тут же положил на нее ладонь и скомандовал:

- Откройся!

Как я и ожидал, ничего не произошло. Дверь "узнавала" руку и голос Шоу! Определенно, это был город технических чудес!

Обсудив положение и проверив двери и окна, мы убедились, что сбегать отсюда не так-то просто.

- Будет лучше, если одну комнату разделим мы с вами, - заметил Гевара, похлопав меня по плечу. - А Юна и капитан Корженевский займут соседнюю.

- Что поделаешь... - недружелюбно ответил я.

В нашей комнате было две кровати, письменный стол, гардероб, комоды, полки с книгами, в том числе художественными, телефонный аппарат. На стене был прикреплен непонятный голубоватый прибор овальной формы. В окнах, выходящих в розовый сад, были пуленепробиваемые стекла, но фрамуги открывались достаточно широко, чтобы свежий воздух и запах цветов проникал вовнутрь. На кроватях лежали голубые пижамы.

Рудольфо Гевара прямо в одежде упал на застеленную кровать и мрачно ухмыльнулся.

- Ну, Бастейбл, вот вы и встретились с настоящими, закоренелыми революционерами. Согласитесь, рядом с ними я выгляжу бледновато.

- Все вы одним мирром мазаны, - вздохнул я, садясь на краешек постели и стаскивая тесные сапоги. - Просто Шоу еще безумнее, чем вы... и его безумие в тысячу раз опаснее. Вы, по крайней мере, осознаете, что ваши возможности не безграничны. Он же замахнулся на недостижимое!

- Хотел бы я разделять вашу уверенность, - серьезно проговорил Гевара. - Однако... Город-на-Заре заметно разросся с тех пор, как я последний раз был здесь. И кто бы поверил, что Шоу может украсть такой огромный лайнер, как "Лох-Итайв"! Да и его научные открытия, судя по этим апартаментам, обогнали мир... - Он нахмурился. - Интересно, что такое Проект БРА?

- Черт его знает, - сказал я. - Меня это не интересует. Единственное, чего я хочу - вернуться в нормальный, цивилизованный мир, где люди ведут себя разумно и благопристойно!

Снисходительно улыбувшись, Гевара сел и потянулся.

- Бог мой, ну и проголодался же я! Как вы думаете, поесть нам дадут? "Поесть", - послышался незнакомый голос.

Я оглянулся и обомлел: на голубом овале появилось лицо молоденькой китаянки! Девушка улыбнулась.

- Какую кухню предпочитаете, господа? Китайскую или европейскую?
- Разумеется, китайскую, - ответил Гевара за нас обоих. - Я от нее в восторге. А что у вас есть?

- Мы пошлем вам самые лучшие блюда. - Девушка исчезла.

Несколько секунд спустя, пока мы приходили в себя от изумления, в стене открылась ниша с подносом, уставленным разнообразными китайскими яствами. Гевара в нетерпении вскочил, схватил поднос и поставил на стол.

Запах, от которого текли слюнки, заставил меня позабыть обо всем на свете. Я принялся за еду, в который раз удивляясь, сколь отчетлив и ярок мой сон, навеянный наркотическим дурманом Шаран Канга.

Глава IV

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ

Поев, я умылся, переоделся в пижаму и забрался под одеяло.

Никогда еще мне не доводилось лежать в столь мягкой и удобной постели! Вскоре я погрузился в глубокий сон.

Проспал я остаток дня и всю ночь, а наутро почувствовал небывалый прилив сил и поэтому смог взглянуть на события последних дней с философской точки зрения. Удивительно, но, несмотря на то, что Корженевский, Гевара, Шоу и остальные анархисты по-прежнему казались фанатиками, ослепленными своими идеями, я вынужден был признать, что они не похожи на кровожадных людоедов - ведь они искренне верят, что борются за свободу "угнетенных" народов...

Давно я не чувствовал себя таким отдохнувшим - в мою душу даже закралось подозрение, не подсыпали ли нам в пищу наркотик. Однако, взглянув на Гевару, я понял, что граф за всю ночь так и не сомкнул глаз - по-прежнему в дорожном платье, он лежал на спине, закинув руки за голову, и мрачно разглядывал потолок.

- Похоже, граф, вы не очень довольны своим положением, - заметил я, направляясь в ванную.

- А чему радоваться, мистер Бастейбл? - Он раздраженно хмыкнул. - Я сижу взаперти, когда должен быть в Брунее и выполнять свой долг... Меня раздражает шутовская маска революционера, которую напялил на себя Шоу. Настоящий революционер скрытен и неприметен...

- В таком случае, роль подпольщика явно не для вас. - Я вздрогнул, потому что из крана неожиданно потек кипяток. - Газеты пестрят вашими фотографиями, и книги ваши, я слышал, широко известны.

- Я другое имел в виду. - Он посмотрел на меня красными от недосыпания глазами и прикрыл веки, словно не желая больше мириться с моим присутствием.

Меня позабавил своего рода дух соперничества, царящий между анархистами... или социалистами... или коммунистами... или как там они себя называют. Каждый из них, казалось, знал, как изменить мир к лучшему, и

каждый отвергал идеи другого. Если бы они реально взглянули на вещи, думаю, их борьба стала бы во сто крат эффективнее.

Вытирая лицо полотенцем, я посмотрел в окно. Да, Шоу достиг немало.

Вставало солнце. В розовом садике играли и смеялись дети - разного возраста, разных национальностей. По тропинкам, непринужденно беседуя, прогуливались мужчины и женщины. Многие из них наверняка состояли в смешанных браках... Как ни странно, меня это не удивляло. Напротив, казалось естественным. Помнится, Шоу назвал это поселение Городом на Заре Демократии, Городом Равенства... Однако возможно ли подобное равенство в остальном мире? Не жидется ли Город лишь на беспочвенных мечтаниях генерала Шоу? Я поделился этой мыслью с Геварой и прибавил:

- Вокруг так мирно и спокойно... Но вам не кажется, что этот город построен на пиратстве и убийствах, точно так же, как и Лондон, по вашим словам, построен на несправедливости?

Гевара приоткрыл глаза и пожал плечами.

- Мне нет до этого дела. - Он помолчал. - Но, честно говоря, у меня такое впечатление, что Город-на-Заре - это начало. Фундамент грядущего. А Лондон - это финал. Последний оплот мертвой идеологии.

- В каком смысле?

- Европе больше не к чему стремиться. У нее нет будущего... Будущее рождается здесь, в Китае, который еще умеет мечтать. Рождается в Африке, в Индии, в Средней Азии, на Дальнем Востоке... наверное, и в Южной Америке... А Европа умирает. Признаться, мне жаль. Однако перед смертью она покажет обесчещенным ею народам, каких высот те могут достигнуть.

- Значит, мы катимся в пропасть?

- Этого я не говорил. Понимаете, как хотите.

Я не мог уследить за ходом его мысли и поэтому промолчал.

Вычищенная и выглаженная одежда лежала на кровати. Я оделся.

Спустя некоторое время раздался тихий стук в дверь, и к нам заглянул глубокий старик с белой как снег козлиной бородкой, подстриженной на китайский манер. Одет он был в простой хлопчатобумажный костюм. Незнакомец выглядел так, словно прожил целое столетие и повидал все на свете.

- Доб'ое ут'о, молодой человек. Доб'ое ут'о, Гева'а, - сказал он, опираясь на трость. У него был тонкий, хриловатый голос с сильным русским акцентом.

Отбросив невеселые мысли, Гевара вскочил и приветствовал гостя:

- Дядя Владимир! Как здоровье?

- Спасибо, хо'ошо. Чувствую, п'авда, что мне недолго осталось.

Старец сел в мягкое кресло, и граф представил нас друг другу:

- Мистер Бастейбл, это Владимир Ильич Ульянов. Он был революционером, когда мы с вами еще на свет не родились.

Я решил не разубеждать его и пожал руку гостю. Гевара засмеялся.

- Дядя, мистер Бастейбл - закоренелый капиталист. Он называет нас анархистами и убийцами!

Ульянов захихикал.

- Меня всегда смешит, когда людоед обвиняет свою же тьву. В двадцатые годы, до того, как я вынужден был покинуть 'оссию, подобные обвинения на меня сыпались тысячами... Тогда пост п'едседателя Думы занял Ке'енский... Он все еще у ко'мила власти?

- Умер в прошлом году, дядя. Ваши соотечественники выбрали нового председателя. Сейчас им стал князь Суханов.

- И, без сомнения, лижет пятки 'омановым, как и его п'едшественник... Дума! Па'одия на демок'атию! Каким же я был идиотом, что позволил выб'ать себя на пост п'едседателя! Нет, надо было идти д'угим путем! Путем воо'уженной бо'ьбы! 'оссией все еще п'авит ца'ь - даже если власть официально п'инадлежит так называемому па'ламенту.

- Верно, дядя... - пробормотал Гевара.

Мне показалось, что граф подтрунивает над ним. Хотя он, конечно, восхищался этим человеком, в свое время вершившим великие дела, а теперь превратившимся в забавного старичка.

- Ах, если бы мне п'едставился случай, - продолжал Ульянов. - Я показал бы Ке'енскому, что такое настоящая демок'атия. Я ог'аничил бы власть ца'я... или даже све'г его... Да, да... Это было бы возможно, если бы восстал весь на'од. В исто'ии всегда есть такой момент..., а я упустил его. Может, я спал в это в'емя, или был в ссылке в Ге'мании, или... - он грустно улыбнулся, - или занимался любовью... Ха! Но в один п'ек'асный день 'оссия будет освобождена, а, 'удольфо? Мы оделаем из 'омановых честных т'ужеников, сошлем в Сиби'ь Ке'енского и его "па'ламент" - как он сослал меня, п'авда? Ско'о, ско'о п'оизойдет 'еволюция!

- Скоро, дядя.

- Дайте людям еще немного поголодать. Сделайте их т'уд еще тяжелее. Это а'хиважно. Пусть на'од лучше узнает, что такое болезни, ст'ах, сме'ть - и тогда он поднимется. Как волна, кото'ая смоет всех этих п'одажных князьков и купчишек, утопит их в собственной к'ови!

- Так и будет, дядя.

- Ах, если б я не упустил шанс! Если б Дума мне подчинилась!.. Но этот лис Ке'енский обманул, опозо'ил меня, выгнал с 'одины, из моей 'оссии...

- Когда-нибудь вы вернетесь.

Ульянов хитро подмигнул Геваре.

- А я уже возв'ащался 'аза два! 'асп'ост'анил несколько памфлетов. Навестил Б'онштейна - давнего своего това'ища по па'тии... п'ипугнул, что если ох'анка схватит меня, то и его заподоз'ят в подпольной деятельности... Б'онштейн когда-то был 'еволюционе'ом, но потом отошел от бо'ьбы и тепе'ь де'житься за свое к'есло в Думе... Ев'си! Все они одинаковы!

Гевара нахмурился.

- Евреи евреям рознь, дядя.

- Ну да, ну да. Однако Б'онштейн... Ах, что гово'ить... Ему уже девяносто семь. Он ско'о ум'ет. И я ум'у...

- Но ваши работы останутся в веках, Владимир Ильич. Они вдохновят на борьбу новое поколение революционеров - всех тех, кто сейчас учится ненавидеть несправедливость.

- Да, - кивнул Ульянов. - Будем надеяться... Вп'очем, они уже не вспомнят вот этого... - И он принялся рассказывать бородатые анекдоты.

Гевара скрывал нетерпение и не перебивал, даже когда старик стал обвинять его в том, что граф, дескать, сошел с "пути истинного 'еволюционе'а".

Тем временем я произнес волшебное слово "еда", и на бело-голубоватом овале возникло изображение юной китайки. Я заказал завтрак на троих, взял тут же появившийся поднос, и мы с Геварой с аппетитом позавтракали. Ульянов же не собирался тратить время на еду - пока мы ели, он болтал без умолку. Чем-то он напомнил мне лам, которых я встречал в бытность мою офицером Индийской армии - речь его казалась столь же бессмысленной. И все же я уважал старого революционера - как уважал лам - за его возраст, за его веру, за то, что он не сворачивает с дороги к своей мечте. Ульянов выглядел милым, доброжелательным старичком. Совсем не таким я представлял себе закоренелого революционера.

Когда он повторял фразу: "Дайте людям еще немного поголодать, сделайте их т'уд еще тяжелее, пусть на'од лучше узнает, что такое болезни, ст'ах, сме'ть - и тогда он поднимется... Как волна..." дверь открылась, и на пороге появился Шоу - в белом костюме, с сигаретой во рту.

- Волна, которая смоеет несправедливость, да, Владимир Ильич? Старая песенка. - Он улыбнулся. - А я, как обычно, с вами не согласен.

Улыбнувшись в ответ, Ульянов погрозил ему пальцем.

- Не п'истало вам, батенька, спо'ить со ста'ым человеком. Это не в т'адичиях Китая. Вы должны п'ислушиваться к моим словам.

- А вы что думаете, мистер Бастейбл? - весело поинтересовался Шоу. - Из отчаяния ли рождается революция?

- Я ничего не смыслю в революциях, - ответил я. - Хотя, согласен, кое-какие реформы не помешают. Например в России.

Ульянов рассмеялся.

- Кое-какие 'ефо'мы! Ха-ха! Именно этого и хотел Ке'енский. Но, когда доходит до дела, о 'ефо'мах забывают. Так уж повелось. Должна 'ухнуть вся система!

- Революцию, мистер Бастейбл, породит надежда, а не отчаяние, - заметил Шоу. - Дайте людям надежду, покажите им, какой мир ждет их - и тогда они захотят построить его. Отчаяние же порождает еще большее отчаяние, и душа человеческая умирает. Вот в чем ошибка товарища Ульянова и его последователей. "Народ восстанет, когда жизнь станет невыносимой", - утверждают они. Это неверно. Он не восстанет. Он просто махнет на все рукой. Напротив, дайте людям почувствовать, что такое свобода, что такое нормальная жизнь, и тогда они потребуют: еще, еще! Вот как начнется революция. Поэтому Город-на-Заре раздает невероятные

богатства китайским кули. Мы создаем страну, которая станет примером для всех угнетенных народов планеты.

Ульянов покачал головой.

- Ба! Б'онштейн вынашивал ту же идею - и посмот'ите, что с ним стало!

- Бронштейн?.. А, ваш старый враг.

- Некогда он был моим д'угом... - Внезапно погрузнев, Ульянов под-
нялся на ноги и вздохнул. - Тем не менее, мы все здесь това'ищи, пусть и
'асходимся во взглядах. - Он пристально посмотрел мне в глаза. - Мы
иногда спо'им, но не думайте, мисте' Бастейбл, что мы 'азобщены.

Признаться, я думал именно так.

- Мы - люди, знаете ли, - продолжал Ульянов, - а людям свойственно
мечтать. И все, что ни п'идумает человеческий 'азум, может стать 'еально-
стью. Как доб'ое, так и злое. Доб'ое или злое!

- Или - и то, и другое, - заметил я.

- Что вы имеете в виду?

- У медали две стороны. Любая прекрасная греза о совершенном мире
может обернуться кошмаром.

Улыбка тронула губы Ульянова.

- И поэтому мы не должны ст'емиться к идеалу? Ведь идеалы, 'ушась,
'аздавливают нас, не так ли?

- Идеалы - абстракция, - поморщился я. - Владимир Ильич, несправед-
ливости в мире гораздо больше, чем справедливости.

- Вы полагаете, что мы, мечтая об утопии, забываем о человеке?

- Ну, может быть, не вы лично...

- Мисте' Бастейбл, это извечная п'облема иск'енных п'иве'женцев всех
'елигий. И ее 'ешения не существует.

- Насколько я могу судить, вообще не существует решения проблем,
так или иначе касающихся отношений между людьми. Назовите эту фило-
софию "британский прагматизм" и примите ее как само собой разумеюще-
еся.

- Определенно, Англия так и сделала, - усмехнулся Гевара. - Но вы,
надеюсь, согласитесь со мной: в поиске альтернативы "само собой разуме-
ющемуся" есть своя прелесть.

- Для этого ми'а должна существовать лучшая альте'натива! - с чувст-
вом произнес Ульянов. - Должна!

Шоу, как оказалось, заглянул к нам, чтобы пригласить на экскурсию по
городу. И вот мы - генерал, я, граф Гевара, Юна Персон и окончательно
поправившийся Корженевский (у него даже шрама на голове не осталось) -
пошли вниз по широкой, залитой солнцем улице.

Город-на-Заре дал мне понять, что революционеры - это не обяза-
тельно тупоголовые нигилисты, которые убивают людей и взрывают дома,
которые сами не знают, что собираются построить на обломках разрушен-
ного ими мира. Здесь, в Городе, я увидел мечту революционеров, ставшую
реальностью...

Но... реальностью ли? Я по-прежнему сомневался, что это великолепие можно распространить по всей планете.

Мир семидесятых годов поначалу казался мне утопией. Теперь мне стало ясно, что она принадлежит только избранным. А Шоу собирался основать Утопию для всех.

Затем я вспомнил кровь на капитанском мостике "Скитальца" - кровь Барри. Это убийство как-то не вязалось с тем, что я видел сейчас своими глазами.

Шоу показал нам школы, столовые, цеха, лаборатории, театры, ателье, - везде были счастливые, довольные жизнью люди различных национальностей, рас и религий. Это производило впечатление.

- Такими станут Азия и Африка, если не покорятся алчной Европе, - говорил Шоу. - Экономически мы скоро будем сильнее ее - и тогда наступит равновесие сил. Тогда вы увидите, что такое справедливость!

- Однако вы следуете европейским идеалам, - заметил я. - Если б не мы, вам...

- Верно, мистер Бастейбл, люди учатся на примерах. Но идеалы нельзя навязывать.

Мы вошли в полутемный кинозал. Шоу предложил нам сесть. Экран засветился. Я увидел смеющихся японских солдат - их длинные мечи поднимались, опускались... и китайцы - мужчины и женщины - падали, обезглавленные. Я был ошарашен.

- Деревня Шинянь в японской Маньчжурии, - очень спокойно произнес Шоу. - Жители не смогли собрать ежегодную норму риса и были наказаны. Это случилось в прошлом году.

- Но ведь это японцы... - только и смог выдавить я.

Тем временем на экране появились кули, прокладывающие железную дорогу; люди в русской военной форме подгоняли их хлыстами.

- Жестокость русских общеизвестна, - сказал я. Шоу промолчал.

Место действия опять сменилось: оборванные, изможденные простолюдины-азиаты - среди них женщины и дети - с палками и мотыгами в руках бегут к каменной стене. Раздаются выстрелы, люди падают, корчатся, кричат в агонии, истекая кровью... Стрельба продолжается до тех пор, пока не умирает последний. Из-за стены с винтовками наперевес выходят солдаты в коричневой форме и широкополых шляпах; идут между трупов, проверяя, не осталось ли кого в живых.

- Американцы!

- Именно, - бесцветным голосом подтвердил Шоу. - Не так давно в некоторых провинциях Таиланда были волнения... То, что вы видели, произошло неподалеку от Бангкока. Американские войска помогли правительству утихомирить недовольных.

На экране показался индийский городок - бесчисленные ряды каменных лачуг.

- Никого нет, - сказал я.

- Потерпите.

Камера двинулась вдоль безлюдных улиц и вывела нас за черту города. Там я увидел солдат в красных мундирах - орудия лопатами, они сбрасывали трупы в заполненные известью ямы.

- Холера?

- Холера. А также тиф, малярия, оспа... Однако из-за этого был уничтожен целый город. Смотрите. - Камера придвинулась ближе, и я увидел, что тела буквально изрешечены пулями. - Эти люди шли в Дели, не имея на то разрешения. Не подчинились приказу остановиться. И все были расстреляны.

- Правительство наверняка ничего не знало, - возразил я. - Просто офицер запаниковал... Всякое случается.

- Русские, японцы, американцы тоже паниковали?

- Н-нет.

- Вот так поступают власти, когда им что-то угрожает, - сказал Шоу. В его глазах стояли слезы.

Я стал убеждать себя, что фильм - подделка, что на съемки были приглашены актеры, дабы сбивать с толку таких, как я... Однако... я знал, что это хроника.

Мы покинули кинозал. Меня бил озноб. Я чувствовал себя разбитым. Я плакал.

Не проронив ни слова, мы вышли к импровизированному аэропарку. Рабочие собирали фермы, которые, очевидно, станут причальными мачтами для кораблей внушительных размеров. Паутина тросов все еще притягивала "Скатальца" к земле, а "Лох-Итайва" не было видно.

- А где второй корабль? - поинтересовался Корженевский.

Шоу посмотрел на него, словно не понимая, а затем, вспомнив о своих обязанностях хозяина, улыбнулся.

- "Лох-Итайв"? Скоро вернется. Надеюсь, второе задание он выполнит столь же успешно, как и первое.

- Задания? - спросил Гевара. - Какие задания?

- Первым было расстрелять японский императорский корабль "Каназава". Мы поставили на "Лох-Итайве" кое-какое опытное вооружение... Превосходное, доложу я вам. Никакой отдачи. А большие пушки на борту воздушного корабля всегда доставляют массу хлопот, верно?

- Верно. - Корженевский принялся раскуривать трубку. - Верно.

- Вторым заданием было разбомбить участок Транссибирской железной дороги и реквизировать некий груз с поезда, направляющегося в Москву. Мне недавно доложили, что груз уже на "Лох-Итайве"... Если это то, что мне нужно, значит, Проект БРА будет закончен раньше срока.

- Так что же это такое - Проект БРА? - спросила Юна Персон.

Генерал Шоу указал на другую сторону аэропарка, где возвышалось похожее на заводской корпус строение.

- Он находится там. Должен признаться, Проект влетел нам в копеечку. Вот, собственно, и все, что я могу сказать. Я и сам с трудом понимаю, в чем его суть. Над ним работает большинство наших физиков из Германии и

Венгрии, а также несколько американцев и англичан. Все они - политические беженцы, прекрасные, талантливые ученые... Как видите, тирания кое в чем выгодна Городу-на-Заре, и это очень беспокоит Запад.

- Этим вы только злите Великие Державы, - заявил я. Неужели Шоу не ведает, что творит? - Угнали британский корабль, чтобы уничтожить японский и разбомбить железную дорогу русских... Великие Державы объединятся и нападут на вас. Городу вскоре не поздоровится.

- Здесь заложники с "Лох-Итайва", - беспечно возразил Шоу.

- Думаете, это остановит японцев или русских?

- Нет, но возникнет серьезная дипломатическая загвоздка. А мы тем временем укрепим свою оборону.

- Все равно вы не устоите против объединенного флота Британии, Японии и России! - воскликнул я.

- Поживем - увидим, - ответил Шоу и сменил тему: - Вам понравился мой "волшебный фонарь"? Что скажете?

- Нужно внимательнее следить за колониями. В этом вы меня убедили.

- И только-то?

- Генерал, есть другие пути борьбы с несправедливостью. Не только революции и кровопролитные войны.

- Нет, раковую опухоль нужно вырезать, иного выхода не существует, - вставил капитан Корженевский, - Теперь я это понял...

- Тише! - Шоу вдруг повернулся в сторону холмов. - Фей-чи приближается...

- Что приближается?

- Летательный аппарат.

- Не вижу, - сказал Корженевский.

Я тоже не заметил никаких признаков "Лох-Итайва" - разве что отдаленный звук, похожий на писк комара, доносился до нас.

- Да вон же! - усмехнулся Шоу. - Вон там!

На горизонте появилось темное пятнышко; писк превратился в пронзительный вой.

- Вон! - Шоу возбужденно захихикал. - Я не говорил, что это корабль... Я сказал - фей-чи... маленький шершень.

Инстинктивно пригнув голову, я успел заметить нечто, напоминающее ветряную мельницу - длинные, как у птиц, крылья, вращающиеся с невообразимой скоростью. Затем оно пронеслось над нами и исчезло вдали. Лишь злобное завывание некоторое время стояло у нас в ушах.

- Господи Боже! - воскликнул Корженевский, вынимая трубку из рта. Впервые я видел его таким изумленным. - Эта птичьева тяжесть воздуха! Я был уверен... Я всегда говорил, что... такого не может быть!

Шоу засмеялся.

- А у меня их пятьдесят, капитан. Полсотни маленьких шершей с очень острыми жалами. Городу-на-Заре не страшно любое оружие Великих Держав! Теперь понимаете?

- По-моему, они очень хрупкие, - заметил я.

- Что есть, то есть, - признался Шоу. - Но их преимущество в скорости - около пятисот миль в час. Враг и прицелиться не успеет, как фей-чи продырявит его разрывными пулями.

- Откуда у вас... Кто построил этот аппарат? - спросил Гевара.

- Ну, у одного из моих американцев родилась идея, - туманно ответил Шоу, - а кое-кто из французских инженеров воплотил ее в металле. Меньше, чем за неделю, мы построили и испытали первую машину. А через месяц довели ее до окончательного варианта.

- Я восхищаюсь смелостью пилота, - сказал Гевара, - но как ему удастся выдерживать такие перегрузки?

- Разумеется, на нем специальный костюм. И, разумеется, его реакции подстать скорости - иначе бы он не справился с управлением.

- Как бы то ни было, - вздохнул Корженевский, - я по-прежнему отдаю предпочтение воздушным кораблям. Они заслуживают больше доверия, чем эти... Подумать только - аппараты тяжелее воздуха!

Шоу бросил на меня лукавый взгляд.

- Ну, мистер Бастейбл? По-прежнему ли я безумен в ваших глазах?

- Да... Но это безумие несколько иного рода, чем я предполагал. - Мой взор был устремлен в ту сторону, где исчез фей-чи. Всем сердцем я желал вернуться в свое время, где аппараты тяжелее воздуха, беспроводный телефон, цветной и звуковой кинематограф в каждой комнате - не более, чем детские выдумки и бред умалишенных... Я вспомнил о мистере Герберте Дж. Уэллсе и перевел взгляд на корпус Проекта БРА. - А машину времени вы, часом, не изобрели?

Генерал усмехнулся.

- Увы. Но идеи уже есть. А почему вы спросили?

Я промолчал, пожав плечами.

- Хотите узнать, чем все это кончится? - Гевара хлопнул меня по плечу. - Собираетесь отправиться в будущее и посмотреть на Утопию мистера Шоу? - Анархист-аристократ уже встал на сторону генерала.

Я отрицательно покачал головой и вздохнул:

- Устал я от этих утопий...

Глава V

НАШЕСТВИЕ ВОЗДУШНОЙ ЭСКАДРЫ

Я не пытался бежать из Города-на-Заре. Это было бессмысленно: люди генерала Шоу охраняли все дороги, ведущие из долины, оба воздушных корабля и ангары, где стояли фей-чи. Несколько раз я наблюдал, как пилоты-китайцы испытывают эти аппараты. Авиаторы были рослыми, пышущими здоровьем, уверенными в себе парнями - они быстро осваивали удивительные машины. Я же никак не мог поверить в то, что аппарат тяжелее воздуха может подняться в небо...

Заложники с "Лох-Итайва", как и говорил Шоу, были живы-здоровы. Я даже поговорил с офицерами, которых знал еще по службе на этом судне.

Они рассказали, что капитан Хардинг умер вскоре после того, как вернулся в свой домик в Бальхаме, где он обычно проводил отпуск. Не стало и другого моего знакомого: в старой газете я прочитал, что в уличной стычке с вооруженными полицейскими был убит Корнелиус Демпси. Как выяснилось, он был членом анархической группировки, осажденной в каком-то здании Восточного Лондона. Тело его до сих пор не найдено, но свидетели утверждают, что он погиб, пытаясь вместе с друзьями покинуть дом... К чувству уныния, оставшемуся у меня после кинохроники, прибавилась горечь утраты.

Большинство газет, которые люди Шоу доставляли в долину, наперебой рассказывали о дерзких налетах генерала и связанных с ними грабежах и убийствах. Одна-две газеты именовали его "первым бандитом современности" и даже нарекли "Небесным Полководцем". Пока Англия пыталась отговорить Россию и Японию от немедленного возмездия, а Центральное правительство Китая - остановить вторгающиеся на его территорию корабли, генерал Шоу совершил несколько успешных пиратских вылазок, нападая с воздуха на поезда, морские суда, военные базы и научные институты, и забирая все, что ему было нужно. А то, что ему нужно не было, он отдавал народу: перекрашенный корабль с изображением алых знамен (кстати, из "Лох-Итайва" переименованный в "Шань-Тьень", что значит "Молния") снижался над какой-нибудь китайской деревушкой, и на изумленных жителей, как из рога изобилия, сыпались мануфактура, провиант, деньги - равно как и листовки, призывающие людей вступать в армию Миротворца Шуо Хо Ти, чтобы освободить Китай от порабощителей. И люди приходили к нему - тысячами вливались в дислоцирующуюся на противоположном конце долины армию. Пополнялся и воздушный флот Шоу - генерал под угрозой пушек заставлял торговые суда опускаться на землю и, высадив экипаж, отправлял в Утреннюю долину, где их вооружали по последнему слову техники. Единственной проблемой являлся недостаток опыта у авиаторов генерала, а два даже погибли. Шоу не раз предлагал мне принять командование любым воздушным кораблем, но я отказывался. Окажись я на борту судна, я непременно попытаюсь бежать... Кроме того, мне не хотелось участвовать в пиратских налетах, поскольку я все еще надеялся вернуться к прежней жизни.

Однажды Небесный Полководец рассказал мне о своем прошлом.

Шоу был сыном английского миссионера и китаянки. Они мирно жили в глухой шаньдунской деревне, пока не привлекли внимание тамошнего правителя Лао-Шу - обычного бандита, как отозвался о нем генерал. Лао-Шу убил отца маленького Шуо Хо Ти, а мать взял в наложницы. Мальчик воспитывался вместе с многочисленными детьми правителя, а потом бежал в Пекин, где учился брат его отца. Оттуда он перебрался в Англию. Пошел в школу... именно в школе Шоу стал ненавидеть, по его словам, "то, что Англия ни в грош не ставит "низшие" расы, классы и религии". После школы Шоу поступил в Оксфордский университет, там он начал понимать, что "империализм - это болезнь, которая лишает большинство стран их достоинства и права самим решать свою судьбу". "Да, - сразу признал он, - это английские воззрения, но беда в том, что вы, британцы, считаете их своей привилегией. Захватчик прекрасно понимает, что его моральное превосходство гораздо быстрее приведет к победе,

нежели бессмысленная жестокость". С отличием окончив университет, Шоу пошел в армию, где постарался узнать как можно больше об английском военном деле. Затем переехал в Гонконг - британскую колонию, - стал полицейским и, разумеется, научился бегло говорить на мандаринском и кантонском диалектах. Вскоре он оставил службу, уведя с собой целое отделение местных полицейских и захватив значительное количество оружия, вернулся в Шаньдун, которым еще правил Лао-Шу... "Я отомстил убийце моего отца и занял его место," - ровным голосом сообщил он мне. Тем временем умерла мать Шоу... Поскольку у него имелись связи с революционерами почти по всему свету, он задумал построить Город-на-Заре. "Нужно взять у Европы всех тех, кого она высокомерно отвергает - ученых, инженеров, политиков, писателей, которые достаточно умны, чтобы ненавидеть собственное правительство - и использовать их в интересах моего родного Китая".

- Это только часть того, что должна нам Европа, - говорил Шоу. - Вскоре мы сможем востребовать и остаток долга... Знаете, с чего они начали уничтожение Китая? Я имею в виду в первую очередь англичан, но и американцы приложили руку... Так вот, они выращивали в Индии - на огромных плантациях! - опиум и тайком продавали в Китае, где он официально запрещен. Контрабандистам платили китайским серебром, и это вызвало такую инфляцию, что вся экономика очень быстро пришла в упадок. А когда правительство стало протестовать, иностранцы послали сюда свои армии, дабы Китай не смел самовольничать. Итог - подорванная экономика и повсеместная наркомания... Разумеется, это было вызвано только "врожденной моральной неполноценностью населения..." - Шоу рассмеялся. - Быстроходные опиумные клипперы, занимающиеся исключительно перевозкой наркотиков из Индии в Китай, доставляли сюда и Библию. Этого потребовали миссионеры - дескать, раз их, владеющих "пиджин-чайнс", превратили в контрабандистов, то они, помимо опиума, должны нести Китаю и слово Божие. После этого пути назад уже не было... А европейцы недоумевают, с чего китайцы так ненавидят их!

...Как-то Шоу угрюмо заметил:

- "Иностранные черти"? Думаете, мистер Бастейбл, "черти" - достаточно крепкое слово?

...А однажды он заявил:

- Скоро огромные шаньдунские фабрики станут нашими. Пекинские лаборатории, школы и музеи... кантонские торговые и промышленные центры... бескрайние рисовые поля - все будет наше! - Его глаза сияли. - Китай станет единым. Чужеземцев мы выдворим из страны, и все граждане будут равны. Мы покажем пример всему миру!

- Если вам повезет, - спокойно ответил я, - докажите людям, что вы их любите. Доброта тоже производит впечатление - как фабрики и военная мощь.

Шоу пристально посмотрел на меня.

На поле за городом находилось уже около полутора десятков пришвартованных к мачтам кораблей и примерно сто фей-чи в ангарах. Артиллерия

и пехота могли защитить долину от нападения с любой стороны. И мы знали, что оно не заставит себя ждать.

Я сказал - "мы"? Почему я вдруг стал отождествлять себя с революционерами и террористами? Не знаю... Я отказался присоединиться к ним, но надеялся, что они одержат победу. Победу над воздушным флотом моей нации, который собирается нанести удар и, без сомнения, будет разгромлен. Как изменился я всего за несколько недель! Я мог думать без содрогания о неотвратимой гибели британских солдат... моих товарищей...

Но надо смотреть фактам в лицо: жители Города-на-Заре тоже были моими товарищами, даже если я не разделял их целей. Я не хотел, чтобы Город-на-Заре и все, что он олицетворяет, оказались уничтожены. Напротив, я надеялся, что генерал Шоу освободит свою страну от чужеземцев и вернет ей былое величие.

В смятении и тревоге ждал я нападения "врагов"... моих сограждан...

Я спал в своей постели, когда экран аппарата "тьень-йинь" ("электрические призраки") засветился, и на нем появилось лицо генерала Шоу. Он выглядел мрачным и взволнованным.

- Они уже близко, мистер Бастейбл. Думаю, вы захотите посмотреть этот спектакль.

- Кто... что... - пробормотал я спросонья.

- Воздушные эскадры - американские, английские, русские, японские и, кажется, французские. Торопятся сюда, чтобы проучить зарвавшегося китаезу... - Он отвернулся и быстро закончил: - Мне пора. Буду ждать вас в штаб-квартире.

- Я приду.

Изображение померкло, а я вскочил на ноги, умылся, оделся и поспешил по пустым улицам к круглой башне - административному центру города. Там повсюду кипела работа. С британского флагмана "Императрица Виктория" по беспроволочному телефону пришло предложение: если Шоу освободит заложников с "Лох-Итайва", то вместе с ними могут уйти женщины и дети Города-на-Заре - им не причинят вреда. На это Шоу ответил, что заложники уже переведены на другой конец долины, где их отпустят на все четыре стороны. А жители Города-на-Заре будут сражаться плечом к плечу до последнего.

К долине приближаются сто воздушных кораблей, передали с "Императрицы Виктории", поэтому генералу больше часа не продержаться. Шоу заметил, что, как ему кажется, город продержится несколько дольше. Задумчиво поглядев в окно, Шоу добавил: "Интересная новость: два японских броненосца не так давно разбомбили деревню, которой я помогал. Любопытно, применяют ли англичане те же методы борьбы?"

"Императрица Виктория" прервала связь. Генерал Шоу холодно усмехнулся и только сейчас заметил меня.

- А, Бастейбл! Ну, с Богом! Японцы дорого за это заплатят. Хотел бы я... Что там еще? - Адъютант протянул ему записку. - Хорошо, понял. Проект БРА близится к завершению.

У противоположной стены стояли Гевара и Юна Персон - они о чем-то беседовали с одним из "командармов", одетым в хлопчатобумажный мундир. Отца миссис Персон нигде не было видно.

- А где капитан Корженевский?

- Он вновь командует "Скитальцем", - ответил Шоу, указывая в сторону аэропарка. Крохотные фигурки людей сновали туда-сюда, подготавливая корабли к вылету. На таком расстоянии фей-чи было не разглядеть. - А вот и наши гости, - добавил Шоу.

Поначалу мне казалось, что из-за гряды холмов на горизонте надвигается огромная черная туча. До меня донесся отдаленный гул, какой издавало бы множество гонгов, если по ним бить в унисон. Звук все нарастал, а туча постепенно накрыла Утреннюю долину зловещей черной тенью.

Это был объединенный воздушный флот пяти Великих Держав.

Все корабли - каждый не менее тысячи футов длиной - имели бронированный корпус. Все оцетинились пушками и огнеметами. Все в едином строю вершили свой грозный путь, намереваясь жестоко отомстить наглецам, посмеявшимся усомниться во власти и силе своих хозяев. Целая стая кровожадных акул, уверенных, что небо, а следовательно, и земля принадлежат им.

Там были корабли Японии - с малиновым солнцем империи на белых лоснящихся бортах...

Корабли России - на темно-красном фоне чернел огромный двуглавый орел с поднятыми, словно для удара, когтистыми лапами...

Синие корабли Франции с трехцветным флагом - лицемерие, насмешка над республикой, оскорбление идеалов французской революции...

Корабли Америки - со звездно-полосатым флагом, давно переставшим быть символом Свободы...

Корабли Британии...

Корабли, вооруженные пушками и бомбами; корабли, чьи капитаны самонадеянно полагали, что уничтожить Город-на-Заре и все, что он собой олицетворяет - проще простого.

Корабли-хищники, алчные, жестокие и надменные; в рокоте их моторов слышался победный смех...

Я почти не верил, что мы сможем противостоять им хоть одно мгновение.

Раздались первые выстрелы наших сил обороны, но воздушная флотилия, словно не замечая разрывов, продолжала идти сквозь дым и сполохи огня. В небо, навстречу врагу, поднялся наш крошечный флот: пятнадцать переоснащенных торговых судов против сотни броненосцев. Конечно, корабли защитников имели свои преимущества - безоткатные дальнобойные орудия с более точным, чем у врага, прицелом; способность зависать в воздухе... но броненосцы были почти неуязвимы, поэтому большинство разрывных снарядов всего лишь царапало краску их корпусов или, в лучшем случае, разбивало иллюминаторы гондол.

В ответ на выстрелы с борта ведущего ЕИВ Воздушного Корабля "Король Эдуард" метнулась струя пламени. Я увидел, как корпус одного из наших "торговцев" вдруг сморщился, корабль клоннул носом и устремился к каменистой земле предгорья. Люди попрыгали за борт, безрассудно надеясь избежать гибели. Моторы взорвались, повалили клубы черного дыма - ведь жидкое топливо возгорается мгновенно...

Мрачно глядя в окно, Шоу отдавал приказы по беспроводному телефону. Как трудно оказалось нанести ущерб вражеской эскадре, и с какой легкостью она уничтожила наш корабль!

"Ба-бах!.. Ба-бах!.." - вновь грохнули гигантские орудия, и еще один вооруженный "торговец", переломившись, рухнул на землю.

Лишь теперь я начал жалеть, что отказался от командования каким-нибудь кораблем. Лишь теперь почувствовал я, что должен быть рядом с защитниками, дабы, забыв о чести британского офицера, хоть как-то отплатить незванным гостям...

Ба-бах!..

Крутясь, падал "Скиталец" - гелий быстро улетучивался из пробитого, сжимающегося корпуса; два мотора были объаты пламенем. Следя за его падением, я молился, чтобы газа хватило и корабль опустился сравнительно мягко... Однако он весил почти сотню тонн, и сила тяжести неумолимо влекла его вниз. Я закрыл глаза и поежился, когда мне показалось, что земля вздрогнула от удара. Я не сомневался в гибели капитана Корженевского.

Но вот, словно вдохновленный геройской смертью старого шкипера, "Шань-Тьень" (бывший "Лох-Итайв") дал бортовой залп по японскому флагману "Ёкомото" и, должно быть, попал в крыйт-камеру, поскольку вражеский корабль тут же развалился на тысячи сверкающих обломков. Затем рухнули еще два броненосца, и мы заплодировали - все, кроме Юны Персон. Девушка отрешенно смотрела в ту сторону, где упал "Скиталец". Гевара оживленно разговаривал с генералом и, казалось, не замечал горя своей любовницы.

Я подошел и дотронулся до ее плеча.

- Возможно, он только ранен.

Юна Персон улыбнулась сквозь слезы и отрицательно покачала головой.

- Нет, он погиб... Но погиб достойно, правда?

- Как и жил, - ответил я.

- Я думала, вы его ненавидите... - в замешательстве произнесла она.

- Мне тоже так казалось... но я любил вашего отца.

Она кивнула и коснулась моей руки.

- Спасибо, мистер Бастейбл... Надеюсь, он погиб не напрасно...

- Пока мы держимся. - Вот и все, что я смог ответить ей - ведь защитники уже потеряли пять кораблей из пятнадцати, тогда как у врага их оставалось не меньше девяноста.

Глядя в небо, Шоу внимательно слушал донесения по телефону.

- Пехота и моторизованная кавалерия атакуют со всех сторон, - сообщил он. - Наши стоят насмерть... - Он послушал еще немного. - Не думаю, что с земли нам грозит серьезная опасность.

Воздушные атаки защитников и артиллерийский обстрел с земли не позволяли вражеским дредноутам приблизиться к Городу-на-Заре. Упали еще два наших корабля.

- Что ж, настал час фей-чи, - пробормотал Шоу и отдал приказ по телефону. - Великие Державы считают, что победа уже за ними! Сейчас мы покажем им настоящую мощь! - Он связался с охраной здания, где размещался Проект БРА, и напомнил, что ни один вражеский корабль не должен туда прорваться. По-видимому, этот проект играл важнейшую роль в стратегии Шоу.

Я увидел, как удивительные машины с беспено вращающимися пропеллерами, пронзив тучи дыма, поднялись над эскадрой и, пикируя, принялись поливать броненосцы разрывными пулями. Враг очевидно, не понимал, что происходит.

На землю рухнула "Императрица Виктория".

Упал "Теодор Рузвельт".

Упал "Александр Невский".

"Тасиява".

Медленно кувyrкаясь или взрываясь прямо в воздухе, вражеские корабли один за другим падали с неба. Не верилось, что хрупкие фей-чи, с экипажем только из пилота и стрелка, произвели такое опустошение в рядах противника. Броненосцы не могли поразить столь маленькие и юркие цели. Их крупнокалиберные орудия не умолкали, посылая смертоносные снаряды во все стороны, но тщетно. Со стороны казалось, юркие пираньи атакуют неуклюжих морских коров.

Обломки броненосцев усеивали Утреннюю долину. На холмах горели десятки костров - там надменные корабли нашли свое последнее пристанище.

Половина объединенного флота была уничтожена, а пять наших кораблей, в том числе и "Шань-Тьень", возвращались в аэропарк, предоставив фей-чи закончить сражение. Нападение крохотных аппаратов тяжелее воздуха явилось полной неожиданностью для захватчиков. Враг понял, что разгром армады - дело нескольких минут... и неповоротливые гиганты медленно развернулись и отступили.

Ни одна бомба не упала на Город-на-Заре.

Глава VI

ЕЩЕ ОДНА ВСТРЕЧА С АРХЕОЛОГОМ-ЛЮБИТЕЛЕМ

Итак, с некоторыми потерями мы выиграли первый бой... Но что еще должно произойти, чтобы Великие Державы навсегда ушли с захваченных земель?

Пришло известие, что отбита и атака с земли; Великие Державы отступили по всем фронтам. Мы торжествовали победу.

Несколько последующих дней мы восстанавливали силы и готовились к новому сражению. Я, уже не раздумывая, согласился встать под знамена Небесного Полководца. Тот принял мое согласие без лишних вопросов и назначил меня капитаном исполняющего "Шань-Тьеня".

Выяснилось, что капитан Корженевский и весь экипаж "Скитальца" погибли...

Затем Великие Державы нанесли второй удар.

Я был готов подняться на борт своего корабля, однако генерал Шоу попросил меня остаться в башне, поскольку вражеские силы применили более осторожную тактику. Броненосцы дрейфовали над холмами на горизонте и обстреливали ангары фей-чи. И вновь я обратил внимание на то, что Шоу более озабочен безопасностью Проекта Бра, чем своих летательных аппаратов. Поначалу обстрел не причинял серьезных разрушений, однако потом снаряды стали рваться в самом городе. Несколько зданий получили повреждения, окна были выбиты; от взрывов падали деревья и гибли цветочные клумбы. Я не находил себе места от нетерпения: когда же Шоу прикажет мне отправляться на корабль? Однако генерал безмолвствовал, давая врагу безнаказанно обстреливать город. Прошел целый час, прежде чем он бросил в бой фей-чи.

- А что со мной? - горько спросил я. - Мне так и сидеть, сложа руки? Я должен за многое отомстить, и в первую очередь - за смерть Корженевского.

- Все мы должны отомстить им, капитан Бастейбл. - С какой легкостью он присвоил мне новое звание! - Однако, ваше время еще не пришло. "Шань-Тьеню" предстоит особое задание. Но пока рано... рано. - Вот и все, что он ответил мне.

Фей-чи ринулись навстречу летучим броненосцам и подбили семь из них. Впрочем, на этот раз все прошло не столь гладко: оказалось, противник установил на вершинах холмов хорошо защищенные огневые точки, откуда вел прицельный огонь из скорострельного оружия. В этом бою мы потеряли шесть двухместных машин.

Две недели продолжался обстрел долины, причем осаждающая эскадра все время получала подкрепления, а запасы защитников истощались. Наверное, даже Шоу не ожидал от Великих Держав столь твердой решимости покончить с нами. Очевидно, они опасались, что в случае победы Небесного Полководца их позиции на захваченных землях ослабнут. Однако до нас доходили и утешительные новости. По всему Китаю прокатилась революционная волна - крестьяне, рабочие и студенты выступали против поработителей. Шоу надеялся, что волнения вспыхнут одновременно во многих провинциях, и Великим Держavam придется бросить часть своих войск на подавление восстаний. Это, разумеется, снизило бы их боевую мощь.

Как бы то ни было, Город-на-Заре вынудил врага стянуть основные силы к Утренней долине, поэтому многие народные выступления увенчались успехом. Шанхай, например, отныне был под контролем революционного комитета, восставшие жители Пекина безжалостно расправлялись с японскими оккупантами... Волна революции ширилась, и это поддерживало боевой дух в зажиточных Утренней долины, даже когда наши запасы подошли к концу. Мы сдерживали натиск армады, а генерал Шоу с нетерпением ожидал завершения Проекта БРА.

Однажды утром, направляясь из своих покоев к центральной башне, я услышал впереди изумленные возгласы и поспешил узнать, что случилось. Столпившиеся на улице люди возбужденно переговаривались и указывали на небо. Задрав голову, я с удивлением увидел одинокий, бесшумно плывущий по ветру корабль. На его хвостовых плоскостях был отчетливо виден флаг Соединенного Королевства!

Я заторопился в штаб-квартиру, уверенный, что там уже знают о незванном госте.

Когда я добежал до дверей здания, раздался оглушительный взрыв. Вздрыгнула земля под ногами. Я прыгнул в лифт и в мгновение ока вознесся на верхний этаж.

Очевидно, этот крохотный британский кораблик, ничуть не похожий на летающие крепости, что так досаждали нам, ночью поднялся в небо, дождался попутного ветра, лег в дрейф и незамеченным подобрался к самому городу... А теперь он бомбил ангары фей-чи! К счастью, пока бомбы ложились не точно, но, судя по нескольким дымящимся воронкам, уничтожение фей-чи было вопросом времени.

Раздались выстрелы наших орудий. Вот незащищенный броней вражеский корабль получает пробоину, оседает на корму, падает и катится по аэропарку, чуть не сшибая наши корабли.

Мы покинули башню и, сев в самодвижущийся экипаж, помчались к месту падения, уже окруженному толпой пестро разодетых солдат... Одно-го взгляда на изувеченный корпус мне хватило, чтобы узнать его: неподалеку от здания Проекта БРА лежал "Перикл", первый воздушный корабль в моей жизни; корабль, который спас меня... Очевидно, Британия бросила все свои силы на осаду Города-на-Заре, в том числе Индийский воздушный флот.

Должен признаться, плачевный вид "Перикла" вызвал у меня жалость.

Среди раненых членов экипажа, выбирающихся из-под обломков, мелькнуло знакомое лицо. Майор Хоуэл, с головы до ног перепачканный маслом, в порванной форме, мрачно разглядывал исковерканный корпус. Одна рука его висела как плеть, но в другой он по-прежнему держал свой стек.

Майор сразу узнал меня.

- Привет, Бастейбл, - хриплым, высоким голосом сказал он. В его темных глазах горел огонек безумия. - Вы, как я погляжу, заодно с нашими цветными братьями? Ну-ну... Похоже, я зря спас вам жизнь.

- Доброе утро, майор, - ответил я. - Восхищаюсь вашей смелостью.
- Глупостью, вы хотели сказать? Но попытка - не пытка. Все равно эти летающие утюги вам не помогут. Рано или поздно мы вас уничтожим.

- Боюсь, слишком дорогой ценой.

Хоуэл хмуро покосился на солдат Шоу.

- Что они с нами сделают? Замучают до смерти? И пошлют тела обратно - чтоб остальным неповадно было?

- Они вас пальцем не тронут. - Мы направились к городу. Я шел в ногу с майором. - Не стало "Перикла"... Мне очень жаль.

- Мне тоже. - Он чуть не плакал - то ли от горя, то ли он злости. Я не знал, как успокоить его. - Так вот ты кто на самом деле! Нигилист чертов! То-то болтал об амнезии. Думаешь, я поверил, будто ты на нашей стороне?

- Я был на вашей стороне, - тихо ответил я. - Возможно, я и сейчас... Не знаю.

- Скверное дело вы затеяли. Весь Китай охвачен мятежом. Индию лихорадит. О Северо-Восточной Азии и говорить нечего. Недоразвитые нации полагают, что у них есть шанс... Черта с два!

- По-моему, теперь шанс есть, - возразил я. - Эпоха империализма заканчивается - по крайней мере, империализма в нашем с вами понимании.

- Значит, мы скатимся в средневековье. Целое столетие Великие Державы сохраняли мир на Земле, и теперь всему приходит конец. Понадобится десять лет, чтобы вернуться к нормальной жизни... если это вообще удастся.

- "Нормальной жизни" уже никогда не будет. Тот мир стоил нам слишком дорого.

Майор хмыкнул.

- Как видно, они обратили тебя в свою веру. Но меня им не переубедить... ты бы, конечно, предпочел, чтобы война охватила Европу, а не Китай?

- Войне в Европе следовало начаться много лет назад. Распря между Великими Державами разорвала бы цепи рабства, сковывающие их народы. Вы так не считаете?

- Ни в малейшей степени. Напротив, я чувствую себя как свидетель последних дней Римской империи... О, черт! - он поморщился, задев сломанной рукой навес.

- Как только дойдем до города, я перевяжу вас.

- Нужна мне твоя перевязка... - огрызнулся Хоуэл. - Китаезы и черномазые, которые правят миром - вот что смешно!

Мы расстались, и больше я его никогда не видел.

Если до той встречи я и сам не знал, на чьей стороне нахожусь, то презрительная ухмылка, которой Хоуэл одарил меня на прощание, окончательно убедила перейти на сторону генерала Шоу. Маска заботливого покровительства спала с лица Великих Держав, и под ней я увидел лишь ненависть и страх.

Шоу ждал меня в центральной башне. Настроен он был очень решительно.

- Эта трусливая вылазка навела меня на мысль, - сообщил генерал. Проект БРА завершен - надеюсь, успешно. Сейчас нет ни времени, ни способа проверить это. Посему, Бастейбл, мы вылетаем сегодня ночью. Прделаем тот же трюк, что и этот корабль.

- Не могли бы вы говорить понятнее? - улыбнулся я. - Что вы собираетесь предпринять?

- Великие Державы приспособили большой аэропарк неподалеку от Хиросимы под свою главную базу. Там они ремонтируют корабли, хранят боеприпасы... там же строятся броненосцы. Для Великих Держав это единственный подходящий аэропарк поблизости от Утренней долины. И если мы уничтожим его, у нас будет значительное преимущество.

- Согласен, - сказал я. - Но у нас не хватит кораблей. Да и бомб очень мало. А фей-чи не смогут преодолеть такое расстояние. Кроме того, есть вероятность, что нас заметят и собьют, как только мы вылетим из долины... или в любой другой точке на пути к Хиросиме. Что скажете на это?

- Скажу, что Проект БРА завершен. Сумеет ли мы провести "Шань-Тьень" мимо Объединенного флота?

- Пожалуй, раз британскому кораблю удалось пробраться сюда незамеченным. Лишь бы был попутный ветер.

- В таком случае, на закате мы отправляемся. Готовьтесь.

Я пожал плечами. Подобный шаг был равносител самоубийству. Но приказ есть приказ.

Глава VII

ПРОЕКТ БРА

К заходу солнца все были на борту. Вместе с нами собрались лететь Ульянов, Гевара и Юна Персон. "Я хочу, чтобы они увидели своими глазами," - так объяснил мне Шоу их присутствие на корабле.

Днем вражеская эскадра предприняла несколько вялых атак, но серьезного ущерба городу не нанесла.

- Ждут подмоги, - заметил Шоу. - Есть сведения, что подкрепление придет из Хиросимы только завтра.

- Нам предстоит долгий путь, - предупредил я. - Даже если все пройдет гладко, мы не успеем вернуться к рассвету.

- Тогда направимся в революционный Пекин.

Вместе с нами на борт поднялось несколько ученых, наблюдающих за погрузкой громоздкого ящика в нижний трюм. В основном это были очень серьезно настроенные венгры, немцы и американцы, но среди них я увидел одного австралийца и поинтересовался у него, что происходит.

- Что грузится на борт, вы хотите сказать? - поправил он. - Ха-ха! Понятия не имею. Спросите у кого-нибудь другого. Желаю удачи, приятель.

Когда ученые вышли из гондолы, генерал Шоу обнял меня за плечи и сказал:

- Не волнуйтесь, Бастейбл. Вы все узнаете прежде, чем мы доберемся до места.

- Это бомба, - подумал я вслух. - Очень мощная, да? Нитроглицериновая? Зажигательная?

- Потерпите.

Мы стояли на мостике "Лох-Итайва" и смотрели на закат. "Лох-Итайв" - хотя, наверное, я должен называть его "Шань-Тьень" - уже не был тем роскошным пассажирским лайнером, на котором я служил раньше. С него сняли все ненужное на военном корабле оборудование; из иллюминаторов торчали дула безотказных орудий; прогулочная палуба превратилась в артиллерийскую платформу; танцевальный зал стал кройт-камерой. Короче говоря, мы могли за себя постоять.

Готовясь к отлету, я вернулся мыслями к своей глупой стычке с Ковбоем. Как давно это было! Кажется, еще до того, как я очутился в мире будущего... Смешно: не повздорь я тогда с американцем, не стоять мне сейчас на капитанском мостике корабля, готового к выполнению безрассудного, с моей точки зрения, задания - сбросить не испробованную в действии бомбу на базу Великих Держав.

Подошел Ульянов.

- 'азмышляете, молодой человек?

Я посмотрел в ласковые стариковские глаза и улыбнулся.

- Я раздумывал о том, как мог добропорядочный служака в одночасье превратиться в убежденного революционера.

- Такое не 'едкость, - ответил он. - Уж пове'йте моему опыту. Но сначала у человека должны отк'ются глаза на а'хинесправедливость, ца'ящую на планете... Ведь никто не желает ве'ить, что ми' жесток... или что жесток его собственный класс. А сознавая свою жестокость, нельзя считать себя безг'ешным, ве'но? Как бы того ни хотелось... 'еволюционе' понимает, что, как и любой д'угой человек, он не может быть невинным... но ст'астно желает стать им. Поэтому он пытается пост'оить ми', где все будут безг'ешны.

- В человеческих ли это силах, Владимир Ильич? - тихо спросил я. - Вы мечтаете о райских кущах на Земле... Мечта хорошая, но осуществимая ли? Сомневаюсь.

- В бесконечной Вселенной все случается... 'ано или поздно. А человечеству свойственно воплощать свои г'езы в 'еальность. Человек - это существо, способное создать все, что захочет... или 'аз'ушить все, что захочет. Мне много лет, но я не пе'естаю удивляться ему. - Он захихикал.

Я улыбнулся и глубоко вздохнул. Как бы он удивился, узнав, что я старше его!..

Смеркалось. На мостике было темно, лишь тускло светились лампочки на приборной панели. Я намеревался поднять корабль на три тысячи футов и оставаться на этой высоте, сколько возможно. Востер дул попутный - норд-ост.

- Отходим, - наконец сказал я.

Упали причальные канаты, и мы начали подъем. Я услышал свист ветра, обтекающего корпус корабля. Увидел проплывающие под нами огни Города-на-Заре.

- Рулевой-два, малый вверх до трех тысяч футов. Рулевой-один, левый борт по ветру. - Я сверился с компасом. - Так держать.

Все молчали. Гевара и Юна Персон смотрели в иллюминатор, Шоу, курящий сигарету, и Ульянов стояли рядом со мной, глядя на приборы, в которых они ничего не понимали. Небесный Полководец был одет в голубой хлопчатобумажный костюм, на голове сидела набекрень тростниковая шляпа китайского кули, а на поясе висела кобура.

Мы медленно проплыли над холмами и через несколько минут оказались в радиусе действия артиллерии противника. Если нас заметят, то несколько кораблей почти наверняка решат нашу участь: мы будем уничтожены вместе с Проектом БРА. А если Шоу погибнет, сомнительно, что Город-на-Заре продержится долго.

Наконец вражеский лагерь остался позади, и мы вздохнули с облегчением.

- Не пора ли завести моторы? - поинтересовался генерал.

Я отрицательно покачал головой.

- Рано. Минут через двенадцать. Или чуть позже.

- Мы должны быть над Хиросимой до восхода.

- Знаю.

- Если мы уничтожим аэропарк, у них возникнут такие же сложности с пополнением боеприпасов, как у нас. Это уравнивает наши силы.

- Знаю... Как же вы собираетесь уничтожить его?

- С помощью бомбы, которая находится в нижнем трюме. Вы видели, как ученые грузили ее?

- И что же это такое - Проект БРА? - ответил я вопросом на вопрос.

- Бомба невероятной мощности. Вот и все, что мне известно - я не физик. Но, думаю, о ее создании ученые мечтали с начала века. На одну-единственную бомбу мы затратили уйму денег и несколько лет исследований.

- А почему вы знаете, что она сработает?

- Я не знаю. Однако если сработает, то уничтожит большую часть аэропарка. Физики утверждают, что по мощности взрыва она равна нескольким сотням тонн тринитротолуола.

- Боже правый!

- Поначалу я не верил, но ученые убедили меня. Особенно когда три года назад, проводя незначительный эксперимент, разрушили всю лабораторию. Насколько я понимаю, принцип действия бомбы как-то связан с атомной структурой материи. Теория была разработана давно, но создать бомбу мы смогли только сейчас.

- Ну, давайте надеяться, что ученые не ошиблись, - усмехнулся я. - Если выяснится, что у вашей бомбы мощность карнавального фейерверка, мы стыда не оберемся...

- Согласен.

- ...А если она такая мощная, как вы утверждаете, то надо подняться повыше - ведь ударная волна распространяется вверх точно так же, как и в стороны. Мы зависнем в тысяче футов над уровнем моря, когда рванет.

Шоу с отсутствующим видом кивнул.

Вскоре я завел моторы, и палуба "Шань-Тьеня" задрожала. Мы понеслись сквозь ночь на скорости сто пятьдесят миль в час, обгоняя сам ветер. Рев моторов музыкой звучал в моих ушах.

Я приободрился и сверился с курсом. В запасе оставалось не так много времени - по моим расчетам, корабль достигнет аэропарка в Хиросиме за полчаса до зари.

Погруженные в свои мысли, мы молчали.

- Если я погибну, - сказал вдруг Шоу (мне кажется, многие из нас думали о смерти в тот момент), то, надеюсь, зерна революции, которые я посеял по всему миру, дадут всходы. Ученые Города-на-Заре усовершенствуют Проект БРА, если эта бомба не сработает. Инженеры построят множество новых фей-чи, и другие революционеры пошлют их в бой... Я дал народу власть. Возможность самому решать свою судьбу. Люди увидели, что сила Великих Держав не безгранична, что тиранов можно свергнуть. Теперь вы понимаете, что дядя Владимир, что из надежды, а не из отчаяния, рождается революция?

- Ве'оятно, - откликнулся Ульянов. - Но одной надежды мало.

- Разумеется. Политическая власть должна быть подкреплена силой. Имея в своих арсеналах такие бомбы, угнетенные народы смогут диктовать угнетателям любые условия.

- Если, конечно, ваша бомба сработает, - вставила Юна Персон. - В чем я сомневаюсь... Расщепление атома, говорите? Звучит правдоподобно, но, мне кажется, на деле неосуществимо. Боюсь, вас обманули, мистер Шоу.

- Поживем - увидим.

Я помню тягостное чувство ожидания, когда на фоне отсвечивающего в лунном свете океана показалось темное побережье Японии. Я приготовился открыть грузовой люк, где ждала своего часа бомба. Вскоре внизу показались дорожки разноцветных огней Хиросимы. За городом находился аэропарк - растянувшиеся на целые мили ряды ангаров, причальных мачт и ремонтных доков; в это военное время почти все они были заняты боевыми кораблями. Если нам удастся уничтожить хотя бы часть аэропарка, то очередная атака на Утреннюю долину будет отложена на неопределенный срок.

Помнится, я смотрел на Юну Персон и думал, по-прежнему ли она погружена в мысли об отце... А о чем, интересно, размышляет Гевара? Раньше он ненавидел Шоу, а теперь вынужден признать, что Небесный Полководец - гений, воплощающий в жизнь то, о чем другие революционеры - например, Ульянов, - привыкли только мечтать.

Ульянов... Старик, по-моему, еще не понял, что его мечта становится явью. Ведь он так долго ждал! Всю жизнь дожидался восстания пролета-

риата... но, боюсь, он так и не увидит революции. Если она вообще произойдет... Ему я сочувствую больше, чем остальным.

Мы уже летели над самим аэропарком, и Шоу в нетерпении наклонился вперед. Одну руку он положил на кобуру, в пальцах другой дымилась сигарета. Желтая шляпа сбилась на затылок. Глядя на его красивое лицо, я подумал, что он похож на героя какого-нибудь приключенческого романа.

Аэропарк был залит светом. Люди сновали вокруг огромных кораблей, готовясь к завтрашнему нападению на Город-на-Заре. Я видел зловещие силуэты броненосцев, вспышки ацетиленовых горелок.

- Мы на месте? - Небесный Полководец вновь превратился в нетерпеливого мальчишку. - Мистер Бастейбл, это и есть аэропарк?

- Да, - ответил я.

- Бедняги, - вздохнул Ульянов, качая седой головой. - Это же п'остые 'абочие...

- Их дети, - Гевара указал большим пальцем на город, - будут благодарны нам, когда вырастут.

Я почувствовал раздражение - завтра в Хиросиме будет много сирот и вдов... Юна Персон бросила на меня озабоченный взгляд.

- Мистер Бастейбл, насколько я понимаю, взрыв подобной силы может задеть и городские кварталы.

Я улыбнулся.

- Хиросима в двух милях отсюда, миссис Персон.

Она кивнула и, пригладив свои темные, коротко подстриженные волосы, посмотрела на аэропарк.

- Думаю, вы правы.

- Рулевой-два, малый вниз до тысячи футов, - приказал я.

Теперь мы отчетливо видели каждого человека. Рабочие ходили по бетонным площадкам, карабкались на леса, возведенные вокруг кораблей.

- Главные доки там, - указал Шоу. - Сможем подойти к ним с заглушенными моторами?

- Если нас не обнаружат, - буркнул я. - Рулевой-один, пять градусов право руля.

- Есть пять градусов, сэр, - отозвался бледный матрос из-за штурвала. Корабль тихо заскрипел, поворачиваясь.

- Рулевой-два, готовьтесь к быстрому подъему.

- Есть, сэр.

Мы зависли над доками. Я поднял переговорную трубку.

- Капитан - нижнему трюму. Центральный грузовой люк готов?

- Так точно, сэр.

- Подготовиться к бомбометанию.

- Есть, сэр.

Я действовал по процедуре, обычно используемой для облегчения воздушного судна в аварийной ситуации. Окутанные ночной мглой, мы

опускались все ниже и ниже. Я слушал заунывную песню ветра, обтекающего нос нашего огромного корабля... Грустная это была песня.

- Канониры, к бою, - приказал я на случай, если нас заметят. Но мы надеялись, что смятение в рядах противника, вызванное взрывом, позволит нам скрыться.

- Все орудия к бою готовы, сэр.

Шоу коротко рассмеялся и подмигнул мне.

- Мотористы, полный вперед, как только услышите взрыв.

- Есть, сэр.

- Центральный грузовой люк открыть.

- Есть, сэр.

- Сбросить бомбу.

- Бомба сброшена, сэр.

- Угол атаки - шестьдесят градусов. Рулевой-два, набрать высоту три тысячи футов... Дело сделано.

Палуба под ногами накренилась, и мы ухватились за поручни. Все смотрели вниз.

Я отчетливо помню их лица: Гевара хмурится и морщит губы, Юна Персон думает о чем-то своем, Ульянов едва заметно улыбается...

Шоу повернулся ко мне:

- В яблочко! Бомба...

Его радостная улыбка до сих пор стоит перед моими глазами...

Неописуемой яркости белый свет вспыхнул за спинами революционеров, превратив всех четверых в призрачные черные силуэты. Раздался звук, похожий на один-единственный удар сердца великана. Затем наступила тьма, и я понял, что ослеп. Волна невыносимого жара обрушилась на меня. Чужовидность содеянного поразила в самую душу.

"О, Боже!" - помнится, подумала я и горько пожалел, что этот проклятый корабль вообще был изобретен.

Глава VIII

ЗАТЕРЯННЫЙ

- Вот и все. - Голос Бастейбла был тихим и надтреснутым.

Рассказывал он эту удивительную историю более трех дней.

Я устало отложил карандаш и бегло пролистал пухлую стопку своих стенографических заметок.

- Вы полагаете, все это произошло на самом деле? Тогда как вы объясните свое возвращение?

- Ну... Меня нашли в море. Я был без сознания, ослепленный, покрытый многочисленными ожогами. Подобравшие меня японские рыбаки решили, что я матрос, пострадавший при аварии в машинном отделении своего судна. Они отвезли меня в Хиросиму и поместили в госпиталь для моряков. Я был потрясен, узнав об этом. Я не понимал, где очутился, поскольку

думал, что город превращен в руины. Конечно, потребовалось время, пока до меня дошло, что я вернулся в тысяча девятьсот второй год.

- А что было потом? - Я налил вина себе и предложил Бастейлбу.

- Выписавшись из госпиталя, я немедленно отправился в британское посольство. Встретили меня вежливо. Вновь пришлось сослаться на амнезию. Я сообщил свое имя, звание, личный номер и сказал, дескать, последнее, что я помню - это как жрецы Шаран Канга гнали за мной в Храме Грядущего Будды. Посол отправил телеграмму в мой полк, и, естественно, там подтвердили мои слова. Мне выдали документы и оплатили проезд до Лакнау, где размещался полк. С тех пор, как я побывал в Теку Бенга, прошло шесть месяцев.

- И командир полка, разумеется, узнал вас?

Бастейбл желчно рассмеялся.

- Он сказал, что Бастейбл погиб в Теку Бенга, следовательно, я - самозванец. Хотя и очень похож на погибшего. В самом деле, я был старше, да и голос изменился...

- Вы напомнили ему о тех вещах, которые мог знать только настоящий Бастейбл?

- Да. Командир поздравил меня с хорошей подготовкой и пригрозил арестовать, если я вновь попадусь ему на глаза.

- И вы опустили руки?

Бастейбл хмуро посмотрел на меня.

- Я испугался. Видите ли... это не совсем тот мир, который я помню. А память меня пока не подводила. Эти прыжки во Времени что-то изменили. Какие-то мелочи... - Он затравленно огляделся. - Незначительные детали...

- Возможно, это из-за опиума? - предположил я.

- Возможно.

- Поэтому вы и не захотели поехать домой? Боялись, что родные вас не узнают?

- Да. Слушайте, я бы выпил немного... - Бастейбл пересек комнату и щедро налил себе рому. За время рассказа он исчерпал весь запас наркотика. - После того, как офицер выгнал меня - я-то, кстати, узнал его - я добрался до Теку Бенга, до самой расщелины, и убедился, что город лежит в развалинах. В мое сердце закралась ужасное подозрение: если мне удастся перебраться через пропасть, я обязательно найду на той стороне труп. Свой труп. Так я и не решился. На оставшиеся несколько шиллингов я купил кое-какую одежду и, нищенствуя, пешком пересек Индию, лишь изредка подсаживаясь в попутные поезда. В первую очередь я искал кого-нибудь, кто докажет, что я в самом деле жив. Я встречался с мистиками и пытался добиться у них ответа, но тщетно... И тогда я решил забыть, кто я такой. Я пристрастился к опиуму. Отправился в Китай. В Шаньдун. Отыскал Утреннюю долину. Не знаю, что я надеялся увидеть там. Она была как всегда прекрасна. В долине кутилась бедная деревушка. Жители встретили меня гостеприимно.

- А потом вы поехали сюда?

- Да, посетив по дороге еще несколько мест.

Я не знал, что и думать об этом человеке, но, как ни странно, верил каждому слову - столь убедительным был его голос.

- Будет лучше, если мы вместе вернемся в Лондон, - предложил я. - Повидаете родных. Они обязательно узнают вас.

- Возможно. - Он вздохнул. - Но видите ли... боюсь, я оказался здесь случайно. Этот взрыв над Хиросимой... Он выбросил меня в другое, не мое время.

- Полноте!

- Нет-нет, это действительно девятьсот третий год... Но не мой.

Кажется, я понял, что он имеет в виду, но не поверил: подобное не приснится даже в кошмарном сне. Человек перенесся в будущее и вернулся в свое время - это я допускал... но что он вернулся в другой, альтернативный мир!.. Бастейбл налил себе еще рому.

- Молите Бога, чтобы это был не тот девятьсот третий год, - добавил он. - Несущаяся вскачь наука, революции... бомбы, способные уничтожать целые города! - Он поежился.

- Но есть и положительные стороны, - несмело возразил я. - Вряд ли туземцы, о которых вы рассказывали, так уж плохо живут.

Он пожал плечами.

- Разные времена заставляют людей по-разному смотреть на вещи... Что сделано, то сделано, и говорить больше не о чем. Хотя, возможно, сейчас я бы не поступил столь опрометчиво. Как бы то ни было, старина, в вашем мире больше свободы. Уж поверьте мне!

- День ото дня она все менее ощутима, - возразил я. - И свободен далеко не каждый. По-моему, есть преимущества...

Бастейбл протестующе поднял руку.

- Ради Бога, хватит об этом!

- Как пожелаете.

- Порвите свои записи. Ведь вам никто не поверит. Почему кто-то должен верить?.. Вы не возражаете, если я немного прогуляюсь? Хочется глотнуть свежего воздуха, прежде чем я решу, как мне быть.

- Да, конечно...

Он устало вышел из комнаты, и его шаги стихли на лестнице. Что за странный молодой человек!..

Я просмотрел свои записи. Огромные воздушные корабли, монорельсовые дороги, велосипеды с электрическим двигателем, беспроводный телефон, летательные аппараты тяжелее воздуха... Чудеса, да и только! Разум одного человека не мог выдумать все это.

Я прилег на кровать, по-прежнему ломая голову над загадкой, и незаметно для себя задремал. Один раз я, кажется, проснулся в недоумении - куда подевался Бастейбл? - но, убедив себя, что он в соседней комнате, вновь уснул и проспал до утра.

Однако когда я встал, Рам Дасс сообщил мне, что постель гостя осталась не разобранной. Я справился у Ольмейера, не знает ли тот, где Бастейбл. Толстый голландец не видел его.

Я спрашивал прохожих на улице, не встречался ли им Бастейбл. Коскто вспомнил молодого человека, который, пошатываясь, спускался к причалам поздно ночью - не иначе, как пьяный.

Этим утром из гавани ушел корабль. Возможно, мой загадочный гость был на его борту. Возможно, он бросился в море.

Больше я не слышал о Бастейбле, хотя поместил объявление в газетах и потратил больше года на поиски. Бастейбл исчез. Быть может, его снова швырнуло сквозь время - в прошлое или будущее... или даже в девятьсот третий год, который, как он считал, был его девятьсот третьим годом.

Вот и все. Я перепечатал рукопись, убрав из нее повторы и лишние комментарии самого Бастейбла, но постаравшись сохранить стиль рассказчика.

ПРИМЕЧАНИЕ 1907 г. С тех пор, как я встретил Бастейбла, воздушный океан был покорен братьями Райт. Стремительно совершенствуются управляемые аэростаты. Радиотелефон стал реальностью. Недавно я слышал о достижениях в создании монорельсовых дорог. Неужели история Бастейбла правдива? Если да, то моя эгоистичная душа спокойна: мир становится все счастливее и безмятежнее... а до кровавых революций, описанных Бастейблом, мне не дожить. Впрочем, кое-что не совпадает с его рассказом. Уже появляются аппараты тяжелее воздуха. Их испытывают французы и американцы; ходят слухи, что один из них собирается лететь через Канал! Однако вполне может статься, что век аэропланов будет короток - либо они окажутся слишком медлительны, либо смогут летать только на небольшие расстояния.

Я пытался заинтересовать некоторых издателей рассказом Бастейбла, но все склонялись к мнению, что он слишком фантастичен для правды и слишком мрачен для беллетристики. Почему-то лишь писатели вроде мистера Уэллса могут публиковать подобные книги... Но моя книга правдива! Уверен в этом! И не оставляю своих попыток издать ее. Ради самого Бастейбла.

ПРИМЕЧАНИЕ 1907 г. Блерио на аэроплане перелетел Канал! Я опять отнес рукопись издателю. Как и все остальные, он предложил мне кое-что переделать: "Добавьте побольше приключений и научных чудес, пустите любовную линию..." А я не могу изменять то, что рассказал мне Бастейбл. Поэтому кладу рукопись в ящик - до лучших времен.

ПРИМЕЧАНИЕ 1910 Г. Скоро в Китай! Хочу найти Утреннюю долину. Своими глазами увижу, на что это похоже, и, быть может, отыщу Бастейбла. Помнится, он говорил, что долина ему понравилась, а жители были

¹ Английское название Ла-Манша.

гостеприимны. В Китае и в самом деле полным-полно революционеров. Возможно, он станет республикой, пока я буду путешествовать по нему! Положение очень неустойчиво: русские и японцы наверняка постараются отхватить ломоть покрупнее.

Если мне не суждено вернуться из Китая, то, надеюсь, кто-нибудь сумеет опубликовать эту рукопись. Я был бы ему весьма благодарен.

М. К. М.

ПРИМЕЧАНИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Это - последняя заметка моего деда, сделанная в рукописи; больше записей о Бастейбле мы не обнаружили. Из Китая он вернулся, но если и нашел там Бастейбла, то никак не упомянул об этом. Думаю, в девятьсот десятом он махнул на все рукой и больше не пытался опубликовать рукопись.

В четырнадцатом году мой дед ушел на фронт, а в октябре шестнадцатого погиб во Франции, на реке Сомме.

Майкл Муркок, 1971 г.

поль андреота

**СЛАДКИЙ
ВКУС
ОГНЯ**

В то лето в газетах не появилось ничего интересного. Все тот же набор войн, сумасшедшие, забаррикадировавшиеся в своих домах, угнанные самолеты, похищенные дипломаты, личная жизнь и внезапная смерть знаменитостей порождали обычные сенсационные заголовки, которые не менялись из года в год. В издательстве повторялась старая шутка: тираж "Ля Фас Каше" ("Скрытое лицо") - еженедельника, который, как считалось, открывает массовой публике то, о чем другие газеты умалчивают, - удавалось удержать на уровне примерно трех тысяч, потому что людям надо было во что-то заворачивать сандвичи на пляже.

Берни, наш редактор, взял отпуск в июле и вернулся, весь пропитанный йодом. Однажды он вызвал меня к себе в кабинет к шести часам. Вызов был обставлен необычайно торжественно: во-первых, Берни послал за мной мальчика-посыльного, хотя мы встречались в коридоре раз двадцать за день; во-вторых, он попросил свою секретаршу не беспокоить его другими делами во время нашего разговора. Несомненно, тут затевалось что-то грандиозное.

Весной у меня возникла идея организовать кампанию против жестокого обращения с животными. Тираж поднялся до семисот тысяч и держался в течение двух месяцев. Потом, когда подошло время летних отпусков, читатели постепенно потеряли интерес к избитым собакам и бездомным кошкам, и тираж застыл где-то на уровне четырехсот тысяч. Теперь, восьмого августа, Берни заявил, что мы должны сделать сенсацию. "Осенний прорыв!" - воскликнул он, накрыв ладонью вырезку из ежедневной газеты.

Низкорослому коренастому Берни было за пятьдесят. Он постоянно находился в движении и излучал какую-то агрессивную энергию. Говорил он так громко и быстро, что ошеломленный собеседник не успевал осмыслить его слова. Правда, давать ответ и не требовалось, поскольку Берни всегда сам отвечал на свои вопросы.

- Прочти это!..

Я пробежал глазами по строчкам. Где-то в Гаскони на ферме "при загадочных обстоятельствах" умерла женщина. Муж возбудил дело. Соседи говорят, что у женщины был любовник, который жил в пятнадцати километрах и которого она только что бросила; люди видели, как он посещал известного в тех краях "целителя". Местная полиция провела расследование (Берни: "Вот тут самое важное"), и под матрацем у этого парня была найдена фотография женщины, проколота вязальной иглой в том месте, которое соответствовало расположению матки. Ее смерть наступила от внезапного воспаления матки.

- А что, если это правда, старина?! Что, если там есть люди, которые способны убивать на расстоянии, пронзив вязальной иглой фотографию! В век межпланетных полетов! - Тут Берни грохнул кулаком по столу так, что подскочили лежавшие на нем предметы. - Возвращение к средневековому оккультизму. В наш век науки и прогресса! Своего рода социологическая компенсация... Тут с ходу не разобраться... Боже! Ты только взгля-

ни... В конце концов, это может оказаться интереснее, чем левые, интереснее, чем Вьетнам!

Я откинулся на спинку кресла и слушал, расслабившись, как дзюдоист перед броском. И столь же внимательно. Я знал все приемы Берни. "Только взгляни" - был одним из них. Когда Берни хотел убедить фотографа засесть с телеобъективом у окна какой-нибудь актрисы или репортера - вытянуть сведения у пятилетнего ребенка о пьяных похождениях папаша, - он всегда говорил, что нужно взглянуть. Отговорить его можно было только одним способом - предложить что-то другое: какую-нибудь нелепицу, но менее нелепую, какую-нибудь грязь, но менее грязную. Это я и попробовал сделать.

- У меня тут родилась идея, когда пили в "Бильбоке": тайная проституция.

- О, Серж, избавь меня от своих интеллектуальных фантазий!

- Ты бывал в последнее время в клубах Сен-Жермена?

- Тебе нужно...

- Ты видел всех этих птичек, поджидающих седовласых донжуанов? Пятьдесят процентов малышей, танцующих всю ночь напролет, продаются, чтобы купить одежду в самой последней лавке... Это фантастическая тема, Андрэ!

Я тоже мог применить прессинг, если меня вынуждали. Берни слушал, и на его лице появлялось такое скучное выражение, словно он только что извлек меня из своей мусорной корзины.

- Мы должны дать это как телерепортаж, - продолжал я, - поговорить с девочками, привести фотографа, чтобы он походил и снимал всех подряд.

- У меня есть для тебя другая работа, - устало сказал Берни. - Может, ты будешь любезен послушать меня пять минут?

Я опять откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза, с видом человека, который мужественно сражался и знает, что теперь его совесть чиста.

Последнее увлечение Берни было самой несурзной идеей, которая когда-либо зарождалась в его голове. Чем больше он говорил, тем больше убеждал самого себя в том, что во французской деревне возрождается искусство чародейства.

- Может, наступает новый золотой век крестьянской магии, старина!

Он провел блестящее сравнение между черными африканцами, перенимающими нашу культуру, и нами, осваивающими культуру Африки. Один из тех великих исторических обменов, последствия которого невозможно оценить, пока не пройдут годы. Он шел дальше - он всегда шел дальше!

- В конце концов, разве электричество и телевидение - в своем роде не колдовство? Ты можешь объяснить мне, старина, почему свет зажигается, когда я нажимаю на выключатель? Все это таинственно, и, быть может, какой-нибудь деревенщина знает побольше, чем нобелевский лауреат. - Он привел несколько примеров - он всегда приводил несколько примеров. Истории о том, как у свиноматок рождаются мертвые поросята, как у коров скисает молоко и как дети падают в силосную яму в полнолуние.

- Приворотное зелье, суккубы, Каббала - люди говорят об этих вещах все больше и больше... Я хочу, чтобы ты добрался до истины! И еще одно, Серж. - Он стоял и тыкал меня пальцем в грудь. - Надо ли мне говорить это? С твоей культурой и так далее - в общем, ты тот парень, который нам нужен.

Он всегда завершал свои блистательные тирады подобной грубой лестью.

В восемь часов я встретился с Ким в баре "Сан-жен". С пяти до девяти часов там можно застать половину всех журналистов Парижа. Их усталые серые фигуры внезапно появляются в дверях и так же внезапно исчезают, их движения столь же призрачны, как график их работы. В их глазах всегда есть какой-то мечтательный блеск - слабая надежда вырваться из безотрадного круга. Еще туда приходят фотографы, постоянно бодрые и жизнерадостные: им достаточно нажать на кнопку, чтобы запечатлеть реальность, которая почти всегда ускользает от нас, жалких бумагомарателей. Я не столь рьяно стремился вернуться к семейному кругу, простр Ким работала в том же здании. Она была редактором журнала мод в Бюро Женской Моды - так называлось французское отделение американского объединения производителей готовой одежды, - и поскольку у нас был только один автомобиль, я встречал ее почти каждый день.

Мне нравилось приходить сюда первым. Это была одна из светлых минут моего дня. Я любил ждать Ким - так в театре ждешь, когда поднимется занавес. Я видел, как она появляется из темноты через боковую дверь, которая вела в вестибюль здания. Слегка наклонившись вперед, она оглядывала зал мягким близоруким взглядом, пока не замечала меня, - тогда все вдруг преображалось, словно в полутьме вспыхивал чудесный огонек.

- Знаешь, что, - начала она в тот вечер, усевшись и взявшись за локон своих длинных черных волос. - Я решила все это состричь.

Я игнорировал проблему ее волос, которую мы обсуждали целыми вечерами - молодая, очаровательная двадцатисемилетняя издательница модного журнала, который просто необходимо следовать причудам моды, и по уши влюбленный, консервативный тридцатилетний супруг, который не хотел ничего менять в том хрупком чуде, каким была наша совместная жизнь, опасаясь, как бы малейшее изменение не повлекло за собой полный крах, как бы неведомые злые силы не покарали нас за непочтение к естественному ходу вещей ("Суеверие в век межпланетных полетов, старина!")...

- А знаешь ли ты, - сказал я, - что завтра ни свет ни заря я отправляюсь в одну деревню в Пиренеях?

- Какая-то история?

- Да. Мистический триллер в версии Берни.

Когда я рассказал ей редакторский сюжет, она сказала, что это фантастика, но тем не менее восприняла все с энтузиазмом. О, этот энтузиазм! Впервые я встретил Ким в Антибе среди крепостных стен. Ее приводили в восторг вещи, которые надоели мне до смерти: слушание пластинок, заказывание выпивки в кафе, работа, безделье, разглядывание людей и деревь-

ев. В течение трех месяцев я находил ее несносной. Словно у меня в руках были тысячи мельчайших кусочков разноцветного стекла. Потом однажды ночью (тогда я упорно следовал за новейшими открытиями в области борьбы с раком, которые были главной темой осенней кампании), теплой бессонной ночью, кусочки в головоломке сошлись, и я понял, что они все принадлежат мне. Сейчас мы были женаты уже четыре года, и все шло наилучшим образом. Просто удивительно хорошо.

Мы пообедали в итальянском ресторане, и когда я платил по счету, появился Канава, маленький и худощавый, с блестящими пьяными глазами и прядью густых волнистых волос, падавшей на лоб. Мишель Канава был на пять лет старше меня и тоже работал в газете. Ему досталась скверная работа: скандальная хроника. Каждую ночь он шлялся из одного ночного клуба в другой, пытаясь выведать, кто с кем спал и почему, или почему не спал. Канава остановился у нашего столика, настойчиво приглашая нас на открытие нового клуба. "Клуб элиты, старина!" Но я сказал ему, что завтра должен встать на рассвете и проехать четыреста пятьдесят миль, дабы узреть скрытое лицо сельской элиты Гаскони.

И мы раньше обычного пошли домой, занимались любовью, легли спать, а вечером следующего дня я был в Тузуне.

II.

Как правило, в подобных случаях используют один из двух приемов. Или вы надеваете серый костюм и шныряете туда-скуда с непроницаемым видом, наматывая на ус всю информацию, какая только подвернется. Или прибываете с помпой и кидаетесь в самую гущу событий, взбудораживая все вокруг. Правда, есть еще одно решение: вы устраиваетесь с удобством в глубоком кожаном кресле в холле местной гостиницы, заказываете двойной скоч и записываете все, что приходит в голову, ничуть не беспокоясь о достоверности. Однако в отеле Тузуна "Золотой лев" отсутствовало глубокое кожаное кресло. Да и холла не было. Одно и то же помещение служило столовой, баром и конторой, и ставни на окнах никогда не открывались. На следующее утро после моего прибытия сам хозяин появился из кухни, вытер руки передником и подал мне завтрак.

Месье Лорагэ, заботясь об удобстве своих гостей, постоянно находился в движении. Он был похож на опытного регбиста. Больше всего ему хотелось узнать, какую модель стиральной машины я рекламирую. Когда он узнал, что я журналист и только что прибыл из Парижа для расследования истории с проколотой фотографией, его улыбка вдруг исчезла, углы губ опустились, лицо стало серым. Не говоря ни слова он пошел к бару, взял бутылку вина и вернулся с двумя стаканами.

- Вы не шутите? Вы действительно верите в эту историю?

- А вы?

- Вы там в Париже, - сказал он, наполняя стаканы, - думаете, что мы все простаци, не так ли?

- Мы в Париже тоже простаци, - заметил я.

- Послушайте... До войны мы были субпрефектурой. Нас лишили субпрефектуры. При Манде-Франсе здесь планировали провести автостраду. Ее чуть было не построили. Но планы изменились, и теперь она проходит за сто десять миль отсюда. Последние пять лет муниципальный совет борется за то, чтобы создать здесь индустриальную зону. Нашей молодежи приходится ехать в Данс или Бордо, чтобы получить работу, некоторые уезжают за границу. Все, что у нас есть, - это туризм, да и то: в середине августа при цене сорок пять франков за все - у меня еще есть пустые комнаты. Вот какие здесь дела. А вы только и можете написать в своей газете, что мы верим в дьявола?

Он говорил довольно громко. Все вокруг постепенно умолкло и стало прислушиваться. Три человека у стойки бара со стаканами в руках смотрели на меня с таким видом, словно ожидали сигнала поставить стаканы и линчевать меня.

- Кто такой Бонафу? - спросил я.

- Целитель. - Он предупредил мой следующий вопрос. - Езжайте по дороге на Сен-Жульен. Через две с половиной мили увидите дорогу налево. Там он и живет.

- Кто местный доктор?

- Казаль. Доктор Казаль. Третий дом в Проломе. Он вас примет, не надо записываться. Хотите еще что-то узнать?

- Да, - я встал, - что будет к ленчу?

- Единственное утешение - это обилие еды. И еще белое вино. Жаль только, что оно не вывозится в другие районы.

- Вино отличное, - похвалил я и даже прищелкнул губами, чтобы доставить ему удовольствие, но он уже устремился на кухню.

Пятнадцать листов бумаги - лишь о них я думал, пересекая сквер под палящим солнцем. Пятнадцать страниц, исписанных мелким почерком, нужно положить на стол Берни. Но что, черт возьми, я напишу на этих пятнадцати страницах? Похоже, пятнадцати строчек достаточно, чтобы исчерпать всю тему.

То, что называли Проломом, оказалось своего рода дорожкой, огибавшей поселок и проходившей вдоль старых крепостных стен, остатки которых торчали из травы. Мне предстояло покинуть душный зной сквера и пойти по каменистой дорожке. Обернувшись, я взглянул на собор. Это было превосходное сооружение, совершенно неожиданное в подобном месте. Чистая готика, с двумя асимметричными шпилями. Слишком красивый, слишком большой для этого сытого и сонного ярмарочного города. Сам сквер, окруженный средневековыми арками, имел небольшой уклон в сторону нижней, сильно вытянутой и совершенно пустынной части города. Направо от сквера стоял дом с закрытыми ставнями, построенный в прошлом веке. Краска на ставнях облупилась, и маленький садик перед домом зарос травой и кустами ежевики. Это был третий пустой дом, который мне сегодня попался.

Внезапно тишину пререзал торжествующий крик скрытого за высокими деревьями петуха. У меня возникло странное чувство, будто этот надменный голос вдаль дважды прокричал мое имя. Я пожал плечами и пошел

дальше. Дойдя до конца склона, я обнаружил, что нахожусь довольно высоко. Оказывается, я еще не достиг долины. Дорога здесь немного расширялась и шла вниз, образуя настоящий пролом в холме. Долина лежала внизу, и солнце там палило нещадно, но в Проломе меня защищала тень высоких лип с их пьянящим ароматом.

Я шел медленной вялой походкой, совсем не так, как ходил в Париже, во всем теле ощущались легкость и покой, мысли разбредались. Один лишь слух оставался настороже - звуки здесь были редкими и отчетливыми: собачий лай, шум молотилки, оклики людей, и вдруг совсем рядом - низкое гудение ошалевшего майского жука.

Минут десять мне не попадалось ни одного дома, потом они неожиданно выросли за поворотом целым скопищем, самый большой - докторский. Дверь мне открыла пожилая женщина. Она попросила подождать немного в коридоре, затем провела меня прямо в кабинет. Здесь, в Тузуне, отсутствовали комнаты ожидания - некому было ожидать.

Доктор Казаль оказался высоким человеком средних лет, с большими сильными руками. У него был старомодный стоячий воротничок, какие можно увидеть на дагерротипах. Меня встретил с удивленным, несколько настороженным видом.

Когда я объяснил цель своего визита, доктор подошел к двери и попросил старую экономку принести графин с вином и два стакана.

- У нас это вино называют песочным, - пояснил он. - Хотя на самом деле виноград не растет на песке. Просто так говорится.

Вино у него оказалось лучше, чем в отеле. Я словно пил свежую воду, пронизанную солнечными лучами.

- Что касается этой женщины - у нее был рак матки. Диагноз поставили за три месяца до смерти. Опухоль развилась очень быстро. Вероятно оттого, что больная была молода - всего тридцать пять лет.

- Вы лечили ее?

- О, ее лечение... Ее лечил Бонафу, как и всех.

- Знахарь?

- Да... Он давал ей чай из трав. Делал какой-то массаж. Большого вреда в этом нет.

- А этот парень с фермы?

- Он итальянец. Сельскохозяйственный рабочий, работает на Меридаке - это большая ферма на холме Сен-Мишель.

В продолжение своего рассказа он указывал на различные географические объекты в пределах оконной рамы.

- Однажды муж узнал, что итальянец ее любовник. Он пришел в ярость и потребовал, чтобы она порвала с этим типом. Что она и сделала. Через месяц, когда она заболела, итальянец стал всем говорить, будто на нее наложено заклятье. Вполне естественно, как вы считаете?

- Естественно?..

- Знаете, мы тут немного отстали в деревне... Здесь вроде как в Африке. Когда у вас появляются проблемы, вы идете к местному колдуну.

- Бонафу тоже колдун?

- Не он один... В колдунах здесь нет недостатка.

Доктор все время улыбался. Как видно, эта история казалась ему ужасно забавной. Но было и еще кое-что - похоже, он сам верил в нее...

- Значит, вы идете к колдуну?..

- Не сразу. Если заболит теленок или корова, первым делом вы вешаете над дверью веточку остролиста. Если это не подействует, пробуете произнести заклинание. Если опять ничего не получается, тогда уже посылаете за ветеринаром. Но к тому времени обычно бывает слишком поздно. Иногда вызывают полицию. Что и произошло в данном случае. Муж возбудил дело против любовника. Следовательно в Даксе приказал обыскать комнату итальянца. Что еще он мог сделать? Полиция произвела обыск и обнаружила под матрасом фотографию женщины.

- Проколотую?

- Проколотую.

- И что потом?

- Потом?.. Потом парень был допрошен. И надо вам сказать, один свидетель видел, как итальянец два раза в сумерках ходил к Бонафу.

- И как он это объяснил?

- Сказал, что лечил свое колено.

- А дальше?

- Ничего особенного. Его отпустили. Проколота фотография - не доказательство. Вы же понимаете, в уголовном кодексе не говорится о колдовстве.

- Значит, история на этом кончается?

- Боюсь, что так...

И все же после ленча - после храброй атаки на паштет, местную форель, тушеную телятину со щавелем и прочие кулинарные произведения месье Лорагэ - я зашел в полицейский участок. Он находился на другом конце города, где все казалось безобразным в сравнении со старым кварталом, грезившим былым великолепием. Полицейский участок был еще непригляднее других зданий, и встретивший меня сержант чем-то напоминал печального коня. Эту рутинную процедуру следовало совершить только для того, чтобы отчитаться перед Берни. Я ничего не ожидал от полиции, кроме обычного занятого вида и несколько высокомерного тона. Сержант рассказал ту же историю, что и Казаль, с небольшими деталями и некоторыми общими замечаниями о низкой производительности местного населения.

- Почему они не работают? - спрашивал сержант Мули, который сам прибыл из Лилля. - Они совершенно не способны организоваться и производить продукцию на том уровне, который требует Общий рынок. И некого винить, кроме самих себя.

О Бонафу сержант говорил с некоторой долей симпатии.

- Этот человек, по крайней мере, достаточно умен, чтобы извлечь выгоду из человеческой глупости. Три года назад медицинская ассоциация подала на него в суд за нелегальную медицинскую практику. Дело слушалось в Даксе. Туда прибыла целая толпа свидетелей, и все показали под присягой, что Бонафу спас им жизнь. Целитель был оправдан. Он с триумфом покинул зал суда и на следующий день опять приступил к работе.

- Но я приехал не за этим, - напомнил я, - меня интересует колдовство. Сержант пожал плечами.

По краям затерянной среди полей дороги стояли десятки машин, некоторые наискось, потому что одно из колес вылезало на земляную насыпь. Это напоминало одну из тех стоянок подержанных автомобилей, какие можно встретить на больших дорогах. Только машины были в хорошем состоянии. Их беспорядочное расположение наводило на мысль о некой грандиозной катастрофе, заставившей водителей поспешно покинуть свои автомобили. Дорога, усаженная по краям тополями, шла все время прямо, и в самом ее конце, где скопище машин достигало максимальной концентрации, под прямым углом друг к другу стояли два серых здания, образуя двор, где было полно народу. С большим трудом мне удалось найти место, чтобы поставить машину. Когда я появился на сцене, люди стали оборачиваться и разглядывать меня. Судя по внешнему виду, большинство составляли фермеры. На головах у некоторых женщин были платки, у мужчин - кепки, береты или старые фетровые шляпы, и все говорили на местном диалекте, так что я поначалу не понимал, о чем идет речь. Ясно было только, что говорят обо мне, и в тот момент, когда я подошел к двери и собрался постучать, потому что дверного звонка не оказалось, какой-то человек сказал:

- Вам нужно получить номер.

Обернувшись, я заметил, что почти у всех в руках были листочки голубой бумаги. Женщина, стоявшая возле меня, достала свой листочек из сумки и показала его мне. Она улыбалась.

- Вот, вчера утром получила, - сказала она с характерным певучим акцентом. - Если повезет, попаду сегодня до вечера.

Тем временем вокруг меня собралась небольшая группа. Наконец я понял, что все эти люди желают мне добра. Просто они хотели объяснить новичку, как делаются подобные дела.

- Билеты раздадут в шесть часов, - пояснил человек с рыжеватыми усами. - Мы сюда приехали вчера вечером и прождали всю ночь, чтобы получить первые номера. И даже сейчас я не уверен, что попаду сегодня - тут очередь еще с позавчерашнего дня.

- А почему не устроить запись на прием? - спросил я. - Все было бы гораздо проще.

Несколько человек возбужденно заговорили, прежде чем я закончил фразу. Она и позабавила и возмутила их. Как и все новички, я попался на ту же удочку. После моих многочисленных смущенных извинений мне наконец объяснили, что Бонафу запрещено проводить прием. Как раз из-за этого его враги, доктора, возбудили против него дело. Прием пациентов был главным фактом, на котором основывалось обвинение. И даже теперь, время от времени, появляются шпионы и пытаются подстеречь Бонафу. Может, и я один из них? Последнее было сказано с усмешкой - всерьез в это никто не верил.

- Но я пришел повидаться с ним. Не для консультации.

- По личному делу?

- Да, по личному.

- Пройдите с другой стороны, - посоветовали они, указав на заднюю часть дома.

- Спросите Дув. Она сегодня там.

Дув. Ладно. Я обошел дом, миновал группу играющих детей. Поодаль в поле стояла пустая повозка, около нее сидели и закусывали человек двадцать. Бутылка шла по кругу. Кто-то махнул мне рукой.

- Хотите глоток?

- Нет, спасибо, - ответил я и подошел к первому окну на северной стороне.

Оно было открыто, и внутри виднелась кухня. Какая-то девушка сидела на стуле спиной ко мне и читала. Одна нога покоилась на перекладине другого стула, раскрытая книга лежала на коленях. Я мог видеть лишь согнутую спину, тонкую шею и прядь вьющихся темно-каштановых волос. Услышав мои шаги, девушка обернулась проворно, как зверек. У нее были щеки в веснушках, зеленовато-карие глаза и маленький носик. Я подумал, что она могла быть довольно хорошенькой, если бы улыбнулась. Но ее холодный бесстрастный взгляд исключал подобную возможность.

- Что вы хотите?

- Я ищу Дув, - сказал я.

- Это я.

- Забавное имя. Я думал, это название болезни.

- Сегодня мы больше не выдаем билетов.

Она помедлила, прежде чем вернуться к книге, и вновь взглянула на меня. Ее глаза слегка расширились - так кошка, оценив обстановку, решает подойти к вам поближе.

- Приходите завтра утром, - сказала она.

- У меня особый случай. Я журналист. Вы могли бы оказать мне небольшую услугу.

Я решил использовать личное обаяние - оно уже успешно опробовалось на экономке Софи Лорен в Риме, на привратнике Датского посольства (я должен был привести туда фотографа до начала похорон) и на лидере баскских сепаратистов после похищения архиепископа (тонкая обходительность - моя визитная карточка). Но эта девушка оказалась непробиваемой, и ее реакции были ни на что не похожи.

- Какой прок от журналиста? - спросила она, забавно наморщив носик. На кончике виднелась маленькая ямка, словно третья ноздря. И у меня вдруг возникло странное желание коснуться этой ямки кончиком языка.

- Пока не известно. Крупнейшие знатоки бьются над этим вопросом, но пока безрезультатно.

Мое замечание не имело ни малейшего успеха. Она даже не улыбнулась.

- Что вы читаете? - поинтересовался я.

- "Введение в психоанализ" Фрейда.

- И вам все понятно?

На этот раз ее глаза широко раскрылись, выражая крайнюю досаду и изумление. Казалось, они говорили: "Как можно быть таким идиотом?"

Она встала и подошла ко мне, двигаясь в каком-то замедленном темпе. Ее наряд состоял из выцветших джинсов и зеленой блузки, лифчика не было - передо мной промелькнули ее маленькие розовые груди. Ростом она оказалась выше, чем я думал. У нее были длинные волосы и тонкая, немного нескладная фигура подростка, который вырос слишком быстро.

- Это насчет дела в Даксе?

- Да. Только не спрашивайте, верю ли я в подобные вещи. Но мне бы хотелось узнать мнение месье Бонафу. Кстати, для него это уникальная возможность защититься.

- Моему дяде не надо защищаться. На него никто не нападает.

- Все нападают на знахарей. Я предоставляю ему большую аудиторию - два миллиона читателей. (По правде говоря, милая девочка, сорок тысяч в лучшем случае.)

- Дайте подумать... - Она приложила кончик указательного пальца к губам. - Сейчас он не сможет вас принять. Разве что вечером. Вы можете зайти ко мне?

- К вам? Вы не живете вместе?

- Нет. Я ему немного помогаю, когда есть время. Но у меня нечасто бывает время. Знаете просеку за Проломом? В самом конце просеки за ручьем - отдельный дом. Приходите часам к девяти.

Только тут я заметил, что у нее совсем нет певучего акцента, характерного для местного населения. Ее голос звучал нежно и томно, напоминая звук медленно разрывающегося шелкового лоскута.

- Чем вас угостить? Вот бисквиты - я их делаю сама.

Они были поистине словно из восемнадцатого века - темно-серые и твердые как орехи.

- Вы не очень любите готовить, не так ли? - заметил я.

Она миролюбиво кивнула, показывая, что моя бестактность ее вовсе не задела. Между тем ко мне подошла такса и с весьма деловитым видом обошла вокруг моего стула.

- Иди поиграй, - сказала девушка псу.

Она сделала вид, будто кидает камень в сторону поляны. Пес помахал хвостом и ленивой походкой вышел на двор, глядя туда, где должен был приземлиться воображаемый камень. Затем с важным видом вернулся, высунув язык.

- Вот лентяй! - сказала она.

- Просто он скептик. Не верит в невидимые камни.

- Тогда он не прав.

Я поднял настоящий камень и зашвырнул его так далеко, как только мог. На этот раз пес умчался во весь дух.

- Любой дурак может сделать это, - сказала она, не уточнив, кого имеет в виду: пса или меня. - Я думаю, дядя скоро придет.

- Почему вас зовут Дув? - спросил я.

- Посмотрите в словаре. Дув - куриная слепота, в ботанике лютик жгучий - ядовитый цветок, который растет в болотистой местности. Очень похоже на меня. На самом деле это фамилия. Мое христианское имя - Тереза.

Мне хотелось задать еще много вопросов, но окружающая обстановка не очень располагала. Старый дом был словно третье лицо в разговоре. Как будто рядом присутствовала строгая, чересчур благойравная бабушка. Он наблюдал за нами, скорчившись во тьме; и своеобразная красота лежавшего перед нами парка, скорее напоминавшего большой сад, тоже располагала к тишине. По небу стремительно промчался стриж, огласив окрестности протяжным, тоскливым криком. Мне вдруг показалось, что когда день стал ночью, что-то произошло в воздухе. Аромат жасмина пропал, и после вспышки зарницы ему на смену пришла волна более сильного, более острого животного запаха: жнища, дремлющая в поле на стогу подгнивающего сена. Впервые я ощутил запах Терезы.

- Вот и мой дядя, - сказала она.

В коридоре послышались шаги. Появился круглолицый, добродушного вида человек в клетчатой кепке, твидовом жакете и гетрах. Он выглядел как процветающий сельский джентльмен - тамада за праздничным столом или председатель фермерского союза. Целитель протянул мне руку - она была мягкой и теплой. Его голос, перекрывавший две октавы, звучал не более таинственно, чем застольная песня. Кроме того, от целителя пахло одеколоном для бритья.

Короткими быстрыми шагами он подошел к Терезе, поцеловал ее в лоб и сел боком в одно из кресел, положив руку на его спинку.

- Итак, - сказал он, - с чего начнем?

Я придвинулся к железному столу, чтобы сделать кое-какие записи при свете настенной лампы.

- Наверное, с диплома? Обычно начинают с этого... Нас обвиняют в том, что у нас нет диплома. Я отвечу так: можно ли водить за нос пациентов в течение двадцати пяти лет?

Но меня интересовало другое. Мы уже посвящали три номера потрясающей деятельности гипнотизеров, лозоискателей, знахарей, лечивших травами, и прочих целителей, отвергаемых официальной наукой. Все они регулярно исчезали и возникали в новых обликах. "Гении или мошенники?" - гласили заголовки Берни. "Стоит ли отвергать гипнотизеров? Можно ли обвинять тех, кто продолжает лечение, когда врачи сдаются?". Нет, меня интересовало не это, и я решил сразу перейти к сути.

- Месье Бонафу, существует ли еще во Франции ведьмы и колдуны?

- Вы имеете в виду лозоискателей?

- Нет, ведьм.

- Но, если поразмыслить, это одно и то же.

- Я бы с удовольствием поразмыслил, но это может завести слишком далеко.

- Человек, который находит воду, - продолжал Бонафу, - должен обладать некоторой властью над природой. Он улавливает определенные

волны и потому может воздействовать на них. Мы, целители, всего лишь согласовываем наши волны с волнами пациента.

- Давайте оставим волны, - предложил я.
- Слишком сложно для ваших читателей?
- Слишком просто. (За кого он меня принимал?)
- Хорошо.

Бонафу немного помолчал, вдыхая и как бы смакуя жадными губами ночной воздух.

- Долгое время, - продолжал он, - наука считала клетку первичным элементом жизни. Теперь мы знаем, что клетка, которая казалась такой простой, на самом деле представляет собой чрезвычайно сложный организм.

Он переменял позу и теперь смотрел на меня, но, казалось, уже не обращался ко мне лично. Он говорил *ex cathedra*, как профессор, обладающий достаточно высоким авторитетом, не оставляющим места для возражений.

- Жизнь - это тонкий метаболизм, основанный на согласованном движении молекул, атомов, их электронных уровней и квантов в недрах клетки. Иными словами, там, где прежде мы не видели ничего, кроме химических реакций, теперь оказалось, что эти реакции управляются электрическими полями. Таким образом, элементарность феномена сместилась с атома на электрон.

Он продолжал в том же духе минут десять, цитируя Бело, Густа, Бьянчини и Вильгельма Райха, добрался до Сулье де Морана, Ян и Инь, затем перешел от акупунктуры к гомеопатии и обратно и наконец - к гипнозу. Нужно сказать, это была мастерская попытка установить непрерывную родословную от традиций великих оккультистов до последнего слова современной науки (старый, конечно, трюк, но в устах Бонафу он принял вид очевидной неотвратимости ледника, величаво сползающего с горных вершин). Все есть во всем, если поразмыслить, противоречия устраниают друг друга - такова была теория Бонафу. Он добавил к своей картине последние мазки, упомянув о сверхсекретных исследованиях, проводимых в космическом центре в Хьюстоне, "параграф 35, раздел 181-2", благодаря которым, как он заявил, "вне всякого сомнения установлено наличие естественного положительного электрического поля, напряженностью несколько сот вольт на ярд, между землей и атмосферой. Теперь этим электрическим полем можно управлять и на клеточном и на космическом уровне..."

- На расстоянии, вы имеете в виду?
- Да.
- И так действуют заклинания?
- Если хотите. - Но он уклонился от более подробного объяснения. - Если бы ученые серьезно изучили этот аспект проблемы, они давно нашли бы лекарство от рака.
- Или способ вызвать его?
- Что вы имеете в виду?

- Когда вы чем-то манипулируете, вы можете делать это на благо или во зло.

- Разумеется. Всякий, кто владеет силой созидания, владеет и силой разрушения. То же относится и к врачам. - Он снова уклонился от темы. - Возьмите этого хиппи из Лос-Анджелеса, который был обвинен в убийстве пяти человек. Все члены суда знали, что Мэнсона не было на месте преступления. Он не сделал ничего с точки зрения позитивистской науки. Но его нашли виновным и осудили на смерть. Общество признало наличие у него той силы, которую отрицает у нас.

Бонафу встал и рассмеялся чистым детским смехом.

- А что касается вязальной спицы и итальянского рабочего, боюсь, я не смогу вам помочь... Доброй ночи, месье.

Он еще раз поцеловал Терезу и потрепал ее по щеке.

- Прошу прощения, - добавил он, покидая комнату, - но у меня не было времени пообедать, и завтра я встаю в шесть...

Когда он ушел, я рассортировал свои записи, сунул их в карман и вышел в сад. Взошла луна. Тереза стояла, склонившись над перилами террасы...

- Выключите свет, - попросила она.

Я сделал это и подошел к ней. Я заметил, что у нее подрагивают ноздри, зрачки расширились, и подбородок поднялся. Она смотрела на цветы шалфея с мерцавшими в темноте серебристыми листьями. Ее дыхание было спокойным и глубоким. И вдруг мне стало казаться, что все растения в парке - каждая травинка на лужайке, каждый лист шалфея, и даже стены дома - дышат в том же ритме. Это продолжалось недолго, но на какой-то миг я тоже оказался вовлечен в общее колдовское биение. Мне казалось, что я никогда не был так близок к счастью. Потом Тереза пошевелилась.

- Я немного провожу вас, - сказала она и пошла впереди меня.

Мы медленно поднялись по склону и перешли ручей. Мокрая галька сияла в лунном свете. Можно было расслышать слабое гудение рельсов - в долине шел поезд. Мы молчали. Она шла рядом, прямая, как индейская женщина, иногда оказываясь на один-два шага впереди. Когда мы вошли в сквер, часы пробили десять, раскат каждого предыдущего удара сливался с последующим, образуя непрерывное гудение, разносившееся по всему городу. Перед гостиницей возле висевшей на каменных столбах массивной цепи несколько детей играли в бабки. Визгливый женский голос окликнул их, отдаваясь эхом под сводом соборной паперти. Тереза остановилась возле фонаря.

- Когда вы уезжаете? - спросила она.

- Завтра утром. Больше мне тут нечего делать.

- Конечно... Если передумаете, заходите. Я вам покажу мой дом.

Она повернулась и пошла обратно. Некоторое время раздавался легкий шорох ее шагов. Когда он затих, я открыл ярко освещенную дверь гостиницы.

Внутри оказалось довольно шумно. Несколько человек сидели вокруг стола, отделанного под мрамор. Говорили все разом, и каждый стремился

перекричать остальных. Но, завидев меня, они умолкли и стали смотреть, как я подхожу к конторке и беру свой ключ. Один из них встал. Это был хозяин.

- Не выпьете с нами?..

- Нет, спасибо, - сказал я.

- Но... Эти господа хотели бы поговорить с вами.

- Ну, тогда ладно.

Я взял предложенный мне стакан на этот раз красного вина и сел за стол. За исключением темноволосого человека, который выглядел довольно молодо, им всем было около пятидесяти, и, представив меня, месье Лорагэ умчался по своим делам. Я узнал, что толстяк, носивший пастушью куртку, - местный мэр; тот, у которого были впалые щеки и густые усы, - член городской управы; так же как и мужчина рядом с ним; четвертый - владелец гаража; а молодой человек в берете оказался школьным учителем. Делегация местных сановников.

- Вы проводите расследование? - спросил мэр. - Я дам вам кое-какие сведения.

Судя по агрессивному тону, он был не вполне трезв.

- Сходите посмотрите на нашу крепость. Шедевр архитектуры одиннадцатого века. Там проповедовал и призывал к крестовым походам Пьер-отшельник. А теперь она разваливается, и мы не можем получить от правительства средств на реставрацию. Пойдите и посмотрите дома рабочих в Сарлакском районе - таких лачуг постыдились бы и негры. Неужели это все, чего добились Франция?

В разговор вступил следующий собеседник:

- Знаете ли вы, почему будет продаваться в этом году наш виноград? А персики? Персики гниют на деревьях, потому что их цена не покрывает расходов на сбор и упаковку.

- Известно ли вам, сколько фермеров задолжало банку? - спросил учитель. - Семьдесят восемь процентов. Знаете ли вы, сколько из них сможет заплатить свои долги?

- Одну минуту, - перебил я. - Вы обращаетесь не по адресу. Все это очень интересно, но я занимаюсь другим вопросом.

- Чем же вы занимаетесь? - не унимался учитель. - Допустим, завтра мы окажемся на первой странице вашей газеты, - о чем вы будете писать?

- Я буду писать о Бонафу.

Разговор начал терять всякий смысл. Я испытывал искушение встать и уйти, послав их всех к черту.

- Я занимаюсь совами, пригвожденными к дверям, и младенцами с перерезанным горлом.

- Это Дув наговорила вам всю эту чепуху, не так ли? - раздраженно сказал член городской управы. - Мы видели, как вы сейчас шли с ней.

Я уже начал вставать, но сел снова, внезапно заинтересовавшись, и мне налили еще один стакан вина.

- Кто эта девушка? - спросил я.

Мэр пожал плечами. Владелец гаража сделал неопределенный жест рукой...

- Откуда она взялась? - настаивал я. - С кем она живет?

- Она живет одна. - ответил Лорагэ. - Родители у нее погибли три года назад в автомобильной катастрофе. Ее взял к себе дядя, целитель. В прошлом году ей исполнился двадцать один год, и она ушла жить в родительский дом. говорят, у нее осталось небольшое наследство - ферма в Лабержаке и какие-то акции.

- Да, - произнес второй член городской управы, тот, что до сих пор молчал. - У них нет недостатка в деньгах, Бонафу здорово загребаст.

- Похоже, люди не очень любят его, - заметил я.

- Его боятся, - сказал мэр, делая ударение на последнем слове.

- Она мне показалась приятным человеком.

- Всегда готов помочь, - насмешливо продолжил учитель, - сделать для вас все, что хотите, может даже просидеть целую ночь у постели больного.

- Но ведь так оно и есть, - возразил Лорагэ. - вы не можете этого отрицать.

Так мы беседовали еще минут двадцать. мои собеседники стали гораздо любезнее. Они высказали все, что, по их мнению, следовало сказать журналисту из Парижа, и к ним опять вернулось свойственное им добродушие. В их словах постоянно ощущалась любовь к родному краю, к отцам и дедам. "Бедняги, - подумал я, - они не знают своего счастья. Нетрудно вообразить воплощение их грез - заводы в предместьях, отравленная речка, в которой водились раки, супермаркет в сквере, в тени собора". Я представил, как бульдозеры штурмуют Пролом и вокруг крепости вырастают домики членов городской управы. "Слава Богу, - думал я, - этого никогда не произойдет". Но у меня не было уверенности. И потому, ложась спать, я сказал себе, что завтра непременно пойду и навещу тот дом - волшебный дом, где все дышит в едином ритме. И девушку. Она казалась мне чудесной реликвией из мира, который давно исчез. Возможно, так все и было. А может, какие-то другие причины побудили меня встретиться с ней.

III.

Однако мой визит закончился довольно неожиданно. Начался он в десять часов возле чулана под лестницей. Там пахло старой обувью и спелыми яблоками. Непременными атрибутами старого дома были полные сокровищ чердаки, скрипучие доски, плохо закрывающиеся двери, погреб, прогнившие балки, тяжелая мебель и выцветшие, пожелтевшие фотографии на камине. Романтичная дребедень. Весь эффект заключался в неустойчивом равновесии. (У Терезы была мания располагать безделушки, рамы для картин, подсвечники, вообще все предметы немного наискось, иногда на самом краю стола или каминной полки. Удивительно, как они держались. Позже мне пришлось вспомнить об этом.)

Несмотря на отсутствие у меня энтузиазма, Тереза повела меня на экскурсию в парк раньше, чем намечалось. Это оказалось действительно забавно. Она рассказывала все, что можно было рассказать о дорожках, кустах и лужайках и о том, какие звезды видны ночью между теми или иными ветками. Она проводила сравнение между домом и садом. Дорожки были коридорами, солнечная лужайка - гостиной, заросли кустов - чердаком, а просветы неба между ветвями - окнами. Все перемешалось.

- Бывают такие дома, - сказала она, - которые посещаются призраками. Но это заколдованный дом. Его посещают добрые духи, а не злые. Вы согласны?

Она настойчиво пыталась узнать мое мнение. Я был готов согласиться со столь странной метафорой. Тереза показала мне маленький зеленый домик в дальнем конце парка. Там работал старый садовник. Его лицо с перебитым носом боксера казалось старше остального тела. Когда он появился у своего жилища с тремя горшочками азалий в руках, Тереза представила его:

- Это Фу.

Садовник бросил рассеянный взгляд в мою сторону и, не проронив ни слова, ушел.

- Он помешан на цветах, - едва слышно прошептала она, словно посвящая меня в некую тайну. - Если бы я его послушалась, у меня повсюду были бы цветы. Но я люблю только полевые цветы без запаха, например лютики или маргаритки.

- Зачем же вы его держите?

- Это долгая история. Если когда-нибудь встретитесь с ним, не будите его, он носит цветы во сне.

"Если когда-нибудь встретитесь с ним..." - не в первый раз она употребляла это выражение. Например, я узнал, что дверь в одной из спален на первом этаже не запиралась, как бы сильно ни давили на щеколду. Чтобы ее правильно закрыть, нужно знать один секрет. "Я покажу вам как-нибудь". - сказала она. Как будто мне было суждено вернуться. Или остаться.

К часу пополудни я уже умирал от голода. Тереза это предусмотрела. Она приготовила корзинку с сэндвичами, столь же твердыми, как и ее бисквиты. Эту корзинку Тереза отнесла в свою "хижину" - так она называла странную постройку в дальнем конце парка, почти полностью скрытую листвой. Вблизи хижина оказалась сложенной из старых досок, сухого тростника, железных балок, ржавых железных листов, битых кирпичей и кусков шифера; дверью служила тяжелая, изъеденная временем деревянная панель.

Внутри стоял запах сырого перегноя. Ни окон, ни какой-либо мебели, только охалка сена, заменявшая, очевидно, сиденье. Единственным предметом обстановки был очаг из четырех больших камней и старой трубы. Рядом лежало несколько поленьев. Я сел на землю, прислонившись спиной к стене. Хозяйка расположилась напротив меня и принялась

медленно распаковывать свои припасы. Она была разочарована моей реакцией, моим ироническим отношением к ее заколдованному миру.

- Вы должны кое-что узнать обо мне, Тереза. - Впервые я назвал ее по имени. - Прошлое, детство - весь этот хлам имеет для меня значение не большее, чем окурки сигареты.

- Прошлое не играет никакой роли в вашей жизни/

- Слава Богу, никакой.

- Почему слава Богу?

- Я не люблю старые дома, старые сады и вообще все, что тянет назад.

- Что же вы тогда любите?

- Вопрос не в том, что люблю я, а в том, что любите вы. Вы не можете провести всю жизнь, оставаясь тенью давно исчезнувшей девочки, посещающей дом своих родителей. Когда-нибудь вы состаритесь. И одиночество будет плохим помощником... Ладно, не стоит обращать на меня внимания. Это просто моя склонность читать морали. Не принимайте всерьез.

Рискуя сломать зуб, я укусил сэндвич.

- Одиночество - не такая вещь, которую можно принять или отвергнуть по своему выбору, - сказала она очень серьезно.

- Хорошо, - похвалил я. - Очень хорошо и глубоко. Передайте бутылку.

- А как у вас, у такого умного? - Ее глаза, казалось, разделились: правому я еще нравился, а левый смотрел враждебно. - На что похожа ваша жизнь?

- Моя жизнь лишена очарования. - сказал я. - Во всех смыслах этого слова.

- У вас нет никаких привязанностей?

- Есть. К жене.

- А ваша работа?

- Не стоит и гроша.

- И больше ничто вас не интересует?

- О, меня интересует многое. - Я стал перечислять. - Катание на яхте, вечеринка с приятелями, девочки, карты.

Тереза взглянула на меня с мукой. В ее глазах словно отразились все Сержи, которыми я не был.

- Но мне наплевать и на то, что меня интересует. - добавил я.

- О? - произнесла она, передавая мне наконец бутылку своим замедленным движением.

Потом она задумалась. Прошла целая вечность, прежде чем последовал очередной вопрос.

- А ваша жена, какая она?

- Чудесная, - ответил я с набитым ртом. - Это слово всегда приходит мне на ум, когда я думаю о ней. Она как бы... Видите ли, я не обладаю вашим даром сравнения. Она - пузырек в бокале шампанского.

- Вы любите все легкое, да?

- Совершенно верно. Я сам довольно тяжелый. И мне часто бывает тяжело переносить самого себя. - Говоря это, я улыбался, но потом опять заговорил серьезным тоном. - Вы не поняли, что я хотел сказать, Тереза.

Или я неудачно выразился - я имею в виду мою жену. Она совсем не легкомысленная или...

- У вас есть ее фотография.

- Минуту. Я имею в виду, что она просто обладает даром облегчать мою жизнь.

- Я понимаю.

Она протянула руку, ожидая карточку. Я чувствовал, что довольно глупо показывать Терезе фотографию жены, но больше ничего не оставалось. На этом снимке, сделанном в Ибике в июне перед виллой, Ким, совершенно голая, с длинными черными волосами, ниспадавшими до пояса, стояла спиной к камере и, обернувшись, улыбалась своей боттичеллиевской улыбкой.

- Какая красивая! - сказала Тереза.

Я положил фотографию обратно в маленький прозрачный конвертик и сунул в бумажник. В разговоре наступила пауза. Тишина казалась нескончаемой. Я взглянул на часы и с удивлением обнаружил, что наступил вечер. С сэндвичами я давно покончил. Должно быть, Тереза встала и разожгла огонь, потому что в очаге потрескивало. Куда-то провалился значительный отрезок времени. Я тряхнул головой.

- Что случилось?

- Ничего, - сказал я, - все в порядке.

Тереза присела на корточки возле очага, глядя на языки пламени. Еще одно странное ощущение: казалось, тепло идет от нее к огню, а не наоборот. Но было и еще что-то. Ее мысли. Они как будто возникали в языках огня, некоторое время витали над ее головой, потом собирались вместе и вдруг стремительно бросались на меня. "Прижми меня к своей груди", - приказывали они. Я был в каком-то оцепенении. Казалось, в течение целого часа Тереза поворачивала ко мне свою голову. Глаза ее поблескивали, и какие-то блики играли возле губ. Еще один провал во времени. Когда сознание вернулось, я лежал с Терезой на сене. В голове звенели колокола... Медленно, медленно ее и мои губы сближались, я пил слюну, у которой был вкус рассветной росы. Губы Терезы, холодные и мягкие, едва размыкались. Мои ребра начали неистово вздыматься и опускаться. Резко оторвавшись от Терезы, я вскочил на ноги, сознавая лишь одно: надо уходить. И как можно скорее.

IV.

Я вернулся в Париж в восемь утра, проехав всю ночь. Ни один муж не был бы стремительнее меня в то утро, когда я поставил машину в гараж под домом, бросился со своим чемоданом к лифту, бесшумно просунул ключ в замочную скважину, тихо прикрыл за собой дверь и миновал прихожую. Ким притягивала меня как магнит на протяжении всего четырехсотмильного пути. Я хотел застать ее спящей. И получил то, что хотел, - пробуждение Ким. Еще не проснувшись, она улыбалась, словно человек, стоявший перед ней, был одним из образов ее сновидений. Она

медленно воскресала, переносясь из одного чудесного мира в другой, столь же восхитительный. Из-под одеяла появились ее руки. Потом открылись глаза, чтобы тотчас закрыться снова, и послышался тихий смех - значит, она проснулась.

Я погрузил губы в атлас ее шеи, вдыхая нежный аромат и ощущая блаженный покой, которого был лишен в течение поглотивших меня последних двух дней.

- Моя черноволосая, - прошептал я, - обожаю тебя.

Она опять погрузилась в сон, снова пробудилась, на этот раз окончательно, улыбнулась и свернулась калачиком.

- Ты разбудил меня, - пожаловалась она.

Только тут я заметил перемену: длинные черные волосы Ким больше не рассыпались по подушке.

- Ты не сердись? - Она поднялась на локте, покрутив согнутыми пальцами над тем, что осталось от ее волос. - скажи, что-нибудь. Это только вначале шокирует, а потом ты привыкнешь. И они опять вырастут. Так выглядит гораздо лучше, правда?

- Лучше, - согласился я.

У меня не было сил спорить, хотелось просто заключить мир лет на десять.

- А у меня есть для тебя подарок.

Она вынырнула из-под одеяла в чем мать родила и на четвереньках добралась до стула, стоявшего в ногах кровати. Покопавшись в сумке, лежавшей на стуле, она достала прядь волос, перевязанную черной ниткой.

- Значит, я не потерял их совсем, - заметил я, засовывая волосы в маленький конвертик, к фотографии Ким.

- Очень мило с твоей стороны, что ты так хорошо все воспринял.

- Она вернулась на кровать. - Как твои дела?

- Нормально.

- Ты знаешь, золотисто-каштановые тона должны смягчить суровость стрижи.

- Я не против золотисто-каштановых тонов.

- Ты так мило все воспринял. Я боялась, что ты рассердишься. - Она раскинула руки: - Ну, иди же, разбуди меня.

- Нет. сейчас я приму душ и освобожусь от всего этого бреда.

- Какого бреда?

- От статьи. Пока она у меня в голове. Всю дорогу обдумывал. Хочу скорее выложить все на бумагу и забыть.

- А нельзя с этим подождать?

- Нет, нельзя.

- Тогда я сварю тебе кофе. Ты вообще-то спал?

- Потом посплю.

Она принесла мне кофе в спальню. Даже выпив две чашки, я чувствовал себя разбитым и обессиленным, но как только сел за машинку, клавиши застучали, как одержимые. Я опять выделил старую крепость при свете луны, стога сена в залитой солнцем долине. И девушку, с которой, быть может, был знаком в прошлой жизни, грустное лицо мэра,

стоявшего под лампой в холле гостиницы, и дорогу, проходившую за сто десять миль, экс-субпрефектуру с ее ветхими стенами, серый безобразный дом Бонафу, окруженный людьми, томимыми недугами и надеждой, и смерть, крадущуюся между ними с косой в руках. Дом, парк и магнитные поля Хьюстона. И хижину. Но тут я остановился. Я не стал упоминать в своей статье хижину. Пятнадцать страниц были готовы. Вложив их в большой конверт, я оставил его на полу перед входом в квартиру, запер дверь и позвонил в газету, чтобы прислали курьера. После этого я забрался в постель и тотчас погрузился в сон без сновидений.

На этот раз настала очередь Ким будить меня. Ее длинная, созданная для поцелуев шея, склонилась надо мной.

Ким сообщила, что уже восемь вечера, а также что мы должны обедать у Канавы. И уже опаздываем.

- Когда я женюсь на тебе, - пообещал я, - мы положим конец всей этой светской жизни.

- Но ты уже женился на мне.

- Я намерен начать все сначала.

- Ты ничего не рассказал мне о своей истории, - сказала она другим тоном.

- О, это было так поэтично.

Я пошел в ванную, намочил голову и начал бриться.

- Хорошенькая девушка, местное вино, заколдованный дом и таинственный парк - как в волшебной сказке.

- Чуть какая, - сказала она.

Именно так я и думал. Она примерила последовательно трое колготок, и третьи, желтые как лютик, по-видимому, наилучшим образом подошли к ее настроению.

- А что это за девушка? Расскажи. Конечно, она в тебя влюбилась?

- Точно.

- Ее покорила твоя любовь к природе?

- Точно.

- И она готовила приворотное зелье и все такое?

- Возможно. Я не стал выяснять. Ким, а что если мы никуда не пойдем сегодня?

- Ты обещал на прошлой неделе.

- Стоит ли держать свои обещания?

- Может, нам понравится.

Ким была готова. Ярко-желтая юбка с разрезом, нечто вроде блузки горчичного цвета - один из ее сверхмодных костюмов. Новая прическа шла ей; ее глаза сияли, как у королевы, и прислонившись к двери, она держала свою сумочку, как скипетр.

- Может, нам все-таки остаться? - предложила она после долгого поцелуя.

- Мы обещали, - ответил я.

Этот вечер был похож на другие. Народу оказалось гораздо больше, чем мы ожидали. Мало еды и много спиртного. Последняя пластинка "Стоунз", манекенщицы с отсутствующими лицами, огни свечей, отра-

жавшиеся в их глазах, по углам группы мужчин, обсуждавших серьезные проблемы, шестнадцатилетняя девочка, скакавшая от одной группы к другой, немного веселья и чуть-чуть блюза.

- Не пей слишком много, - сказал мне Канава около двух часов ночи.

- Слишком много выпить нельзя, - ответил я.

- Это непохоже на тебя.

Он был прав, и чем больше я пил, тем больше она - Тереза - преследовала меня. Она появлялась повсюду, падала с потолка, выходила из стены, заползала по моей ноге. Я хватался за любой стакан, который оказывался в пределах досягаемости, и вдруг понял, что нахожусь в мертвецки пьяном состоянии. Я ушел в ванную, закрылся и сказал зеркалу:

- Я запрещаю тебе кричать.

- Это не так просто, - ответило оно.

- Притворись кем-нибудь другим.

Зафиксировав в сознании эту здравую мысль, я вернулся в гостиную и стал искать Ким. Наконец ее лицо промелькнуло где-то в толпе, словно луч света. Я начал осторожно пробираться к ней. Это был долгий путь в темном коридоре.

- Забери меня отсюда, - попросил я.

- Мне нужна эта девушка!

Берни яростно опустил свой кулак на мои пятнадцать страниц.

- Мне нужна эта девушка. Мне нужен этот дом с приведениями и этот чудесный... этот шекспировский парк. Мне нужен этот мертвый город с его призрачным собором и извилистыми аллеями. Мне нужны все эти несчастные больные, которые выстроились в очередь у дверей целителя. Но больше всего меня интересует девушка.

- Но что в ней такого интересного?

Он повел носом, словно нюхая воздух.

- Ее аромат. Послушай, читатели по горло сыты грязью. Они получают грязь в каждом номере. Им нужно немного свежего воздуха.

- Но в этой девушке нет ничего свежего.

- Она живет не в нашем веке. Ее нисколько не интересуют бары и модные магазины. Она разговаривает с облаками, она черпает энергию из природы, и у нее есть - как бы это сказать? - что-то вроде "власти" над природой. Ты сам так пишешь. Больше того, ты пишешь, что она хорошенькая. Я дам тебе Феррера.

Марк Феррер был одним из четырех штатных фотографов, получавший более "поэтичные" задания: пастух, ставший убийцей; пекарь, покончивший с собой из-за несчастной любви, засунув голову в печь; директор компании, бросивший бизнес и ставший пчеловодом. Марк, высокий, длинноволосый, сорокадвухлетний вегетарианец, превосходно подходил для такой работы.

- Он и так неплохо работает здесь, - попытался возразить я.

- Решено. Вы отправляетесь туда сегодня вечером. Если устал, закажи место в спальном вагоне. А я тем временем подготавливаю твою статью.

Введение я уже немного обмозговал. Начало будет на первой странице, и еще две страницы внутри. "Существует ли тайна?.." Как, говоришь, называется это захолустье? Нет!

Он простер руку с вытянутыми большим и указательным пальцами, словно очерчивая в воздухе воображаемый заголовок.

- "Колдовство в век атома: возможно ли это?" Видишь ли, Серж, на самом деле я не верю во всю эту чепуху. Но, к счастью, в нашей истории есть еще и хорошенькая девушка. Может, она ведьма! Может, она натирается колдовскими снадобьями и танцует голая в полнолуние.

- Не так-то просто будет застать ее за этим занятием, - заметил я. - Даже с Марком.

- Может, она участвует в черной мессе или чем-то подобном. Я вижу, как она лежит обнаженная на алтаре, а ее дядя в черном клобуке совершает обряд, перемещая священные дары по ее лону.

- Андрэ, твоя фантазия...

- И сумасшедший садовник, который бродит с рассвета до заката с охапками цветов. Ради Бога, ты должен написать это!

Его ладонь легла на мои пятнадцать страниц.

- "В сиянии звезд купол оранжереи начинает вздыматься словно человеческая грудь". Нет! Я не откажусь от этого ни за что на свете!!

- Я не писал этого!

- Но я же прочел! Ты гораздо талантливее, чем думаешь. У тебя чудесный дар вызывать ощущение чего-то неуловимого. Возьми Марка за руку и постарайся объяснить ему все это. Таинственное лицо этой девушки. Старый чердак, призрачная лестница, коридоры, кишасие вампирами... Я хочу, чтобы все это было между строк. Мне нужен астральный элемент, понимаешь?

Я понимал. И прежде всего понимал, что снова увижу Терезу. "Завтра в это время я буду с тобой, с тобой, с тобой, с тобой..." Эта мысль долго крутилась у меня в голове. Можно продумать дело до мелочей, оценить различные возможности, потом вдруг - стоп! - и нет ничего, кроме абсолютной Пустоты. Так, может, это и есть любовь? - продолжал я свою околесицу, направляясь к издательской конторе. Во всяком случае, спорить с Берни было совершенно бессмысленно.

V.

Мне нравилось, что Марк говорил только тогда, когда его спрашивали. Он был еще тут, а вы уже забыли о нем. Через плечо перекинuty две камеры: "Хассельблад" для цветной съемки, "Контафлекс" - для черно-белой. И всегда под рукой черная сумка с линзами. Марк часами протирал их носовым платком, дышал на них и смотрел на свет: не осталось ли отпечатков пальцев или пылинок - лишь затем, чтобы засунуть обратно в сумку. Он всегда бродил где-то поблизости, и то тут, то там слышалось щелканье затвора. Можно было внезапно обнаружить его застывшим в какой-нибудь необычной позе, например, лежащим на спине

прямо у твоих ног. Тонкие губы, длинный нос, очень красивые серые глаза и длинные с проседью волосы делали Марка красивым и загадочным. То ли ему было все до лампочки, то ли, наоборот, он воспринимал все ужасно серьезно, и внешнее безразличие лишь скрывало огромную сосредоточенность - я никогда не мог понять.

После трех пересадок мы наконец добрались до места в девять часов утра.

В этом глухом городе станция была пустыня, как и все остальное, и от станции шла длинная липовая аллея. Кроны деревьев смыкались, образуя сплошной зеленый свод. Прекрасная картина.

- Значит, вы вернулись? - сказал хозяин гостиницы. - Надолго останетесь? У меня свадьба в конце недели. С пятницы все будет забито.

Я сказал, что мы останемся на два дня, и он дал нам двухместный номер. Едва мы очутились в комнате, Марк занял позицию у окна и начал снимать собор. Потом он спросил, не могли бы мы выйти и взглянуть на этот собор под другим углом.

- Мы приехали не для того, чтобы снимать собор, - сказал я.

- Он очень красив.

- Таких не меньше пятиста во Франции.

- Расскажи, в чем тут дело, Серджио. - Он всегда называл меня "Серджио". - Берни почти ничего не объяснил. Какая у тебя цель?

- Не знаю.

- Берни говорил что-то о девушке, которая живет одна в большом доме. И это вся история?

- Более-менее.

- И что в ней особенного?

- Она очень хорошенькая.

- Во Франции пять миллионов хорошеньких девушек.

- Идея Берни, не моя, в том, что девушка, город и ... окружающая обстановка - все связано воедино.

- Некая картина Франции, так?

- Не совсем. В здешних краях есть волшебные источники, колдуны, легенды...

- И ты хочешь, чтобы я снимал легенды?

- Три тысячи триста жителей, - прочитал я вслух, открыв путеводитель. - Средняя высота сто семьдесят четыре фута. Отдельные холмы достигают пятисот девяти футов. В ясную погоду можно видеть Пиренеи, которые находятся в сорока восьми милях отсюда. Главный источник дохода - сельское хозяйство. Фруктовые сады. Сосновые леса. Незначительные остатки архитектуры римского владычества. Развалины средневековых укреплений. Нормандские вторжения в девятом и десятом веках. Испанское вторжение в шестнадцатом веке.

- И что дальше?

- Все.

- Но зачем конкретно ты приехал, Серджио? Какая у тебя идея?

- Идея в том, что у здешних ящериц женские тела, а луна на самом деле из зеленого сыра.

- Нет, серьезно.
- Я знаю не более твоего.
- С чего же мы начнем?
- С начала. Берни интересуется девушка.
- А тебя?
- Меня тоже.

Мы нашли ее во фруктовом саду - в клетчатой рубашке, бежевой юбке, зеленом шифоновом шарфе. Птицы устроили вокруг нее адский шум. Тереза срывала листья латука.

Она выпрямилась. Ее фигура отбрасывала колеблющуюся косую тень. Марк начал снимать с выдержкой 1/28, но перешел на 1/135, когда мы подошли ближе.

- Что случилось? - спросила она, глядя на него.

С Терезой - как я мог забыть? - все было не так, как со всеми. Она не проявила ни малейшего интереса к ответу на свой вопрос ("Мой приятель хочет сделать несколько снимков для газеты, кое-какая дополнительная информация, если не возражаешь. Разве я не обещал, что мы скоро снова увидимся? Но ты, кажется, не очень рада? Я, конечно, был...") и, указав на плодовое дерево, объявила:

- У нас будут вишни в сентябре.

Только тут она впервые взглянула не меня и улыбнулась - Марк за моей спиной снимал уже при 1/250.

- Я ждала тебя, - сказала она. - Мне приснился сон прошлой ночью.

Она взяла меня под руку, и мы стали бродить по полянам. "Этого не надо, - говорил мой взгляд Марку. - Вырежь сцену встречи трагических любовников во втором акте, когда они гуляют, не подозревая, что их ожидает скорая смерть".

Между тем Тереза рассказывала свой сон. В город прилетели птицы. Их вожак разыскал мэра и сообщил, что они намерены расположиться на ночлег в сквере; пусть каждый житель принесет веточку, щепку или кусок проволоки для постройки гнезда. Птицы очень устали после дневного перелета, и они не могут собирать все это сами в столь поздний час. И так далее.

- Тогда я выбрала самую лучшую ветку в саду и пошла к скверу. Но когда я проходила мимо большого магазина, у меня возникла идея. Я зашла и спросила, где у них игрушки для птиц.

Марк перестал снимать и шел рядом с нами. Я поймал его взгляд, словно говорящий: "То ли еще будет".

- И все игрушки для птиц появились на витрине, - продолжала Тереза, сорвав ветку с дерева.

Я решил играть в ее игру.

- И на что были похожи эти игрушки для птиц?

- Всех форм и всех цветов, как их песни.

- Но при чем тут мое возвращение?

- Подожди.

Она говорила серьезно, почти торжественно. Звуки ее голоса накатывались волнами - и такими же волнами кольхалась рожь, через которую мы теперь шли, стараясь не топтать колосьев.

- Когда я пришла к скверу, там уже было построено огромное гнездо - от собора до гостиницы. Все птицы сидели внутри, и вдруг одна из них подлетела ко мне. Она была такая большая, темная, очень красивая, и я дала ей игрушку.

- Как у тебя со стариком Фрейдом? - поинтересовался я.

- Подожди... После этого был какой-то провал. А потом я осталась в сквере одна. Рассвело. Птицы уже улетели, и мне хотелось только попасть в гнездо. Я знала, что это запрещено и даже приведет к несчастью, но не могла устоять. И когда я оказалась в самой глубине гнезда, оно стало медленно-медленно закрываться надо мной. Тогда я позвала на помощь ту птицу...

- Ту, которой вы дали игрушку? - вежливо осведомился Марк.

- Да.

- И он пришел, этот тип? - спросил я.

- Да. Ты пришел.

- У нее не все дома, - сказал Марк вечером за обедом.

Как мы провели день? У меня не было никаких мыслей... Огромные ключья чистого неба плыли над нашими головами, когда мы гуляли под палящим солнцем. От ее тела исходил запах теплого нетерпеливого животного. Мы остановились в прохладной тени у ручья. Глубокая зелень листвы отражалась в глазах Терезы. Она присела на корень дерева, от ее тела исходила какая-то скрытая, накопленная бесцельно сила. Когда мы пересекали небольшой перелесок, ее голая рука защищала меня от веток, и я ловил эту руку, целовал кончики пальцев и задавал себе абсурдный вопрос: виноват ли я в том, что мне так хорошо?

Когда я вернулся в сад в дремлотной тишине полудня - ленча в программе не было - судя по всему, собиралась гроза. Марк с довольным видом начищал свои фильтры, надеясь пополнить коллекцию живописных картин неба. Потом - Бог знает, говорили мы о чем-то или нет - солнце опять вернулось на небо, а я не заметил, как это произошло, и в саду засмеялись птицы. Позднее, когда последний луч солнца медленно покинул лужайку, небо внезапно стало темно-синим. Я уловил едва ощутимый запах оранжереи - перегной, торф, черви, копошившиеся среди гниющих листьев - недалеко прошел садовник Фу, прижимая к груди целую охапку горшков с дрожащими цветами. И лето словно превратилось в зиму.

- Теперь я кое-что понял, - сказал Марк.

- Что именно?

- Почему ты вернулся. И почему я здесь. Я - алиби, не так ли?

- Я вернулся не по своей воле, Марк.

- Эта девочка хочет тебя. Она похожа на кошку во время течки. Знаешь, что я собираюсь сделать завтра, Серджио? Пойду повидаюсь с этим целителем - и прекрасно управляюсь сам. Чем плоха программа?

- А что предлагается мне?

- Тебе предлагается переспать с ней.

И поскольку я лишь молча возил вилкой по тарелке, он спросил:

- Что-нибудь не так?

- Да.

- В чем дело, Серджио? Скажи мне. Это из-за... из-за Ким? Послушай, не мое дело давать тебе советы, но... сколько тебе лет, Серджио? Тридцать три? Тридцать шесть? Ладно. Во всяком случае, я старше тебя. Послушай опытного человека: в жизни тебе нужны будут только воспоминания. В конце концов, это единственная вещь, которая...

- Марк, - я поднял глаза, - она слишком много для меня значит.

- Что ты имеешь в виду?

- Не знаю.

- Ты как будто боишься...

- Оставь меня в покое.

Я бросил салфетку и отправился спать. Марк пришел много позже. Он был пьян.

- Ты оказался прав, Серджио. Можно мне включить свет? Ты не спишь? Ты оказался прав, здесь происходят странные вещи. Во-первых, послушай...

Он споткнулся о кровать и сел на мои ноги.

- Это местное песочное вино - настоящая находка. У меня и правда все горло как в песке. - Он почесал горло. - Послушай, детка, я обошел всю местную знать и выпил с ними со всеми, но это только для того, чтоб помочь тебе. Вот так. Погоди-ка минутку, мне надо выпить стакан воды, чтобы промыть этот песок.

Он опять споткнулся об угол кровати, ухватился за раковину и стал пить прямо из-под крана.

- Во-первых, дядюшка Бонафу был замешан в другом деле, более серьезном, чем это, шесть лет назад. Я точно не понял, что там случилось. Два человека погибли - расплата за старые долги, в чикагском стиле, понимаешь? Там было какое-то наследство и так далее. "Убийство на расстоянии". Тебе это не интересно? Или интересно? Теперь девушка. - Он подошел к кровати и, сделав мне козу, продолжал: - Ее родители погибли в автомобильной катастрофе. Это официальная версия. Люди говорят... Но чего они только не говорят, Серджио? Есть две другие версии. Несчастный случай произошел, когда они ехали в деревню... Серизоль. Смотри, как я точен. Машина налетела на платан и разбилась в лепешку. И девушка - ей тогда было восемнадцать лет - находилась в машине. Но осталась цела и невредима. Теперь слушай внимательно. Только после седьмой бутылки они мне все выложили. Ее мать страдала от неизлечимой болезни... По одной версии - ты следишь за мной? - ее отец, двоюродный брат Бонафу, убил жену и представил ее смерть как...

- Марк, - сказал я, - ради Бога, заткнись и иди спать.

- Но это еще не все! Эти люди там в долине - все совершенно ненормальные. Здесь как раз влетает история садовника. Имею честь сообщить тебе, что садовник мертв. По непроверенным данным. Стал

призраком в тысяча девятьсот сорок третьем, когда был совершен обряд освящения. Ты не хочешь послушать историю о святилище? Одна из величайших страниц в истории Сопротивления. Ты знаешь, что такое святилище? Я не знал. Один старик объяснил мне за стаканом вина. Святилище - это святые места. Посвящаются обычно Богу. Любому богу. Но могут быть посвящены и дьяволу!

- Продолжим завтра утром, - объявил я, выключая свет.

Я слышал, как он раздевается в темноте и невнятно бормочет:

- Это очень удобно: посвящаешь святилище дьяволу, и когда кто-то другой входит туда без твоего разрешения, он падает замертво. Так и пропали три немца, лейтенант и двое рядовых. Значит, ты приехал за легендами, Серджио? Отлично, мы попали как раз туда, куда надо. Это точно.

На следующий день жара стала невыносимой. В три часа разразилась гроза, и мы укрылись в хижине. На этот раз Тереза не стала зажигать огонь. Она только молча прижалась ко мне, и ее кристально-ясные глаза стали темно-зелеными. До этого были всякие расспросы: ее жизнь, детство, планы на будущее, взгляды. Рассказал о себе (служил в армии, в том числе восемь месяцев в Алжире, женился и так далее). Мы говорили обо всем, что когда-то чувствовали, любили, ненавидели, желали - или только думали, будто говорим, потому что на самом деле не придавали значения словам - они лишь отвлекали наши мысли от того, что неизбежно должно было произойти. И оно произошло. Именно там, в хижине, когда первые капли дождя упали не крышу и листья деревьев, мы поцеловались во второй раз. Первым был тот едва ощутимый трепет ее губ. Потом моя рука осторожно скользнула за ворот ее зеленой блузки - в то время, как она гладила мое лицо: два легких нежных пальца коснулись моего лба, потом носа и губ. С усердием слепого я в мельчайших подробностях изучил ее груди, прежде чем увидел их - жемчуг, сияющий в раковине - после того, как внезапным движением она отвела назад плечи и, изогнув спину, помогла мне сбросить ее блузку. Когда она разделась до пояса, я взял обе ее руки и поднял над головой. Мои губы зарылись в волнующий клочок волос под мышкой, затем, поднимаясь к шее, подобрали по пути каплю пота, пока вновь не слились с ее губами. В эту минуту я понял - я почувствовал это впервые в жизни, - что каждая частица наших тел предназначена и уже давно подготовилась к этой церемонии.

Все время во Вселенной принадлежало нам. Бесконечное время простиралось вокруг и струилось внутри нас. Внезапно резкий запах поднялся от ее лобка, тотчас смешавшись с запахом гниющего сена. И когда моя рука быстро опустилась к ее бедрам, я был приятно удивлен, обнаружив, что она уже расстегнула юбку. Я спустил ее юбку вместе с трусиками. Это движение, которое часто представляло для меня большие затруднения и неудобства, стало *andante* *amoroso*¹ второй части симфонии. Оставалось одно препятствие - как избавиться от моей одежды? Но охвативший меня жар расплавил их, и они слетели сами,

1

- медленно и нежно (ит.)

словно пыль. Когда наши обнаженные тела соприкоснулись и пришел конец нашей невыносимой разделенности, я спросил ее глаза в последний раз, и они ответили мне спокойно, прежде чем закрыться. Потом ее губы шевельнулись:

- Уже так поздно, - произнесла она, и эти три слова превратились в едва заметную зыбь в застывшем воздухе.

В тот вечер, укладывая в чемодан пижаму и туалетные принадлежности, я сказал Марку:

- Помоги мне, придумай что-нибудь.

- Не беспокойся, Серджио. Можешь на меня положиться.

Марк также был удовлетворен проведенным днем. Он подружился с Бонафу, который почему-то хотел сфотографироваться во всех мыслимых ракурсах.

- Он такой же комедиант, как и все остальные, - сказал Марк, - я даже видел, как он пытался загипнотизировать паралитика. Но самое удивительное вот - смотри! - Он вытянул свою левую руку. - Она у меня никогда полностью не распрямлялась - что-то там в суставе, какое-то затвердение связок. Он сразу заметил и предложил выправить. Взял мою руку, тряхнул ее несколько раз и поставил какую-то припарку на локоть. Потом положил обе руки мне на крестец... Крестец и локоть - вроде никакой связи, но я сразу почувствовал во всем теле чудесное тепло. Как будто кровь закипает. Очень приятно.

Марк упаковал свой небольшой чемоданчик и легко поднял его левой рукой.

- Видишь, раньше я так не мог. - Потом он осторожно уложил в черную сумку свои фотопринадлежности. - Переезжаешь к ней?

- Да.

- Надолго собираешься остаться?

- На несколько дней. До конца недели.

- Но теоретически ты еще в отеле? Я имею в виду, если они захотят тебе позвонить.

- "Они" - мне понравилось множественное число. "Ими" могли быть только Берни и Ким.

- " Скажи "им", что они могут позвонить мне во время ленча. Я здесь буду питаться, по крайней мере, днем.

- Почему бы тебе не позвонить самому? Это гораздо проще.

- Не хватает смелости, Марк.

- И ты действительно считаешь, что получишь таким образом супер-историю?

- Это весьма обширная тема, - уклончиво ответил я. Ощущение радостной легкости и свободы от какой-либо ответственности не покидало меня с тех пор, как я решил остаться (с тех пор, как она решила за меня).

- Но завтра - последний срок, Серджио. У меня как раз осталось время проявить пленку.

- У них есть моя первая статья. Другая пойдет в следующий номер.
- Значит, это - история в несколько серий?
- Кто знает? Мы заключили кровавый договор.
- Что?
- Мы смешали нашу кровь. Это значит, что теперь ничто не сможет нас разлучить.
- Ты шугишь?
- Нет. Посмотри.

Я показал ему след от укола, который был виден на кончике моего мизинца, и рассказал, как Тереза взяла булавку, проколола сначала мой, а потом свой палец, затем, бормоча какое-то заклинание, приложила их друг к другу и немного повращала, чтобы кровь смешалась. Похоже, Марку не очень понравилась эта затея, но он постарался не подавать вида.

- Попрощайся за меня. Мне ужне некогда ее навестить.

Он закинул на плечо свою сумку и взял чемоданчик.

- Чао, Серджио. Ты все-таки остерегайся.

- Остерегаться чего?

Он не ответил и стал спускаться по лестнице. Мы оплатили счет в холле. Я сообщил Лорагэ, что мой друг уезжает, а я нашел комнату в городе. Если на мое имя придут какие-то письма, пусть он оставит их для меня, и если кто-нибудь позвонит, пусть скажет, чтобы перезвонили в любой день во время ленча. Это было в пятницу.

- Я буду в Париже в понедельник рано утром, - сказал я Марку, когда выйдя из гостиницы, мы пожали друг другу руки.

- Надеюсь, картинки получатся.

- Я тоже надеюсь.

VI.

- Какого черта ты здесь?

Это было в среду, в полвторого. Берни рычал в телефонную трубку.

- Ты мне нужен. Слышал новости? Закрыли "Ля Каж".

- Что такое "Ля Каж"?

- Клуб в Сен-Жермен-де-Прэ. Полиция закрыла его, и знаешь почему? Тайная проституция. Ты был прав. Ты часто бываешь прав - это мне всегда нравилось в тебе.

Я еще не знал, как себя вести.

- Что с тобой? Ты как будто не совсем проснулся. Мне нужна та история про девок, и быстро. Мы должны опубликовать статью, прежде чем они закроют еще какой-нибудь клуб. Сейчас самое время. Вержю (другой фотограф) не знает, что делать. Он ждет тебя. Возьми машину напрокат, приезжай любым способом, только скорее.

Он собирался повесить трубку, но я поймал его как раз вовремя.

- Как вышли картинки у Марка?

- Какие картинки?

- Наша история.

- Получилось не так интересно. Да и девушка не такая уж хорошенькая. Кстати, я сократил твою статью. На первом месте теперь убийца детей. Но я дам тебе первую страницу для девочек. Обещаю. И вообще, какого черта ты делаешь в этой Богом забытой дыре? Может, тебя околдовали или?.. В общем, передаю трубку Ким, она стоит рядом со мной.

- Здравствуй, дорогой! У тебя все в порядке?

В гостинице не было настоящей телефонной будки. Я стоял в углу у двери, и то и дело кто-нибудь проходил мимо меня в уборную и обратно.

- Все хорошо, дорогая. Берни совсем спятил. Он хочет пятьдесят страниц, и когда я обливаюсь кровавым потом, чтобы сделать их, он еще недоволен.

- Почему ты не позвонил мне?

- Дорогая, здесь один телефон на все это захолустье, и размен....

- Я знаю. Ты скоро вернешься?

- Сегодня вечером. Завтра утром, в крайнем случае.

- Я очень скучаю без тебя.

- Я тоже очень скучаю. - Произнося эти слова, я украдкой оглядывался по сторонам. Казалось, вся мебель в холле готова обрушиться и придавить меня.

- У тебя не очень убедительный тон, - усмехнулась она.

- Погода хорошая? Здесь ужасно. Осень. - Я не знал, что еще сказать.

- Если мне удастся достать машину, я приеду в середине ночи и разбужу тебя.

- Да? - обрадовалась она. - Да!

Оплатив счет и покинув гостиницу, я ощущал такую же бодрость духа, как муха в сетях паука. Одна часть моего "Я" приказывала мне совершать некоторые действия, другая цеплялась за все, что угодно: теплое солнце, осенние паутинки. Или, например, за доктора Казалья, которого я встретил у крепостных стен по пути к дому Терезы.

- Вы еще здесь?

- Я уехал и вернулся.

- А что теперь?

- А теперь опять уезжаю... Если не останусь. Не знаю. Да, не знаю.

Он обвел окрестности одним из своих широких жестов.

- Этот город - ловушка. Возьмите к примеру меня: с тех пор, как я поселился здесь тридцать лет назад, никогда не тороплюсь. Зачет торопиться, если все время видишь одно и то же? - Он взял меня за локоть. - Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Он зашел в подлесок, прыгая с камня на камень.

- Остерегайтесь гадюк! - крикнул я.

Вскоре я увидел на голой округлой вершине холма часть старой стены, поросшую зеленью. Казаль остановился.

- Вот, - сказал он, - здесь когда-то стоял дом знаменитого мага.

Мне это было неинтересно. Я страдал от жары. Солнце напекло мне голову.

- Я должен вернуться в Париж. - В моей фразе прозвучали по меньшей мере три вопросительных знака.

- И что вы ожидаете найти, когда вернетесь?

- Мою жену. Работу. Друзей. Мою жизнь. Привычки. - стал перечислять я, словно перебирая четки. В четках у буддийских монахов сто восемь бусин. А у меня только пять. - Вы были здесь во время немецкой оккупации?

- Да.

- Что это за история со святилищем?

- Каким святилищем?

- В доме Дувов.

- Посмотрите, - показал он рукой. - Отсюда можно видеть часть парка. Вон тон клочок земли.

- Ну да.

- Как видите, это стратегический пункт, дающий превосходный обзор всей долины. Вам известна теория Кригсортнера? Не важно. Некий Шеффлинг, немец, доказал, что на протяжении всей истории армии встречаются в одних и тех же местах. Эта долина как раз одно из тех мест, где обычно проходили орды завоевателей. Во всяком случае, в один прекрасный вечер у дома Дувов остановились три грузовика. Они доставили команду саперов, которые начали выгружать разное снаряжение, динамит, и на следующий день из Дакса прибыл бульдозер. Тем временем капитан вручил Дуву приказ покинуть это место. Немцы собирались укрепить дом, в парке поставить зенитные пулеметы, построить склады боеприпасов, вырыть бункеры.

- Вы знали старого Дува?

- Немного. Он был высокий, довольно суровый на вид, говорил очень мало.

- Он тоже был колдун?

- Сам я не видел, но, говорят, по ночам там совершались какие-то странные обряды. Дув и его двоюродный брат Бонафу, в то время совсем молодой, возродили старинный колдовской ритуал, восходящий к средневековью, - они посвятили это место.

- Посвятили? Кому?

- О, не Богу, конечно. Обряд совершается для того, чтобы воспрепятствовать посещению данного места кем-либо, кроме совершивших посвящение.

- Тогда, значит, дьяволу?

- Подождите минутку. Известно, что у немцев все пошло из рух вон плохо. Вскоре после начала работ в одном месте провалилась земля, и погибли два человека. На другой день, когда немцы валили деревья, один дуб упал в совершенно неожиданном направлении - я имею в виду туда, куда по логике он упасть не мог - и насмерть задавил фельдфебеля. В конце недели они всё бросили и уехали. Не из-за заклятья. Во всяком случае, официально не из-за него. Как раз в это время высадились союзники, и из Берлина пришел новый приказ. Но, так или иначе, Дувы смогли вернуться в свой дом. Этот факт произвел сильное впечатление на местных жителей. Именно с тех пор все начали бояться Дувов... и обращаться к ним за помощью.

- И святилище все еще запретное место?
- Не знаю. Мне не приходилось его видеть.
- А мне приходилось.

Я встал и зашагал прочь. Мне ужасно хотелось громко расхохотаться. "Это уж слишком!" - думал я. Наконец-то у меня появилось ощущение свободы.

Дом был пуст. Быстро собрав вещи и уложив их в чемоданчик, я вышел в парк и позвал Терезу. Но единственной живой душой в парке был старый садовник, копавшийся в огороде. Я подошел к нему. Впервые мне удалось рассмотреть садовника как следует. Вблизи вид у него был довольно отталкивающий. Красноватое родимое пятно покрывало его правую скулу и нижнюю часть носа. Еще я заметил, что у него разноцветные глаза: левый - серый, правый - очень светлый, с зеленовато-голубой верхней и темно-синей нижней половиной. Не знаю почему, но они напомнили мне глаза собаки. Кстати о собаке: что случилось собакой, которую я видел здесь в первый день?

- Мадемуазель Дув дома?
- Нет, - сказал он, продолжая копать, - она у своего дяди.
- Но она сказала...
- Он пришел за ней после ленча. Она ему понадобилась.
- Не могли бы вы дать мне ваш велосипед? - попросил я.
- За сараем.

"Здесь была собака, - думал я, нажимая на педали, - такса, я помню очень хорошо. Что она сделала с собакой?" Подобными вопросами я занимал свои мысли, - лишь бы не думать о той единственно реальной проблеме, которая стояла передо мной: как сказать Терезе, что я уезжаю навсегда? Я говорил - было ли это прошлой ночью или позавчерашней, или во время полета к звездам? - что люблю ее, что всегда буду любить ее и не буду любить ни одну другую женщину. Я прижал ее к себе и сказал, что отныне мы едины, телом и душой. А что, если это так, Серджио? Не называй меня как Марк. Что, если ты околдован? Если хочешь избавиться от любовного недуга, перережь глотку жабе в новолуние, вымочи ее селезенку в отваре из васильков и барвинков, добавь немного крови крещеного петуха, хорошенько перемешай и принимай в горячем виде... Я продолжал крутить педали. Старый велосипед Фу жалобно дребезжал, словно сочувствуя моим путаным мыслям. Подъехав к большому серому дому, я не увидел ни машин, ни клиентов. Очевидно, по средам прием не проводился. Я прислонил велосипед к крыльцу, поставил рядом свой чемодан и обошел дом, как в первый день.

Тереза и ее дядя были на кухне. Они засыпали в большие котлы кучи каких-то листьев и трав и перемешивали их. Некоторые котлы стояли на слабом огне. Бонафу, в рубашке с засученными рукавами, встретил меня довольно приветливо.

- Заходите, дайте пожать вашу руку.

Тереза, увидев меня, не выказала удивления. Она подошла к шкафу, заполненному папками с сушеными травами, и спросила:

- Что теперь класть?

- Шепотку этого, - ответил целитель и, повернув улыбающееся лицо ко мне, добавил: - *Regoins minog...* Подойди сюда, я покажу, как нужно готовить компоненты.

Только тут я заметил пожелтевшую картину, которая висела на стене. Это был Папа. Не нынешний - предыдущий. Папа. Но на кой черт мне знать, какой это Папа?

- Тереза, - сказал я, - мне нужно с тобой поговорить.

- Сейчас?

- Да.

- Но я не могу...

- Ничего, ничего, я и сам управлюсь, - заверил Бонафу, улыбаясь с видом соучастника.

Она вытерла о джинсы свои дивные руки с длинными пальцами и улыбнулась мне. Сумрачная кухня вдруг озарилась светом этой солнечной улыбки. Тереза неуклюже забралась на подоконник, ударившись коленкой, спрыгнула на землю и прильнула ко мне.

- Ты уезжаешь? - спросила она, повиснув на моей руке. Это была ее манера горевать - или защищаться от удара. - Все будет хорошо. Я провожу тебя до станции. Я... - Она не давала мне возможности вставить слово. - Серж, почему бы тебе не остаться? Разве ты не был счастлив? Мы могли бы провести вместе всю зиму. Тебе так трудно изменить свою жизнь? Серж, я тебе скажу одну вещь: все люди хотят перемен, а когда появляется возможность, они передумывают.

Потом она замолчала и посмотрела мне в глаза.

- Назови мне причину, только одну стоящую причину, и я отпущу тебя.

"А если ты не отпустишь меня, как мы будем играть дальше, моя колдунья?"

Но она прочтала мои мысли.

- Конечно, ты и так свободен, Серж. - И она шла дальше, все еще не давая мне возможности вставить слово. - Ты бы не скучал здесь. Здесь никто не скучает. Ты говорил, что хочешь написать книгу. Вот и хорошо: тут у тебя будет сколько хочешь времени. Тебе даже не понадобятся деньги - у меня есть все, что нам нужно. Да ведь ты и сам говорил... - Она снова остановилась. - Ты сотни раз говорил, что твоя жизнь в Париже - это кошмар. Почему ты не можешь быть проще, милый? Иисус говорил: "Да значит да, нет значит нет - а все остальное от дьявола".

После введения в разговор Иисуса я почти готов был согласиться.

- И какую жизнь ты собираешься вести? Неужели тебе нравится быть марионеткой?

Берни, скрывающий свое лицо, явился предо мной на миг словно дьявол, пораженный торжествующим Святым Георгием.

- Почему, милый, почему? К чему тебе все это?

Она отошла, чтобы сорвать травинку, которую заметила по пути, положила ее в карман и вернулась.

- Я знаю, что тебе нужно, Серж. Тобой владеют злые духи. Тебе нужно освободиться от заклятья, но только ты сам можешь это сделать. Я бы помогла тебе, если бы ты согласился.

Внезапно я сменил пластинку. В конце концов, в моей жизни есть вещи, которых никто не имеет права касаться, даже она.

- Меня ждет жена, - сказал я, как идиот-муж, натягивающий трусы наутро после оргии. - Это достаточно серьезная причина.

Она улыбнулась, обезоруживающая Тереза!

- Видишь, какой ты. Один день ты любишь ее, а на следующий день - меня. Разве можно любить двух сразу? Когда же ты обманываешь?

- В этом-то и весь вопрос, - сказал я, тоже улыбаясь.

Некоторое время я ничего не говорил. Даже не думал. Все, что мне оставалось, - это действовать. Действовать очень полезно, когда уже ничего не понимаешь. Пойти на станцию, сесть в поезд, повернуть ключ в замке. совершать заученные действия гораздо проще, чем непривычные. Тереза взглянула на меня.

- Бедняжка, - сказала она, - тебе надо поторопиться. А то опоздаешь на свой поезд.

Я посадил ее на раму велосипеда. Мне не очень хотелось брать ее с собой на станцию, но в то же время я не хотел упускать возможности побыть с ней до последней минуты. (А завтра ты проснешься свободным, исцеленным от любовного недуга и будешь улыбаться своими тридцатью двумя зубами. Да и можешь ли ты в самом деле вообразить, что тебе придется стареть в обществе дядюшки Бонафу и садовника с собачьими глазами?)

- Что ты сделала со своей собакой? - спросил я, нажимая на педали - обратный путь был легче, дорога шла под уклон.

- Фу?

- Фу? Фу - это садовник.

- У них одно и то же имя, - ответила она.

"Она не в своем уме", - говорил Марк. Одно последнее усилие, еще пара рывков, и я в безопасности, на твердой земле.

- Моя собака погибла в тот день, когда ты уехал в первый раз. Она перебежала дорогу на Серизоль, и ее задавила машина. На этой дороге никогда не было движения.

Голос Терезы становился выше, словно Гегорианский хорал, восходящий к сводам собора. И ей удалось представить все таким образом, будто я - главный виновник. С ее точки зрения собака умерла, потому что я уехал.

Искра ненависти внезапно зажглась во мне (она всегда полезна, когда собираешься кого-то бросить). Я раздул эту искру.

- Почему ты не говоришь, что в этом виноват я?

- Эти два события связаны.

- И кто умрет завтра, когда я уеду?

- Я - сказала она тихо.

Слезы покатились по ее щекам. Совершенно неожиданно - я не заметил, как они появились. Остановив велосипед посреди дороги, я обнял Терезу, чувствуя, как ее хрупкая фигурка погружается в мое тело. "О черт! - думал я. - Если бы всего этого не было! Моя любимая, моя милая маленькая Тереза!"

Яростно сигнала, подъехала машина. Картина, конечно, была глупейшая. Я подхватил одной рукой велосипед, а другой обмякшее, содрогающееся от рыданий тело девушки и потащил обоих к краю дороги. Проезжая мимо, водитель дал пару коротких отрывистых гудков, как бы говоря: "Что, любовная ссора?" "Нет, мы не ссоримся, - мысленно ответил я ему, - мы просто умираем".

- О, Серж, я так долго ждала тебя. Я любила тебя даже прежде, чем ты появился. А теперь что мне делать? Я не смогу без тебя видеть, дышать. Я не смогу без тебя засыпать и просыпаться. Я не смогу ничего делать. Извини, - добавила она, всхлипывая, - все прошло. Извини. Я больше не буду, обещаю.

- Ты действительно хочешь на станцию?

Она кивнула, не в силах произнести ни слова.

Остальное было весьма печально. Я вновь водрузил свою амазонку на раму. Ее спина, прижавшаяся к моей груди, казалась мне тяжелейшим грузом, а мои ноги, нажимавшие на педали - не более, чем дрожащим отражением в реке. Когда мы добрались до станции, пришлось ждать у билетной кассы. Других пассажиров не было, но не было и кассира. Наконец он появился. Щелчок компостера - как печать судьбы. Платформа. Часы Аушвиц. Снова ожидание. Мы приехали на 20 минут раньше, и нам нечего было сказать друг другу.

Но Тереза все равно говорила. Она скоро оправилась. Не в ее характере было страдать. Слова медленно текли, сливаясь в неоконченные фразы. Тереза говорила об облаке, которое проплывало над станцией, она интересовалась, откуда оно прилетело и куда улетит. "Оно умрет раньше, чем достигнет гор", - сказала она. Судьба облаков занимала меня не больше, чем перемещение пауков по стене, слонов по шахматной доске или вурдалаков по болоту.

И вдруг, когда поезд уже приближался к станции, Тереза взглянула на меня с торжествующим видом.

- Ты жалеешь, - спросила она, и ее нижняя губа дрогнула, - жалеешь, что встретил меня?

- Нет, - ответил я, - но меня удивляет одна вещь. Почему вдруг оказывается, что два человека любят друг друга?

- Они не любят, - сказала она. - С чего ты взял, что они любят?

- Перестань, Тереза!

Из-за шума поезда нам пришлось повышать голоса. Поднявшись со своим чемоданом в вагон, я осознал, что забыл ее поцеловать.

- Счастливо! - крикнул я.

Для меня это было самое искреннее пожелание, которое когда-либо произносилось со дня творения. Очень скоро Тереза превратилась в маленький светлый силуэт на платформе, очень прямой, очень ясный - я никогда не видел ничего красивее. И ты уезжаешь! Я резко закрыл окно, сел в угол и принялся созерцать фотографию площади Св.Марка в Венеции. Поезд дал свисток и стал набирать скорость, пересекая долину. Я знал, что, повернув голову налево, увижу дом и парк, но воздержался. "Это только начало - сказал я себе. - Стоп. Новый пункт.

Постарайся смотреть на вещи разумно, покажи, что ты большой мальчик. Найди другую мысль, чтобы первая вылетела из головы (какая чушь...) Вот вторая мысль: произошло нечто таинственное. Тайна. Языческие мистерии, совершаемые в полнолуние, — что они собой представляли? Счастье? Это и есть счастье? Увидеть один раз и вспоминать всю оставшуюся жизнь?!" Я понял, что кричу. Это не случилось со мной довольно давно и в какой-то мере было даже забавно. Как говорится, надо просто привыкнуть.

VII.

Мои воспоминания о последовавшем периоде не совсем отчетливы. Я кидался от одного занятия к другому, приходя в себя лишь ночью в постели, одинокий, как зверь, зализывающий свои раны. К счастью, новая работа, которую мне поручил Берни, позволяла отвлечься. Девушки Сен-Жермена, все очаровательные создания не старше 21 года, безумные девушки, утопавшие в волнах поп-музыки; и Вержю, как безумный снимающий их своим "Роллеем". Девушкам нравилось поверять мне свои секреты, рассказывать о своей жизни, вплоть до тех далеких дней, когда они еще жили дома. ("Мои родители... О Боже, не говорите мне о родителях, вы правда хотите, чтобы я рассказала о своих родителях?") К трем часам одна из них оставалась со мной, словно маленький сувенир ночи. Мы заканчивали беседу в постели в одной из комнат на задворках Сен-Жермена, Шарантона или Монтружа. В каждой я тщетно пытался найти лекарство от своего недуга. В этих едва созревших устах, отдававших винно-табачным перегаром, я искал надежду на избавление. Их всегда звали Лилиан, Даниель или Нора. Одна из них, раздеваясь, все время переступала с ноги на ногу, как будто ей ужасно хотелось пописать. У другой были кроткие невинные глаза; но как только она оказалась голой, они загорелись бешеной страстью. Мы объезжали все новые закоулки на машине Вержю, молодого человека, любившего колесить по пустынным улицам. Новый клуб. Еще одна исповедь. Какая-то бывшая княгиня, отличавшаяся изысканностью манер. Но когда мы стали танцевать, ее груди вдруг обхватили меня, словно вторая пара рук, и ее губы страстно прижались к моим. По какой-то неведомой причине (подобной причинам некоторых редких болезней) я играл в эту игру совершенно искренне. Мое сердце было всюду сразу, воспламеняясь во время оргазма. Потом, лежа на простыне, я пытался найти магнитный полюс своей жизни, и вновь ко мне возвращалась Тереза. Я вспоминал ее жесты, ее особую манеру изгибать спину и ее слова: "О, Серж, я никогда больше не смогу заснуть, если не почувствую на лице твое дыхание". А где была при этом Ким? Под утро я лежал рядом с ней, в лучшем случае пьяный, не буйный, не печальный, не веселый, только задумчивый. Но эта безмятежность была хрупкой. Кошмары, таившиеся во тьме, только и ждали, когда я потеряю бдительность. Во сне я шагал по тротуарам, которые кишели ужасными осклизлыми чудовищами. Они корчились в предсмертных судорогах

- безголовые, одноглазые или со ртом на животе. Я должен был пробираться между ними и ни в коем случае не касаться, чтобы не превратиться в одного из них. Потом я внезапно пробуждался. "Ты без конца ворочаешься. Мне это надоело", - жаловалась Ким.

Новый сон - но сон ли это был? Удобно устроившись на потолке, я взглянул вниз, на самого себя, спящего. "Ты превосходно выглядишь! - заметил я. - Просто превосходно... - Кто это сказал?... - Ты, ты, идиот. Тут больше никого нет... - А кто это сказал? Я же слышал голос... - Идиот, это крыша твоего гроба отражает звуки твоего голоса."

Во время одной из таких астральных прогулок я встретил самого Бога.

- Как поживаешь, Сагар?

- Неплохо, сир, а вы как?

- Ты выглядишь неважно, друг мой, в чем дело?

- Я спрашивал себя, Господи, что происходит после смерти.

- Какой смерти?

- Моей, к примеру.

- Ты сам прекрасно знаешь. Ведь ты уже мертв.

Бог рассмеялся, а я опять проснулся.

Если бы можно было с помощью какого-нибудь трюка вернуть нормальный сон. "В конце первого акта все персонажи застывают, словно заколдованные. Камера медленно следует за Накилем, который бродит среди застывших танцующих пар в поисках Гретель..."

В конце второй недели Ким решила, что я устал. Она тоже устала. Моральный дух команды покоился на прочном фундаменте. "Нам нужно съездить куда-нибудь для восстановления сил", - сказала Ким - без проблем. Каждый ее прозрачный нерв знал свое место. Она просто взяла меня за руку и отвезла в Рамбуйе к Столкам, каким-то своим друзьям, у которых был коттедж на опушке леса. Присущие Ким легкие и приятные манеры должны были помочь мне. ("Мне кажется, ты никогда не был таким. В какой буре ты потерял свои паруса?") В воскресенье вечером я совершил большую прогулку по лесу. Вернувшись, я застал Ким спящей и долго смотрел на нее. Да, она утратила свой блеск. "Сравнивать значит разрушать", - говорил я себе. И разрушал.

Ким открыла глаза и улыбнулась.

- Какое приятное солнце, - сказала она, зевнула, потянулась и, поднявшись с шезлонга, взяла меня за руку.

- Давай поговорим, теперь самое время, - предложила она. - Пойдем со мной, Серж-с-широкими-плечами.

Когда-то это должно было случиться. Мы пересекли двор и зашли в пустой амбар - идеальное место для откровенной беседы.

- Что произошло? Расскажи мне все. Это та девушка? С тех пор, как ты оттуда вернулся, ты ведешь себя словно робот. И зачем тебе эти маленькие шлюшки, с которыми ты даже не получаешь удовольствия? Что это за жизнь?

Я знал очень хорошо, что ей известно про Терезу. Что касается девиц, то она была выше этого.

- Давай хорошенько все обсудим, как два взрослых человека, - продолжила она.

Ким. Клуб в Антибе, возле крепостных стен. Она в одном конце зала, я в другом с группой приятелей. Она показалась мне весьма привлекательной, эта девушка с длинными черными волосами и сияющими глазами. Она отвернулась, снова взглянула на меня, и опять отвернулась.

Между нами завязался забавный немой диалог. "Конечно, я мог бы встать, моя милая, подойти к тебе, пригласить на танец, но мы достойны кое-чего получше, не правда ли?" - "Да", - ответили ее глаза, "Как же мы это разыграем, о девушка с дивными волосами и сияющими глазами?" - "Я буду играть в твою игру, глупышка", - ответили ее глаза. "Тогда, может, сыграем в обычную беззаботность? Этому трюку научил меня приятель-актер". Подняв правой рукой воображаемый стакан, я сделал вид, будто осушаю его. Жест должен был означать: "Не хочешь ли выпить?" "Нет", - ответила она, тряхнув головой, и взметнувшиеся волосы дважды упали на ее лицо. Хорошо. Марсель Марсо начинает вторую часть своей пантомимы. Я намазал несуществующим маслом воображаемый сэндвич, сделал вид, будто положил на него горячую сосиску, и помазал сверху горчицей. "Не заморить ли нам червячка?" - "Нет", - сказали ее глаза, голова и волосы еще решительнее, чем в первый раз. Оставалась третья часть силлогизма - заключение. Две мои ладони, сложенные лодочкой, представляли подушку, к которой я нежно прижался щекой. "А поспать вместе?" - "Да", - сразу кивнула она с удивительным энтузиазмом, и глаза ее засияли еще веселее. Но в ту ночь мы не спали вместе. Мы до рассвета гуляли вдоль крепостных стен, растворившись в Вечности. Помнишь ли ты эту ночь, о моя любимая, и все остальные ночи? О Ким, что с нами случилось?

- Что с нами случилось, Серж? Ты все думаешь о ней? Может, попросить ее приехать сюда? Или домой? Я не хочу, чтобы ты был несчастлив, Серж.

Серж не мог придумать, что еще сказать после своего бессвязного признания. Он довольствовался тем, что вытаскивал из стога соломинки одну за другой и разламывал их на мелкие кусочки.

- Знаешь, я... видела сон.

И она тоже! Но в ее сновидении не было птиц, ни живых, ни мертвых. Ким хотела попасть на шестой этаж отеля, но лифт почему-то не работал. Пришлось идти пешком, и когда она поднялась и собиралась войти в комнату, дверь оказалась запертой. Ким постучала, и женский голос сказал, что ей нельзя входить, и она должна остаться в коридоре и спать на матрасе. А я с этим согласился.

- Ты хочешь бросить меня, Серж? Ты действительно любишь ее? Дай мне твой платок. - Она взяла платок за угол и выловила из глаза залетевшую мошку. - Эта мошкара так и лезет в глаза! Ну? Ты не ответил. Ты собираешься бросить меня?

- Никогда, - сказал я, - никогда, никогда, никогда, никогда. - Как будто все эти "никогда" могли защитить нас от неумолимой судьбы.

- Хорошо, значит... Ты кончаешь с этим?

- Нет.

- Хорошо, что тогда? Что мы будем делать? Такая жизнь не может продолжаться. - В ее голосе уже появилась дрожь, предвещавшая заключительный акт драмы. - Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я очень хорошо понимал. Мы не занимались любовью с тех пор, как я вернулся из Тузуна.

- Дело не в том, что мне не хватает этого, - продолжала она. - Конечно, мне не хватает. Но все гораздо серьезней и глубже. - Она ударила себя в грудь маленьким кулачком. - Я знала, что такое может когда-нибудь случиться. Рано или поздно это должно произойти с любой парой, но... - Это "но" надолго повисло в воздухе. Когда Ким опять заговорила, у нее изменился голос. Она как будто задышалась. - Ты должен что-то сказать. Я знаю, что я жалкая дура и всегда хватаюсь за последнюю соломинку...

Она сдерживала слезы примерно четверть часа, но теперь они полились неудержимым потоком. Я обнял ее, прижав к себе ее шею, голову, плечи. Я бы отдал все, что угодно, лишь бы этот кошмар кончился, но что я мог отдать? - моя жизнь была в чужих руках.

- Серж, мы должны что-то сделать.

- Мы должны подождать, - сказал я. Мои руки и ноги словно налились свинцом. - Прости меня.

- Не говори глупостей. Я люблю тебя.

- Какая картина! - Я попытался улыбнуться. - Мы как парочка ос в банке с медом.

Она тоже взяла себя в руки.

- Как ты думаешь, может, будет лучше, если я изменю тебе?

- Я не в восторге от этой идеи.

- Значит, ты еще беспокоишься обо мне?

- Как ты не понимаешь, я никогда не беспокоился о тебе больше, чем сейчас.

И я сказал себе, что мы должны прямо сейчас совершить великое очищение. Ким была вовсе не из тех женщин, которых можно повалить на сено. Но желания больного, в конце концов, всегда удовлетворяются. Я очень скоро понял, что совершил ошибку, выбрав это место с запахом сена и близостью сырой земли. Или, может, я сделал это специально? Клины вышибают клином.

Все получилось лучше, чем я надеялся. Мы с неохотой оторвались друг от друга, и наши уста еще были соединены, когда мы приводили в порядок свою одежду. Мне захотелось зажечь свечку и отнести к алтарю Св. Терезы. Другой Терезы.

Берни очень понравилась история о девицах Сен-Жермена. Осень обещала быть чудесной. Возникали грандиозные проекты. Берни собиравался поручить мне действительно большое дело - махинации с огромными суммами в провинциальном футбольном клубе. Просто потрясающая тема - второй такой не будет. "Ты не можешь вообразить, какие сделки совершаются за чистым и здоровым фасадом спорта! Тут пахнет миллионами!" В тот вечер, когда я пошел встречать Ким в Сан-Жене, ее

там не оказалось. Пришла девушка из ее офиса и сказала, что Ким около четырех часов почувствовала себя плохо и ушла домой.

Я застал ее в постели.

- Ничего особенного. Наверное, подхватила грипп, вот и все.

- Температура есть?

- Небольшая. Поясница побаливает. Наверное, я простудилась. - Она улыбнулась, бедняжка. - Может, я уже не в том возрасте, когда можно позволить повалить себя на сено.

- Позвать Декампа?

- Нет, подожди до завтра. Посмотрим, как я буду себя чувствовать.

В два часа ночи она еще не спала, беспокойно ворочаясь с боку на бок, потом неожиданно вскрикнула.

- Что случилось?

- Как будто кинжал воткнули. Посмотри.

Она подняла ночную рубашку и показала мне свой правый бок, по которому стекала струйка пота.

- Все еще болит?

- Нет, теперь нет. - Я знал, что она говорит неправду.

- Ты должна заснуть, дорогая. Спокойной ночи!

На следующее утро произошла эта глупая история с Жераром Сторк, человеком, у которого мы провели уикэнд. В десять я собирался отправиться в издательство и, одевая брюки, не смог найти свой бумажник. В нем были водительские права, страховое свидетельство и так далее. Ким стало лучше. Я принес ей чашку чая, и мы стали думать, где я мог потерять бумажник. Я всегда носил его в боковом кармане и в последний раз вынимал в воскресенье утром.

- Ты потерял его в сене! - вдруг воскликнула Ким.

Она еще смеялась, когда я звонил в Монфор-Ламори. К счастью, Сторк, высокий, добродушно-жизнерадостный бизнесмен, каждое утро игравший в теннис, был еще дома.

- Ты не мог бы сходить посмотреть?

- В амбаре?.. - Он долго не мог остановить смех. - Продолжай, это забавно! С Ким?.. Я еще удивлялся, куда это вы оба запропалились. А мы-то дали вам лучшую кровать!

"Очень забавно!.." Он вернулся через добрых пять минут.

- Я нашел его, Серж. Он раскрылся, и несколько листков выпали, но я их все собрал.

- Спасибо. Не мог бы ты прихватить его?..

- Знаешь, ты подал мне мысль. я должен поговорить с Николь. Мы делали это практически везде, но в амбаре - ни разу.

- Я зайду в ваш офис и заберу его сегодня вечером.

Потом я позвонил Декампу. Но он уже уехал в больницу. Я позвонил ему снова в час дня из офиса.

- Мне было бы гораздо спокойнее, если бы ты зашел и осмотрел ее.

- Сегодня?.. Посмотрим, дорогой мой, сегодня... Я только что из отпуска. Приехал три дня назад и... Какая у нее температура?

- Тридцать восемь и два.

- Ладно, если хочешь, я заеду после обеда.

Он появился в десять вечера, загоровший, жизнерадостный, и принес с собой ветер в семь баллов. Едва переступив порог, он начал рассказывать о своем круизе.

- Мы попали в шторм в открытом море! (Я чуть было не поехал с ним, но Ким не любила парусников, а мне не хотелось оставлять ее одну на две недели.) Ну, что случилось с нашей девочкой?

Ким улыбулась, когда он вошел в спальню. Роже мог исцелить больного одним рукопожатием. Измеряя давление, он говорил так громко, что я едва слышал телефонный звонок, которого давно ожидал. Я ушел в кабинет и закрыл за собой дверь.

- Садовник перебрал все сено граблями, - сказал Сторк, - но ничего не нашел.

- Ты уверен?

- Я был вместе с ним - даже не успел пообедать. Завтра мы попробуем еще, при дневном свете. Что это за конверт, опиши точнее.

- Маленький прозрачный. Знаешь, как у филателистов.

- Что в нем было?

- Фотография и прядь волос.

- О, как романтично! Это фотография Ким? Прости, не мое дело. Слушай, ты, наверное, потерял его в другом месте. Со мной один раз тоже такое случилось - где-то потерял обручальное кольцо! Только вообрази. Я его снял, когда пытался подцепить девочку. И знаешь, где оно оказалось?

- На пальце у девочки? - Меня меньше всего интересовала его история.

- Это не смешно, поверь мне. Если такое когда-нибудь случится с тобой... Алло? Ты здесь?.. Я положил его в карман, и оно провалилось за подкладку. Можешь вообразить, что я чувствовал, возвращаясь домой с обеда без обручального кольца!

- На твоём месте я бы забинтовал чем-нибудь палец.

- Именно так я и сделал. Поверь, это никудышная затея. Николь настаивала, чтобы я показал ей рану. Оказывается, она когда-то обучалась на курсах медсестер.

- И что дальше?

- В ту ночь у нас чуть не дошло до развода. В общем...

Я положил трубку на стол и не спеша закурил. Слова Сторка были почти неслышны. Между тем другие слова плыли в моем мозгу. Струйки холодного пота потекли по бокам. "Но это совершенно идиотская идея, - сказал я себе. - Если она еще раз появится - оторву тебе голову, честное слово".

Потом я опять взял трубку.

Когда я вернулся в спальню, Декамп энергично прощупывал спину Ким. Тут - болит, а тут - не болит.

- Перинефральная флегмона, - объявил он, наконец выпрямившись.

- Это серьезно?

- Ничего страшного. Покормим ее антибиотиками, и все будет в порядке. - Он начал писать рецепт.

- Отчего это бывает? - спросила Ким.

- Бог его знает... Какой-то микроб поселяется в организме... Завтра утром пришло кого-нибудь из лаборатории.

- Когда я смогу вернуться на работу?

- Дней через десять. Ешь побольше йогурта и принимай сульфамиды.

- Роже, у нас зимняя коллекция, сейчас самый разгар. я не могу сидеть тут и вязать десять дней.

Она взглянула на меня.

- Кто это звонил?

- Сторк. Хотел узнать, как ты себя чувствуешь.

Через три дня Декамп позвонил мне утром в офис.

- Слушай, тут кое-какие неясности.

- Что ты имеешь в виду?

- В анализах. Так, небольшая деталь. Но нам лучше все повторить и сделать еще внутривенную урографию.

- Что-что?

- Рентгеновский снимок. Потом я покажу его Годану.

- Но что именно не так?

- Не знаю. Не волнуйся, старина. Возможно, ничего там и нет.

- Но она не ела с понедельника.

- Не волнуйся, говорю тебе. Привези ее в больницу завтра к девяти утра.

Рентген - довольно мучительная процедура. Вас помещают в своего рода пресс и при помощи мехом сплюсчивают ваше тело до толщины папиросной бумаги. Но Ким держалась превосходно, только ее большие глаза стали еще больше. Она отказывалась быть побежденной.

- Серж, они и дальше собираются меня уродовать? - спросила она, когда мы вернулись в машину. - У меня больше нигде не болит. В чем дело?"

Через два дня, когда Годан осматривал ее, я ожидал в коридоре больницы, зажигая каждую минуту по сигарете. Наконец, Ким вышла, и главный специалист пригласил меня в кабинет.

Это был нетерпеливый и довольно бесцеремонный человек с белыми усами и светлыми глазами, которые делали его похожим на Альберта Швейцера.

- Вы доставили своей супруге кое-какие неприятности, не так ли? Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление... - Он впервые взглянул в мою сторону. - Ну, ладно, уверяю вас, у нее нет ничего страшного. Мы осмотрели ее самым тщательным образом. - Он показал на рентгеновский снимок, лежавший на столе. - Все нормально. Но я беседовал с ней довольно долго. Ваша личная жизнь меня не касается. Но я должен предостеречь вас: ваша супруга отнюдь не столь крепка, как кажется. Примите мой совет: обращайтесь с ней осторожней, если хотите, чтобы она оставалась здоровой. Вот и все. Прощайте.

Он открыл дверь, показывая, что аудиенция окончена. В коридоре мне улыбалась счастливая Ким.

И вдруг лето кончилось. Все оказалось поглощено лихорадкой осени. Еще и еще зрелищ, еще и еще денег, еще и еще любви. На Елисейских полях, где в сумерках внезапно зажигались уличные фонари, глаза искали глаза, пустые глаза, в которых горела золотая пыль и отражались изгибы обнаженных женских тел. Канава купил новую машину. Феррер устроил новую выставку портретов под названием "Рельефы". Он изобрел какой-то новый способ печати. Берни, выходя из кабинета босса, выглядел еще ужаснее, чем обычно. Оказалось, наш любимый редактор может потерять работу, если тираж не достигнет полмиллиона - и быстро... внезапно все в газете затрепетало. Волна паники охватила издательский офис, газетные листы летали по воздуху.

Сторк устраивал оргии в Монфоре. Мы ездили туда однажды (Ким сказала, что это может пойти нам на пользу), но продержались недолго - сказало отсутствие тренировки. В конце каждого дня я все более остро ощущал, что иду по зыбкой тропинке, не вникая в природу и противясь жизни, равнодушный к тому, что производило на окружающий сильное впечатление (этот чудесный английский фильм!), слепой к вечным красотам города (однажды вечером я проезжал в такси мимо Лувра и с полным безразличием взирал на сияющие булжники мостовой), глухой к музыке, которая приводила в экстаз всю молодежь. Но я продолжал существовать. И приказывал сердцу биться, легким дышать, руке писать... "Стремление к убийству стало неотъемлемой частью жизни этой чрезмерно страстной пары. Достаточно было малейшего инцидента, улыбки или, быть может, слез, чтобы раздался выстрел. И никто не мог сказать заранее, кто окажется жертвой, а кто убийцей..."

Я написал очерк о тяжелой жизни жен шахтеров на северо-востоке Франции во время забастовки. (Газета приняла новое направление: "Поверь, старина, они сожрали достаточно грязи, которую мы им подавали из года в год. Ты знаешь, Серж, люди выросли. Они хотят чего-то нового".) Но пока что ради сохранения прежних позиций был проведен почти тотальный опрос на тему "Новый взгляд на супружескую измену". Поскольку ни одна из опрошенных женщин не призналась в неверности мужу, мне пришлось сочинить все самому.

Внезапно появилась большая новость: Бардо меняла любовника. Началась всеобщая паника. Здание сотрясало от крыши до основания. Команды фотографов рассылались в Кальви, Капри, Капуа. Однажды, двенадцатого октября, я сделал ошеломляющее открытие: у меня нет друзей.

Не с кем было поделиться той вампирической мыслью, которая высасывала мою кровь. Правда, Ким чувствовала себя хорошо или более-менее хорошо. В некоторые вечера она выглядела превосходно, а иногда с трудом вставала утром с постели и казалась необычно вялой. Но больше всего меня тревожило ее ненасытное желание жить, быть в движении, танцевать, ходить в гости, гулять, есть, заниматься любовью, работать. Как будто ее время истекало. Тик, тик, тик, тик. Словно какой-то

демон постоянно нашепывал ей: "Поспеш, моя милая, тебе осталось немного".

- Серж, давай сходим куда-нибудь сегодня.

- Но, дорогая, мы и так ходили куда-нибудь всю неделю.

- Да, я знаю. Но я не устала.

И мы выходили из дома. Это было всегда одно и то же: самовлюбленные женщины с жидкими прическами, страдающие одышкой мужчины, которые отводили вас в угол, чтобы поговорить о новых левых демократах. "Серж, есть новый клуб, мы там еще не были. Давай сходим." В клубе пахло потом и звучала та самая пластинка, которая преследовала меня везде, куда бы я ни отправлялся, дома у друзей, в ресторанах, в машине - какой-то кретин-англичанин, завывавший утробным голо-сом.

- Дорогая, тебе надо измерить температуру, - говорил я довольно прозаическим тоном, когда мы возвращались.

Может, это был просто плод воображения, но она казалась мне слишком теплой в постели. И она потеряла по меньшей мере восемь фунтов. Но Ким раз и навсегда решила не плевать на термометры, пилюли и докторов. Это была ее "Христианская наука".

- Во всяком случае, я чувствую себя хорошо.

Однажды в субботу она провела весь день лежа в постели и глядя в потолок, даже не пытаясь читать один из тех бесчисленных дешевых романов, которые прежде глотала один за другим.

- Да, - согласилась она около пяти часов. - я чувствую себя нехорошо.

- У тебя что-нибудь болит?

- Какой-то шум в голове.

Не знаю, что заставило меня пойти в кабинет и перерыть кучу старых бумаг в поисках календаря. Но моя догадка подтвердилась: в ту ночь было полнолуние, в ту самую ночь, и я ни с кем не мог поговорить об этом.

Конечно, не с Декампом. Декамп просто лопнет со смеху. И не с моей дорогой тещей. ("Я очень беспокоюсь, Серж. Ким стала такой худой, она слишком много работает и питается плохо. Ты ей достаточно даешь мяса? Когда она была маленькой, я иногда заставляла ее есть. Вот, я привезла вам пачку новаросинтостенола, это новое американское средство, которое... Серж, я прошу тебя, заставь ее принимать по две капсулы в день в подслащенной воде. Ты же прекрасно знаешь, что она не станет, если ты ей не скажешь...") И не с Х... и не с У... и не с Z... Ни с кем. Как выразилась одна моя приятельница: одиночество - не такая вещь, которую можно принять или отвергнуть.

Однажды, проснувшись, я сделал второе открытие: вспомнил о своей профессии. Неплохая идея. Я поступлю со всей историей как репортер. Соберу документы, свидетельства очевидцев. Это будет объективный репортаж.

Для начала я отправился за справками в газетный архив и попросил материалы об оккультизме. Получив пачку прессы толщиной в шесть дюймов, я погрузился в ее изучение.

Она начиналась с колдовских обрядов плодородия, совершавшихся в Нижней Оверни. "Земля была мертва. Ее убили современные химические удобрения... Жители деревни подтвердили, что им никогда не доводилось убирать столь богатый урожай..." Я перевернул несколько страниц. Грандиозный исторический обзор. "В средние века по всей Франции пылали костры. В то время как человек достиг поверхности Луны, в некоторых местах люди еще поклоняются дьяволу..." Дальше. "Взбесившиеся коровы танцуют загадочный танец во время дойки..." Коровами я не заинтересовался и продолжал листать дальше. А, вот наконец-то! "...Он вонзил булавку в сердце теленка." Теплее. Я отложил эту вырезку, чтобы сделать с нее фотокопию, а заодно и ту, где рассказывалось, как туристы нашли сову с перерезанным горлом, завернутую в окровавленную ночную рубашку. Идем дальше. "...Неведомая сила сорвала ее с постели... ужас приковал ее ноги к полу... электрические лампочки взрывались, когда она проходила мимо... часы останавливались..." Мне потребовалось часа два, чтобы перерыть эту гору хлама, состряпанного второсортными репортерами. И вдруг я прочел: "Магия - это природный дар, передающийся по наследству от отца к сыну". От отца к сыну. От отца к дочери. Яблоко от яблони недалеко падает. Ищи дальше, будь внимателен... А, вот как будто что-то научное: "Когда рука приближается к конденсатору, состоящему из двух серебряных пластин, разделенных тонким слоем слюды, излучение этой руки - любой человеческой руки - путем ионизации превращает слюду в проводник. На зеркале гальванометра проецируется яркая точка, которая движется в зависимости от электропроводности слюды. Таким образом можно измерять энергию, излучаемую данным субъектом". Ланглез, доктор медицины и психиатр, профессор Академии прикладных наук. Пролистав Ланглеза, я опять погрузился в варварство. "В полнолуние, - ну, ну, слышали, - он очертил круг и перерезал глотки трем петухам... Сосед умер на рассвете". Наконец, ободряющее солнце статистики воссияло над этим адским шабашем. Статистику можно найти где угодно, и всегда она врет, но в то же время придает вещам некую видимость правдоподобия. Во Франции пятьдесят тысяч лозонскаателей, сорок тысяч религиозных целителей. Подсчитано, что двести пятьдесят тысяч человек.... А, вот: "Миллион французов и француженки занимаются черной и белой магией". Мне просто повезло, я имел один шанс из пятидесяти. "Серж, ты сошел с ума, - сказал я себе. - Ты сам превосходный объект для заклинаний. Не надо вареных жаб, заклятых свечей, гадючьей крови, чистотела или взываний к Вельзевулу: только один взгляд, острый как алмаз, пронзает твое ледяное сердце, и оно тает, и все в нем оживает вновь."

- Что ищешь? - спросил Канава. Он только что появился в архиве, двигаясь, словно космонавт в состоянии невесомости или марионетка, у которой оборваны несколько нитей. В зубах у него торчала итальянская сигара.

- Я - жертва колдовства.

- А я - жертва недосыпания, - заявил он. - Почему другие спят нормально? Можешь мне дать вразумительный ответ? Почему я должен

всем этим заниматься в нашей газете? Он получил у девушки большой квадратный ящик с этикеткой "Дворы Европы" и сел рядом со мной. - Еще вопрос, Серж. Почему эта сучка испанская принцесса пошла и сделала аборт? В семь утра Берни позвонил мне и вел себя так, будто его подключили к высоковольтной линии. По моим данным, прошлой ночью в Мадриде эта глупая шлюха была доставлена в клинику. Выскоблили, и все дела. Это мне один приятель сообщил. Заголовок пойдет такой: "Принцесса и судьба испанского трона". Как тебе? Или лучше: Альфонсо XII, гемофилия и так далее. Будет ли продолжена линия Монтойа и Кортес и Фабьенезе и моя задница? Тебе наплевать? Мне тоже. К черту, - сказал он, закрывая папку. - Я и так знаю об этих делах достаточно. Профессиональная честность - вот от чего я умру!

Он опять зажег свою сигару, которая то и дело гасла, и взглянул на меня:

- А ты что тут разыскиваешь?
- Убийство при помощи магии.
- Посмотри раздел про хиппи из Лос-Анжелеса.
- Никакой связи.
- Послушай большого брата. Это было ритуальное преступление. Не единственное. И не последнее. Сходи к Великому Экзорцисту в епархии Парижского епископа.

Теперь я внимательно слушал - он подал мне идею.

- Что еще?

- На улице Сен-Жак есть специальные книжные лавки. Там можно найти переиздания старых книг по колдовству. Красный Дракон, Альберт Малый, Альбер Великий и прочая братия.

- Ты веришь во всю эту чепуху?

- Я не верю ни во что. Я даю информацию.

- Как ты думаешь, если сделать фигуру из воска и волос, можно ли с ее помощью воздействовать на человека, которому принадлежат волосы?

- Это и есть твоя история?

- Возможно.

- Я работал с подобным делом. Два типа поссорились и стали перебрасываться заклинаниями - как в теннисе.

- Кто же выиграл?

- Газета. Мы продали в ту неделю восемьсот тысяч.

- И что с ними потом стало?

- Ничего. Один всегда носил при себе амулет - утащил с кладбища гвоздь от гроба. А второй знал формулу.

- Какую формулу?

- Для освобождения от заклятий. - Он начал быстро креститься, бормоча: - Ласгарот, Афонибос, Пабатин, Врат, Кодиион, Ламакрон, Фонд, Арпагон, Аламор, Бурсагасис, Вениар Сарабани".

- Серьезно?

- Вполне. Мой гений состоит из отсутствия терпения и чудесной памяти.

- Мишель, ты знаешь всех в Париже. Кто настоящий специалист во всех этих вещах? Должен быть кто-то один. Я не имею в виду всех этих шарлатанов.

- Я сказал тебе: Великий Экзорцист в епархии епископа. Он настоящий джокер. И у него в рукаве полно таких историй, от которых могло бы скиснуть церковное вино.

- Нет, я имею в виду оккультиста, настоящего оккультиста.

- Думаешь, у них это написано на визитной карточке? Сходи к Поуэлу или Бержье.

- Это популяризаторы. А мне нужен тот, кто действительно знает, о чем говорит. Практик.

- Сходи к Нострадамусу, - сказал он вставая, - или к Калиостро. Сходи к дьяволу. Сходи к Берни.

- Мишель, пожалуйста.

- Он все равно не примет тебя.

- Кто?

- Аллио. Он живет в Париже, бульвар Бомарше. Я дам телефон, если хочешь, но он не встречается с журналистами.

- Он принимает клиентов?

- Нет.

- Он действительно знает свое дело?

- Он единственный, кто его знает.

Канава повернулся ко мне: - Помнишь дело Бельсерона? Того типа, который убил троих детей и заявил, что вступил в сговор с дьяволом. Аллио давал показания, как эксперт. Он спас ему жизнь.

- Именно он мне и нужен, - сказал я. - Эксперт - мне нравится, как звучит. "Эксперт, - повторил я про себя. - Если повезет, я спасу жизнь Ким".

Он согласился принять меня в пятницу вечером. История с книгой не прошла. (Люди говорят об этом много чепухи. И очень много чепухи публикуется. Моя книга будет попыткой изучить вопрос совершенно объективно. Но я не могу написать ее, не встретившись с вами.) Душещипательная история тоже не прошла. (Невинный человек может быть осужден...) Ни один из моих трюков не сработал. Но в конце концов, то, чего не смогла сделать ложь, сделала правда, когда я позвонил в третий раз.

- Опять вы? Еще не отказались от своей затеи?

- Но это может быть вопрос жизни и смерти.

- Тогда вам лучше прийти.

- Когда?

- Ну... сейчас, наверное.

У Аллио были широкие пальцы, которыми он то и дело совершал круговые движения, словно поглаживал воображаемые хрустальные сферы, подвешенные на невидимых нитях. У него была наголо обритая голова и лицо того типа, который обычно называют интересным: изборожденное морщинами, но добродушное. Он покачал свой маятник над фотографией Ким, над картой в том месте, где я красным кружком обвел Тузун. Потом перешел к фотографиям Терезы, сделанным Феррером. Маятник

отклонился в противоположном направлении. - Меня бы очень удивило, если бы эта девушка оказалась ведьмой, - заявил Аллио. Одну из фотографий он осмотрел более тщательно. - Она красива.

- Да, - сказал я, - очень.

- Вы говорите, она всегда носит на себе что-то зеленое?

- Всегда.

- И все вещи у нее в доме расположены косо?

- Меня всегда удивляло, как они не падают.

- Вы читали какие-нибудь книги, прежде чем прийти ко мне?

- Я читал вашу и еще несколько.

- И вы обнаружили те признаки, которые упоминаются в этих книгах?

- Да, думаю что так.

- Вы - жертва собственного воображения.

- Но...

- Подождите... Вы на девяносто пять процентов жертва своего воображения, и на пять процентов вы правы.

- А маятник, - вспомнил я, - почему он отклонился в противоположную сторону?

Аллио пожал плечами.

- Тот маленький конвертик с фотографией и прядью волос, возможно, и не был у вас похищен, не так ли?

- Возможно.

- Не могли ли вы действительно потерять его в амбаре? Или он просто выпал, когда вы открывали бумажник?

- Вполне возможно.

Он положил фотографию и долго смотрел на меня, не говоря ни слова.

- Вы любите ее?

- Какое это имеет значение? - спросил я, после того как оправился от изумления.

- Большое.

Аллио встал и прошелся по комнате. Я наблюдал за ним, и хотя он не произнес ни слова, я знал, что он имеет в виду: вся эта история держится лишь на моих иллюзиях.

- Но моя жена действительно больна.

- Ну-ну, болезни бывают от многих причин. Как зовут ту девушку?

- Тереза.

- Тереза, - повторил он. - На таком расстоянии магическое воздействие маловероятно. Видите ли, города рассеивают вредоносные излучения, потому что сами полны ими, и в результате радиус действия оказывается мал. Если только... - и он продолжал, словно сам не верил в свои слова, - если не произошел контакт между вашей женой и Терезой... Я имею в виду помимо вас.

- Нет, это исключено.

- Не могла ли Тереза завладеть каким-нибудь предметом, принадлежавшим вашей жене?

Я задумался.

- Нет. Если только она не похитила волосы.
- Хорошо. А могла какая-нибудь вещь Терезы прикоснуться к вашей жене?

- Что вы имеете в виду?
- Допустим - я не знаю - допустим, она написала вам.
- Она никогда мне не писала.
- Но, может, вашей жене? Она могла просто послать ей... пустой конверт. - Внезапно он повысил голос: Запечатанный конверт!

- Зачем?
- Воск - лучший проводник человеческих флюидов. И если устроить так, чтобы жертва коснулась воска, на котором запечатлен образ...

- Какой образ?
- Изображение.. Что случилось?
Я вскочил, не в силах оставаться на месте.

- Можно еще раз прийти к вам?
- Приходите, когда хотите.
Ему пришлось еще раз повысить голос, потому что я уже был на лестнице.

Я вернулся в центр Парижа. "Пробка на бульваре Дидро и улице Риволи, избегайте Больших бульваров" - объявил звонкий девичий голос по радио в машине. Я был слишком взволнован, чтобы придумать какой-то другой путь, и надолго застрял в массе автомобилей, которые, подобно моим мыслям, продвигались вперед судорожными рывками с длительными остановками.

Когда наконец я добрался до офиса Ким - ее стол был одним из четырех в комнате - там сидели четверо посетителей. Двое молодых мужчин держали на коленях раскрытые папки и, перелистывая страницы, возбужденно разговаривали по-английски.

Я сделал ей знак выйти - и немедленно. Моя мимика не терпела никаких возражений. Когда Ким вышла, я шагал взад-вперед перед дверью лифта.

- Что случилось, Серж? Что с тобой? У меня самый разгар приема.
Я положил руки ей на плечи.
- Мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, постарайся вспомнить.
- Что вспомнить?
- Примерно полтора месяца назад. Вскоре после того, как я вернулся из Тузуна. Постарайся вспомнить одно утро... Постой, я знаю, это было, когда ты осталась в постели на следующий день после уик-энда у Сторков.

- Ну и что?
- Я, как обычно, пошел и собрал почту.
Мои слова сопровождались энергичными жестами. Я наклонился, словно собирая письма с пола, как это происходило каждое утро в течение последних четырех лет. Когда звонила консьержка, примерно в четверть десятого, я обычно был в ванной. Потом с полотенцем на шее я шел собирать письма, просунутые под дверь и, возвращаясь, быстро про-

сматривал их. Большинство писем было для меня, а остальные я передавал Ким, которая еще лежала в постели.

- Ну? - повторила она.

- Там был один конверт. Большой коричневый конверт для тебя, раза в два больше обычного

Она смотрела на меня, открыв рот, пытаясь понять, к чему я клоню.

- Да, - сказала она.

- Ты припоминаешь что-нибудь?

- Нет, но продолжай.

- На обороте конверта было пять печатей из красного воска. Одна в середине и по одной в каждом углу. Это меня особенно волнует.

- Почему?

- Ким, пожалуйста, постарайся вспомнить. Ведь это довольно необычно - получать конверты с печатями.

- Не знаю. Но что тут такого важного, дорогой?

- Сейчас не время об этом. - Я почувствовал раздражение. - Мы никогда не получали таких конвертов.

- Нет, получали. Помнишь, как прошлой зимой Франсуа Патрис устроил средневековую вечеринку? Приглашения были в виде пергаментных свитков с восковой печатью и лентой.

- Я не говорю о прошлой зиме. Я...

- Я получаю целые тонны документов. Все пресс-атташе в Париже посылают мне свои материалы, надеясь, что я помещу их в газете. Но что с тобой, Серж, послушай, у меня важный прием. Это - представители Брустера, крупного лондонского дизайнера, и мне совершенно необходимо получить информацию для следующего номера. Он выходит во вторник.

Я поймал ее за локоть.

- Одну секунду. Ты разломила печать руками, не так ли?

- Ну ладно, - похоже, она смирилась с моим допросом. - Я сломала печати, что из того?

- И ты не помнишь, что было внутри?

- Мы пошли по второму кругу, - сказала она. - Да, я помню.

- Что?

- Приглашение на приватный просмотр.

- Какой приватный просмотр?

- Не знаю. Я просто предположила. Это мне начинает надоедать.

- Что, если там не было ничего?

- Дорогой, ты, наверное, не в себе, ты просто действительно сошел с ума!

- Ты не поинтересовалась, откуда оно?

- Это мне начинает надоедать, - повторила она. - Почему ты задаешь такие вопросы, Серж? Послушай... - Искра иронии зажглась в ее глазах. - Будь у меня любовник, он не стал бы писать любовные письма, запечатанные воском. Почему ты спрашиваешь про это?

- О, черт!.. Ладно, не обращай внимания. - и я нажал кнопку лифта. - Возвращайся к своим англичанам. Извини меня. Я... - Мне хотелось сочи-

нить хоть какое-нибудь объяснение. - Я должен был получить из провинции один важный документ для статьи. мне показалось, что я по ошибке дал его тебе и... Ладно, извини, забудь об этом.

- Мы сегодня идем в кино, дорогой?

- Нет, - сказал я, - мы обедаем дома.

- Ты заедешь за мной?

- Не улыбайся, - попросил я, заходя в лифт, - ради Бога не улыбайся.

Она наклонилась, когда лифт начал опускаться.

- Прими валидол, дорогой. Я просто...

Вернувшись к остановке, я долго не мог найти билет. Пришлось выгрузить все содержимое карманов на скамью. Наконец он нашелся, и через 20 минут я прибыл в офис. Мой ум был расслаблен, как после долгой беспробудной пьянки.

Невозмутимый Феррер возился со своими диапозитивами.

- Иди сюда, Серж, - позвал он и вручил мне увеличительное стекло.

- Вот, посмотри.

Насколько я мог видеть, это были фотографии облаков.

- Большая гроза пятнадцатого октября. Я ездил в Брест по поводу той истории о пропавшем адвокате. Но больше всего меня интересовал Сен-Мишель. Смотри...

Гора Сен-Мишель выступала из тумана волн облаков, из пустоты и моего кошмара, словно застывшая в небе каменная молитва. (Может, ей могла бы помочь вера в Бога?)

- Но Берни этим не интересуется, - продолжал Феррер, - Хочу послать в Имаж де Франс. Как ты думаешь, стоит?

- Я тоже не интересуюсь.

- Что случилось, Серж?

- Чем сейчас интересуется Берни? - спросил я. Вопрос казался мне чрезвычайно важным. Я обратился к Фернану, составителю макета: - У тебя случайно нет вечерней газеты?

- Только что принесли последний номер, - сказал он, протянув мне "Франс Суар".

Я начал читать колонку за колонкой, и на третьей странице нашел то, что хотел, - это была настоящая удача. Сложив газету, я бросился к стеклянной кабинке, в которой обитала Сюзанна, секретарша Берни.

- Шеф один?

- Можешь зайти.

Берни правил рукопись. Это занятие всегда выводило его из себя. "Все нужно делать самому".

- Ты видел это, - спросил я его, бросив перед ним заметку. Она называлась "Героин опять убивает". История о подростке, покончившем с собой на пляже у Перпиньяка. Довольно заурядная история, но я знал - и делал ставку на это, - что тема "Юность и наркотики" была у нас самой ходовой последние три недели.

- Парню было всего восемнадцать, - продолжал я.

- Я знаю.

- У него, наверное, были отец, мать, девушка. Как он дошел до такого состояния?

- Я мне что прикажешь делать с этим?

- Ты удивляешь меня, Андрэ. У тебя есть дети?

- Да, - сказал он, даже не поднимая головы, - сын, пятнадцати лет.

- Несмышленный, легкомысленный и такой беззащитный. Все вечера с мечтательным видом что-то наигрывает на гитаре.

- Что ты пытаешься подsunуть мне? Берни наконец взглянул на меня. - Мой сын играет на гитаре, но в остальном он такой же шалопаи, как и все остальные.

- Может, у него есть дневник?

- Что?

- Почему эти мальчишки убивают себя? Должна быть причина. Тут дело не в водородной бомбе и не в "потребительском обществе". Андрэ, этот парень из Перпиньяка интересует меня больше, чем все события в Английской королевской семье (статья, которую правил Берни, называлась "Маргарет и К"). Он для меня важнее тех, что разгуливают по Луне.

- Переходи к делу, - перебил Берни с явным раздражением. - Чего ты хочешь?

- Я хочу написать очерк об этом юнце, опросить всех, кто его знал, его учителей, родителей, друзей. Мне хотелось бы знать, что он читал, о чем мечтал, я хочу сделать то, чего до сих пор не сделал никто, - понять. Хочу найти истину. Полный портрет. И я хочу показать читателям: это может случиться с вашим сыном.

Похоже, у Берни загорелся интерес в глазах.

- И сколько времени тебе понадобится?

- Дней десять, может, две недели. - Он вытрастил глаза. Не давая ему опомниться, я пустил в ход тяжелую артиллерию. - Уверен, ребята из "Кулис дю Монд" уже в Перпиньяке. Но они проторчат там сутки и получают лишь то, что мы читали сотни раз. Черт возьми, Андрэ, давай посыпем немного соли на рану. Давай возьмем под защиту этих юнцов. В конце концов, это наш долг. Мы - единственная газета, которая может тут что-то сделать. - Я знал, что мой завершающий выпад достигнет цели.

- Две недели? О чем ты говоришь? Ты мне нужен здесь. Я собирался послать тебя в ...

- Думаешь, я делаю это для забавы? Или ради выгоды?

- Тогда зачем?

- Андрэ... - Я сделал очень серьезное лицо. - Однажды человек вроде меня говорит себе: "Неужели ты собираешься провести всю оставшуюся жизнь, занимаясь чепухой?"

- Я говорю себе так с девяти утра и до десяти вечера, - возразил он. - И не теряю от этого сон. Постарайся уложиться в пять-шесть дней.

- Постараюсь, но обещать не могу. - Я снял телефонную трубку и подал ему. - Позвони в расчетный отдел, пусть мне дадут аванс.

- Когда ты хочешь поехать?

- Вчера.

Вечером, когда я собирал вещи, Ким спросила:

- Твоя поездка имеет отношение к тем бумагам, про которые ты говорил утром?

- Некоторая связь есть, - уклончиво ответил я.

IX.

Маленький городок пробуждался от мирного сна к едва ли менее покойному дню. Так было со времен средневековья, и, наверное, так будет всегда. Проехав всю ночь, я остановился возле фонтана, присел на край каменного бассейна и, как бы совершая очистительный ритуал, ополоснул холодной водой лицо и шею.

Я наблюдал за скрипучей телегой, поднимавшейся на холм Св.Михаила. Два огромных быка под ярмом смирно покачивали головами и помахивали хвостами, отгоняя мух. Впереди, немного сгорбившись и глядя в землю, шел человек в берете и с длинной палкой на плече. Я понаблюдал за женщиной во дворе, одетой во все черное, которая наливала из ведра в маслобойку теплое пенистое молоко и иногда покачивала бедрами, как делали женщины в течение сотен лет. Я думал о том, что ничего не изменилось и не изменится в запахах, которые доносились со всех сторон: кукурузы, сохнувшей в амбарах, конюшен, где то и дело вздрагивали и били копытом землю лошади.

Но теперь я чувствовал, что за этим древним покоем скрывается нечто иное. Оно как будто скользило вдоль стен вместе с первыми лучами солнца, лежало незримой тенью на полях в полуденной тишине. Да, где-то был Враг, и потому лица людей приобретали новые морщины, тяжелый труд запряженных быков становился мучительнее, и коровы в хлевах мычали трагичнее. Резкий запах конюшен вдруг показался мне тошнотворным.

Но я сказал себе, что этот день пройдет, как и предыдущие. Опять наступит вечер, и старики будут судачить у ворот, пытаясь немного оживить свои дряхлые тела. Когда похолодает, они встанут, пойдут в дома и задвинут тяжелые засовы. Придет другая ночь, как это было с начала времен и будет до конца. Лишь Черный Всадник на бешеном скакуне то тут, то там нарушит ее покой. Старый хронометр собора будет перебивать четки ночных часов. Стоит им оставить это благословенное убежище, и они застынут и обрушатся с высоких башен на город, покрыв его тяжелой бронзовой мантией.

В этот момент я смотрел на высившийся впереди собор, как утомленный странник с лихорадочным, но светящимся взором. Великолепная постройка - словно огромный летучий корабль, надежно пришвартованная к земле своими легкими контрфорсами. Древний экзорцизм, запечатленный в камне. Меня непреодолимо влекло к нему.

Я завел машину и поехал вверх по холму, обгоняя телегу. Каждый мой жест обладал той дьявольской точностью, которая порождается смесью усталости и ясности мысли после бессонной ночи, проведенной в

дороге. Я поставил машину в сквере и, пройдя через большие двери, жалкий и одинокий, вступил под сумрачные своды с мольбой о спасении.

Когда мои глаза привыкли к темноте, я смог различить перед высоким алтарем человека, одетого в черное с серебром и совершавшего странные движения. За его спиной стояли четыре старухи, также в черном, и бормотали невнятные ответы на его зывания. Слабо звякнул колокол. Словно скрежет зубовый зазвучала фисгармония. Старухи нестройными голосами затянули "Dies Irae".

"Господи, - сказал я. - Твоя сила выше его. Ты - Всемогуший".

Но Господь пожал плечами.

"Мы здесь занимаемся только мертвыми, - сказал Он. - теми, кто больше не любит и не любим, теми, кто излечился от недуга жизни. Возвращайся к своей игре теней, оставь нас заниматься серьезными делами".

Solkvet saclum in favilla... Погрузив руку в святую воду, в которой отражался купол собора, я перекрестился.

"Теперь Ты можешь оставить меня", - подумал я.

"Будь хитрее, - сказал спокойный голос у меня в голове. - Будь хитрее, чем тот, и все будет хорошо".

И я вышел.

Но куда мне теперь идти? Я думал, медленно шагая по дороге к Пролому. Почему я сказал Берни, что мне нужно десять дней? Десять дней для чего? Чтобы перерыть все шкафы в поисках милого изображения, пронзенного булавами? Не будь дураком. Другая мысль зашевелилась в моем мозгу. Прошло больше месяца... сорок семь дней, ты знаешь точно... с тех пор, как я оставил ее. Как мне удалось продержаться так долго? Перейдя дорогу в конце Пролома, я ускорил шаги. Вскоре передо мной в свете осеннего утра вырос увитый плющом желтый дом. Ставни были закрыты.

Пронзительно закрипели ворота. Может, даже громче, чем прежде, как будто их никто не открывал лет сто. Ни одна из дверей не была заперта, но я сразу понял, что Терезы нет дома. Я позвал ее по имени три раза. Скорее как ребенок, ищущий взрослого, чем как коварный грабитель. Внутри царила затхлая атмосфера давно не проветривавшегося помещения. И ни одной живой души. Я прошел в ванную и слегка смочил голову, поскольку мысли начинали путаться от усталости и недосыпания. Полотенца не оказалось.

Во всех комнатах двери были открыты, а ставни на окнах закрыты. Я зашел в спальню - нашу спальню. Кровать была накрыта кружевным покрывалом. Тогда моим умом начала овладевать идея, с которой я ушел с тех пор, как прибыл сюда. "Раз тут никого нет, - сказал я себе, воспользуясь случаем и обыщи весь дом от подвала до чердака".

Так я и сделал. платяные шкафы и серванты в спальне оказались почти пусты. Там было лишь немного старой одежды. Мне стало стыдно

¹ Судный день (лат.)

На одном из шкафов я нашел роликовые коньки, старую коллекцию марок, несколько разбитых керосиновых ламп, маленькую шкатулку для шитья и несколько ваз, тоже разбитых. Но должен же быть какой-то след! Я оставил спальню, не дав себе труда вернуть все на место, и по наклонному коридору дошел до той комнаты, в которую никто не заходил в течение четырех лет, хотя Тереза показывала мне ее с порога. Это был кабинет ее отца, нетронутый со дня несчастного случая. На письменном столе лежали очки в металлической оправе, тетради, исписанные неразборчивым почерком, подносик для перьев, промокательная бумага - обычные предметы, которые можно найти на любом письменном столе. В одном углу лежали друг на друге четыре раскрытые книги. Боже! Кодовские книги, наконец-то! Сотни других книг стояли на полках вдоль стен, покрытые слоем пыли толщиной в палец. Я осквернил святилище, распахнув дверцы небольшого шкафчика - ни иголок, ни фигур, ни следов воска. Я потратил целый час на то, чтобы просмотреть пачку старых бумаг, но никаких фотографий Ким в ней не оказалось. Мне очень хотелось найти пропавшую фотографию, но я ужасно боялся найти ее.

Еще в трех комнатах мои нервные движения нарушали вековой сумрачный покой. Долше всего я задержался на кухне. С ее каменным полом, огромным столом, узкими французскими окнами, выходившими на глухой, как в монастыре, двор. Кухня была самым приятным местом в доме. Я тщательно осмотрел каждый нож и каждую вилку, винный погреб, кладовую (пустую) и еще раз, одну за другой, бумаги на столе: счета за газ и электричество, счета, написанные на обороте старых конвертов. Потом я вспомнил про чердак. Однажды мы были там с Терезой. "Здесь я играла в ковбоев и индейцев, когда была маленькой. Я представляла себе, будто индейцы напали на дом и, кроме меня, не осталось защитников. Я всегда была одна..." Пока она говорила, солнечный луч из маленького окошка медленно двигался по стене. Может быть, то, что я искал, спрятано в каком-нибудь старом разбитом сундуке под грудой пожелтевших кружев? Но когда я поставил ногу на нижнюю ступеньку, у меня возникла другая идея. Оранжерея. Как я раньше не подумал? Оранжерея была единственным местом, куда она меня ни разу не водила.

Я вышел из дома и прошел по дорожке, окаймленной шалфеем. Когда я распахнул дверь оранжереи, в ноздри мне ударил резкий тошнотворный запах. Осторожно закрыв за собой ржавую дверь, я очутился в самом сердце тропической ночи - именно ночи, потому что окна были окрашены в зеленый цвет, и дневной свет мог просочиться лишь там, где краска облупилась.

Я пошел налево по длинной дорожке, по обеим сторонам которой располагались полки с горшками. Хризантемы, георгины и еще какие-то неизвестные мне цветы кивали в сумраке, и можно было ощутить их теплое дыхание. Иногда одна из близких голов задевала мое лицо, и я вздрагивал, словно от прикосновения призрака. Уже собираясь вернуться обратно, я заметил ветхую скамейку.

В этом месте краска на одном из окон была соскоблена, и немного света падало на кучу инструментов: клещи, щипцы, куски проволоки, длинные заржавленные ножницы и, наконец, укрепленная косо на старой банке свеча. Толстая красная свеча, сгоревшая более чем на три четверти. Моя дрожащая рука потянулась к ней словно к чему-то смертельно опасному. Но я не успел прикоснуться. Сзади скрипнула дверь. Я быстро, но бесшумно отскочил в сторону, укрывшись за какими-то хвойными растениями. Их иголки нещадно кололи меня, пока я пробирался вдоль стены.

При свете, который теперь проникал через открытую дверь, я увидел высокую сутулую фигуру старого садовника, лишенное выражения лицо с отвратительным красноватым пятном. Тень в царстве теней. Он передвигался, волоча ноги и тяжело дыша. Иногда он останавливался, потом шел дальше. Наконец, выбрав два горшка с цветами, он осторожно взял их на руки, словно мать, прижимающая к груди спящих близнецов, вернулся к двери и вышел наружу. Я последовал за ним.

Сначала он шел медленной скользящей походкой по едва различимой тропинке в сторону леса. Облетевшая листва желтым ковром покрывала опушку. Справа и слева простирались холмистые поля, в небе светило прохладное солнце. Я продвигался короткими перебежками, пригибаясь, когда Фу менял направление. Мне казалось, он идет к лесу, но он свернул на другую тропинку, которая поднималась по склону холма.

Появилась кирпичная стена; новая, аккуратно сложенная. За ней виднелись верхушки кипарисов. Фу прошел вдоль стены и скрылся за воротами. Только дойдя до этих ворот, я понял, что мы пришли на кладбище.

Я следовал за ним, минуя часовни и ряды надгробий. "Семья Ломера". "Здесь лежит...", "Прохожий, помолись за него..." Фу прошел по центральной аллее, потом свернул направо. Я был метрах в двадцати от него, когда он остановился перед могилой, которая казалась свежее остальных. Я видел, как он склонился над ней, осторожно поставил свои горшки и стал выдергивать из земли погибшие цветы. Потом собрал опавшие листья и вместе с мертвыми цветами выбросил их в мусорное ведро. В конце концов перед надгробием осталось лишь три горшка. Потом он застыл, опустив глаза в землю и молитвенно сложив ладони. И тогда я почувствовал, что мое сердце бешено колотится, его удары передавались дереву, к которому я прислонился.

Как она тогда сказала? Нет, это я спросил: "Кто умрет, когда я уеду?" И она ответила: "Я". Внезапно мои нервы превратились в клубок взбесившихся гадюк. Едва соизнавая, что делаю, я побежал и схватил садовника за плечо.

- Что случилось, Фу?

Когда он увидел меня, его глаза так округлились, что стали похожими на две лупы, и голова откинулась назад, словно уберегаясь от моего безумия. Но я настаивал: "Скажи мне правду!" Внезапно в его глазах вспыхнула ненависть, и он ударил меня сначала в ухо, потом по шее - он целил в нос, но я наклонил голову. Потом он попытался убежать, но я поймал его за куртку, которая тут же порвалась. Когда он обернулся,

чтобы высвободиться, я сбил его с ног. Вдруг я почувствовал, что моя правая нога оказалась словно в капкане. Острая боль пронзила все тело, и я упал. Некоторое время в голове стоял довольно странный шум. Потом все провалилось в небытие. Старик послал меня в нокаут.

Я смутно сознавал - вернулось ли это сознание или мое астральное тело гналось за садовником? - что он бежит по каменной дорожке. Моя голова была прислонена к надгробию, и мне достаточно было скосить глаза, чтобы прочесть вырезанную на нем надпись: "Семья Дув". Я осторожно положил руку на камень, ощущая физическую потребность погладить его и согреть своим живым теплом. Потом я открыл глаза - разве я уже не открыл их? Повсюду вокруг и внутри меня царил ужас. Подняться на ноги было так трудно, словно пришлось собирать себя по частям. Я побрел к кладбищенским воротам.

- Беги, - повторил я, - ты должен бежать.

В тишине мой голос звучал очень странно. Я надеялся встретить кого-нибудь у ворот - сторожа, крестьянку, кого угодно. Мне просто хотелось задать вопрос и получить на него ответ. Но Господь, дабы испытать меня, сделал это утро совершенно безлюдным. Только далеко в поле кто-то работал на тракторе. И справа высился собор, презиравший преходящие людские страдания. Потом я вспомнил, что в сквере стоит моя машина, и тогда наконец побежал.

Выехав на тополевую аллею, я увидел такое же скопление народа перед домом Бонафу, как и в первый день. Они наблюдали за мной с нескрывасмым любопытством, потому что я совершенно не был похож на обычного посетителя. "Острый приступ", - вероятно, решили они. Я прошел прямо к дому и постучал в дверь. Никто не отозвался. Я опять принялся стучать. Сзади что-то сказали на местном диалекте, но я не понял. Наконец дверь открылась, и на пороге появился Бонафу, он был в ярости. Потом он узнал меня.

- Ах, это вы, - сказал он, - заходите.

Целитель был, как обычно, в рубашке без пиджака. В маленькой пыльной прихожей он как будто заколебался. Там в ожидании приема сидели четыре человека, в том числе женщина в черной соломенной шляпке, украшенной искусственными фруктами; трое мужчин держались несколько поодаль. Бонафу огляделся, словно ища, куда бы меня усадить, и не имея смелости заговорить первым. И вдруг где-то на втором этаже раздался неистовый вопль, и его раскаты, казалось, сотрясли весь дом до основания.

- Серж!

Сразу послышался топот бегущих ног. Она прижалась ко мне радостно и страстно. И я опять держал ее в своих объятиях. Это продолжалось около часа. Где-то в глубине моей души из боли, отчаяния, пустоты рождалась новая жизнь. Тепло вновь разлилось по моим жилам.

- Все вверх дном, - повторяла она. - Что случилось?

Она ходила из комнаты в комнату, всплескивала руками, словно маленькая школьница, потерявшая свой пенал.

- Во что ты тут играл?

Я медлил с ответом и в конце концов решил пока не говорить правду.

- Мне казалось, что дом стал необитаемым. Я хотел найти какие-то признаки жизни.

Тереза не обратила внимания на мое абсурдное объяснение. Решив, что вечер холодный и нам нужен огонь, она зачихала в камин несколько старых досок, добавила немного скомканной бумаги и придавила все это тяжелым бревном. Казалось маловероятным, что подобное сооружение загорится. Однако через минуту пламя взметнулось вверх, как джинн, и дерево весело затрещало. Тереза села, очень довольная собой.

- Я переселилась к дяде. На время. Я иногда так делаю... Что там произошло на кладбище?

Я подробно ей рассказал, как тайно преследовал садовника, как подумал, что он ведет меня к ее могиле, и как Фу набросился на меня со страстью маньяка. Она засмеялась своим ленивым смехом. О, этот смех! Я готов был хоть триста раз умереть ради этого ласкового смеха.

- Не обижайся на него, - сказала Тереза, - Он старый солдат.

Это не повод. Я тоже был солдатом. Даже проиграл войну - и это достаточно хорошая рекомендация. Потом я спросил: "Почему он набросился на меня?"

Из ее рассказа я понял, что когда-то давно - как давно, мне не удалось установить, поскольку у Терезы было довольно слабое чувство времени - Фу был безумно влюблен в ее мать. После аварии - впервые она упомянула аварию - свет навеки померк в его глазах, и он стал каждый день носить свежие цветы на ее могилу.

- Вот почему он выращивает эти ужасные цветы. И старается, чтобы никто не узнал.

Тогда - поскольку маленький Фрейд дремлет в каждом человеке - я ухватился за возможность расспросить Терезу о матери.

- Она была красива?

- Ну...

- Ты ее очень любила?

- Я никого особенно не любила, кроме тебя, - сказала Тереза. Но она упомянула еще одну вещь: у матери была страсть к цветам.

- В этом доме всегда было много цветов. Только мать не могла вынести, когда они увядали. Цветы меняли каждый день, и всегда их не хватало.

Огонь умер с приходом ночи. Тереза умолкла. В темноте она дышала глубже, как растение. Я наклонился и нежно поцеловал ее глаза. Делая это, я испытывал блаженное чувство полной свободы. Где-то далеко были Берни, Ким. Я сам оказался где-то далеко. Она медленно повернула голову - медленнее, чем вращались зубчатые колеса в настенных

часах, которые висели в прихожей. Эта маленькая королева тишины могла пробыть в таком состоянии лет триста и не проронить не звука.

- Когда ты молчишь, мне страшно.

- Мне тоже страшно, - призналась она и добавила, как будто этот вопрос интересовал ее чисто теоретически: - Почему нам страшно, когда мы вместе?

- Потому, что мы любим друг друга.

- Что с нами будет?

Я не ответил. Тема была столь неопределенна, что я решил отложить ее на потом - как проблемы Юго-Восточной Азии. И я заявил, что хочу есть. "Сейчас охотничий сезон. Я просто мечтаю о куропатке." Она моментально исчезала и вернулась с блюдом бисквитов, которым на вид было несколько недель.

- Нет, я по-настоящему проголодался. Целый день ничего не ел.

Тереза приложила кончик указательного пальца к губам - жест, означавший, что она думает.

- Хорошо, - сказала она наконец, - мы отпразднуем твоё возвращение. У нас будет пахтет и много-много красного вина. Прекрасно. И у нас будет кукуруза в початках. Последнее я воспринял без энтузиазма, но ничего не сказал.

Потом примерно полчаса я мог вдыхать шедший из кухни пресный аромат кукурузных початков, варившихся в воде. Но пахтет был великолепен, и вино незабываемо, - слой пыли в палец толщиной покрывал принесенную из погреба бутылку. Поскольку Тереза выпила совсем мало, почти все досталось мне. Когда мы встали из-за стола, я был пьян. Потом она засмеялась и сказала, что хочет покурить. Меня восхитило, как Тереза зажгла мою сигарету, и еще больше, как она деражала ее между большим и указательным пальцами, осторожно вынимая изо рта после каждой затяжки, словно это был какой-то драгоценный предмет. Потом я предложил помыть посуду.

Когда мы стояли перед раковиной, - Тереза мыла и полоскала, а я вытирал - на четвертой тарелке я вдруг набрался храбрости и сказал:

- Я тут искал кое-что.

- О чем ты?

- Сегодня днем я искал здесь фигуру из воска с воткнутыми в нее иголками.

- Не понимаю, объясни.

- И еще я искал пропавшую фотографию моей жены и прядь волос.

- Зачем?

- Я думал, что найду их здесь.

- Здесь... Но почему здесь?

- Когда я вернулся в Париж, жена заболела, и я думал, что кто-то наложил на нее заклятье.

- Кто?

- Ты.

- Ты в самом деле веришь в это?

- Верил.

- А сейчас?
- Не знаю. Я ходил к одному специалисту, который снимает за-
клятья. Он говорил много и не сказал ничего.
- Да, так часто бывает. Я знаю здесь одного человека. Хочешь, сведу
тебя к нему?
- Это последняя соломинка...
- Он действительно знает свое дело. К нему приезжают отовсюду.
- Это действительно последняя соломинка.
- Кто наговорил тебе такую чепуху?
- Откуда мне знать? - Я осторожно положил в шкаф последнюю
тарелку. - По крайней мере, это подействовало, раз я вернулся...
- Ты надолго?
- На неделю. Семь-восемь дней, не больше.
- Почему не больше?
- Потому что существует континент Азия, хочешь ты этого или нет.
- О чем ты? Ты очень забавный, когда пьянеешь...
- Я поймал ее руку и повернул ладонью кверху.
- Почему у тебя нет линий?
- Есть.
- Их почти не видно.
- Я медленно провел большим пальцем по гладкой мягкой ладони.
- Это была необычная, даже пугающая гладкость.
- Щекотно.
- Странно не иметь линий, - сказал я. - Как будто у тебя нет судьбы.
- Пойдем...

Тереза выдернула свою руку и вышла.

Она прошла гостиную и поднялась на второй этаж, всюду выключая свет. Я последовал за ней. Когда мы пришли в спальню, она разделась, положила кусок материи на лампу и легла на кровать. Большие спокойные глаза повернулись ко мне. Я взглянул в окно. Ночь с каждой секундой становилась все чернее, отрезая дом, парк, ручей, Пролом, город и меня самого от остального мира.

XI.

Вскоре после этого - наверное, дня через два - томная задумчивость осени уступила место ветреной погоде. Зима еще не пришла, и солнце еще светило, но превратилось в маленький белый шарик. И пошли дни, столь похожие друг на друга, словно это было один бесконечный день.

Три дня, четыре, пять. Мы вставали на рассвете. Пока я занимался приготовлением завтрака, Тереза начинала утренний осмотр парка. Мне скоро было дано понять, что она любит это делать одна. Я иногда видел издали, как она склонялась над вереском, словно о чем-то расспрашивая его, или брала в руку ветку, как будто прослушивала пульс больного дерева, выдергивала сорную траву или высматривала в цветке розы тлю. Возвращаясь, она, похоже, была очень довольна собой, парком и

домом. Прежде чем войти в дом, она в последний раз оглядывалась, словно желая убедиться, что все на месте и можно начинать день.

Когда я разливал в чашки дымящийся кофе и обжигал пальцы гренами, Тереза давала мне подробный отчет о том, что произошло за ночь. Шипы у роз притупились, говорила она и птицы почуяли холод - только не щеглы, конечно. Черные дрозды, например. Они стали такие задумчивые и все время дрожат. Мы никогда не говорили о будущем, о котором нам так хотелось не думать.

А потом следовала прогулка. Мы выходили в сумерках рука об руку, одни под розовато-лиловым небом. Наше счастье состояло из тишины, чудесной музыки без нот.

Однажды, после одной из таких прогулок, наш разговор неожиданно превратился в философский диспут. В тот день Тереза долго созерцала окутанные туманом дальние холмы, похожие на каких-то диких животных.

- Ты когда-нибудь думал, что может быть за ними?

- Нет... зачем?

- И тебе никогда не хотелось пойти посмотреть?

- Мне это ни к чему. Я и так знаю. Все то же самое.

- Неправда. В мире очень много вещей, которых мы не знаем.

- Есть только одна Вещь, - возразил я. - Все вещи - это только ее разные проявления.

Тогда она взглянула на меня, словно говоря: "Ты ничего не понимаешь!" Но потом снизошла до объяснения: - чтобы узнать эту вещь, надо стать вездесущим - тогда станет ясно, что все происходит только так, как должно произойти.

- Так-то вот! - заключила она, как домашняя хозяйка, которая закончила уборку и довольна тем, что не оставила ни одной пылинки.

- Не согласен, - опять возразил я, - Все происходит случайно.

- Неправда!

Она бросилась на меня, ударившись головой о мою грудь - моя трубка, рассыпая искры, пролетела через всю комнату. Не удовлетворившись этим, Тереза ухватила меня за щеки и принялась трясти их. Мне удалось схватить ее за кисти, она попыталась вырваться, стул опрокинулся, и мы оказались на полу. Последовала борьба, Тереза оказалась сильнее, чем я предполагал. Прижавшись ухом к ее груди, я слышал быстрое ритмичное дыхание. Ее спутанные волосы упали мне на лицо. Я ощутил запах теплого хлеба.

- Моя блондинка, обожаю тебя! - сказал я. Это мне что-то напомнило.

- Я не блондинка.

- Неважно. Рыжая, зеленая, золотая. Я все равно тебя обожаю.

Мои слова как будто не произвели на Терезу никакого впечатления. Она неожиданно вывернулась, отскочила и снова прыгнула на меня, прежде чем я успел защититься. На этот раз она одержала верх. У меня оставалось как раз столько сил, чтобы ловить ее дыхание, слышать ее стоны и ощущать, как ее радость переходит ко мне (последовательность, которой неведомо для нас ради своего удовольствия управляло некое

божество), пока мы оба не слились воедино в радугу, сияющую блаженством.

- Ты очень опасный человек, - сказала Тереза, вставая, когда все было кончено. Я еще витал где-то в долине Иегосафатской. Натянув брюки и застегнув ремень, я ползал на четвереньках по полу, разыскивая трубку, очки и блокнот. Потом я медленно поднялся, все еще ощущая себя счастливым, и сказал, что, наверное, звери тоже испытывают радость после спаривания. Но она не слушала.

Становилось все холоднее. Прошло уже шесть дней, и все это время я как будто только и делал, что колол дрова да сваливал их возле камина. Надо признать, дом был отлично приспособлен к зиме и лишь слегка поскрипывал на ветру. Он походил на большой прочный корабль, идущий с развернутыми парусами, медленно и величественно, навстречу холодам. Парк тоже был очень красив. Дом, парк, Тереза и я образовали неразрывное целое, и никто не знал, что из этого выйдет. Все шло хорошо, пока не наступил последний, восьмой день, когда с утра вдруг подул сильный ветер и стрелка барометра в кухне отклонилась на несколько делений.

- Всегда так начинается, - сказала Тереза. (Что, моя маленькая? Несчастье?)

До середины дня она простояла у окна, иногда слегка касаясь губами оконного стекла, и на нем появлялись и исчезали маленькие пятна тепла. Я подошел к ней и, чтобы привлечь ее внимание, пощелкал языком. Тереза обернулась и улыбнулась, словно желая показать, что она вовсе не сердится.

В четыре часа Тереза приготовила чай. Потом она набила мою трубку и осторожно вставила мне ее между зубов. После этого она села на пол и, прислонившись к моему стулу, обхватила руками мои ноги. Каждый ее жест говорил: останься!

Когда настала ночь, сквозь шум ветра послышался другой звук, постепенно нараставший. Другой, гораздо более яростный ветер летел из неведомой дали и гнал перед собой первый. Тереза встала и распахнула окно настежь. Я быстро закрыл его, заметив, что не хочу увидеть, как она улетит. Эта фраза вызвала у нее улыбку. И в ту же секунду дом сотрясся до основания. Я подумал: "Он утонет, наш корабль. Мы оба утонем в этой скорби".

- Обещай, что не уедешь сегодня.

- Я же говорил, что уеду завтра утром.

- Не уходи, пожалуйста, пока я буду спать. - попросила она, стараясь улыбнуться.

- Давай поговорим о чем-нибудь другом. У нас осталась одна ночь.

В ту ночь я был разбужен неприятным ощущением: рядом со мной не было ее теплого дыхания. Пошарив рукой по простыне, я зажег свет и взглянул на часы: десять минут пятого. Потом я встал, нашел сигареты и, закурив, вернулся в постель.

Снаружи стоял такой грохот, что нельзя было различить отдельные звуки. Вой ветра, дребезжание стекол в старых рамах, стук одной из

ставень и шелест ветвей замерзших деревьев - все смешалось. Но если хорошенько прислушаться, тут присутствовали не только эти звуки: за внешними волнами корчился в судорогах до самых глубин океан. Настоящий ведьмин шабаш.

Иногда вдруг наступало затишье. Можно было подумать: наконец-то буря улеглась, пора поднимать паруса и плыть дальше. Но столь же внезапно все начиналось вновь, еще яростнее, чем прежде. Прошло двадцать минут, а Тереза не возвращалась. Я решил поискать ее внизу.

В гостиной все было спокойно. Последние красные угольки тлели в камине. Тихо тикали часы. Но я заметил, что затвор на окне был выдвинут. Мы запирали его каждую ночь. Я открыл дверь и, поживаясь, вышел на террасу.

Полная луна - опять эта бестия - освещала парк. Сильно пахло озоном. Я вернулся в дом за теплой курткой и отважился на новую вылазку.

Сначала я решил сходить в оранжерею, полагая, что в подобную ночь ни одна живая душа не отважится разгуливать под открытым небом. Но в оранжерее Терезы не было, и я побежал к хижине. Там тоже никого не оказалось.

И все-таки она была где-то рядом, маленький островок тепла среди холода ночи. Я мог слышать, как она, словно крошечный маяк, зовет меня на той сокровенной волне, о существовании которой я до сих пор не подозревал. Мне почудилось, будто некий доброжелательный дух появился из-за куста, взял меня за руку и повел в конец парка, где кроны двух дубов слились, образовав свод высотой пятьдесят футов. И в этом месте - которое Тереза называла "часовней" - я наконец нашел ее. Она лежала в одной ночной рубашке и как будто спала.

Подойдя ближе, я увидел, что ее глаза открыты и закатились. Когда я попытался поднять ее, послышался хруст инея. С большим трудом я поднял ее и пошел к дому напрямик через кусты. Это была неудачная идея. Волосы Терезы цеплялись за ежевику, и мне то и дело приходилось их отцеплять чуть ли не по одной волосинке. Тогда я попросту бежал. Но это оказалось невозможно. Мои ноги отказывались нести нас так быстро. Добравшись до дома, я увидел у нее вокруг глаз черные круги.

Уложив ее на диван, я придвинул его к камину и бросил на уголья новое полено, которое тут же вспыхнуло. Я прошел на кухню, поставил чайник, достал из шкафа бутылку бренди, потом сбегал наверх и принес нару одеял.

Разорвав ее ночную рубашку, я налил немного бренди в руку и принялся растирать безжизненное тело столь энергично, что через несколько минут обливался потом. Тогда я раскрыл ей рот и влил туда немного бренди. Сначала все текло по подбородку, потом Тереза сделала глоток, и ее веки задрожали.

Я вернулся на кухню, налил в чашку кипятка, добавил немного сахара и изрядную порцию бренди. Руки дрожали. Нечеловеческим усилием мне удалось донести этот напиток до дивана, не пролив ни капли.

Я завернул Терезу в одеяла и, поддерживая ее голову, дал ей попить. После нескольких глотков она откинула голову назад - ее голова оказалась столь тяжелой, что я не смог удержать ее.

Через некоторое время Тереза пошевелила губами, пытаясь заговорить.

- Лежи спокойно, - приказал я. - Сейчас я схожу за доктором.

Ее "нет" донеслось откуда-то издалека, и ее рука вцепилась в мою.

- Не оставляй меня, - наконец сумела выговорить Тереза.

Звук ее голоса заставил меня вздрогнуть.

- Я поеду вечером.

Когда я прикоснулся к ее губам, они были еще как лед, но постепенно согревались. Потом она два раза тяжело вздохнула, закрыла глаза и заснула, все еще держа меня за руку, которую я осторожно высвободил.

Доктор Казаль жил совсем близко. Начинался день, и ветер немного улегся. Теперь шел однообразный, почти мирный дождь.

Казаль сам открыл мне дверь. Он был в пижаме. Я сказал, что Тереза вышла из дома среди ночи и сильно простудилась. Он не задал никаких вопросов, только попросил немного подождать. Вскоре он появился с саквояжем в одной руке и зонтиком в другой.

По дороге мы не разговаривали. Когда мы вошли в гостиную, Тереза лежала с открытыми глазами. Она с полным безразличием смотрела, как приближается доктор, и безропотно дала себя осмотреть. Все это было очень странно: сильное дыхание Казалья, склонившегося над обнаженным телом Терезы, легкие удары молоточка по ее коленям и щиколоткам, звяканье инструментов, и особенно то, что все происходило в полной тишине.

Он встал и сделал мне знак пройти с ним в соседнюю комнату.

- Вы не сказали всю правду.

- Она встала среди ночи и вышла в парк.

- Зачем?

- Понятия не имею. Я нашел ее спящей под деревом.

- Спящей?

- Без сознания. Глаза закатились. Тело задеревенело. Что-то вроде катаlepsии.

Тогда он задал мне странный вопрос:

- Под каким деревом она лежала?

- Не знаю... В дальнем конце парка... Где небольшая поляна. А что?

Казаль, он то ли размышлял, то ли погрузился в грезы. Мой вопрос остался без ответа.

- В подобных случаях обычно умирают от переохлаждения. Но, насколько я могу судить, с ней все в порядке. Никаких признаков гиперемии. Нет даже простуды. Ничего. Я могу только дать успокаивающее, чтобы она могла поспать.

Он вернулся в гостиную и приготовил шприц. Я не знал, согласится ли на это Тереза. У нее был совершенно отсутствующий вид. Она даже не вздрогнула, когда игла вошла ей в вену. Доктор быстро собрал инструменты.

- Держите меня в курсе, - сказал он, - зайдите ко мне сегодня вечером.

Я проводил его до ворот. Когда я вернулся, Тереза спала глубоким сном, но на лице ее светилась улыбка - признак того, что она ощущала мое приближение, где бы ни была. Она издала слабый звук, как будто спрашивала: "Ты здесь?"

- Я здесь, - сказал я, - и всегда буду здесь.

После этого она погрузилась в беспмятство.

Мне хотелось есть. Я пошел на кухню и приготовил себе кофе. Макаю кусок хлеба в чашку, я слушал, как дождь барабанит в окно. Произошло нечто странное: я был зачарован, - как бывает зачарована змея, - причудливым, беспрерывно меняющимся ритмом. И мне никак не удавалось найти в нем закономерность. Я с трудом оторвался от этого магического танца и тщательно прополоскал чашку с ложкой. Потом вспомнил про пару старых резиновых сапог, которые валялись в подвале. Надев куртку, я спустился в подвал, переобулся и вышел из дома.

Земля сильно промокла, и когда я пришел на поляну, оказалось, что следы ночного происшествия исчезли. Однако после тщательного осмотра каждого квадратного дюйма грязи мне наконец удалось отыскать то, что выглядело как часть круга, очерченного на земле палкой. Это была довольно правильная кривая длиной около метра. Мысленно продолжив ее, я увидел, что центр круга, - если тут действительно был круг, находится точно под тем местом, где соединились ветви двух деревьев. Но, может, это просто моя фантазия? Я продолжал поиски еще около часа. Где-то в пределах воображаемого круга я нашел буроватую, почти черную лужицу. Я провел по ней пальцем, положил немного на ладонь, понюхал и попробовал на вкус, но так и не смог установить, грязь ли это была или кровь - или я сошел с ума. И тем не менее рядом лежало черное перо. Я вспомнил, что видел в курятнике одну черную курицу. Интересно, там ли она. Потом я подумал: "Продолжай в том же духе, и сам удохнешься."

Но зачем она пришла на поляну? Этот вопрос продолжал волновать меня, когда я покинул парк и направился к пологим склонам холмов. Я знал, что ответа нет. Для меня, во всяком случае. Что она сказала, когда мы гуляли здесь в первый раз? Я остановился и напряг память. Она говорила, что есть одна звезда, которую можно видеть только с этого места. И еще она однажды сказала: "Иногда ночью я становлюсь двумя людьми." Чушь! Я пошел дальше и пересек ручей, прыгая с камня на камень. Проходя мимо загона, я увидел коня, который не раз попадался мне из глаза. Большую часть времени хозяева держали его в этом загоне. Беспольный старый конь. Когда я огибал угол поля, сзади внезапно слышался грозный топот копыт. Я пригнулся, убежденный, что животное собирается перепрыгнуть забор и задавить меня. Но нет. Столь же внезапно он остановился, посмотрел на меня, потом закинул голову назад и на некоторое время застыл в этой напряженной позе. После этого он во весь опор поскакал обратно.

Когда я продолжил свой путь, сердце бешено колотилось. Я шел, обходя распаханные участки и проклиная грязь, которая налипала на подошвы моих сапог. Я чувствовал себя как турист в чужой стране,

который постепенно начинает понимать местный язык. "Иди дальше, иди дальше!" - внушал я себе. Откуда-то прилетела пчела и несколько раз с жужжанием облетела вокруг моей головы. Что делала пчела во время бури? Но тут я заметил, что буря кончилась. Дождь прекратился, ветер утих. Только высоко в небе чернели облака, тесня друг друга, мчались наперсгонки к востоку.

- Где ты, ветер? - спросил я. В ответ внезапно налетевший порыв окатил меня водой с деревьев.

Я остановился. Ледяные струи потекли за шиворот, но не это меня беспокоило. И не чувство одиночества, потому что на самом деле я был окружен мириадами назойливых видений, которые звали меня. Куда?.. "Куда?" - спросил я вслух - и тут же ощутил в своем теле нечто подобное медленному движению сока в растениях. Я столь же медленно повернул голову. Насекомые, птицы, жабы перестали быть невидимыми, хотя меня не соединяла с ними обычная зрительная связь. Мои чувства были прикованы к неким обособленным друг от друга центрам вибраций. Потом эти чужеродные вибрации приблизились и слились со мной, и течение времени утратило всякий смысл. Внезапно я ощутил поднимавшийся из земли удушливый запах. Гниющая тряпка? Или это безмолвный и неотвратимый распад моего тела? "Надо выбирать, - подумал я, - скорее выбирать отсюда". Потом эту мысль вытеснила другая. Я вспомнил, как Тереза сказала однажды: "Серж, ты все время борешься с собой. Как будто кто-то в тебе самом ненавидит тебя. Неужели это и называют умом?"

Около пяти часов вечера я вернулся к дому, где между тем разыгралась драма иного рода. Пришли два человека с фермы, разбудили Терезу и сказали, что ночью на амбар обрушилось дерево. Провалилась часть крыши, и об этом необходимо сообщить страховой компании, плотнику, мэру и пожарнику. Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что произошло. К моему удивлению, Тереза выглядела так, словно весь день провела за вязанием у камина. Кое-какие решения об амбаре были приняты, и наши гости ушли, приподняв свои черные шляпы. Но когда я наконец подошел к Терезе, она выскользнула из моих рук, холодная, как змея, и упала на диван лицом вниз. Я положил руку ей на затылок. Она лежала неподвижно, с закрытыми глазами, прижавшись щекой к подушке, и тяжело дыша.

- Посмотри на меня.

Она открыла глаза, но взгляд ее блуждал, избегая моего.

- В чем дело? - спросил я.

- Я думала, ты ушел.

Бедная детка.

- Ты должен был, - сказала она, - я даже надеялась, что ты ушел.

- Ты могла бы взглянуть на машину.

Я хотел сказать еще кое-что, но сначала спросил из вежливости:

- Что с тобой произошло ночью?

- Не знаю, я всегда была немного лунатичкой. Еще в детстве. - И она взглянула на меня с притворной невинностью, как маленькая девочка, которая хочет, чтобы ее простили. - Ты на меня сердись?

Это был настолько странный вопрос, что я решил противопоставить ему другой.

- Что случилось с черной курицей?

- С черной курицей?

- Я пересчитал их. Одной не хватает. Черной.

- Ты сошел с ума.

- Точно, - согласился я. - Я сошел с ума. Но все равно скажи.

- Ты съел ее в понедельник. - Действительно, у нас была вареная курица, которую Фу убил и ошпал. - Почему ты спрашиваешь?

- Ладно. Забудь об этом. - И я вышел из комнаты.

Поднявшись в спальню, я достал из-под кровати чемодан, положил его на кровать и принялся разыскивать свои вещи. Это оказалось не так-то просто. Пижамную куртку, свернутую в комок, я нашел в недрах платяного шкафа. Брюки оказались в ванной. Трубка пропала вместе с бритвой. Пропало все, и все постепенно отыскивалось, кроме большого черного блокнота. Может, он внизу? В этот момент я услышал, как к дому подъехала машина. Потом заскрипели ворота. Я подошел к окну и увидел во дворе Бонафу. В тот же момент из дома выбежала Тереза и бросилась в объятия к дяде. "Не слишком ли быстро?" - подумал я. Так в обнимку они и прошли в дом.

Через несколько минут послышался стук в дверь, которую я оставил приоткрытой. Бонафу вошел улыбаясь - у него всегда было улыбающееся лицо с тяжелой нижней губой и быстрыми голубыми глазами. Правда, теперь он, кажется, отчасти утратил свою обычную уверенность. Я как раз закрыл чемодан. Бонафу наблюдал за мной не двигаясь.

- Я очень люблю ее, - наконец сказал он, повернувшись к окну.

- Я тоже.

- Я не хочу, чтобы она страдала.

- Я тоже страдаю.

Взглянув на него сзади, я увидел, что он качает головой.

- Вы не из тех людей, которые страдают.

- Что вы знаете обо мне?

- У вас нет чувства ответственности и нервов.

Если он пришел разыгрывать роль оскорбленного отца, то она ему вполне подходила. У меня наготове была бомба, уже снабженная взрывателем. Я любовно погладил ее, но не спешил доставать, потому что знал: она взорвет нас обоих.

- Я хочу сказать, что она ничего не воспринимает легко. Вы, вероятно, не знаете: когда она была совсем маленькой, ее фактически бросила мать. Быть покинутой очень тяжело, но быть покинутой дважды - это слишком.

- Я не переносю психоанализа, - заявил я.

Бонафу обернулся и посмотрел на меня. Его молчание было упреком за абсурдность моего ответа. "Это все, что вы можете сказать?" - как будто говорил сго взгляд.

- Что мне делать? - продолжал я. - Очевидно, вам все известно. Вы хотите сказать, что я не должен был начинать? Но теперь слишком поздно. А значит, все равно.

- Все равно? Что вы имеете в виду?

- Пойдемте со мной, - сказал я и повел его к двери. - Пора раскрывать карты.

И когда мы спустились, я почти без подготовки обрушил на них свою информацию, как будто объявляя репертуар местного театра на следующий сезон.

- Я вернусь через десять дней. Думаю, этого будет достаточно, чтобы уладить все дела, и больше не уеду никогда. - Я взглянул на Терезу. Ее лицо словно витало в воздухе само по себе. - Я напишу тебе, - сказал я, - напиши мне тоже, дорогая.

Слезы потекли по ее щекам, но она не пошевелилась. Я прижал ее к груди, погладил похожее на раковинку ухо. Потом быстро вышел. У подъезда меня догнал Бонафу. Он помог мне уложить чемодан в багажник.

- Вам будет трудно?

- Ужасно, - ответил я.

- Не мог бы я чем-то помочь?..

- Спасибо, - усмехнулся я. - В подобных случаях один человек не в силах помочь другому.

- О, это не совсем так. Он может сделать многое.

- Что, например?

- Он может помолиться.

- Вы хотите казаться чудачком?

Я захлопнул дверь и поехал.

XII.

Если вас нужно сделать выбор между двумя любимыми людьми, значит, вы должны выбрать одну из двух жизней. Но такая задача вам не под силу, потому что эти две жизни - просто две половинки вашего существа, связанные неразрывно, как две стороны монеты. Если вы честны с самим собой, то вы можете только понять, что попались в ловушку, и попытаться поступить как можно честнее. В противном случае вы должны обмануть себя, убедить в том, что одно из двух ваших Я должно прекратить существование и принести себя в жертву другому. Но нужно еще решить, какое будет жить, а какое умереть. И это - самая трудная задача.

Я выбрал Ким, потому что она была мне ближе, созданная из положительной энергии и мелких компромиссов. Но кто-то другой выбрал для меня Терезу, и потому я был так угнетен, когда возвращался в Париж. У меня не хватало того героизма, которого требовала ситуация. Каждый поворот штурвала убеждал меня, что я поступаю малодушно. Но альтернативы не было. Если вы попались в ловушку, всегда есть вероятность, пусть слабая, что кто-то придет освободить вас. Но когда вы сами - ловушка: никто не в силах помочь вам. That is the question¹ - Испытав свою

¹ Вот в чем вопрос (англ.)

совесть и тщательно взвесив на своих испорченных весах все "за" и "против", к концу четырехста пятидесяти километрового пути я пришел к заключению, что осталась только одна проблема, одна, а не две: выбор слов.

Например, Берни.

- С чего это ты решил уходить? Ты свихнулся? Что случилось? И что с этой историей о наркотиках? Ты даже не был в Перпиньяке, не так ли? Что случилось, мой мальчик? Расскажи, облегчи свою душу.

Именно тогда я впервые заметил, что Берни носит парик. Прежде это не бросалось мне в глаза. Казалось, его волосы растут нормально, но теперь я заметил, что они прикреплены к сетке. Наверное, у него было три или четыре парика разной длины, которые он менял каждую неделю. Мир стал для меня более ясным.

- У каждого из нас есть темные пятна, старина. Я не брошу камень первым. Но это не повод, чтобы отказаться от борьбы.

Я был словно галька на дне водопада. Вода падала беспрестанно, а я сохранял каменное выражение лица, как крупный бизнесмен, продающий нефтяные танкеры или месторождения. Тот, кто говорит последний, всегда оказывается на высоте. Но Берни не мог знать, что я делаю это не нарочно.

- Ладно, давай начистоту. Сколько тебе предложили в "Кулис дю монд"? Я поговорю с боссом. Уверен, мы договоримся. Хочу тебе сказать, старина... - Он опять затянул свою песню о газете, как "одной большой семье".

Странно, подумал я, все эти жены, начальники, друзья не очень-то заботятся о тебе, но как только ты собрался уходить - они готовы на все. Берни поведал мне о новых грандиозных планах по реорганизации всей нашей группы. И про меня не забыли! Мне достался неплохой кусок пирога. Стоит ли все это бросать?

- Как насчет отпуска? Возьми месяц. Проветри мозги. Перезаряди батареи. Съезди куда-нибудь. Послушай, старина, забудь про это увольнение. Я даже не слышал, что ты сказал. В одно ухо влетело, в другое вылетело. Пусть какой-нибудь доктор напишет тебе бюллетень на две-три недели. Идет?

Все время пока он говорил, я думал только о Ким. Когда она узнала, что все так серьезно, ее лицо исказилось от боли. Я почувствовал, как у нее к горлу подкатил комок.

- Нет, - повторяла она, - нет... нет.

Я решил встретиться с Декампом. Из всех людей, которых я знал, он, пожалуй, лучше всего подходил на роль стены, твердой прочной стены, от которой все отскакивает. Только подловить его было не так-то просто.

Он клюнул на идею пообедать в ресторане возле его работы.

- Как ты думаешь, она выдержит этот удар? - спросил я.

- За последний месяц она вполне поправилась.

- Это не то.

- Я говорил с тобой, как врач. Теперь слушай. Ты берешь нож и втыкаешь его в живот человеку, а потом спрашиваешь меня, выдержит ли он этот удар.

- У меня нет другого выхода.

- Не знаю. Доедай. - Он с ужасным хрустом поедая свою редиску. - Бывает ли вообще другой выход? (Хрум!)

Если бы он был, мы бы знали. Сколько мужчин и женщин бросали друг друга, пытаясь начать спектакль заново. - А что делают другие люди?

Он не ответил и спросил:

- Как ты будешь там жить?

Это меня не беспокоило. Тут моя совесть была чиста.

- Я разберу себя на части, - сказал я, - прочищу как следует весь механизм, смажу маслом и соберу опять.

Я долго говорил о загрязнении окружающей среды, о больном обществе, о необходимости спасения душ. Я говорил о Евангелии, о Коране, о романе, который мне так хотелось написать, и о цели жизни. Под конец я хотел поговорить о Терезе, но он перебил меня.

- Короче, полинезийский мираж.

- Что?

- Ваш остров, наверное, похож на атолл? И на закате приходят туземцы и бренчат на своих мандолинах, а небо зеленеет?

Меня не столько задевал сарказм Декамп, сколько его ужасный аппетит. Каждый кусок говядины увеличивал силу, которая разрушала мою новую игрушку.

- У тебя нет выбора, - заключил он, - ты вернешься. Но сначала ты должен туда поехать.

- Ну-ну, продолжай, - сказал я. Нечто подобное мне и хотелось услышать.

- Именно так я говорил себе, когда хотел все бросить и уехать в Индию. Но не сделал этого и до сих пор жалею.

- Продолжай...

- Некогда... - отмахнулся он, изучая меню. - Возьму-ка я этот пудинг под названием "летающий остров". И кофе.

Предстояло сделать очень многое. Удивительно, как трудно выбирать якоря. Незначительные детали перемешиваются с действительно серьезными вещами, и неизвестно, как все это распутать.

Например, стоишь перед своим гардеробом и спрашиваешь себя: "Какой взять костюм"? Можно провести три дня, созерцая горы рубашек, свитеров и носков, и не прийти ни к какому решению. Или посещаешь адвоката, который, как говорят друзья, чудесный специалист по разводам. А когда выходишь из его конторы, хочется просто утопиться.

Есть те, кого можно обмануть (...надо немного отдохнуть... побыть два-три месяца одному... ну конечно, Ким согласна, мама...), и те, кому надо сказать правду. Как говорит Гурджиев, есть материальный вопрос ("Я оставил в банке достаточно денег. На следующий квартал хватит. Потом?.. Ну, мы посмотрим. Да, дорогая, страховка оплачена") и есть боль.

С Ким мы говорили и спорили каждую ночь. Иногда со слезами, иногда с гордым безразличием. Часто мы говорили друг другу больше, чем следовало. Потом опять любовь и слезы. Сожаления, и эта ужасная ностальгия. Колебания и наконец упрёки. Что сказала она однажды вечером, три

года назад, или что сделал я в то утро, или что мы забыли сделать или сказать. И опять язвительные слова - или смех, презрение, безразличие, нежность, сожаление, отчаяние. Этот механизм не знал сбоев. Пускаешь стрелу, и мишень летит ей навстречу.

- Почему бы тебе не съездить на два-три месяца?

На испытание.

- Ну...

- Испытательный срок ты имеешь в виду?

- Зачем все разрушать? Послушай, Серж, я сегодня думала. Так иногда говорят: оставляю все и уйду. Но ты не можешь оставить самого себя.

- О, избавь меня...

- Я хочу сказать, тут просто книжная романтика...

- Ким, пожалуйста! Это так мучительно для меня.

- Бедняжка, Извини, пожалуйста, что я причиняю тебе боль...

- Избавь меня от твоего сарказма, ради Бога.

- Я просто думала, что ты меня еще немного любишь и... что ты...

Рыдания не давали ей закончить, и около трех часов ночи она принимала снотворное. Я не принимал, потому что не хотел спать. Мне казалось, что это означало бы уходить от нее дважды. Я долго наблюдал, как она лежит, завернутая в тонкую пелену сна. "Она спит не так, как другие, - думал я. - Может, только она и умеет спать правильно". И я вспомнил...

В то лето бессонница, которая всегда преследовала меня, достигла тревожных размеров. Декамп испробовал все препараты, оканчивавшиеся на "ал" и "иум". Ничто не помогало. Потом однажды вечером в Антибе во время отпуска рядом со мной в постели появилась Ким. Я ощущал волны, которые исходили из ее тела и проникали в мое, принося блаженное ощущение покоя и расслабленности. По утрам я вставал юный, как Адам при сотворении мира. Иногда в середине ночи я открывал один глаз, и где-то в моем мозгу маленькая клеточка шептала: "Прижмись к ней". Спокойно, клетка, не говори ничего, а то я проснусь. И сон снова наплывал на меня.

Рассвет пробивался сквозь шторы. Должно быть, я задремал под утро, потому что меня вернул из небытия звонок консьержки. Прежде чем встать и собрать почту, я долго лежал в кровати, смутно сознавая, что хотя у меня под одеялом есть ноги, руки и все остальное, я совершенно утратил способность управлять ими, не говоря о мыслях, которые ползали по полу, как тараканы.

Но внезапно одна из них укусила меня и пробудила к деятельности. Сегодня утром должно прийти письмо от Терезы. Они приходили не каждый день и были очень странными. Например:

"Мне всегда хотелось построить забор вокруг дома и парка. Лучше всего стену, но это слишком дорого. Недавно я видела в "Лями де Жарден" объявление: продается готовый забор - его нужно только поставить. Я все измерила своими шагами. Получилось семьсот тридцать пять ярдов. Не мог бы ты посмотреть, как он выглядит, и привезти сюда на поезде? Он не займет много места - там только столбы и какая-то очень прочная решетка, которая легко сворачивается".

Последняя фраза была написана настоящими каракулями, потом письмо опять стало очень аккуратным, как будто ее почерк обрел второе дыхание. "Знаешь, что я говорю себе: - Этот забор будет нашим обручальным кольцом, он окружит дом, парк и наше счастье".

Вечером того дня, когда я ходил смотреть забор, меня ожидал сюрприз.

- Я не буду сегодня к обеду, - объявила Ким.

- Почему?

- Что значит "Почему"? Меня не будет дома, только и всего.

- С кем ты будешь?

- Какое это имеет значение? С одним человеком из нашего офиса.

- С Ланжером?

- Да, с Ланжером. Как ты догадался, дорогой?

Боже, как она была хороша, когда совершала свой пчелиный танец перед зеркалом: шаг вперед, шаг назад, шаг в сторону, осматривая себя и добавляя последние штрихи к этой восхитительной картине - и все для Ланжера!

- Конечно, он долго ждал тебя.

- Лучше поздно, чем никогда, не так ли?

Она взяла сумочку и убедилась, что все ненужные вещи на месте.

- Что ты будешь делать, дорогой? В холодильнике есть ветчина и немного пива. Мне надо лететь, я опаздываю.

Я впервые познал поцелуй неверной жены. Как будто черная муха села на подбородок. Потом Ким скользнула в лифт, словно в раскрытую постель.

Вернулась она в три часа ночи слегка пьяная, сверкающая и ледяная одновременно.

- Ты спишь?

- Я не могу спать.

Ей потребовалось не меньше часа, чтобы раздеться и приготовиться ко сну. Все это время она напевала.

- Ты изменила мне? - спросил я, когда она, наконец, легла в постель.

- Я пыталась, дорогой, но мне не удалось...

- Что это значит?

- О, никаких анатомических подробностей. На самом деле мне это удалось. Спокойной ночи.

- Ты не могла подождать?

Уже засыпая, она издала невнятный звук, как будто спрашивая: "Подождать чего?"

Остаток ночи я провел, пытаюсь убедить себя в том, что это не имеет для меня никакого значения. Все к лучшему, мой мальчик. Живаи день за днем, как во время войны. Думай о чем-нибудь другом. Например, о Терезе. Этот забор действительно хорош. Семьсот тридцать пять футов, нет - ярдов. Три фута на ярд. Это будет - трижды пять - пятнадцать, один в уме. Трижды три - девять, и один - десять, трижды семь - двадцать один, и один двадцать два - две тысяч двести пятьдесят футов. А сколько ее шагов?

Наутро я вновь привел мир в движение. Немного воздуха, немного воды. Немного физических упражнений. Немного виски. Кусок мяса - и

вперед, с веселой песней. Улыбочку. Спасибо. Еще раз... Потом был ленич с Канавой.

- Это действительно крупное дело, Серж. Я хочу, чтобы ты знал.

- Весьма признателен.

- И мне хотелось включить тебя в игру... Секунду. Меня не интересуют твои личные проблемы. Послушай: Лакруа пустил в ход свои связи. И еще Дюсюрж. Понимаешь, чем это пахнет?

Для наглядности он стал чертить вилкой по скатерти. Девять пересекающихся треугольников, пять указывают вниз, четыре вверх. Внутри - четыре концентрических круга, в свою очередь содержащие квадрат с четырьмя замкнутыми устьями. Идеограмма. Мандала. Лабиринт, из которого Канава наконец нашел выход: путем разделения, выщепления, резкого изменения общественного мнения, молчаливых соглашений, умно построенных бесед и макиавелиевых комбинаций. Через два месяца появится на свет новая газета. И ему предложили стать редактором.

- А ты будешь редактором новостей. Нет, я не дам тебе говорить. Серж, послушай, это очень большие деньги. Видел бы ты, какие они подписали контракты на рекламу. Он стал перечислять по пальцам, - такой шанс бывает один раз в жизни.

- Ты говорил об этом с Ким?

- Нет-нет, пока все полная тайна. Я боюсь говорить даже с самим собой.

- А может, вы вместе решили подцепить меня на такую удочку?

- Ты идиот или только прикидываешься?

- И то и другое, - признался я.

В качестве подтверждения своих слов я достал из бумажника свое удостоверение журналиста, порвал его на четыре части и протянул обрывки Канаве. Это не произвело на него должного впечатления. Некоторое время он размышлял. Потом внезапно на меня обрушилась целая тирада.

- Почему ты считаешь себя лучше всех? Между прочим, есть и другие люди. С чего ты взял, что они глупее тебя?..

После этого оставалось только одно - напиться. Что мы и сделали.

Поздно вечером, когда я добрался до дома, у меня, должно быть спьяну, возникла странная идея - заняться любовью с Ким.

Это было долгое и мучительное поражение. "Только никаких сравнений", - говорил я себе и шарил во тьме в поисках волшебной страны. Вот как будто проблеск света... я устремился к нему и снова рухнул в пустоту... Потом попробовал еще... Думай - о той - стране - которая - не - принадлежит - никому - которая - принадлежит - только - нам - двоим - где ты - никогда - не был - прежде - и куда - ты - никогда - не сможешь - вернуться - без - Нел - думай - о той - божественной - прогулке - думай - лучше не думай.

Я считал, - хотя каждая вторая клетка моего измученного тела знала, сколь недостойно такое мнение, - что любовь с Ким - это всего лишь блестящий спектакль. Игра потных тел, игра поз и движений, взглядов, запахов, слов. У каждого из нас был свой острый клинок. Лезвие сверкало, звенело, наносило укол в нужном месте и тут же пряталось. Из нашего поединка, напоминавшего борьбу двух львят на солнечной лужайке, мы

выходили изнуренные, иногда пораненные, но здоровые и счастливые - никто не может отрицать этого. И смеющиеся.

Но не сегодня. Ким не знала о моей неудаче - или скорее сделала вид, будто не знает. Она была серьезна и спокойна. И сегодня мы не смеялись. Две фигуры, распростертые на простыне. Вдруг она сказала:

- Серж... что, если бы у нас был ребенок...

Я ждал этого. На самом деле Ким однажды была беременной - через четыре месяца после нашего знакомства. Она просила: "Что будем делать, Серж?" И я ответил: "Как хочешь, дорогая?" - "О, у нас еще много времени..." И мы больше не упоминали об этом.

Я обнял ее.

- Дорогая, от этого ничего не изменилось бы. Мне кажется, мы... Мне кажется, нами движут силы, которые нам не подвластны... Все, что происходит, где-то запрограммировано, а может нет, просто происходит, и все...

- Но если бы у нас был кто-то еще, если...

Это не спасло бы нас. Я встал, чтобы зажечь сигарету, надеясь подрезать крылья ее безумию. Но не тут-то было. Ким взяла зажигалку с ночного столика.

- Иди сюда... Послушай, Серж, давай подумаем сообща... Мы так часто говорили, что состаримся вместе. Ты помнишь? Мы всегда говорили: "что бы ни случилось..." Помнишь? Мы говорили, что у нас будет большой дом на юго-западе, двое или трое детей, старая кухарка.

- Зачем ты об этом?

- Но я не понимаю, что с нами случилось, просто не понимаю.

- С тобой тоже могло такое случиться.

- Не знаю, может быть... Но... Наверное, нет, дорогой. Правда, я думаю нет.

- Что ты хочешь сказать? Что я один виноват? Я это знаю.

- Ты можешь вообразить, что будет со мной?

- Мир полон Ланжеров...

- Ублюдков!

- Не надо, Ким.

- Ублюдок, ты первый начинаешь, а потом говоришь: не надо.

- Ким, довольно.

На следующий день мы договорились пойти к адвокату. Я чувствовал себя не очень уверенно. Но Ким держалась превосходно, безукоризненно исполняя тщательно продуманную роль обманутой, но гордой супруги. Нам нечего было делить - никаких денег. Ответчиком считался я, и это она подавала на развод.

- Получается то же самое.

- Что? То, что вся вина лежит на мне?

- То, что я должна просить развода.

- Ну не мне же его просить.

- А что, если я не стану?

- Ведь мы обо всем договорились!

- Итак! - сказал мэтр Селье, принимаясь за дело. Это был молодой человек с твердым как сталь взглядом, золоченой оправой очков, короткой

стрижкой и тонкими губами, постоянно кривившимися с выражением явного пренебрежения. - Ваш супруг написал эти три письма. В них он выражает свое желание прекратить вашу совместную жизнь. Вам нужно лишь облечь это желание в форму ходатайства - и мы получим быстрое решение без лишних осложнений и взаимных обвинений; развод двух честных, благонамеренных людей, двух личностей, которые - м-м - уважают друг друга и которые - э-э...

В этот момент Ким взглянула на меня. В ее взгляде, полном неизмеримой боли, промелькнул оттенок иронии. Внезапно я увидел нас троих, ее, себя и этого адвоката, словно в объективе телекамеры, установленной в потолке. Звуки еще можно было как-то переносить, но зрелище оказалось слишком гнусным.

- Хватит, - я взял Ким за руку. - Пойдем отсюда...

Мэтр Селье застыл с открытым ртом, вопросительные знаки исходили из его близоруких глаз. Мы очутились на улице, прежде чем он успел что-либо произнести.

Мы шли по авеню Виктор Гюго. Я еще держал ее за руку, почти тащил за собой.

- Что с тобой? Куда мы идем? - Мы почти бежали, пересекая дорогу. - Серж, остановись. Мне больно.

Я отпустил ее руку, когда мы оказались возле церкви Сент-Оноре-д'Эйло.

- Встретимся дома, - сказал я и вошел в церковь.

Конечно не для того, чтобы излить душу Богу. Я сел и стал просто ждать, когда это пройдет. Но что должно пройти? Обстановка в церкви была лишена какой-либо мистики. Люди разгуливали по приделам и довольно громко разговаривали. Не было даже полумрака, который мог бы принести мне немного покоя. В поперечном нефе появилась большая группа детей. Они толкались и кричали. Кстати, кто говорил, что помолитесь за меня? Ах да, старина Бонафу. Я попытался сосредоточиться на Терезе. Статуя тезки немного напоминала ее. Мимо прошел пожилой каноник, волооча ноги. Каноник, дай мне отпущение грехов. Только отпущение грехов не может остановить мысли.

Когда я вышел из церкви, уже смеркалось.

Я пошел по набережной Сены. И тут со мной случился приступ. Сияли церковные свечи, взмывали в небо яркие ракеты, катились огромные колеса, летучие мыши испуганно метались под сводами подземелья. Мой двойник трижды прыгал в воду за какими-то огнями, когда мы проходили по Понт-де-Гренель. Прах еси и во прах отыдеши...

Я вернулся около полуночи, совершенно разбитый. Ким в халате бродила из комнаты в комнату с чашкой в руке.

- Пожалуй, я перееду отсюда, - заявила она.

- Зачем?

- Хочу снять комнату. Это будет для тебя дешевле. И где-нибудь поближе к работе. Хотя, наверное, я куплю машину, какой-нибудь подержанный "фиат"-500. Ты помнишь те деньги, которые мы вложили в государственные облигации? Я ими воспользуюсь. В конце концов, от тебя мне

ничего не нужно. Знаешь, у меня будет комната в индийском стиле: драпировки на стенах, толстые ковры и большой диван.

Ну-ну, давай позли меня, раз не удалось разжалобить. Я прямо-таки видел, как этот придурок Давид Ланжер восседает на индийских подушках, и его рука под музыку Рави Шанкара небрежно скользит за корсаж Ким.

Я опустил в кресло.

- Давай сегодня не ссориться.

На следующее утро я полчаса занимался физическими упражнениями. Стойка на руках, стойка на голове, ножницы, велосипед и так далее. Потом бодрящий холодный душ. За завтраком я завел разговор о Канаве и его новой ежедневной газете. Мы проговорили полчаса, прежде чем поняли, что опоздали. Она опоздала. Мне весь день нечего было делать. Мы уговорились встретиться за ленчем.

Но она не пришла.

- Ой, прости пожалуйста, - сказала она, когда я позвонил ей на работу в три часа. - Я совсем забыла, у меня назначена встреча.

Мы расставались на всю жизнь, а у нее была встреча. Я повесил трубку вне себя от ярости.

Вечер я провел в кино. "Чего ты еще ждешь? Надо просто взять и уехать. Собери чемоданы, сядь в машину. Здесь тебе больше нечего делать".

В семь часов я встел ее возле работы, как обычно.

- Это очень мило с твоей стороны, - заметила она.

Тот же столик в Сан-Жене, за которым мы сидели каждый вечер в течение двух лет. И те же напитки. Виски для меня и джин с тоником для Ким.

- Ну? - спросила она внезапно.

- Ну... Я не ухожу.

- Ты не что?

- Я... Я думаю, нам лучше забыть про это.

- Ты смеешься надо мной?

- Я говорю совершенно серьезно.

- Не верю! - Она одним махом осушила свой стакан. Из глаз ее сыпались искры жгучего фосфора, каждая из которых прожигала дыру в моем черепе. - Объяснись.

- Тут нечего объяснять. - Что я мог ей объяснить? Что она - единственная на свете.

- Ты так считаешь?

- Тебе хочется объяснений типа: я понимаю, что был глуп.

- Нет. - Она наконец рассмеялась. - Конечно нет. Придумай что-нибудь другое.

- Дорогая, будь милосердной.

- А ты милосерден?

- Неужели мы не можем поговорить и пяти минут, не разрывая друг друга на части?

- А ты, значит, не рвешь людей на части?

- Послушай... остановись... мы вылечимся... Мы вернемся назад и начнем все сначала.

- Кого ты жалелась? Меня или себя?

- Обоих.

- Налей мне еще джина.

Алкоголь пробудил в ней все злое и язвительное. Ее взгляд стал острым, как бритва.

- Послушай, мужчина моей жизни. Ты причинил мне достаточно боли. Теперь посмотри на меня хорошенько: я посторонняя. - Она встала и положила сигареты в сумочку. - И для начала будь добр, ночуй в отеле. - Она снова смягчилась. - Пожалуйста, Серж, - и быстро вышла.

XIII.

Эту ночь и последующие я спал у Феррера в его студии. Мне приходилось вставать рано, чтобы привести в порядок комнату, прежде чем придет его ассистент или модель. (Феррер иногда занимался художественной фотографией). Мы вместе завтракали и обсуждали тактику. Я надеялся на Марка. Во-первых, потому, что Ким его любила, а во-вторых, потому, что он знал Терезу и, таким образом, мог оценить всю ситуацию.

- Ты написал ей? - спрашивал он каждый вечер.

- Я пытался.

Но никогда не переписывал свои черновики. Я не знал, что сказать Терезе. На третий день Марк подал идею: нужно написать Бонафу. Конечно, это было бы великолепное решение. Жених, приятный молодой человек из Парижа, через третье лицо уведомляет о разрыве помолвки - прелестная галиматья, но я пытался объяснить Марку, что мое прошлое значило здесь больше, чем мое будущее. Тут речь шла скорее о письме человека, который завершил свой испытательный срок в монастыре и после должного размышления сообщает настоятелю, что не имеет призвания к монашеской жизни. Слишком силен зов мира... И еще я спрашивал тоном моралиста: имеем ли мы право строить свое счастье на несчастье других? Ким была путеводной нитью во всех моих рассуждениях. Я думал, что Марк поймет. И Тереза тоже. Написав адрес на конверте, я спросил себя: "Как ты мог так легко смириться с мыслью о том, что никогда не увидишь ее?" И не мог ответить.

- Серджио, ты слишком много думаешь.

- Я даже не несчастен.

- Не волнуйся, это пройдет.

- Я даже не знаю точно, когда я передумал.

- Скоро узнаешь.

- Что ты имеешь в виду?

- Ты встал на правильный путь, - сказал он. - Чего тебе еще нужно?

- По-твоему, я был болен?

- Да, ты был болен, но теперь выздоравливаешь. И достаточно быстро.

Так же думала и Ким. Она не хотела, чтобы я возвращался сразу. Ей нужен был нормальный, совершенно здоровый муж.

- Будем надеяться, это пойдет тебе на пользу, - сказала она.

В отличие от Терезы она хотела, чтобы все вещи приносили пользу. Кроме того, она, похоже, пыталась пробудить во мне ревность. Это была неглупая идея. По вечерам, когда я снова видел Марка, у меня преобладала одна мысль: он видел ее, говорил с ней.

... Любой человек мог прикоснуться к моей Ким, вдыхать ее аромат, любой, кроме меня. Я остался в карантине, готовый обрить голову, посыпать ее пеплом и на коленях ползти домой. Но это было бессмысленно.

- Ты должен понять, Серджио, у нее еще не прошел шок. Она боится, как бы ты не передумал, - объяснил он, наливая мне виски, от которого я отказался. Это был мой Рамадан, великий пост, период воздержания и покаяния.

Я позвонил Канаве и сообщил, что принимаю его предложение.

- Хорошо, - сказал он, - положишься на меня. Буду держать тебя в курсе. Но я почувствовал, что в его голосе нет прежнего энтузиазма.

Прошло еще два дня. Порой я ощущал огромную и как будто живую пустоту. Обычно это случалось вечером, возвращалась тихая тоска по Терезе, и пульс начинал биться быстрее.

Но за ночь машина исправлялась, и утром я опять был хорошим солдатом, готовым к исполнению своих обязанностей. Я видел вещи достаточно ясно. Тлетворная обитель сумрака, дыма и серного пламени медленно отодвигалась от меня, и с каждым днем ее пары понемногу рассеивались. Наконец Ким позвонила мне.

- Не поужинать ли нам сегодня вместе?

Это был пароль, закодированное сообщение, которое означало, что моя мука подошла к концу. Возможно.

- Послушай, - сказала она, - об этом мы больше не говорим, идет?

Она накрыла примирительный ужин со свечами. Кушанья были самыми изысканными: цыпленок с грибами, суфле, бутылка моего любимого вина. Но все же это немного напоминало ужин на сцене, где актеры делают вид, будто наслаждаются картонным цыпленком. Впервые паузы в нашем разговоре казались напряженными и мучительными. Они вырастали между нами и не давали приблизиться друг к другу. Тогда мы стали строить планы. Мы снимем дом за городом. Или купим, если новая работа окажется доходной. А что будем делать в Рождество? Отпуск на Канарских островах! Когда мы встали из-за стола, она сказала:

- Ты знаешь, я действительно решила родить ребенка. Но я хочу, чтобы ты тоже этого захотел. Только закажи, кого ты хочешь.

С этими словами она протянула мне руки. В колеблющемся свете свечей очертания ее тела сладостно округлились. У меня на глазах появились слезы. Я обнял ее.

- Моя любимая, моя единственная...

- Не надо больше говорить, - мягко попросила она.

- Пожалуйста, прости меня.

- Я тоже не всегда была права.

- Ты всегда была чудесной.

Некоторое время мы молчали. Потом она взглянула на меня, и легкая тень скользнула по ее лицу.

- Скажи, мы правда покончили с этим?

- Да, - твердо сказал я.

- Потому что еще раз я такого не перенесу.

- Мы - самая неразлучная пара на свете.

- Я так всегда и думала.

- Ты была права.

- Я люблю тебя, Серж.

- Я тоже люблю тебя.

- Мне нужно убрать со стола.

- Ты можешь сделать это позже.

Я поддерживал ее гибкое тело, медленно склонявшееся на подушку. На следующее утро в восемь часов тридцать минут зазвонил телефон. Я узнал голос Канавы.

- С чего ты вздумал будить людей на рассвете? Ты что, еще не ложился?

- Я лег и сразу встал. Слушай, Серж, есть серьезные затруднения.

Он говорил долго и без перерыва. Лакруа передумал, у Дюгюржа удар или наоборот. В дело было вовлечено правительство, оппозиция оказала сопротивление. Короче говоря...

- Короче говоря, все кончено?

- Не совсем, но, похоже, идет к тому.

- Забудь об этом.

- Мне очень жаль.

- О, не беспокойся. Это не имеет значения.

- Хорошо, что я не бросил Берни, - сказал он, - Можешь себе представить, в каком бы я оказался положении!

Когда я повесил трубку, мне больше было жаль его, чем себя.

- Кто это? - спросила Ким спросонок, когда я вернулся в постель.

- Хорошие новости - остаюсь в газете.

Я растянул свой отпуск еще на три дня и во вторник появился в издательстве. Возвращение блудного сына. В офисе было новое лицо: высокий, худошавый человек с бородой. Мне он совсем не понравился. Пожав всем руки, я хотел увидеться с Берни, но он передал мне через секретаршу, что занят по горло и, вероятно, поговорит со мной попозже, часов в двенадцать. Тогда я решил пока поговорить с Фернаном о плане следующего номера. Все были очень любезны, но как будто немного встревожены.

Наконец Берни принял меня.

- Ну как, лучше себя чувствуешь?

- Да, все в порядке. Кризис прошел.

- Рад слышать.

Он сидел в кресле, сложив руки на животе.

- Какие у тебя планы?

- Возвращаюсь в стойло.

В этот момент зазвонил телефон. Обычно, когда кто-то был в кабинете, Берни сводил телефонный разговор к минимуму. Но на этот раз он разговаривал минут десять, строчка за строчкой обсуждая статью о некой стареющей звезде мюзик-холла, всегда готовой поймать свою утраченную юность в постели.

- Ну посмотри, ради Бога, - кричал он. - Это совсем не то, что я хочу!

Положив трубку, Берни как будто был удивлен, что я еще сижу перед ним.

- О чем это мы говорили? Значит, ты хочешь вернуться? - Он задумчиво посмотрел в окно. - В принципе это возможно, - заключил он, - но в настоящий момент...

Я почувствовал, как подо мной задрожал стул. Я сел прямо и для поддержки схватился за стол Берни.

- Ты хочешь сказать, что уволил меня?

- Уволил? Ты сам ушел, если мне не изменяет память.

- Но ты не принимал мою отставку всерьез, ты предлагал мне месячный отпуск, помнишь? Теперь я поправился и вернулся.

- Минутку, Сагар. Ты думаешь, газета сама собой, и ты можешь приходить и уходить, когда захочешь? Я несу определенную ответственность. Есть босс, который держит все бразды правления, и есть совет директоров, которые только и ждут, когда я совершу ошибку. И еще одно. Ты, кажется, совсем забыл: этот клочок бумаги во что бы то ни стало должен выходить каждый вторник. Думаешь, легко делать газету с этими примадоннами - они только и могут, что выдавать верхнее "си", когда лучше ничего нет. Или взять твою историю с юным наркоманом из Перпиньяка. Ты исчезаешь на десять дней, а потом у тебя хватает духу заявить, что это был всего лишь предлог для получения отпуска. А если каждый начнет так себя вести? Хороши мы будем. Мало того, - голос Берни поднялся до визга, - ты бросил меня без предупреждения. А теперь, ощутив нехватку месячного чека, возвращаешься и ожидаешь, что все будет по-прежнему. Мне очень жаль, старина. Но, во-первых, я уже взял кое-кого на твоё место, а во-вторых...

Он не стал продолжать, что во-вторых, а мне не особенно хотелось знать.

- Значит, это тот тип с бородой? - спросил я.

- Какой тип?

- Мой преемник - тот тип с бородой?

- Допустим.

- А что во-вторых?

Он сопел, как старая собака, свернувшаяся у огня. В тишине можно было слышать нестройный гул машин с улицы. Берни тщательно выбивал трубку, которая никогда не покидала стола и которую, насколько я помнил, он никогда не курил.

- Послушай, Сагар, ты мне всегда нравился, ты многое сделал здесь, но... Как тебе сказать? Я не думаю, что ты идеально подходишь для такой работы. Нет, не думаю.

- Что ты имеешь в виду?

- Видишь ли, журналистика это больше, чем работа. Это призвание, это священнодействие.

- О, Андрэ, избавь меня от этого.

- Это не девушка, которую можно бросить, а потом взять снова, это жена.

- Я восхищен твоим тактом... - Как и все, он знал причину моей временной депрессии. - Какого дьявола ты тогда просил меня остаться?

- Я думал, ты перешагнешь через это.

- Я же перешагнул, черт подери!

- Не кричи. Ты уйдешь при первой возможности, потому что ты не настоящий профессионал.

- Спасибо. - Я встал.

Затем он сделал нечто, совершенно для него необычное: он встал и проводил меня до двери.

- Как только появится свободное место, обещаю, дам тебе знать. Можешь на меня положиться.

- Все будет хорошо, - сказала Ким в тот вечер за обедом. У нее было радостное весеннее настроение. Она опять стала моей Ким из Антиба, глаза ее сияли, как прежде. Я не мог припомнить, когда в последний раз видел ее такой. Она рассказывала мне свои новости: о войне между макси и мини, о реакции американской публики и политике мистера Фэргайлда, о том, что ей сказал по телефону лондонский корреспондент, и о ее идее, которая понравилась Лурье. Она говорила о костюме, который заказала у Унгаро, - там все невероятно дорого, но, я уверена, тебе понравится, - и о Сильвии, своей ассистентке, которая собиралась выйти замуж и попала на взятке за квартиру. Под конец Ким перешла к главному.

- Мы устроимся. Моего заработка нам хватит, чтобы питаться и платить за квартиру.

- Более-менее. Но есть еще подоходный налог, твоя одежда, страховка, телефон, расходы на машину, техники, рестораны, отпуска - все излишества, которые стоят уйму денег. И скоро наступит Рождество, а я еще буду без работы.

- Почему бы тебе не написать что-нибудь самому?

- Я давно отказался от этой затеи.

- Может, попробовать кино? У тебя богатое воображение.

- У тебя тоже.

- Ну, не волнуйся! И не делай такое лицо. Давай-ка сходим выпьем куда-нибудь. Тебя нужно немного расшевелить.

Она пошла к шкафу выбирать себе платье. Внезапно ее лицо исказилось от боли.

- Ой! - вскрикнула она.

- Что случилось?

- Ничего.

Она приложила ладонь ко лбу.

- Надо принять аспирин. - Она пошла в ванную, бросила в стакан с водой две таблетки и, поморщившись, проглотила их.

- Голова как в тисках.

- Тогда давай не пойдем.
- Нет-нет, сейчас все пройдет.

Ким посмотрела на себя в зеркало. Она была очень бледна, в уголках рта обозначились две складки. Она пошатнулась, ухватила за край ванной и вдруг у меня на глазах упала в обморок.

XIV.

Электрэнцефаллограмма. В тот день двадцать девятого ноября именно это магическое слово должно было все прояснить, так заверял меня Декамп. Линотимия - ничего страшного. Он знал по меньшей мере триста человек, с которыми это случается регулярно. Человек падает в обморок без каких-либо видимых причин. Раньше таким людям давали нюхательные соли, теперь используют электростимуляцию и т.д. (Кардиологические исследования ничего не дали и теперь электрэнцефаллограмма - я не мог произнести это слово менее чем в три приема - должна была наконец вывести нас на путь истинный).

Поэтому мы оказались у Кхункеля, гения и как будто главного специалиста в этой области, приехавшего двенадцать лет назад из Венгрии. Ким была опутана бесчисленными проводами, соединенными с записывающей аппаратурой. Две молодые сестры настраивали приборы и обсуждали фильм Труфо. Сам Кхункель, как мне сказали, прибудет позже, чтобы проанализировать записи.

Процедура началась. Многочисленные маленькие иголки принялись чертить зигзаги по медленно двигавшейся широкой бумажной полосе.

То тут, то там одна из девушек ставила на записи большой красный крест, и у меня переставало биться сердце. Неужели опухоль? Ким закрывала глаза. Большие лампы были наведены на ее лицо.

- Однообразен, - заключила вторая сестра и - бах! - еще крест!

Мы очутились в кабинете великого человека. Кхункель оказался низеньким, удивительно подвижным человечком с круглым лицом, напоминавшим портрет Пикассо - фас, профиль и вид сзади одновременно. Он развернул лист бумаги и принялся его изучать, быстро вертя головой во все стороны, как птица.

- Нормальная запись, - заключил он. - А как насчет крестов? Кресты оказались просто стандартными метками.

У моей жены был довольно хороший мозг. Кхункель казался разочарованным.

- Но какие у нее симптомы?

Я рассказал. Потение, головная боль - как будто в голове ползают мелкие насекомые, бессонница, иногда очень сильная бледность. Кхункель улыбнулся.

- Возможно у вашей жены слишком много работы или нарушен обмен веществ. Ей давали кальций? Тогда сходите к Дронеру. - Он набросал записку коллеге, другому гению, который был специалистом по щитовидной железе. "Как можно болеть, - подумал я, - когда есть столько гениев,

которые хотят тебя исцелить?" Потом Кхункель выписал огромный рецепт. Снотворное, тонизирующее, успокаивающее и т.д. Все вместе обошлось мне в 500 франков.

- Ты обратил внимание? - заметила Ким, когда мы выходили, - он пишет такими же зигзагами, как его машина.

Она была права. Я взглянул на сейсмографические линии, и мы оба рассмеялись. Потом я разорвал рецепт и выбросил обрывки в урну. Когда мы пришли домой, я сказал, что у меня сегодня встреча в центре города. И это было правдой. Десэн, издатель "Эко дю жур", согласился меня принять. Он был четвертым издателем, с которым я встретился за последние две недели. Никогда не ходите к издателю, если вы не способны внушить ему, что можете написать все - от заголовков до имен и адресов владельцев внизу на последней странице. Политика, спорт, театр, житейские истории, скандалы, война в Лаосе, мореплавание, телевидение, мелкие объявления - вот ваша специализация. И вы обладаете достаточной энергией, чтобы постоянно выдавать сенсации.

Десэн не удостоил меня личной встречи, но послал одного из своих янычаров, который спросил, знаю ли я что-нибудь о лошадях. Газета только что лишилась своего специального корреспондента по скачкам, а платить за профессионального специалиста издателя не хотели. Я подумал о 500 франках, которые уплатил Кхункелю, и прочих расходах из-за болезни Ким - никто не мог сказать, когда эта болезнь кончится - и совершил один из самых постыдных поступков в своей жизни. Мое лицо расплылось в фальшивой улыбке:

- Я просто обожаю скачки.

- Хорошо, - неуверенно произнес он, пристально разглядывая меня и пытаясь определить, какой тип мошенника я представляю. - Посмотрим, - и он предложил мне написать пробную статью о Новом сезоне в Стейе.

Мое произведение было отвергнуто. Потом пришло уведомление из банка о превышении кредита. Я не знал, куда еще обратиться, и наконец сделал то, что надеялся никогда больше не делать.

Я пошел к Берни. Мне было известно, что газета всегда нуждается в людях, которые могли бы написать то же самое немного лучше. С этого я и начал двенадцать лет назад. Ну что ж, придется вернуться к истокам.

- Посмотри это, - сказал Берни, открывая папку. - Кстати, как там Ким? - добавил он, тем самым показывая, что и ему не чуждо сострадание.

Пробежав глазами статью об оргиях старой солистки мюзик-холла и время от времени бросая отрывистые реплики, я чувствовал как вокруг моей головы вырастает нимб. Интересный материал, его следовало только немного отшлифовать.

- Тебе будут платить обычную ставку, - сказал Берни.

Я сунул листы бумаги в карман и встал.

- Завтра принесу. Могу я получить аванс?

- Завтра, - сказал он.

- Я это и имел в виду.

К двум часам ночи, переписав восемь страниц, я услышал необычный звук. Что-то упало с ночного столика и разбилось.

Я бросился к кровати и увидел, что Ким мечется в лихорадке. Ее левая рука была напряженно вытянута в сторону, правая сжимала горло. Ким задыхалась. Воздух проникал в ее легкие с долгим свистом, и каждый вздох казался последним. Безумные глаза смотрели сквозь меня. Внезапно под действием спазма ее тело выгнулось и упало на простыню. После этого дыхание стало легче, лоб покрылся испариной.

Когда мы прибыли в больницу на скорой помощи, Декамп был уже там. Меня попросили подождать в маленькой комнатке на первом этаже, и он вышел ко мне примерно через час.

- Я устроил ее в отдельной палате, - сказал он. - Ей дали кислород, и теперь все в порядке. Она уснула.

- Что с ней, Роже?

- Не знаю. Но мы обязательно выясним. Завтра привезу к ней Пруста. Давай-ка выпьем чашечку кофе.

Мы прошли по рю де Севр, но там не оказалось ни одного открытого кафе. Говорил один Декамп.

- Видит Бог, мы проверили все. Возможно, что-то со спинным мозгом.

- Что это значит?

Он пожал плечами.

- Давай, я провожу тебя до дома.

На следующий день в одиннадцать я принес статью. Берни прочел, и ему понравилось. Он позвонил в расчетный отдел и попросил, чтобы мне дали небольшой аванс, потом открыл другую папку - "Андропауза у пожилых мужчин".

- Это большая тема, которую мы разделим на три выпуска. Сейчас мне нужно немного исторических документов. До какого точно возраста спал с женщинами, к примеру, Луи XVI и тому подобное. Ты понял, что мне нужно? Я знаю, такая работа гораздо ниже твоих способностей, и у меня есть много людей, которые могли бы ее сделать, но если это как-то поможет... Тебе, вероятно, придется посидеть пару вечеров в Национальной библиотеке.

- Спасибо, - сказал я. - Очень тронут.

- Чем могу...

Из редакции я поехал прямо в больницу. Ким только что сделали люмбарную пункцию, и она очень ослабла. В вену левой руки у нее была воткнута иглолка, соединенная с капельницей, а правую она протягивала мне, пытаясь улыбнуться.

- Зажги свет, - попросила Ким.

- Но... сейчас день.

- Ах да, конечно...

Она взглянула в окно.

- Что сказали доктора?

- Они сказали, что ты самый очаровательный пациент в больнице.

- Нет, серьезно, Серж, я не могу оставаться здесь.

- Тебе нужно здесь остаться только, чтобы сделать все эти анализы. А потом я сразу заберу тебя домой.

- Я хочу быть с тобой.

- Вот, принес тебе ночную рубашку и туалетные принадлежности.
- Я хочу умереть возле тебя.
- Не говори глупостей, дорогая. Все пройдет через несколько дней.

Голова еще болит?

- Нет, теперь лучше.
- Вот видишь.
- Вчера ночью я решила, что это конец.
- Прекрати об этом, слышишь.

Роясь в своей сумке, она как будто начала оживать.

- Ты просто умница. Позаботился обо всем. - Она выбрала тюбик крема и намазала им лицо.

- У меня, наверное, ужасный вид?

Вошла сестра и поддразнила Ким:

- Прихорашиваетесь для мужа?

Потом она сделала вид, будто поправляет постель, еще немного посто-
яла просто так и наконец объявила:

- Вам пора уходить. Ей нужен покой.

Выйдя из палаты, я захотел встретиться с главным врачом больницы, но он был очень занят, и меня просили подождать. Я ждал в коридоре больше двух часов, пока он не освободился. Это был высокий коренастый пожилой человек, с впалыми щеками, редкими седыми волосами и наив-
ным детским взглядом.

- Вы принесли историю болезни? Очень хорошо.

Он раскрыл карточку. Там были результаты исследований за послед-
ние три месяца, даже рентгеновский снимок лобных пазух, на котором
настоял какой-то идиот. Всевозможные анализы, электрокардиограммы,
рентген почек, анализы мочи, крови, лимфы, эндокринных желез и т.д.

Он пролистал все это с быстротой профессионального шулера, кото-
рый выискивает в колоде джокеры. Некоторые карты ему явно не понрави-
лись.

- Я бы не стал продолжать в этом направлении. - Он имел в виду тест
на надпочечники. По-видимому, в карточке не оказалось ключа к дальней-
шим исследованиям. Главный врач пожал плечами и вернул ее мне.

- Но у меня есть одна идея. - Он оживился, очевидно радуясь своей
идее. - Довольно редкое заболевание, но мы не можем делать никаких
выводов, пока не получим результатов последних анализов.

Я хотел знать, что это за болезнь. Насколько она серьезна. Доктор
скривил губы:

- Мы достаточно вооружены, чтобы справиться с ней. - Он взглянул
мне прямо в глаза. - Видите ли, я могу и ошибиться. Зайдите через четыре
дня, тогда все прояснится.

Выходя из больницы, я сказал себе, что должен как можно скорее
окунуться в работу, если не хочу сойти с ума. Андропауза королей Фран-
ции вполне подойдет. Я отправился прямо в Национальную библиотеку и
провел весь вечер, делая заметки. Было темно, когда я покинул библиотеку
и зашел перекусить в кафе на углу рю де Валуа. И тут в моем мозгу
совершенно отчетливо обозначился один вопрос (он прошел долгий путь

из глубин подсознания, преодолел все барьеры и выбрался наружу. Теперь он заговорил с неумолимой логикой долго отвергавшегося факта: "Почему ты не хочешь признать истину?"")

Не доев сандвич, я выбежал из кафе и взял такси, потому что был неспособен вести машину. Когда я добрался до больницы, было около семи часов.

Пришлось ждать еще четверть часа, прежде чем меня пропустили.

- Неприемные часы, - сказали мне. Но я настаивал.

Девушка на коммутаторе встала и ушла поговорить со старшей сестрой. Другие посетители разговаривали приглушенными голосами, кто-то читал карточку. Наконец мне позволили пройти. Осторожно открыв дверь палаты № 12, я словно оказался в склепе. Сердце бешено заколотилось. Ким лежала в полутьме ночника, и взгляд ее больших влажных глаз был устремлен в потолок. Увидев меня, она попыталась улыбнуться.

- О, ты здесь, - сказала она, словно это была величайшая радость в ее жизни.

Осторожно, словно самый хрупкий и драгоценный предмет в мире, я слегка приподнял ее и прижал к себе. Когда я попытался отпустить ее, она вдруг щепнула мне на ухо:

- Знаешь, я скоро умру.

- Не говори глупостей.

- Нет, я знаю, с тех пор я точно знаю.

- С каких пор?

- С тех пор, как появился этот трамвай.

- Расскажи мне, что за трамвай?

- Я не могу больше бороться. У меня нет сил. Я так хотела... - она откинулась на подушку и сделала три глубоких вдоха. - Я так хотела быть тебе хорошей женой, как другие жены. - Она взглянула на меня в упор. - Трамвай у меня в правой ноге. И его воля сильнее людей.

Ночная сестра вошла так тихо, что я не заметил.

- Вам лучше уйти, - мягко сказала она. - У нее очень высокая температура, она бредит.

Когда он поворачивает, троллейбусы подпрыгивают... - продолжала Ким. Там так вспыхнуло... а теперь... о... - она схватилась за живот. - Все рельсы погнулись.

- Уходите, будьте благоразумны, - сестра вытерла Ким лоб.

Я покинул палату.

Пройдя по рю де Севр и еще каким-то улицам, я неожиданно очутился на вокзале Аустерлиц. Часы показывали десять ноль ноль, и поезд отправлялся в десять десять. Я открыл бумажник. Да, слава Богу, там были четыреста франков, которые раздобыл для меня Берни. Я подошел к кассе и взял билет.

Одна дверь, потом другая. И еще одна. Последняя - двойная, обитая войлоком дверь следователя. Целый месяц я рассказывал свою историю следователю Жилоти (он скорее напоминал доктора, чем юриста) и не мог понять, зачем он вновь и вновь вызывает меня.

Преднамеренность. Вот в чем был главный вопрос. И каждый раз я повторял все ту же историю. Как сошел с поезда в Мулене. Почему в Мулене? Потому, что поезд шел слишком медленно. Я торопился, разве это не ясно? (Тут он не соглашался). Поезд был очень старый и простаивал часами у каждого светофора. Пробивая мой билет, контролер сказал, что я буду в Тузуне не раньше девяти утра после двух пересадок. А я спешил, все могла решить одна минута. Да, я знаю, что уже говорил это.

Выйдя на большой станции до полуночи, я имел шанс найти машину. У меня с собой была чековая книжка, а с чеками, даже при превышенном кредите, можно взять машину на прокат. В Мулене мне сначала не повезло с двумя владельцами гаражей, потом, наконец, я получил "рено" 16 и помчался по дороге на Клермон-Ферран. Я прибыл в Тузун в шесть утра.

Теперь канистра с бензином. Жилот придавал особое значение этой канистре. Он даже не поленился и специально выяснил, дают ли обычно в таких случаях лишний бензин. Нет, не обязательно, только если попросит клиент. Но просил ли я? Служащий гаража в Мулене сказал, что просил. По вполне естественной причине, я стремился попасть в Тузун кратчайшим путем и не знал, найду ли среди ночи заправочную станцию. Я согласен, что канистра с бензином у меня была, и что фактически она не понадобилась, поскольку в Тузуне я нашел открытую заправочную станцию и наполнил бак.

Когда я прибыл в Тузун, было еще темно. В двух окнах на первом этаже горел свет. Чтобы узнать это, я должен был обойти дом, поскольку окна кухни выходили на задний двор. Но еще прежде, чем обойти дом, я знал, что эти люди не спят. Или чувствовал, если хотите.

Я тихо подошел к окну и увидел их всех троих. Фу и Бонафу сидели за столом и ели, а Тереза подавала. Казалось, у них было прекрасное настроение, но это, я согласен, чисто субъективное впечатление. Во всяком случае они набивали брюхо холодным мясом и сыром, а на столе стояла бутылка вина. Я очень ясно помню, что Тереза подала омлет, превосходный толстый омлет. Потом она села и сама стала есть.

Почему у них был такой пир в шесть утра?

В этом месте начинался спор со следователем.

"Они" дали показания. У них просто-напросто был завтрак. Они только что встали. Но это не походило на завтрак, - возражал я. Скорее это было пиришество общины, которая провела ночь в напряженном труде. Я делал особый упор на слове "община" и однажды даже сказал "обряд" вместо "труд".

Я утверждал, что в кухне царило радостное оживление. Но следователь только пожимал плечами: Я не мог убедить его. Такая пища и столь отменный апетит - это довольно странно.

Следователь пожимал плечами.

Но у меня был еще один аргумент. Версия завтрака предполагала, что Фу и Бонафу спали в этом доме, чего прежде никогда не случалось. Правда, согласно их показаниям, в течение последних двух недель – то есть с тех пор, как я порвал с Терезой – двое мужчин не хотели оставлять девушку одну. И она сама попросила дядю пожить немного в ее доме, а старый садовник, живший в городе, завтракал с ними перед своей дневной работой.

"Перекусывал" – такое выражение фигурировало в его показаниях.

У меня не было причин отрицать это, и мы возвращались к проблеме преднамеренности.

- Что вы намеревались делать, прибыв в Тузун?

Я еще не знал, но зрелище этого ночного празднества превратила ненависть, которая давно таилась во мне, в безумное стремление убить. В такие моменты поступки человека мотивируются простой мыслью. Моя простая мысль была такова: они тут набивают брюхо, а моя Ким лежит и умирает. Из-за них.

- В этом пункте...

- Я знаю.

Вернемся к дому. Сам дом казался мне каким-то злобным живым существом. Его крыша, покрытая черепицей, красные кирпичи, облезлые ставни, ряды бурых камней фундамента – все это дышало спокойной, самодовольной, даже насмешливой силой.

Следователь пожал плечами и спросил:

- Итак, вы вернулись к машине?

Здесь неожиданно возникла другая простая мысль. Но одному Богу известно, из какого глубокого уголка моего подсознания я ее извлек! Жилот однажды сказал:

- Я полагаю, вы с самого начала действовали в одном направлении, хотя, возможно, не вполне сознательно. Надеюсь, мнение эксперта-психиатра прояснит этот момент.

Ассоциация колдовства с огнем явилась из глубин средневековья, чтобы в одно прекрасное декабрьское утро поселиться в моем разлаженном мозгу. Неведомым образом во мне пробудился древний инстинкт: очищение огнем. Следователь настаивал:

- Здесь мы подходим к вопросу о вашем возможном безумии, не так ли? Поэтому важно получить максимально ясную картину.

Все было предельно ясно: я вылил немного бензина на деревянную дверь гаража – это был даже не настоящий гараж, а просто сарай, заваленный какой-то старой мебелью. Взглянув на него и определив направление ветра, я подумал, что старое дерево загорится очень быстро, и ветер погонит пламя к главному зданию. Пока это было все, чего я хотел: выкурить крыс.

Именно так и случилось.

Но здесь я всегда останавливался. Я видел, как в темноте поднялся черный дым, сначала робко, потом под сараем взметнулось большое желтое пламя. В доме еще ни о чем не подозревали. Я слышал треск горящего

дерева. Что-то радостное было в этом звуке, но сопровождавший его запах предвещал трагедию. Вдруг Бонафу встал и открыл дверь кухни. Облако черного дыма окутало его.

Они на минуту застыли, глядя друг на друга, и я увидел, что их губы шевелятся. Потом все трое высочили во двор (я спрятался за выступом стены), и двое мужчин побежали к парку - вероятно, чтобы получить более ясное представление о размерах бедствия. Тереза не последовала за ними. Она стояла во дворе, стиснув руки и как будто пытаясь переломать по очереди все пальцы. Она очень любила этот дом...

Бонафу вернулся и крикнул, - теперь я мог слышать его, - что поедет за пожарной командой. Он велел Фу развернуть пожарный шланг и еще что-то сказал Терезе. Мужчины побежали в разные стороны, Фу к заднему двору, Бонафу к подъезду, где стояла его машина. А Тереза смотрела на огонь, который атаковал здание с другой стороны. Тогда я подошел ближе.

Треск усилился. Свет пламени озарял лицо Терезы. Она увидела меня. В ту минуту я не мог понять, ненависть или любовь смешались в ее взгляде с безумной пляской огня. Я вспомнил, как тогда, первый раз в хижине, в глазах Терезы появилось такое же выражение. Потом в моем мозгу с возрастающей быстротой пронеслось все остальное, и в конце оказалась пустота. Я спокойно заглянул в бездну, и из нее поднялась одна мысль - о том, как все должно кончиться.

Тереза попыталась заговорить, но я закрыл ее рот рукой. Она не сделала ничего, чтобы помешать этому. Казалось, мы оба приняли неизбежное, и когда я начал потихоньку подталкивать ее к огню, она не сопротивлялась. Страх как будто покинул ее.

Потом я споткнулся о камень и чуть не упал. И чарам пришел конец. От прекрасного признания неизбежного не осталось и следа. Исчезла наша героическая решимость - ее умереть, и моя убить. Она попыталась бежать, но я поймал ее, и в моих руках оказался комок нервов. "Нет! Нет!" - кричала она. Но шум огня был столь громким, что Фу ничего не услышал. У меня возникло сильное искушение отпустить ее. "Нет, ты не сделаешь этого, - возразил очень спокойный голос в моем сознании. - Ты пришел сюда, чтобы спасти то, что еще можно спасти". И я еще сильнее сжал ее руку. Жар гигантского костра был совсем близко. Пламя оставило главную часть здания и перекинулось на кухню. Остальное было чистым кошмаром.

Расширившиеся глаза Терезы, когда я втолкнул ее в раскрытую дверь, охваченную пламенем. Отчаянная попытка вырваться - я помешал ей. Тереза была сильной. Я почувствовал как ее ногти впились в мое ухо. Кровь потекла у меня по шее. И тут я понял, чего добивалась Тереза. Она хотела увлечь меня в огонь. Мысль о том, что Тереза способна убить меня оказалась почти умиротворяющей, мне требовалось не много, чтобы со всей страстью покориться ее воле. Но потом я увидел, как возвращается садовник, разворачивая свой бесполезный шланг. Фу не видел нас и не слышал, когда Тереза позвала его. Но он пошел в нашу сторону, двигаясь словно краб и направляя струю воды в основание пламени.

У меня возникла странная мысль: он не должен застать нас в этой фантастической позе. "Любимая! - крикнул я. - Любимая, остановись,

отпусти меня". Чтобы освободиться я привлек ее к себе, а потом с силой толкнул в огонь. Тереза упала, и пламя моментально вспыхнуло вокруг ее лица. Я повернулся и побежал прочь.

- Есть два возможных подхода. Два пути, приводящие к одному результату. - Она изобразила их на листе бумаги. - Есть магический подход и есть психоаналитический. Две интерпретации одного феномена. Что и следовало ожидать, потому что любовь - она обвела свой рисунок кружком, имеет отношение и к колдовству, и к психоанализу.

Она приехала специально из Парижа по просьбе моего адвоката. Это была женщина лет сорока с не очень привлекательным, почти мужеподобным, но умным лицом, иногда озарявшимся чудесной живой улыбкой. Она оказалась полной противоположностью больничного психиатра, который задал мне множество вопросов, в основном о детстве, половой жизни и военной службе во время алжирской войны. Мой адвокат запросил мнение второго эксперта, и она - доктор Мадлен Саваж - не задавала вопросов, только слушала.

Она три дня слушала мою историю - этого было бы достаточно, чтобы усыпить любого. Иногда она делала короткие замечания или просила пояснить некоторые моменты. Кажется, она верила тому, что я говорил. Это было для меня неожиданно: впервые моему рассказу кто-то верил.

На четвертый день она пришла в мою камеру как обычно в три часа. Меня поместили в новое крыло старой тюрьмы, и камера была относительно комфортабельной, по крайней мере чистой. Доктор Саваж положила на стол свою папку, достала блокнот, пачку "Лаки Страйк" и принялась ходить взад-вперед между дверью и окном.

- Магический подход, - продолжала она, - предполагает восковое изображение и заклинания, которые произносит ослепленная страстью или ревностью женщина, чтобы избавиться от соперницы. Мы можем верить или не верить в эффективность такой практики, но мы не можем отрицать ее существования. Колдовство представляет собой средство устранить препятствие между вами и объектом вашего желания. Или, по крайней мере, попытку сделать это.

Она задержалась на минуту у окна, потом повернулась и подошла ко мне. Я сидел на краю кровати.

- А теперь психоаналитический подход. С этой точки зрения именно вы хотели избавиться от препятствия. Здесь имеет значение ваше желание. С того дня, как вы полюбили Терезу, вашим бессознательным желанием было убить вашу жену, потому что она (а точнее ваша сильная любовь к ней) встала на вашем пути. Таким образом, одна любовь у вас оказалась лишней.

Сделав небольшую паузу, она продолжала.

- Очевидно ваше сознание отвергало эту мысль, и, как обычно бывает в подобных случаях, вы нашли выход: выстроили вокруг своего бессознательного желания целый сценарий. И опять как обычно вы построили его из того материала, который был под рукой. Люди никогда ничего не выдумывают, они просто берут то, что находят. Например, историю о рабочем с фермы. Рабочий и вязальная игла наложили свой отпечаток на

нашу встречу с Терезой. Позже, когда у вас появились подозрения, вы стали читать книги по оккультизму. Вся информация, которую вы нашли, начала концентрироваться вокруг одного ядра, создавая некое подобие научного обоснования. Фактически вы переносили свое желание совершить убийство - желание убить жену - на Терезу. Вы убедили себя, что именно Тереза хочет убить ее. Все упростилось, когда вы потеряли конверт с волосами и фотографией вашей жены.

- Да, - усмехнулся я. - Подумать только...

- Вы потеряли его нарочно. Бессознательно, но нарочно.

- И моя жена заболела нарочно - в тот же момент?

- Если всякий раз, когда кто-то заболеет...

- Значит, это совпадение?

- Послушайте, нужно принимать вещи такими, как они есть.

- Какие вещи?

- Эту... ошибку.

- Бедная невинная девочка поплатилась за других? Эту ошибку вы имеете в виду?

- Какие у вас доказательства? - Ее тон внезапно стал резким. - Есть ли у вас хоть одна улика? У рабочего по крайней мере нашли иголки и проколотую фотографию. Но в вашем случае не было ничего подобного.

- Когда я оставил жену в больнице, она умирала. Ни один доктор не мог определить, что с ней. А теперь она жива-здоровая. Выздоровела. Прекрасно себя чувствует. Я хотел спасти ее, и я ее спас. Мне не надо доказательств, и я рад, что сделал это.

- Теперь вы пытаетесь оправдать смерть Терезы. Этот путь вам ничего не даст.

Слезы навернулись у меня на глаза.

- Я убил ее не просто так, доктор.

- Да, - сказала она спокойно. - Вам нужно было избавиться от нее, потому что вы не смогли избавиться от другой... - И она захлопнула свою папку. - На этом моя работа завершается. Я и так превысила свои полномочия.

Похоже, ей стоило немалых усилий сдерживать свои эмоции. Уходя, она обернулась и попыталась улыбнуться.

- Нельзя любить двух людей одновременно. Рано или поздно наступает момент, когда то, что вы хотели подавить, снова всплывает на поверхность. Это мы и называем психозом. Во всяком случае, таковы будут мои показания. Надеюсь, они вам помогут.

Сегодня ко мне пришла Ким. Обычно она приходила по вторникам, но в прошлый вторник она была в Лондоне по делам, поэтому ей позволили увидеть меня в среду.

- Как ты?

Она принесла мне кое-какие вещи: еду, книги, пачку писчей бумаги и толстый шерстяной свитер - по ночам здесь отключали отопление.

- Ты встречался со следователем? Как еда? Ты немного прибавил в весе, дорогой. Наверное, мало двигаешься. Почему ты молчишь?

- Ким, ты тоже думаешь, что я псих?

- Кто тебе наговорил эту чепуху? Психиатр? Ты так же здоров, как и я!

- Послушай, ты веришь?

- Во что?

- В то, что была околдована? Твой ответ для меня очень важен.

- Наверное, ты прав, - пробормотала она, опустив глаза.

- Но ты веришь в это? - настаивал я.

- Ты знаешь, - сказала она безмятежным тоном. - На следующий день ко мне пришел Декамп и показал результаты анализов. Он очень долго объяснял. В конце концов оказалось, что у меня был "калаazar". Это какой-то паразит. Во Франции бывает примерно два случая в год. Декамп считает, что я подхватила его летом в Ибице. Этот паразит живет в селезенке... И можно сто раз умереть, прежде чем кто-нибудь догадается... Но вообще лечение не сложное... Что с тобой? Почему ты уходишь?

- Будь счастлива, - сказал я, - я хочу, чтобы ты была счастлива.

- Серж, свидание еще не закончилось. Почему ты так говоришь? Я не могу быть счастлива, пока тебя нет со мной.

Нам не суждено быть вместе, - сказал я.

- Серж, послушай... подожди минуту.

Но я повернулся и вышел.

Минуту назад я встал и подошел к окну - настоящему окну, хотя на нем решетка. Оно выходит на тюремный двор. Но я увидел то, что хотел. Да, сегодня полнолуние.

Я вернулся к кровати и лег. Обычно в это время оно и начинается. Сначала покалывание в груди слева, как будто игла прочерчивает линию, чтобы потом сделать разрез...

О! Прошлой ночью, например, меня внезапно пронзила непереносимая боль, но она быстро прекратилась. А сегодня начинает покалывать левое плечо.

И я улыбаюсь, потому что ясно вижу их обоих, дядю и старика за работой. Отличная работа, проверенный метод.

Я улыбаюсь, потому что мне известна цель операции: разрезать мое сердце надвое, а затем сшить обе половинки. Непростая работа: скальпель делает свое дело в этом мире, но исцеление приходит лишь в следующем.

ПОВЕСТИ

РАССКАЗЫ

"СВИНОПАС"

ГЛАВА 1

- Воистину, губернатор, с нашими неприятностями покончено, - воскликнул первый фермер. Второй фермер, стоявший чуть сзади, закивал, как бы соглашаясь со словами первого, сорвал с головы шляпу и подбросил ее в воздух, выкрикнув: "Гип-гип, ур-ра!"

- Я ничего не обещаю вам, - многозначительно ответил губернатор Хэйден и ловко подкрутил ус, - ведь я знаю ровно столько, сколько вы. Да, мы обратились за помощью, Патруль ответил...

- И прислал звездный крейсер! Он уже болтается на орбите, а к нам спускается челнок, - перебил губернатора первый фермер. - По мне, так чего еще надо? Главное, что помощь совсем близко!

Небеса прогрохотали в ответ его словам; остроконечный хвост яркого пламени пронзил низко висящие облака, и из них вывалился цилиндрической формы челнок. Люди, толпившиеся по краям взлетного поля, - почти все население Тробоури Сити - принялись громко скандировать приветствия. Пока небольшой корабль, охваченный пламенем, опускался вниз, они стояли спокойно; но, стоило ему коснуться поверхности, взметнув вокруг себя облака пара, и отключить двигатели, они стремительно бросились вперед и окружили челнок.

- Кто к нам пожаловал, губернатор? Банда командос или того почище? - пошутили из толпы.

- Я получил сообщение с просьбой подготовить место для посадки, вот и все. О пассажирах - ни слова.

Последовала настороженная пауза - все следили за тем, как из нижней части корпуса медленно выдвигался трап. Когда он опустился в грязь, наружный люк отъехал в сторону, и на верхнюю площадку трапа выбрался мужчина.

- Их-хэ! - крикнул он, стоя спиной к толпе, и помахал рукой, приглашая кого-то на выход. - Пшли наружу! Быстро! - скомандовал он и звонко свистнул, пробудив ответный хор тонких голосов и визга. Через секунду-другую из люка вниз по трапу ринулись животные. Их спины и зады - розовые, черно-белые, серые, коричневые - покачивались из стороны в

сторону в такт шагам, а копыта гудко стучали по металлическим ступенькам.

- Свины?! - то ли удивленно, то ли рассерженно воскликнул губернатор. - Неужели на корабле одни свиньи?

- И я, сэр, - улыбнулся мужчина, прыгнул с трапа и остановился перед Хэйденом. - Значит, я Брон. Брон Вьюбер. Чрезвычайно рад встрече, сэр. А свиньи, значит, они все мои.

Губернатор внимательно осмотрел стоящего перед ним подозрительного субъекта: высокие кожаные ботинки, потертые, с рождения не глаженные штаны из грубой ткани, потертую некогда красную куртку с многочисленными застёжками, широко улыбающийся рот, чистые наивные голубые глаза свино-фермера.

- Что вам здесь нужно? - требовательно спросил губернатор, как будто позабыв, что Брон только что вылез из челнока, и вздрогнул, заметив в волосах Вьюбера солому. На протянутую руку Хэйденом не обратил внимания.

- Значит, прибыл на поселение. Надеюсь получить разрешение и основать свиное ранчо. А оно, скажу я вам, будет единственным в радиусе пятидесяти световых лет. И чтоб не показаться хвастуном, замечу, что пятьдесят световых лет - расстояние порядочное! - Он обтер выпачканную - в навозе? - правую руку о линялую куртку и вновь протянул ее губернатору. - Значит, я Брон Вьюбер, хотя большинство корешей зовут меня просто Брон. А как вас, сэр, извините, не расслышал.

- Хэйденом, - ответил губернатор, с откровенной неохотой пожимая руку, - губернатор Тробра, - добавил он и растерянно оглянулся на визжащее и хрюкающее стадо.

- Значит, очень рад познакомиться с вами, губернатор. Несомненно, это большое дело, что я попал к вам, - закончил Брон, и, не отпуская руку Хэйдена, радостно замахал свободной рукой вверх-вниз.

"Зрители", собравшиеся на взлетном поле, начали разочарованно разбредаться. Одна из свиней, огромная, круглая, как бочонок, свиноматка, побежала вслед за толпой; мужчина, шедший позади всех лягнул ее ботинком с железной подковой. Пронзительный визг свиньи словно жужжащая электропила, рассек воздух.

- Эй, перестань! - выкрикнул Брон, обращаясь к своей подопечной. Рассерженный мужчина, решив, что окрик Брона предназначался ему, повернулся и пригрозил Вьюберу кулаком.

Жители Тробра Сити быстро рассаживались по машинам и грузовикам.

- Очистить территорию! - взревел голос из динамика. - Взлетаю через минуту. Повторяю, через шестьдесят секунд включаю зажигание.

Брон свистнул и указал свиньям на рошу, зеленевшую на краю взлетного поля. Свиньи захрюкали в ответ; самые нетерпеливые помчались к деревьям, но большая часть стада, окружив Брона и Хэйдена, неспешно двинулась к краю поля. На площадке, от которой начиналась дорога, стояла лишь машина губернатора. Вьюбер о чем-то спросил Хэйдена, но

слова заглушил рокот двигателей, смешавшийся с оглушительным визгом испуганных свиней. Дождавшись тишины, Брон повторил вопрос:

- Значит, захватите меня в город, сэр? Надо бы зарегистрировать требование на землю и остальные бумаги.

- Вы бы не стали хотеть поступать так, - ответил рассерженный губернатор, коверкая слова. Он судорожно пытался найти повод, чтобы отделаться от этого грубоватого олуха. - Это стадо, ваша собственность, наверное стоит больших денег? Не бросите же вы здесь своих свиней?

- Хотите сказать, у вас тут много жуликов и ворья? - удивился Брон.

- Я этого не говорил, - огрызнулся Хэйдэн. - Жители Трубри Сити настолько скромны и законопослушны, насколько возможно. Но вы должны понять - наш рацион беден мясом, а вид бегающего и хрюкающего бескона...

- Во-во, губернатор, и я о том же - желание полакомиться свининой за мой счет - преступление. Мое стадо состоит из свиней лучших пород, какие только можно купить: вы, как представитель власти, отвечаете за то, чтобы ни одно животное не попало под нож. Ведь совсем скоро каждая особь станет прародителем бесчисленных стад...

- Только не надо читать мне лекций по животноводству. Я на службе, и в городе меня ждут неотложные дела.

- Не смею задерживать такого приятного собеседника, спешащего по своим большим делам, - Брон улыбнулся - широко и глупо. - Значит, договорились, до города вы меня подбросите, а уж обратно, не беспокойтесь, доберусь сам. С моими свинками ничего за это время не случится: они сами позаботятся о себе и с удовольствием пороятся в этом лесочке.

- Мое дело предупредить, - пробормотал Хэйдэн и забрался в электромобиль. Он раздраженно следил, как Брон, распахнув дверцу машины, залез на соседнее сидение. - Послушайте! Вы, наверное, оставили свой багаж на корабле?

- Очень приятно, раз у вас такая обо мне забота, - улыбнулся Брон и кивнул на стадо. Свиньи потихоньку разбрелись и с явным удовольствием рылись в лесном перегное. Губернатор заметил на спине самого крупного борова подобие седла, а на боках два длинных чемодана.

- Многие просто не догадываются, на что способны свиньи. А ведь на Земле их используют, как вьючных животных вот уже несколько тысячелетий. Значит, сэр, едва ли есть такое же многостороннее животное, как свинья. Даже древние египтяне с их помощью вроде как пахали. Маленькие, острые и очень твердые копытца запросто втапывали семена в мягкую почву.

Губернатор Хэйдэн вдавил педаль газа и погнал электромобиль в город под нескончаемый буколический экскурс в свинологию, который эхом разносился по кабине.

ГЛАВА 2

- Здание Муниципалитета? - восхищенно спросил Брон. - Симпатичные подпорки!

Губернатор, остановив электромобиль, ждал, когда с невымощенной дороги осадет пыль, поднятая машиной. Нахмурившись, он сердито посмотрел на Брона:

- На вашем месте я не стал бы острить. Это первое здание, построенное нами, и оно выполняет возложенные на него функции даже... если... - Он оглянулся на Муниципалитет. - Если оно несколько устарело.

Губернатора разозлило замечание Вьюбера: он и сам знал, что здание отнюдь не новое, но сейчас, выслушав свинопаса и по-новому взглянув на дом, убедился, что он в ужасающем состоянии. Фасад, собранный из древесно-стружечных панелей, прикрепленных к сваям, являл собой печальное зрелище. Сверху панели когда-то покрыли пластиком, но он отвалился, и из-под него клочьями торчали лохмотья.

- Я и не думал смеяться над Муниципалитетом, - ответил Брон, выбираясь из машины. - Я видел дома много хуже даже не на пограничных планетах: совсем перекошенные развалюхи. Значит, ваши первопоселенцы построили хороший, крепкий дом. Он стоит с давних пор и простоит еще много лет.

Брон дружелюбно похлопал стену, и посмотрел на испачканную ладонь.

- Если в чем это здание и нуждается, так в небольшой стрижке и бритве.

Губернатор Хэйден открыл входную дверь, что-то ворча себе под нос. Следом, насмешливо улыбаясь, вошел Брон. Высокий холл, служивший одновременно коридором, пересекал все здание. Прямо напротив входа Брон увидел запасной выход. Двери по обеим сторонам коридора были распахнуты. Губернатор вошел в дверь с надписью "НЕ ВХОДИТЬ", и Брон, не задумываясь, вошел следом.

- Только не сюда, дубина! - недовольно воскликнул губернатор Хэйден, теряя над собой контроль. - Это мои личные апартаменты. Ты... вам надо пройти в следующую дверь.

- Сэр, извините, - Брон попятился под решительным нажимом ладони Хэйдена, упершейся ему в грудь.

Комната, конечно же, являлось кабинетом губернатора - минимум мебели и удобств. Сквозь очередную распахнутую дверь Брон увидел жилую комнату - в глубоком кресле сидела девушка: стройная, юная, с копной огненно-медных волос. Судя по всему, она плакала, уткнувшись лицом в носовой платок.

Губернатор, оглянувшись, проследил взгляд Брона и резко выпихнул его в коридор, захлопнув дверь перед самым его носом.

Следующее помещение оказалось больших размеров. Брон привалился к некрашенной перегородке и занялся чтением надписей. Дверь распахнулась и вошла та самая девушка. Изящная, с медными волосами, даже глаза ее отливали медью.

- Почему вы плачете, мисс? - спросил Брон.- Я могу вам помочь?

- Это не слезы, - упрямо ответила девушка, шмыгнув носом, - это просто аллергия.

- Значит, надо обратиться к врачу, и он пропишет вам...

- Будьте любезны изложить свое дело, я сегодня очень занята.

- Я не доставлю хлопот ни вашей аллергии, ни вашей работе. Или мне лучше побеседовать с кем-нибудь другим?

- Весь правительственный штат - только я и компьютеры. Так какое у вас дело?

- Меня зовут Брон Вьюбер, и я надеюсь получить участок земли под ферму, значит.

- Ли Дэвис, - представилась она. - Заполните бланки. Отвечайте на все вопросы. Если возникнут затруднения - спросите меня, прежде чем писать. Кстати, вы умеете писать? - поинтересовалась она, обратив внимание, как Брон нахмурился, напряженно разглядывая бумаги.

- Я пишу вполне разборчиво, мэм, не беспокойтесь. - Он достал из кармана рубашки хорошо заточенный карандаш, проверил хорошо ли он пишет, почирикав им, и углубился в работу, от напряжения высунув кончик языка.

Девушка проверила бумаги, что-то исправила в них, и вручила Брону пачку карт.

- Красным отмечены все близлежащие к городу территории, пригодные для фермерства. Участок выберете сами, в зависимости от того, что собираетесь выращивать.

- Свиньи, - восторженно произнес он и улыбнулся, но ответной улыбки девушки не дождался. - Поброжу по округе, погляжу на участки, а когда вернусь, сообщу вам, какой мне приглянулся. Значит, всего хорошего, мисс Дэвис.

Брон сложил бумаги стопкой и засунул в набедренный карман куртки. Выйдя из здания, он неторопливо пошел по центральной улице Троубри Сити, который только назывался городом. Брон шагал неуклюже, поднимая клубы пыли своими тяжелыми башмаками, и вертел головой. Все здания были тронуты рукой времени; тем более, что строили их на скорую руку и никогда не ремонтировали. Дома из прессованных деревянных плит чередовались с домами из бревен и глины. Брон внимательно осмотрел строения - глиняные стены, скрепленные деревянным каркасом и почти все с просвистевшими крышами и покосившимися стенами. Когда деревянные формы, в которые трамбовали глину, убирались, стены обклеивали тонким пластиком. Они оплывали от дождя, что придавало строениям приземистый вид, казалось, они медленно оседают на землю, из которой некогда выросли. Брон миновал небольшой универмаг и гараж. Далее располагались фабрики, а еще дальше, за чертой города, начинались фермерские хозяйства. У стены парикмахерской, над входом которой висел характерный красно-белый знак, располагалась группа молодых людей: кто-то сидел на корточках, кто-то привалился к стене, кто-то стоял, придерживаясь за нее.

- Эй, свинопас! - выкрикнул один из них, когда Брон приблизился. - Меняю горячую ванну на пару свиных отбивных!

Бездельники громко рассмеялись, посчитав его слова отменной шуткой. Брон развернулся:

- Так что этот город скоро развалится, если уж молодые ребята шляются без работы.

В ответ раздался гул сердитых голосов, а главный шутник вышел вперед и поинтересовался:

- Неужто ты такой смелый?

Брон не ответил. Он холодно усмехнулся и стукнул кулаком по левой ладони - звук получился громкий и резкий, а кулак показался шутнику большим и тяжелым. Парень отступил обратно к стене, и продолжил разговор с приятелями, сделав вид, будто ничего не произошло.

- Ребята, проучите этого нахала, - раздался голос из парикмахерской. Брон заглянул в парикмахерскую: в кресле сидел тот самый мужчина, который пнул одну из его свиней в космопорту, а над ним суетился робот-парикмахер.

- Зачем обзываешься, приятель? Ведь ты меня знать не знаешь в самом деле.

- Не знаю. И знать не желаю, больно мне это интересно! - зло процедил мужчина. - Забирай-ка ты своих свиней и катись...

Брон, мило улыбаясь, нагнулся к креслу и нажал кнопку "Горячая салфетка". Бумага тут же оказалась на лице у мужчины, смазав окончание фразы. Робот дернулся, оторвав кусок салфетки, тут же у него на корпусе зажглась лампа аварийного перегрева, и он отключился, громко урча. Брон спокойно вышел на улицу, и никто не загородил ему дорогу - бездельники молча расступились.

- Не слишком гостеприимный город, - рассудил он, но, пройдя по улице, и увидев надпись "Закусочная", добавил: - Или я ошибаюсь? - Не раздумывая, он вошел внутрь небольшого кафе.

- Любое блюдо, кроме бифштекса, - объявил буфетчик.

- Кофе, чашечку кофе, больше ничего, - успокоил его Брон, усаживаясь на один из высоких табуретов возле стойки. - Значит, симпатичный у вас городишко, - заметил он, когда ему подали кофе.

Буфетчик пробормотал что-то неразборчивое, но деньги сгреб. Брон еще раз обратился к нему:

- Я говорю, земля у вас действительно хорошая для сельского хозяйства, да еще залежи полезных ископаемых. Комиссия по космическим поселениям финансировала мое здесь появление. Значит, она не откажет любому другому желающему. На редкость симпатичная планета.

- Мистер, - произнес буфетчик, - я не разговариваю с вами, так что и вы, будьте любезны, помолчите, - Он повернулся, не дожидаясь ответа и начал протирать стекла на приборных шкалах повара-автомата.

"По-дружески, - хмыкнул Брон, топая по улице. - У них есть практически все, что нужно, и тем не менее, ни один из них не выглядит счастливым. А та девушка и вовсе плакала. Что происходит на этой планете?" Засунув руки в карманы и тихонько посвистывая сквозь зубы, он двинулся дальше,

оглядываясь по сторонам. Космопорт - утрамбованная площадка с контрольной башней - располагался по соседству с городом.

Подходя к роще, где он оставил животных, Брон услышал сердитое испуганное хрюканье. Он ускорил шаг, но когда к одинокому визгу присоединилось многоголосое хрюканье, бросился бегом. Некоторые свиньи все еще беззаботно рылись в перегное, хотя большая часть стада собралась вокруг высокого дерева, короткие толстые ветки которого оплетал местный плющ. Боров, подбадриваемый бушующим стадом, набрасывался на дерево, сдирая куски коры длиной в ярд. С верхушки дерева кто-то хрипло звал на помощь. Просвистев команду, Брон начал дергать за хвосты, толкать свиней в толстые бока, пока не успокоил и не отогнал их прочь от дерева. Дождавшись, когда они вновь начали спокойно рыться среди корней и срывать с густых ветвей ягоды, он выкрикнул:

- Кто бы вы ни были, можете спускаться. Значит, все спокойно.

Дерево задрожало, вниз полетели обломки коры и сучьев; высокий тощий мужчина медленно спускался вниз. Он приостановился на уровне головы Брона, крепко ухватившись за сук. Его брюки были порваны, а на одном башмаке не хватало каблука.

- Кто вы? - спросил Брон.

- Твои звери? - сердито поинтересовался тощий. - Их всех надо перестрелять. Они набросились на меня и наверняка убили бы, не заберишь я...

- Кто вы? - повторил Брон.

- ... бродить где попало. Если вы не в состоянии, то заботу о них я возьму на себя. На Тробразе есть законы...

- Если вы не назоветесь, мистер, то сидеть вам на этом дереве, пока в труху не превратитесь, - спокойно сказал Брон, кивнув на огромного кабана, лежавшего в десяти футах от дерева и внимательно следившего за беседой. В крохотных глазках животного блестели красные огоньки. - Я даже палец о палец не ударю, свинки сами разберутся с вами. У них врожденное упрямство. Знаете, мексиканские пекари загоняют человека на дерево и сторожат до тех пор, пока человек не умирает или не падает. Значит, мои свиньи ни на кого не нападают без причины. Я так думаю, что вы, проходя мимо, попытались утащить поросенка, когда у вас слюнки потекли при виде свежего окорока. Так кто вы?

- Вы хотите сказать, я лжец?! - воскликнул тощий.

- Да. Кто вы? - Брон тихо свистнул, и кабан поднялся, приблизился к дереву и свирепо хрюкнул. Мужчина, обхватив ствол обеими руками, буквально повис в воздухе.

- Йй-а... Реймон - оператор радиостанции. Я находился на башне во время посадки челнока, а когда он взлетел, спустился вниз, сел на велосипед и покатил в город. По дороге увидел свиней и остановился просто посмотреть. И тут же на меня напали без всяких причин...

- Короче, - вздохнул Брон, носком башмака почесав кабана по ребрам, тот пошевелил ушами и благодарно захрюкал. - Что вам нравится больше: жить на дереве или дома, мистер Реймон?

- Ну хорошо. Я наклонился, чтобы потрогать одного из ваших грязных поросят - не спрашивайте меня, зачем. И вот тогда на меня набросились.

- Звучит правдоподобнее, и я не стану больше приставать к вам с глупыми вопросами и интересоваться: что за сила подтолкнула вас нагнуться и приласкать грязную свинью. Теперь вы можете спуститься, оседлать ваш красный драндулет и убраться восвояси.

Кабан, дернув завитком хвоста, исчез в подлеске. Реймон неуверенно спрыгнул на землю и торопливо отряхнулся. Красивые тонкие черты его лица искажала злоба.

- Вы еще услышите, - бросил он через плечо, уходя прочь.

- Сомневаюсь, - Брон вышел на дорогу вслед за радистом дожидаясь пока электропед не сорвется с места в направлении города. Когда звук мотора растаял вдали, он вернулся в рощу и свистом собрал вокруг себя стадо.

ГЛАВА 3

Легкое металлическое позвякивание в ухе Брона становилось тем сильнее, чем упорнее он его не замечал. Ночной холод окатил его руку, когда он вытащил ее из спального мешка и протер глаза, прогоняя сон; в прозрачном воздухе над ним ярко сияли незнакомые созвездия. До рассвета оставалось несколько часов, лес был тише и тих, лишь от спящего стада доносились сопения и сонные похрюкивания. Зевнув, он поднялся на ноги, отстегнул от мочки уха серьгу - сигнал тревоги - выключил ее и спрятал в сумку на поясе.

На всякий случай он спал, не раздеваясь. Подстелив спальный мешок, Брон сел на него, прислонился к Царевне и натянул ботинки, которые вечером сложил один в другой, чтобы они остались сухими. Восьмифутовая свинья приподняла голову и вопросительно хрюкнула. Брон приподнял ее ухо и щепнул прямо в него, "Я уйду, но к рассвету вернусь. Я забираю с собой Жасмин, а ты - последи за порядком".

Царевна выразительно хрюкнула в ответ, будто согласившись после небольшого раздумья, и вновь легла. Брон тихо свистнул, и тут же услышал стук острых копыт малютки Жасмин, бегом бросившейся на зов. "Иди следом за мной" - прошептал он, и она действительно пошла за ним след в след, ступая тихо, как тень.

Троубри Сити спал, погружившись в безлунную ночь. Никто не видел, как две тени, промелькнув по улице, свернули к Муниципалитету. Никто не слышал, как распахнулось одно из окон, и тени растворились внутри здания.

Как только в спальне зажегся свет, губернатор Хэйден сел в кровати, протер глаза и увидел маленькую розовую свинку, сидевшую на коврике возле его ног. Она повернула голову, посмотрела ему прямо в глаза и... подмигнула. Хэйден с удивлением отметил, что у нее длинные, белые и очень симпатичные ресницы.

- Извините за беспокойство в столь поздний час, - произнес от окна Брон, проверяя, плотно ли опущены шторы, - но я не хочу, чтобы о нашей встрече стало известно.

- Убирайся отсюда, ненормальный свинопас, пока я не вышвырнул тебя вон! - возопил Хэйден.

- Не так громко, сэр, - настороженно произнес Брон, - нас могут подслушать. Вот моя личная карточка, - он протянул губернатору пластиковый прямоугольник.

- Я знаю, кто ты, так что какая...

- Только не в данном случае. Вы ведь обращались за помощью в Патруль не так ли?

- Откуда ты знаешь? - Глаза губернатора расширились при одном упоминании о Патруле. - Ты хочешь сказать, что имеешь к нему какое-то отношение?

- Моя карточка, - повторил Брон и помахал пластиковым прямоугольником, привлекая внимание Хэйдена.

Губернатор схватил ее обеими руками:

- С.В.И.Н. - прочитал он и спросил: - Что это значит? - И тут же ответил на свой вопрос, произнеся дрожащим голосом: - Свиная Всегалактическая Инспекция! Это что, шутка?

- Конечно нет, губернатор! Инспекция организована совсем недавно. О ее деятельности информировано только высшее руководство Патруля. Мое оперативное подразделение попадает под гриф "Совершенно Секретно".

- Вы так внезапно переменялись, - Хэйден покачал головой, - даже перестали говорить как свинопас.

- И все же я - свинопас, - усмехнулся Брон. - Имею ученую степень по животноводству, докторскую - по межгалактической политике и черный пояс по дзюдо. Свинопас - удобное прикрытие.

- Значит, вас прислали на наш запрос Патрулю?

- Верно. Я не имею права посвящать вас в детали, но вы должны знать, что Патруль малочислен, нам не хватает сил, и в ближайшем будущем мы едва ли решим эту проблему. Каждая вновь открытая планета сразу попадает в сферу влияния Земли, но находится на значительном расстоянии от нее. Расстояние - прямая линия, а главная функция Патруля - контроль космического пространства, объем которого находится в кубической зависимости от расстояния.

- Вас не затруднит перевести это на нормальный английский?

- Охотно. - Брон осмотрелся и водрузил на стол вазу с фруктами. Он взял два крутых красных плода. - К примеру, такой плод и есть "сфера влияния". Предположим, Земля находится в самом центре. Космические корабли летают во всех направлениях этой сферы, ограниченной кожурой плода и остаются под наблюдением Земли. А теперь, предположим, что открыта новая планета. Космический лайнер обнаружил ее за пределами сферы, на расстоянии равном диаметру "сферы влияния". Патруль должен контролировать не только расстояние - прямую линию - между Землей и новой планетой. Патруль должен контролировать пространство в любом из трех измерений вновь полученной сферы. - Брон приставил второй плод вплотную к первому. - Космический корабль может подлететь к "сфере

влияния" с любой стороны. Контроль пространства - тяжелая работа, и ее становится все больше.

- Я понял, что вы имеете в виду, - произнес губернатор после минутного раздумья и убрал плоды обратно в корзину.

- В своей работе Патруль обязан учитывать местоположение всех планет, - продолжал Брон. - И не забывать о космическом пространстве, которое окружает их. Могу сказать, что цифры, характеризующие объем этого пространства, лежат за гранью представимого! Остается только надеяться, что в один прекрасный день у Патруля появится столько кораблей, что им удастся контролировать все пространство, а крейсер сможет прийти на помощь через несколько часов после вызова; на любую, даже самую отдаленную планету. Но об этом можно лишь мечтать. Сейчас мы разрабатываем и применяем иные средства помощи планетам. Теоретические предположения не всегда осуществимы на практике, но С.В.И.Н. - один из первых действительно работающих проектов. Вы видели мое подразделение. Нас можно перевозить на любом транспортном судне, то есть без непосредственной помощи Патруля. У нас в запасе пайки, но в случае необходимости мы переходим на самообеспечение. У нас разработана тактика действий для самых непредсказуемых ситуаций.

Хэйден пытался анализировать слова Вьюбера, но тот говорил длинно и запутанно.

- ... вы красиво говорите. Тем не менее... - Губернатор запнулся. - ... тем не менее, все, с чем вы прилетели - стадо свиней.

Брон, поняв сомнения губернатора, попытался успокоить его. Сощурился глазами, он спросил:

- Вы бы чувствовали себя в большей безопасности, приземлившись с стаей волков?

- Думаю, с волками я чувствовал бы себя спокойнее. В их появлении был бы хоть какой-то смысл.

- Вот как? Неужели вы не знаете, что волк - или волки - даже в естественных условиях не нападают, а спасаются бегством, встретившись со взрослым кабаном. У меня в стаде есть кабан-мутант, выращенный специально запрограммированными качествами, так вот он, если столкнется с шестью волками, успеет за шесть минут спустить с них шесть шкур. У вас есть сомнения по поводу моих слов?

- Это не повод для сомнения. Но вы не можете не согласиться, что в вашем появлении есть что-то... Ну я не знаю... Нелепое... что касается стада свиней.

- Ваше замечание не отличается оригинальностью, - ответил Брон ледяным тоном, - но, как ни странно, вы правы, именно по этой причине я взял с собой целое стадо, а не одних боровов. Я играю роль глуповатого мелкого фермера, чтобы не обращать на себя внимания и без помех проводить расследование. И поэтому мы встречаемся с вами сейчас, ночью. Я не хочу раскрывать карт раньше времени.

- Наша беда не связана с людьми, поэтому вы можете не беспокоиться о конспирации.

- В чем тогда суть вашей проблемы? В сообщении не была ясно указана причина вызова.

Губернатор Хэйден заерзал на постели - вопрос Брона поставил его в затруднительное положение. Он задумался, потом вновь пробежал глазами по карточке Брона.

- Я должен проверить ваше удостоверение, прежде чем расскажу...

На краю стола стоял флюороскоп, Хэйден внимательно сравнил надпись, невидимую простым глазом, с кодом шифровальной книги, которую достал из сейфа. В конце концов, он с неохотой вернул карточку Брону.

- Подлинное, - тихо произнес губернатор.

Брон опустил карточку обратно в карман.

- Так в чем ваши трудности? - спросил он.

Хэйден посмотрел на маленькую свинку: Жасмин свернулась на коврике и довольно похрюкивала.

- Привидения, - четко выговорил он.

- О, вы еще смеялись над свиньями?!

- Не время для упреков, - запальчиво ответил губернатор. - Могу представить, что вы о нас подумали, но это правда. Мы называем их - то есть сам феномен - "привидения", потому что ничего о них не знаем. Можно лишь предполагать о сверхъестественности этого явления, но у нас нет физического объяснения. - Он повернулся к карте на стене и указал на желто-рыжее пятно, выделяющееся на зеленом фоне. - Плато Привидений, с ним-то и связаны наши неприятности.

- Какого рода неприятности?

- Трудно объяснить. Скорее, неприятные ощущения. Еще первопоселенцы, а со дня их высадки прошло без малого пятнадцать лет, предпочитали объезжать плато стороной, но и на некотором отдалении от этого места у нас возникают какие-то неприятные ощущения. Даже животные сторонятся плато. А люди просто исчезают там бесследно.

- На плато проводились исследовательские работы? - спросил Брон, изучая карту.

- Конечно. В первый год, когда проводилось картографирование. Коптеры постоянно летают над ним, но сверху ничего необычного не замечено, но только днем. Никому не удалось пролететь над плато, проехать по нему, тем более пройти по Плато Привидений в ночное время и уцелеть. Нет ни одного свидетеля, который мог бы рассказать, что творится там ночью. Люди исчезают бесследно... - Голос губернатора дрогнул и замер. Без сомнений, он вспомнил нечто трагичное, что произошло на плато.

- Вы пытались предпринять ответные меры? - спросил Брон.

- Да. Мы научились сторониться этого места. Троеклуби не Земля, мистер Вьюбер, как бы она ни была на нее похожа. Чужая планета с чужой непонятной жизнью, а поселения землян - не более, чем булавочные уколы на теле планеты. Кто знает, какие... создания выползают побродить по ней ночью. Мы - поселенцы, а не искатели приключений. Мы научились сторониться плато, по крайней мере, ночью. Я впервые сталкиваюсь с подобными трудностями.

- Но что заставило вас обратиться в Патруль?

- Мы совершили ошибку. Старожилы стараются не вспоминать о плато по сей день, но большинство новичков считают, что рассказы о плато не более, чем... рассказы, сказки. Что говорить, даже я имел неосторожность засомневаться, - а не подводит ли меня память. Вот и получилось, что отряд изыскателей решил исследовать потенциальные месторасположения новых шахт, а единственная нетронутая территория вблизи города - плато. Несмотря на все наши предостережения, отряд под командой инженера Хью Дэвиса двинулся в путь.

- Он родственник вашей помощницы?
- Родной брат.
- Вот почему она плакала! Что же произошло?

Мысли Хэйдена покинули комнату, вернувшись в тот день, когда произошла трагедия.

- Ужасно, - произнес он. - Мы предприняли все меры предосторожности, как и положено - днем следовали за ними на коптерах, а ночью обозначили их лагерь. Коптеры дополнительно оборудовали сигнальными огнями. У них было три радиомаяка и все три постоянно работали, чтобы связь не прерывалась ни на секунду. Мы не смыкали глаз всю ночь, но ничего не случилось, а перед рассветом - без сигнала тревоги или предупреждения - радиосвязь прервалась. Мы прибыли на место через несколько минут, но поздно... То, что мы там обнаружили... страшно вспоминать, не то что описывать... Все, буквально все - оборудование, палатки, провиант - было уничтожено. И всюду кровь. Пятна крови на сломанных деревьях, земле... и ни одного человека, все исчезли. Никаких следов животных, людей или машин в округе - ни единого намека. Мы взяли на анализ грунт и кровь и определили - это кровь людей, а куски тел... человеческая плоть.

- Что-то всегда остается, - заспорил Брон, - какие-то улики, ключи к разгадке, возможно - характерный запах взрыва, или показания ваших радаров, уж если вы взяли плато под наблюдение.

- Мы не такие глупцы. У нас есть и ученые, и технический персонал. Не было ни единой зацепки, никаких запахов, и пустые экраны радаров. Я повторяю, ничего.

- И тогда вы решили обратиться в Патруль.

- Да. С катастрофой на плато мы не могли разобраться самостоятельно.

- Вы поступили абсолютно правильно, губернатор. Я сейчас же приступаю к делу. Кажется, у меня появилось объяснение.

- Откуда?! Кто это сделал? - воскликнул Хэйден, вскакивая на ноги.

- Боюсь говорить об этом преждевременно. Утром я поднимусь на плато осмотреть место, где произошла бойня. Вы можете дать мне точные координаты на карте? И, пожалуйста, никому ни слова о моем визите.

- О чем вы говорите! - ответил Хэйден, глядя на маленькую свинку. Она встала, потянулась и громко засопела, почуяв на столе блюдо с фруктами.

- Жасмин не отказалась бы от штучки, - сказал Брон. - Вы не возражаете?

- Чего уж тут, - покорно ответил губернатор. Громкое чавканье наполнило комнату, пока он записывал для Брона координаты.

ГЛАВА 4

Брону и Жасмин пришлось поторопиться, чтобы исчезнуть из города до рассвета. Когда они вошли в лагерь, небо на востоке уже посветлело, а животные проснулись и заволновались.

- Думаю, придется задержаться здесь до завтра, - сказал Брон, щелкнул замком, открыл саквояж, и раздал животным витаминизированные пайки. Царевна, восьмифутовая свинья польско-китайской породы, радостно захрюкала, услышав его слова. Она сгребла небольшую кучку листьев и подбросила их в воздух.

- Да, отличный корм, особенно после долгих дней в космосе. Я собираюсь на небольшую прогулку, Царевна, но до сумерек вернусь. А ты пока пригляди за порядком. - Он повысил голос: - Завиток! Крепыш!

Звук ломающихся сучьев, как эхо, последовал за его словами, и мгновение спустя два длинных серо-черных тела - тонна мышц и костей, - вынырнула из кустов. На пути Крепыша росла трехдюймовая ветка, но он не пригнулся и не затормозил. Раздался короткий хруст, и кабан подскочил к Брону, а сломанная ветка украшала его спину. Брон отбросил ветку и внимательно оглядел свои ударные войска. Боровы - близнецы из одного помета, и каждый весил более тысячи фунтов. Обычный дикий кабан, достигнув веса в семьсот пятьдесят фунтов становится самым быстрым, самым опасным и самым неутомимым из известных зверей. Крепыш и Завиток были мутантами, на треть тяжелее, чем их дикие предки и во много раз разумнее. Но во всем остальном не изменились; они оставались такими же стремительными, еще более устрашающими и ненасытными в драке. На десятидюймовых клыках блестели коронки из нержавеющей стали, предохраняющие от обламывания.

- Я хочу, чтобы ты остался с Царевной и помог ей, она - за старшего.

Крепыш сердито завизжал и затряс огромной головой. Брон сгреб пальцами толстую щетину между лопаток борова - излюбленное место чесания - и начал мять и покручивать шкуру. Крепыш отрывисто засопел. Он был гением среди свиней, дотягивая до уровня слабоумного человека. Но все-таки человека! Он понимал простые команды и следовал им неукоснительно в пределах своих возможностей.

- Оставайся охранять, Крепыш, оставайся охранять. Охраняй, но не убивай. Посмотри на Царевну, она-то знает, где ей лучше. В роще так много всякой съедобной всячины, а когда я вернусь, получишь леденец. Завиток пойдет со мной, а когда мы вернемся, все получат по леденцу.

Со всех сторон раздалось благодарное хрюканье, а Царевна прижалась толстым боком к ноге Брона.

- Ты идешь со мной, Жасмин, - продолжал Брон, - хорошая прогулка убережет тебя от неприятностей. Сходи за Маис - разминка ей тоже не повредит.

Брон вздохнул: Жасмин - трудный ребенок. Несмотря на то, что она выглядела как недомерок, Жасмин была взрослой свиньей Питмана-Мура, специальной линейной породы для лабораторных экспериментов. Породу выводили с уклоном на интеллект, и Жасмин, возможно, имела самый

высокий коэффициент интеллекта среди животных, воспитанных в лаборатории. Но у медали имелась обратная сторона: интеллекту сопутствовала нестабильность психики, почти человеческая истеричность, как будто ее рассудок балансировал на острие бритвы. Если не взять ее с собой, а оставить в стаде, Жасмин начнет приставать к другим свиньям, дразнить их. Неприятностей не оберешься. Брон давно уяснил для себя, что лучший вариант - брать ее с собой. Как бы далеко и надолго он ни уходил.

Маис отличалась от нее во всем: обычная круглая свинка с низким интеллектом, нормальным для свиньи, но высокой плодовитостью. Злые языки не преминули бы сказать, что она годится лишь на ветчину. Но она была спокойным животным и хорошей матерью. Основная цель выведения породы - острые копыта. Перед самым полетом она принесла очередную порцию поросят. Брон позвал ее с собой, чтобы отвлечь от воспоминаний об отнятом от груди потомстве, а заодно согнать с нее лишний жирок, который накапливался с невероятной быстротой за время полета.

Брон внимательно изучил карту и нашел обозначение старой лесной дороги, тянувшейся до самого плато. И он, и его питомцы легко преодолевали любые препятствия на пересеченной местности, но лучше иметь в запасе немного времени, а дорога поможет его сэкономить. Брон достал карманный гирокомпас, уточнил положение стрелки по флюгеру на вышке и выставил направление на Плато Привидений. Стоило ему поднять руку, указав, в какую сторону они двинутся, как Завиток, пригнув голову, устремился в заросли, как снаряд, выпущенный катапультой, оставляя за собой лишь треск и фырканье. Он прокладывал дорогу, легко устраняя любые препятствия.

Но через сотню метров их поход превратился в легкую прогулку по плотной заросшей травой дороге, проложенной по холмам. Сторожку в лесу покинули давно - на дороге не осталось даже следов колес. Свиньи пофыркивали среди сочной травы, ухватывая наиболее соблазнительные пучки, Маис жалобно повизгивала - ходьба требовала от нее усилий. Вдоль дороги росли редкие деревья, а поля были вспаханы и засеяны. Завиток остановился, вопросительно хрюкнув. Жасмин и Маис остановились позади него, приподняв головы и наострив уши, и глядели в ту же сторону.

- Что случилось? - спросил Брон.

Имея более острый слух, чем Брон, свиньи прислушивались к звуку, который лишь заинтересовал их, но не испугал, иначе, почувствуй Завиток угрозу, он бы изготовился к атаке.

- Пошли, нам еще далеко, - Брон пихнул Завитка в бок, но с таким же успехом мог толкать каменную стену. Завиток, взбрыкнув передним копытом, вытянул голову в направлении деревьев.

- Ну хорошо, если ты настаиваешь. Я никогда не спорю с борами, весящими более полутонны. Пойдем, посмотрим, что там такое. - Брон ухватился за щетину между ребер Завитка, и они пошли сквозь заросли.

Через пятьдесят ярдов Брон услышал звук - пронзительно кричала птица или небольшое животное. Но почему так заинтересовались свиньи? Неожиданно он догадался:

- Это плачет ребенок! Вперед, Завиток!

Услышав приказ, Завиток понесся вперед, прокладывая путь в кустах так быстро, что Брон едва поспевал за ним. Они выскочили на крутой темный берег с черным пятном пруда, плач сменился громкими жалобными всхлипываниями. Маленькая девочка, от силы двух лет, мокрая и несчастная, стояла по пояс в воде.

- Держись! Сейчас я вытащу тебя,- крикнул Брон, но девочка, вместо того, чтобы успокоиться, заревела навзрыд. Завиток стоял у самой воды. Брон, схватившись за его мощную лодыжку, встал на колено и нагнулся. Малышка пошла ему навстречу, он подхватил ее свободной рукой и поставил на берег.

«Она насквозь промокла, но перестала плакать, стоило Брону вытащить ее из воды.

- Что же нам с тобой делать? - Брон выпрямился и тут же - на этот раз одновременно со свиньями - услышал далекий звон колокольчика. Он развернул свиней, а сам пошел следом по тропе, которую Завиток прокладывал сквозь кусты. Деревья расступились, и Брон вышел на открытое пространство. На холме возвышался деревянный фермерский дом; на крыльце стояла женщина и звонила в большой колокольчик. Она заметила Брона, стоило ему показаться из-за деревьев, и тут же бросилась навстречу.

- Эмми! - едва сдерживая слезы, воскликнула она, прижав к себе девочку, - ты цела и невредима!

- Значит, наткнулся на нее там вот, внизу, мэм. Вляпалась в эдакую грязюку, а самой никак не выбраться. Испугана была - как не знаю что.

- Я пошла доить коров, думала она спит. Не знаю, как вас и благодарить.

- Не меня надо благодарить, мэм, а моих хрюшек. Это они услышали ее плач, а я только пошел следом.

Только сейчас женщина заметила животных.

- Замечательная Мьюд-Фут, - сказала она, оглядывая ровные округлости Маис. - Мы всегда держали свиней, и когда эмигрировали, купили сыроварню и коров. Я так напугалась... Давайте, я налью им молока. И вам тоже. Я мигом.

- От души, спасибо, но нам надо двигаться дальше. Присматриваюсь к округе, ищу, значит, где расположиться, хочу подняться на плато и спуститься вниз до темноты.

- Нет! Только не туда! - ужаснулась женщина, еще крепче прижимая девочку к себе. - Не ходите на плато!

- Почему? Судя по карте, там хорошая земля.

- Вы не должны туда идти, вот и все... там *нечто*. Мы не говорим о них вслух, но хотя их, этих, не видно, они - там. Мы пасли одно из стад на луку, где начинается подъем на Плато Привидений, но недолго. Коровы из этого стада стали давать в половину меньше молока, чем остальные. Там происходит что-то плохое, что-то неправильное, что-то очень нехорошее. Сходите, посмотрите, если так решили, но обязательно возвращайтесь засветло. Вы и сами быстро поймете, что я имею в виду.

- Спасибо за совет, мэм. Вижу, с малышкой все нормально. Значит, я, пожалуй, пойду.

Брон свистом подозвал свиней, попрощался с женщиной и вернулся на дорогу. Плато все сильнее приковывало его внимание. Двигались они быстро, несмотря на тяжелое дыхание и измученный вид Маис, и через час добрались до покинутой сторожки лесорубов, опустевшей после несчастия на плато, и начали взбираться по лесному склону на краю плато. Добравшись до ручья, Брон остановил свой отряд, давая свиньям возможность вдоволь напиться, а сам выломал себе палку для подъема. Маис, взмокнув в дороге, со всего маху шлепнулась в воду, подняв водопад брызг и грязи и погрузилась в ручей. Привередливая Жасмин, взвизгнув от ярости, бросилась в траву и стала кататься по ней, счищая с себя грязь. Завиток, посапывая и похрюкивая, как мотор локомотива, подsunул нос под упавший гниющий ствол, весивший добрую тонну, откатил его и аппетитно зачавкал, обнаружив под ним многочисленных насекомых и мелкую живность. Через несколько минут они двинулись дальше.

Подъем закончился неожиданно быстро, перейдя в равнину с редкими деревьями. Брон, уточнив направление по компасу, свистнул Завитку, указав направо. Завиток фыркнул и внимательно обнюхал колею, прежде чем поставить в нее переднее копыто. Жасмин, прижавшись к ноге Брона, слабо попискивала. Брон тоже что-то почувствовал и с большим трудом подавил произвольную дрожь. Что-то недоброе - только как его охарактеризовать? - витало над поляной. Брон тщетно пытался объяснить, как и отчего возникло это пугающее чувство, но оно возникло. Свиньи ощущали нечто похожее. И еще одно странное и мрачное открытие: он не заметил ни единой птицы, хотя холмы ниже плато буквально кишели ими. Зловещая пустота окружала плато. Свиньи обязательно дали бы ему знать, заметь они хоть какое-то животное.

Брон, поборов неприятное ощущение, последовал за Завитком; задние ноги борова подрагивали, готовые бросить тело вперед, но Маис и Жасмин жались к ногам Брона. Несомненно, они чувствовали присутствие неведомой опасности и сильно волновались. Исключение составлял Завиток. Любая неопределенная ситуация или чувство опасности пробуждали в нем повадки дикого кабана, и он рвался вперед, наполняясь злобой к противнику. Подойдя к расчищенной от деревьев поляне, Брон остановился; они искали именно ее: ветви на деревьях неестественно наклонены и выгнуты, мелкие деревья пригнуты к земле, а перемолотую траву покрыли обрывки палаток и обломки оборудования. Брон подобрал с земли передатчик, осмотрел его. Металлический корпус был смят и изогнут, как будто сжат гигантской рукой. Ощущение сильного давления на психику не покидало его, пока он внимательно изучал территорию лагеря.

- Здесь, Жасмин, - подозвал Брон. - Принюхайся. Я понимаю, прошли недели, лил дождь, грело солнце, но может что и осталось, хоть какие-нибудь следы? Если что обнаружишь - фыркни.

Жасмин задрожала, покачала головой, как будто говоря "нет", и плотнее прижалась к его ноге. Брон отлично знал, что она в состоянии крайнего возбуждения и не способна ни на какую работу, пока не преодолеет чувство

страха. Брон и сам чувствовал безотчетный страх, так что не имел никаких претензий к малышке Жасмин. Он протянул корпус рации Завитку; боров услужливо обнюхал его, фыркнул и отвернулся - очевидно, его внимание привлекло нечто другое. Крохотные глазки Завитка вертелись по сторонам, пока он нюхал, а когда Брон убрал рацию из-под носа борова, тот начал изучать поляну, фыркая и чихая. Брон решил, что Завиток унюхал что-то важное, но боров, взрывая клыками землю, откопал сочный корень и стал вгрызаться в него. Неожиданно подняв голову, он насторожил уши, повернув их в сторону леса.

- Что там? - спросил Брон, после того, как Маис и Жасмин резко повернули головы в том же направлении, внимательно прислушиваясь. Уши свиней встали торчком, и тут же послышался резкий звук - какой-то громадный зверь проламывался сквозь заросли. Жуткий треск приближался, но все еще находился на некотором расстоянии от них, когда скакач, взметнувшись над деревьями, распахнул на фоне их верхушек желтую, в фут шириной, пасть. Брон видел фотографии скакача - сумчатого обитателя Трубри - но в естественных условиях существо выглядело куда страшнее, чем на снимке. Стоя на задних лапах, скакач достигал двенадцати футов в длину; а то, что он не плотояден и своими мощными челюстями вырывает и измельчает корни болотных растений, не успокаивало. Ведь он с равным успехом применял их и против своих врагов, а Брон и его спутники в данный момент казались скакачу врагами. Существо подпрыгнуло, и челюсти клацнули где-то над головой Брона. Завиток, злобно завизжав, врезался в бок скакача. Двенадцатифутовый покрытый коричневой шерстью зверь не мог выстоять против тысячфунтового рассерженного кабана - огромный зверь попятился. Завиток пригнул голову, повел ей из стороны в сторону и бросился на скакача. Он вонзил ему в заднюю лапу свой клык и вырвал кусок мяса. Не замедляя бега, Завиток развернулся почти на месте и повторил атаку, полностью остудив агрессивный пыл скакача. Зверь, стenea от боли, бросился бежать куда глаза глядят; но тут на краю поляны, проломившись сквозь заросли, появился его соплеменник. Завиток резко развернулся на сто восемьдесят градусов и устремился в атаку. Скакач-два - самец, судя по размерам, - быстро оценил ситуацию, и она пришлась ему по вкусу. Его подруга спасалась бегством, громко крича от боли. Без тени сомнения и не замедляя бега, скакач последовал за подругой и растворился на противоположной стороне поляны. Во время непредсказуемо-стремительного нашествия Жасмин, не имея возможности помочь, металась из стороны в сторону и находилась на грани нервного срыва. Маис, никогда не отличавшаяся быстрой сообразительностью, стояла как вкопанная, хлопала ушами и похрюкивала от удивления.

Брон полез в карман за успокоительным для Жасмин, но тут из леса, к самым его ногам, выползла длинная змея. Он так и замер, наполовину засунув руку в карман, потому что смотрел в глаза смерти, в глаза посланца-ангела - самой ядовитой змеи на Трубри, смертоносной рептилии, каких Матушка-Земля никогда не производила на свет. Имея зверский аппетит и питаюсь мясом, как боа, поанг отличался от него ядовитыми зубами и защечными мешочками, наполненными ядом. Змея находилась в

крайней степени возбуждения. Она покачивалась из стороны в сторону, готовая наброситься в любую секунду. Дородная розовая Маис, хорошая свиноматка, не обладала ни реакцией, ни смелостью для схватки с сумчатым, но змея - совсем другое дело. Маис тонко взвизгнула и прыгнула вперед с тяжеловесной ловкостью. Поанг увидела приближающуюся свинью и ужалила, мгновенно повернула голову и ужалила снова. Маис, пытая от усилия, затормозила, посмотрела через плечо, взвизгнула и побежала обратно к парящей над травой змее. Поанг, громко зашипев, ужалила в третий раз, возможно, удивляясь самым дальним уголком своего крошечного мозга, что обед все еще не упал, чтобы его удобно и неспешно заглотить. Если бы поанг знала свиней, она бы действовала иначе. Вместо этого, змея ужалила в очередной раз, истратив последнюю порцию яда. Порода Мьюд-Фут не относится к быстро жиреющим, зато отличается плодовитостью, поэтому свиноматки обрастают толстым слоем сала. Заднюю часть туши, которую любители сытно поесть обзывают ветчиной или окороком, действительно покрывает толстый слой жира. Известно, что кровь в нем не циркулирует, и яд попросту застревает и не действует. Через несколько часов яд распадается под действием ферментов организма и постепенно выводится из него. Поанг укусила в очередной раз, вяло и без яда. Маис поменялись со змеей ролями, она поднялась на задних лапах и обрушила на змею передние копыта - твердые, с острыми краями. Уж если змеям нравится убивать свиней, то свиньям ничуть не меньше нравится поедать змей. Взвизгнув и тяжело подпрыгнув, Маис всей массой опустилась на спину змее, ловко отхватив ей голову. Тело змеи дернулось, продолжая извиваться; Маис не унималась - она рубила копытами до тех пор, пока не нарезала змею на множество кусков. Только тогда она остановилась и, радостно похрюкивая, принялась поедать их. Змея имела внушительные размеры, поэтому Маис позволила Жасмин и Завитку помочь ей. Брон нервничал, но не торопил свиней, занятых трапезой, рассчитывал, что ширшество успокоит их. И не ошибся. Как только последний кусочек исчез в желудке Завитка, Брон повернулся, двинувшись к спуску, а свиньи спокойно последовали за ним. Брон пару раз оглядывался, испытывая облегчение от того, что они покидают Плато Привидений без потерь.

ГЛАВА 5

Когда они вернулись в стадо, свиньи дружно захрюкали, приветствуя их. Самые смысленные животные не забыли об обещанных леденцах и столпились в ожидании лакомства.

Брон открыл саквояж, в котором хранил и деликатесы, и специальные таблетки, содержащие витамины и микроэлементы, которыми он подкармливал своих подопечных во время полета. Раздавая леденцы, он услышал гудки телефона, очень слабые, ведь они доносились из нераспакованного чемодана.

Заполняя бумаги в Муниципалитете, он конечно записал номер своего телефона, потому что номер является такой же неотъемлемой частью

человека, как имя. Каждому новорожденному присваивается номер телефона, который остается за человеком всю его жизнь. С помощью контрольно-компьютерной службы можно связаться с любым человеком даже в самом отдаленном месте планеты, стоит только набрать его номер. Но кто может вызвать его на Троубри? Насколько он помнил, только Ли Дэвис знала его номер. Открыв чемодан, он достал компактный фон размером с ладонь, работающий от атомной батарейки, и легким щелчком оживил экран. Фон включился, эфир наполнил динамик легким шорохом, пока цветное изображение проявлялось на экране.

- Вот ведь как бывает, а я об вас только что думал, мисс Дэвис, - сказал он. - Не иначе как совпадение.

- Несомненно, - тихо согласилась она и сжала губы, как будто подыскивала слова. Лицо ее осунулось; видимо смерть брата сильно потрясла ее.

- Мы должны... встретиться, мистер Вьюбер. И как можно скорее.

- Это, значит, очень по-дружески, мисс Ли; я в ожидании встречи, но что все-таки...

- Мне потребуется ваша помощь, я расскажу, когда вы придете, только никто не должен видеть нас вместе. Вас не затруднит с наступлением темноты подойти к запасному выходу Муниципалитета? Я буду ждать у дверей.

- Явлюсь на место вовремя, положитесь на меня, - ответил Брон и выключил фон.

Что означает ее звонок? Неужели девушка располагает дополнительной информацией? Если так, то почему она позвонила именно ему? Губернатор мог рассказать ей о проекте С.В.И.Н., что вполне вероятно, ведь Ли его единственный помощник, а кроме того - очень привлекательная девушка.

Накормив стадо, он нашел в чемодане чистую одежду и лезвие. В город Брон отправился с наступлением сумерек; Царевна, приподняв голову, долго смотрела ему вслед. Она оставалась за старшего всякий раз, когда Брон уходил. Свиньи давно привыкли к такому раскладу. Даже Крепыш и Завиток, способные справиться с любыми трудностями, не возражали. Завиток никак не мог отоспаться после дневного похода и сражения со скакачом. Он развалился на листьях, безмятежно посапывая носом. Подле него спала крошка Жасмин, еще более уставшая, чем огромный боров. Обстановка в стаде была мирной, так что Брон уходил со спокойным сердцем.

Пробраться к черному ходу Муниципалитета не составляло труда, ведь прошлым вечером Брон уже был тут. Беготня и недосып предыдущих дней нахлынули на него, и он сладко зевнул.

- Мисс Ли, вы здесь? - осторожно позвал он, приоткрывая незапертую дверь; проем заполняла тьма. Брон насторожился.

- Да, я здесь, - откликнулась Ли Дэвис. - Пожалуйста, проходите.

Брон распахнул дверь и шагнул внутрь. Резкая боль с треском обрушилась на его затылок, огнем раскатилась по нервам, завершившись вспышкой в голове. Он попытался крикнуть, но не смог. Так же безуспешно завершилась его попытка поднять руку. Следующий удар разорвался

болью в предплечье, рука занемела, и Брону показалось, что ее оторвали. Третья вспышка в области позвоночника погрузила его в глубокую тьму.

- Что случилось? - спросило колышашееся розовое пятно. Брон долго таращился и моргал, прежде чем смог сфокусировать взгляд и разобраться, что пятно - озабоченное лицо губернатора Хэйдена.

- Вам лучше знать... - прохрипел Брон. Он почувствовал страшную боль в голове и начал успешно справляться с ней. Что-то прохладное тыкалось ему в шею, и он с радостным удивлением нашарил ухо Жасмин.

- Я еще раз повторяю: свинью лучше отсюда убрать, - произнес незнакомый голос.

- Пусть останется, - выдавил Брон. - Лучше скажите... что случилось? - Повернув голову, он убедился, что лежит на кушетке в приемной губернатора, а рядом стоит хмурый джентльмен - наверное, врач - и покачивает стетоскопом. В дверь с интересом заглядывало с десяток незнакомых лиц.

- Мы только что нашли вас, - пояснил губернатор. - Вот все, что нам известно. Я работал в кабинете, когда услышал вой, напоминающий детский плач, - он даже передернулся, вспоминая. - Люди слышали его даже на улице, и мы разом бросились туда, наткнулись на вас. Вы лежали на полу у черного хода, похолодевший и с разбитой головой, а над вами стояла эта свинка и выла... Даже не предполагал, что свиньи могут издавать такой ужасный звук. Она никого не подпускала к вам, щелкала зубами и пыталась наброситься. Она успокоилась только когда пришел врач, но подпустила его к вам, предварительно обнюхав.

Брон соображал быстро, настолько быстро, насколько позволяла пила, жужжащая в его голове.

- Значит, вы знаете об этом не больше моего, - вздохнул он. - Я-то пришел поинтересоваться, как тут дела с моими фермерскими бумагами. Дверь с улицы почему-то оказалась заперта, ну я и подумал, а не смогу ли пробраться через черный ход, ежели кто внутри еще сидит. Значит, я полез через черный ход, там-то меня и хватили по башке, а потом... я уже лежал здесь, за что должен благодарить Жасмин. Видать, она пошла следом за мной и видела, как меня, значит, ударили по башке. Вот тогда-то она и начала визжать, что вы сами слышали, и, я так думаю, кусать за лодыжки того, кто меня ударил, кто бы он ни был. Знаете, у свиней отличные зубы. Она напугала его, и он дал деру. - Брон застонал: - Доктор, дали бы вы мне чего от головы, - попросил он.

- Возможно, у вас сотрясение мозга, - ответил доктор.

- Рискну согласиться с вами, док, но лучше уж сотрясение, чем голова нагололом.

Толпа любопытных рассеялась, пока доктор колдовал над Броном; так что в гудевшей от боли голове осталась лишь одна пульсирующая точка. Брон потрогал пальцами кровоподтек на руке, дождался, когда губернатор запер дверь и только тогда сказал:

- Разумеется, я сказал не все.

- Я так и думал. Что же на самом деле произошло?

- На меня напали в темноте. Может, один, может, двое. Не знаю, кто именно. Остается благодарить Жасмин, которая проснувшись, обнаружила, что я ушел, и последовала за мной, видимо, подсознательно почувствовав опасность. Только с ее помощью я остался жив, попавшись в искусно расставленную ловушку.

- Что вы имеете в виду?

- В игре задействована Ли Дэвис: она позвонила, назначила место и время нашей встречи, и ждала меня, когда я вошел...

- Вы хотите сказать!..

- Не хочу - говорю. Самое время пригласить ее сюда и получить показания.

Губернатор пошел к фону, а Брон медленно опустил ноги на пол и попытался подняться. Он ухватился за спинку дивана, и тут же комната пошла кругом, а пол закачался, как палуба утлого суденышка во время шторма. Жасмин прижалась к его ноге, вздохнув протяжно и сочувственно. Когда качающаяся мебель, танцующий пол и вращающиеся стены здания остановились, заняв привычные места, Брон сделал несколько пробных шагов не негнувшихся ногах. Убедившись, что не упадет, он отправился на кухню.

- Что желаете заказать, сэр? - спросила кухня. - Быть может, подать легкую закуску?

- Кофе. Только черный кофе - и как можно больше.

- Через минуту кофе будет готов, сэр. Хочу заметить, диетологи считают, что вредно пить кофе на пустой желудок. Рекомендую подогретый сэндвич или отбивную...

- Отстань! - отмахнулся Брон - в голове опять застучало. - Чего ради я должен слушать советы ультрасовременной болтливой кухни? Я предпочитаю кухни-старушки, которые готовят пищу на огне, а говорят лишь одно-единственное слово: "готово".

- Ваш кофе, сэр, - обиженно ответила кухня. Хлопок раскрывшейся дверки, и на стойку вылетел кипящий кофейник.

Брон осмотрелся.

- А как насчет чашки? Или прикажешь пить пригоршнями?

- Чашка, конечно, сэр. Только хочу заметить, вы не уточняли, что желаете пить из чашки. - Внутри машины раздался приглушенный щелчок, и чашка с отбитым краем, дребезжа, скатилась по наклонной доске на край стола.

"Вот теперь нормально, - подумал Брон. - А кухня-то с характером". Вошла Жасмин, постукивая копытцами по кафельным плиткам. "Придется наладить отношения с автоматическим поваром, а то придется объясняться с губернатором из-за такого пустяка".

- Ты, кажется, говорила об ужине, кухня, - громко сказал Брон, наигранно-медовым голосом. - Я премного наслышан о твоём искусстве готовить замечательные кушанья. И хотел спросить, а не сможешь ли ты приготовить мне яйца по-бенедиктински?

- Секундное дело, сэр, - радостно ответила кухня, и мгновение спустя осторожно поставила на стол поднос-тарелку с дымящимся блюдом, аккуратно сложенную салфетку, нож и вилку.

- Замечательно! - воскликнул Брон, осторожно переставляя поднос под стол, для Жасмин. - В жизни своей не пробовал ничего вкуснее!.. - воскликнул он, и тут же громкое чавканье наполнило кухню.

- О, сэр, вы действительно отличный едок, - прогудела довольная кухня, - приятного аппетита, приятного аппетита.

Брон осторожно вышел, прихватив с собой кофе, и бесшумно сел на диван. Губернатор посмотрел на него, нахмурился и озабоченно произнес:

- Ее нет ни дома, ни у друзей... по-моему, я проверил все места. Специальная группа прочесывает территорию, кроме того, я адресовал экстренный запрос всем частным фонам. Никто не видел ее, никто не знает, где она может находиться в данный момент. Невозможно, чтобы человек бесследно пропал. Осталось связаться с рудниками, это последний шанс.

Губернатору Хэйдену понадобился еще час, чтобы убедиться - Ли Дэвис исчезла. Поселения колонистов занимали незначительную часть Тробрри, до сих пор нужного человека отыскивали с помощью фона за несколько минут. Но Ли Дэвис как будто растворилась. Брон, не сомневаясь что поиск напрасен, ожидал когда губернатор придет к аналогичному выводу. Сняв башмаки, Брон положил ноги на теплый бок Жасмин, которая погрузилась в сладкий сон, как по щелчку выключателя; он откинулся на спинку дивана и задремал, определив план дальнейших действий.

- Она пропала, - сказал Хэйден, получив отрицательный ответ на последний запрос. - Как это могло случиться? Уверен, она не имеет ничего общего с теми, кто напал на вас.

- Вероятно, ее вынудили позвонить мне.

- Что вы такое говорите?

- Я только выдвигаю предположения, они хорошо объяснимы. Если предположить, что брат ее остался жив...

- О чем вы?

- Разрешите мне закончить. Предположим, ее брат жив, но ему угрожает смертельная опасность. И тут появляется шанс спасти его, надо только выполнить условие, то есть вызвать меня. Не будем пока осуждать девушку; думаю, она не предполагала, что меня собираются убить. Но после покушения ее как свидетельницу нападения забрали с собой.

- Вы что-то знаете, Вьюбер?! - воскликнул Хэйден. - Расскажите! Как губернатор я имею право знать все!

- И обязательно узнаете, когда у меня на руках окажутся факты, а не подозрения и предположения. Нападение в темноте, как и похищение девушки, говорят о том, что мое появление на Тробрри нежелательно. Кому? Тем, кто понимает, что я приблизился к разгадке. Надо ускорить ход событий, чтобы поймать ваши привидения, застав врасплох.

- Вы думаете, что между нападением на вас и ситуацией на Плато Привидений существует связь?

- Уверен, что так и есть. У меня к вам просьба, губернатор: постарайтесь сделать так, чтобы к утру все жители только и говорили о том, что

завтра я отправляюсь на свой участок. Убедитесь, что все "извещены" о моем намерении.

- Куда? На какой участок?

- На Плато Привидений - куда же еще?

- Самоубийство!

- Нет. Я почти уверен, что знаю причину трагедии на плато, кстати, знаю и средство защиты. Я очень надеюсь, что знаю. К тому же у меня отличная команда, и она уже дважды за сегодняшний день справилась с "работой". Думаю, у нас есть преимущество перед соперником, но его надо развить, если мы хотим увидеть Ли Дэвис живой и невредимой.

Хэйдэн сжал кулаки, уперся ими в крышку стола и, размышляя вслух, произнес:

- У меня есть право остановить вас, но я им не воспользуюсь, если вы сделаете так, как скажу я. Постоянная радиосвязь, вооруженная охрана, коптеры, приведенные в боевую готовность...

- Большое спасибо, сэр, но я вынужден отказаться, помня, что случилось с геологами...

- В таком случае, - произнес Хэйдэн, натолкнувшись на решительный взгляд Брона, - я иду с вами. Я несу ответственность за жизнь Ли. Решайте: либо вы идете со мной, либо никуда не идете.

- Тогда по рукам, губ, - улыбнулся Брон. - Лишняя пара глаз не помешает, к тому же может понадобиться свидетель. Сегодня вечером на плато события будут развиваться стремительно. Да, забыл сказать самое главное - никакого оружия с собой.

- Это самоубийство.

- Послушайте моего совета, памятью о трагедии - вы скоро поймете, что у меня есть для этой просьбы серьезные основания. Я оставляю все свое снаряжение на складе. Надеюсь, его туда перевезут и сохранят до нашего возвращения.

ГЛАВА 6

Брон заставил себя одолеть десять часов сна; он не сомневался, что запас ему не помешает.

В полдень прикатил грузовик, погрузил снаряжение и увез его, после чего отряд выступил в путь. Губернатор Хэйдэн оделся соответственно "прогулке" со стадом: охотничьи ботинки и костюм из толстой грубой ткани. Двигались они со скоростью самых медленных поросят; со всех сторон раздавались шумные комментарии горожан, а свиньи шустрили по канавам в поисках съестного. Брон направил стадо по маршруту предыдущей экспедиции. К плато вела извилистая дорога, проложенная вдоль берега быстрой реки с мутной водой.

- Река пересекает плато? - спросил Брон.

- Да, - ответил Хэйдэн. - Она начинается в горах и спускается вниз на плато.

Брон, едва успев кивнуть, бросился высвобождать пищащего сосунка, который ухитрился втиснуться между камнями и застрял. Это небольшое происшествие оказалось на их пути единственным. К заходу солнца они поднялись на плато и остановились на прогалине, рядом с поляной, на которой нашла свой последний приют предыдущая экспедиция.

- Вы считаете, что мы удачно выбрали место? - спросил Хэйден.

- Лучше не придумать, - ответил Брон. - Оно будто специально приготовлено для нас, - и посмотрел на солнце, коснувшееся горизонта. - Давайте поужинаем. К наступлению темноты мы должны находиться в боевой готовности.

Брон установил огромную палатку; внутри нее стояла пара складных стульев да висел фонарь, работающий на батарейках.

- В духе спартанцев?! - схибно заметил Хэйден.

- Тащить в горы оборудование за сорок пять световых лет только для того, чтобы его уничтожить? Мы разбили лагерь, и это самое главное. Все необходимое оборудование - здесь, - он похлопал по небольшому пластиковому мешку на плече. - А теперь - жевать.

Хороший офицер прежде всего заботится о своем войске - первыми были накормлены свиньи. Хэйден и Брон расположились за пустой коробкой, в которой хранился пищевой рацион для свиней. Положив на коробку два саморазогревающихся обеда, Брон снял с них изолирующую упаковку и вручил Хэйдену пластиковую вилку. К тому времени, как они закончили трапезу, стало совсем темно. Брон высунулся в проем палатки, свистом подозвал Крепыша и Завитка. Оба борава мгновенно появились из темноты и резко остановились перед Броном, оставив на земле глубокие борозды.

- Отлично, ребята, - улыбнулся Брон и похлопал кабанов по спинам. Крепыш и Завиток восторженно захрюкали и уставились на него, выкатив глаза. - Они, знаете ли, уверены, что я их мамаша. Брон спокойно ждал, когда Хэйден справится с удивлением. - Звучит забавно, но это абсолютная правда. Дело в том, что их отняли от свиноматки сразу после рождения, и я выкормил их собственными руками, поэтому именно я запечатлелся в их памяти как родитель.

- Их родители - свиньи, - Хэйден искоса посмотрел на Брона, - вы не очень-то похожи на свинью.

- Вы просто никогда не сталкивались с термином "имбридинг". Доказано, что котенок, выращенный со щенками, считает себя собакой. На его поведение влияют не только ассоциативные воспоминания детства. В данном случае срабатывает психологический процесс, называемый имбридингом. Механизм действия основан на том, что родителем своим - котенок или щенок - считают первое существо, которое они видят, когда у них открываются глаза. Ведь, как правило, новорожденный видит своего родителя, как правило - но не всегда. Вот почему котенок уверен, что его мать - собака. А мои кабаны-переростки уверены, что их родитель - я. Я приступил к их обучению, окончательно убедившись в их сыновней преданности, без нее нельзя чувствовать себя совершенно спокойно рядом с ними. Как бы разумны они ни были, кабаны остаются стремительными, неутомимыми зверями, способными запросто убить. Но их преданность, в свою очередь,

значит, что я нахожусь в безопасности, пока они рядом со мной. Если кто-либо попытается напасть на меня в их присутствии, они выпотрошат его за считанные секунды. Я рассказываю все это для того, чтобы вы ненароком не совершили какой-либо глупости. А теперь – отдайте пистолет, который вы обещали не брать.

Рука Хэйдена дернулась к набедренному карману и остановилась, потому что оба кабана повернули головы в его сторону, уловив резкое движение. Крепыш, которого Брон тут же потрепал по загривку, от радости распустил слюни. Губернатор обратил внимание, как капля слюны стекла по языку кабана на острое десятидюймового клыка.

- Оружие необходимо мне для самозащиты... – запротестовал Хэйден.

- Без пистолета вы защитите себя надежней. Доставайте, только без резких движений.

Вздыхнув, Хэйден вытащил компактный плазмострел и протянул Брону, который повесил оружие на крюк, рядом с фонарем.

- А теперь – выверните карманы, – сказал он. – Все металлические предметы должны лежать на этой коробке.

- Чего вы от меня хотите?

- Побеседуем чуть позже, сейчас не время. Вытаскивайте.

Хэйден, глянув на кабанов, опустошил карманы, Брон поступил точно так же. Они разложили на коробке коллекцию монет, ключей, ножииков и небольших инструментов.

- Конечно, сейчас поздно решать, как поступить с металлическими деталями ваших ботинок, – вздохнул Брон, – но не думаю, что они доставят нам неприятности. Видите, я предусмотрительно надел ботинки из эластича.

Люди вышли из палатки в крошечную тьму; Брон, посвистывая, отвел свое войско в близлежащий лес, рассредоточив свиней под деревьями на доброй сотне ярдов... Лишь понятливая Царевна осталась с ними, лежа за стулом Брона.

- Я требую объяснений, – объявил губернатор Хэйден.

- Не сбивайте меня, губ, я прорабатываю свою версию. Если до утра ничего не произойдет, я вам все объясню – и даже принесу свои извинения. Ну разве она не красавица? – добавил он, уходя от темы разговора, и наклонился к массивной туше, застывшей у его ног.

- Боюсь, я бы употребил по отношению к ней совсем другое прилагательное.

- Ну ладно, только не произносите его вслух громко. Царевна неплохо понимает английский, и я не хочу, чтобы она была задета. – Брон на несколько секунд задумался. – Отношение к свиньям связано с недоразумением. Свиней называют грязными, но лишь из-за того, что их вынудили жить в грязи и отбросах. От природы они чистоплотны и привередливы. Они склонны вести сидячий образ жизни и расположены к полноте – точно как и люди – они легко набирают вес, если их посадить на соответствующую диету. Если как следует разобраться – они похожи на людей любого животного: они страдают от язвы и болезней сердца. Как и у людей, их тело лишь слегка покрыто волосами, а зубы идентичны нашим

зубам. Они похожи на нас даже своим темпераментом. Несколько столетий назад один из первых физиологов - Павлов - использовал собак в научных экспериментах и попытался повторить опыты на свиньях. Но стоило поместить свинью на операционный стол, животное начинало визжать, как сумасшедшее, и вырываться. Он сделал вывод, что они "врожденно истеричны", и вернулся к собакам, что доказывает - и у гениальных умов случаются проколы. Свиньи отнюдь не истеричны - они невероятно чувствительны в отличие от собак. Реакция свиньи соответствует реакции человека, которого пытаются связать, чтобы положить на операционный стол для немедленной вивисекции... Что там? - спросил он у Царевны. Она резко приподняла голову, навострила уши и хрюкнула.

- Ты что-то слышишь? - поинтересовался Брон. Свинья в ответ хрюкнула громче и вскочила на ноги. - Напоминает шум приближающегося мотора? - Царевна кивнула мощной головой, по-человечески утвердительно ответив на вопрос.

- Быстро в лес! Под деревья! - закричал Брон, подталкивая Хэйдена. - Быстрее! Еще несколько секунд и - можете считать себя покойником!

Очертя голову они бросились к деревьям и едва спрятались за ними, как услышали далекий, приближающийся рокот. Хэйден попытался задать вопрос, но его тут же ткнули лицом в листья, - грохочущая тень наплыла на поляну, заслонив собой звезды. Хэйден поднял выпученные глаза - что это? Сучья и листья взлетели в воздух над их головами; губернатору показалось, что его тянут за ноги, стараются приподнять. - Брон дунул в пластиковый свисток и скомандовал: "Крепыш, Завиток - в атаку!", - вытащил продолговатый предмет, напоминающий палку, и бросил его на поляну. Ударившись о землю, пирсвеча с хлопком загорелась, слепя глаза ярким пламенем. Тень оказалась машиной, не менее десяти футов в диаметре: округлой, черной и гремющей, к ее поверхности крепилось несколько дисков. Она зависла в футе над травой. Один из дисков повернулся в направлении палатки. Последовала серия хлопающих и щелкающих звуков - тент разорвало на части, и он рухнул на землю. В то же мгновение люди увидели атакующих кабанов, появившихся на противоположной стороне поляны. Они мчались неправдоподобно быстро с опущенными головами и бешено мелькающими ногами. Один из них, на секунду опередив другого, врезался в машину, проломив корпус. Раздался звон металла и треск искореженных механизмов, машину отбросило в сторону, она накренилась так сильно, что едва не перевернулась. Второй кабан, оценив ситуацию, закрепил успех. Не замедляя бега, он прыгнул через открытый верх в кабину машины. Хэйден с ужасом наблюдал за битвой. Машина опустилась на землю, то ли из-за повреждения механизмов, то ли из-за солидного веса кабана. Первый кабан, приподнявшись на ногах, взобрался по краю и нырнул вслед за вторым. Несмотря на рокот мотора, Хэйден хорошо слышал звуки ломающейся аппаратуры и тонкие пронзительные вопли. Потом раздался грохот рвущегося металлического корпуса, и гудение мотора прекратилось одновременно с затихающим стоном. Как только с первой машиной было покончено - послышался рокот мотора второй машины.

- Еще одна! - Брон вскочил на ноги и дунул в свисток. Один из кабанов приподнял голову, высунулся из останков машины и прыгнул на землю. Второй с шумом продолжал буйствовать внутри кабины. Первый кабан метнулся на звук, как камень, выпущенный катапультой, и оказался на месте приземления одновременно с машиной, появившейся на краю поляны; он вонзил клыки в обшивку и отодрал от машины длинную черную полосу. Машина накренилась, ее водитель, увидев останки первой машины, заложил крутой вираж и скрылся в темноте. Брон достал вторую пиросвечу, бросил к первой, которая уже догорала. Одна свеча горит в течение двух минут, так что вся операция - от начала до конца - заняла еще меньше времени.

Брон подошел к уничтоженной машине, Хэйден поспешил следом. Кабан, выпрыгнув из машины, стоял возле нее, тяжело дыша; он принялся вытирать клыки о землю.

- Что это? - спросил Хэйден.

- Экраноплан, - ответил Брон. - Сегодня их редко встретишь - но и им нашли применение. Экранопланы легко передвигаются над открытой поверхностью, над водой и никогда не оставляют следов. Но они не летают между деревьями или над лесом.

- Никогда о них не слышал.

- Ничего удивительного. С тех пор, как лучистую энергию научились накапливать в компактных батареях, на их основе создали более современные средства передвижения. Но до изобретения компактных батарей экранопланы собирали в таком же количестве, как дома. Они являются гибридом наземного и воздушного транспорта. Да, они летают по воздуху, но их движение зависит от наличия твердого грунта или воды, так как они держатся в воздухе за счет "воздушной подушки".

- Вы знали, что они прилетят, поэтому мы спрятались в лесу?

- Я подозревал. Как и то, что прилетят именно они. - Брон указал внутрь разбитого экраноплана; Хэйден отпрянул, пораженный открывшейся картиной.

- Я стал забывчив, но это происходит не только со мной, - сказал губернатор. - Инопланетян я видел лишь на картинках, для меня они оставались чем-то нереальным. Но эти существа! Кровь, зеленая кровь. Серая кожа, саблевидные трубчатые конечности - как на картинке, которую я видел; неужели это...

- Салбени, вы правы. Одна из трех разумных рас инопланетян, которую мы встретили за время нашего освоения Галактики. И единственная, обладающая средствами межзвездных перелетов. Они уже отхватили себе кусок Галактики и отнюдь не рады нашему появлению. Мы стараемся держаться подальше от них, и при каждом удобном случае даем им понять, что не имеем намерений захватить их территории. Вы знаете, что и люди не всегда находят общий язык, а договориться с инопланетянами и того тяжелее. Но хуже всего иметь дело с Салбени. У них по жилам течет не кровь, а сама подозрительность. Несомненно, многие факты указывали на то, что они здесь, на Тростри, но я окончательно уверился, лишь столкнувшись с ними... нос к носу. Они предпочитают ультразвук в качестве

оружия. Человеческое ухо не воспринимает его, зато животные способны его слышать. Можно повысить частоту до уровня, так что даже животные перестают его воспринимать - но они чувствуют его, впрочем, как и мы. С помощью ультразвука можно проделывать таинственные вещи. - Брон постучал по вогнутому диску, не очень-то похожему на микроволновую антенну.

- Это первый ключ к разгадке. В лесу спрятаны ультразвуковые прожекторы, их невозможно услышать, но легко почувствовать страх и беспокойство, которые они вызывают. Вот она, аура необъяснимого, висящая над плато и заставляющая людей его сторониться. - Он дунул в свисток, сигнализируя стаду общий сбор.

- Животные, как и человек, стараются обходить стороной источники излучения, которые использовались как орудия охоты, как средства запугивания. Когда ультразвук перестал вызывать страх и люди вернулись, Салбени прибегли к более изощренным методам нападения. Взгляните на свои ботинки и на фонарь.

От удивления Хэйден раскрыл рот: металлические ушки исчезли с ботинок, а шнурки, разорванные на кусочки, свисали из лохматых отверстий. Фонарь, как и металлическое оборудование предыдущей экспедиции, оказался смят.

- Магнитострикция, - пояснил Брон. - Они проецируют на металлические предметы увеличивающееся и уменьшающееся магнитное поле невероятной интенсивности, которую трудно выразить в гаусах. Похожая технология используется на фабриках для пластической обработки металлов. Но как вы могли убедиться, ее применяют и в полевых условиях... Сначала магнитострикция, а затем - прожекторы, чтобы довершить дело. Даже обычный сканирующий радар вызывает на теле ожог, если встать к нему слишком близко. А специальные ультразвуковые прожекторы превращают воду в пар, взрывают органические материалы. Именно так Салбени поступили с группой геологов, остановившихся здесь, на плато - неожиданно включили свое зверское оружие в тот момент, когда люди находились в палатках, окруженные оборудованием; оно взорвалось, уничтожив и себя, и людей... А теперь - пойдемте.

- Не понимаю, что все это значит? Я...

- Позднее. Мы обязаны догнать улетевший аппарат.

На краю поляны, где исчез второй экраноплан, они обнаружили длинную покоренную полосу черного пластика.

- Часть днища машины. Без нее он начнет крениться и терять высоту. Это поможет нам преследовать его. - Он протянул пластик Царевне, Жасмин и другим свиньям, столпившимся вокруг людей.

- Как вы знаете, собаки прекрасно берут след, но могу вас заверить - у свиней нюх не хуже собачьего, если не лучше. Как факт напоминаю, что в Англии многие годы использовали охотничьих свиней, а не собак. И еще свиней натаскивали вынюхивать трюфеля. Вот, полюбуйтесь!

Похрюкивая и повизгивая, лучшие из питомцев Вьюбера, рванувшись по следу, растворились в темноте. Мужчины, спотыкаясь, побежали следом в окружении остального стада. Хэйден, пробежав несколько ярдов,

остановился, чтобы подвязать ботинки полосками разорванного носового платка. Губернатор ухватился за ремень Брона, который, в свою очередь, погрузил пальцы в густые пряди на загривке Завитка; в таком порядке они дружно проламывались сквозь заросли. Экраноплан мог лететь только над открытой местностью, иначе их кошмарная погоня бесполезна. Невдалеке из темноты поднялся треугольник горы; Брон свистом собрал стадо.

- Остановитесь! - приказал он. - Остаться на месте, вместе с Царевой! Завиток, Крепыш и Жасмин - со мной.

Впятером они двинулись медленнее и осторожнее; наконец трава сменилась обломками скал, заскрежетавшими под ногами, и они остановились возле вертикальной стены. Слева темнело узкое ущелье, они услышали, как внизу плещется вода.

- Вы, кажется, говорили мне, что эти штуковины не могут летать? - напомнил Хэйдэн.

- Не могут. Жасмин, ступай по следу.

Маленькая свинка приподняла голову, фыркнула. Ее копытца застучали по камням и замерли у ровной вертикальной плиты.

ГЛАВА 7

- Наверное, это замаскированный вход? - предположил Хэйдэн, положив ладонь на шершавую поверхность плиты.

- Конечно, он где-то здесь. Жаль только, что нет времени подобрать ключ. Спрячьтесь-ка за скалой, а я постараюсь открыть запертые ворота.

Брон достал из мешка небольшие прямоугольники - пластиковую взрывчатку - и прикрепил их к скале в углах квадрата над местом, указанным Жасмин. Вдавив во взрывчатку детонатор, он включил таймер и побежал. Едва он успел броситься на землю рядом с остальными, как в небо взметнулось пламя взрыва, земля задрожала; вокруг забарабанили камни. Мужчины бросились вперед сквозь пыль и увидели свет, лившийся из продольной расщелины в скале. Кабаны не задумываясь бросились сквозь нее, и расщелина расширилась. Оказавшись внутри, Брон успел заметить, как закрылась массивная металлическая дверь соседней секции. Он повернулся и внимательно изучил тоннель, который вел к центру горы.

- Что будем делать? - шепотом спросил Хэйдэн.

- Сейчас решим. Ночью или на открытой местности я не задумываясь напустил бы на Салбени моих кабанов, но тоннели для них - смертельные ловушки. Даже их стремительность не защитит от лучевого ружья. Я не пушу их вперед в таких невыгодных условиях. А пока - всем прижаться к стене.

Губернатор достаточно быстро выполнил приказание, а вот с возбужденными кабанам - пока один не лишился части хвоста, а второй не получил пары крепких тычков - пришлось повозиться. Лишь через несколько минут Брон решился действовать, он резко включил свет на стене входной камеры тоннеля. Массивная, вмонтированная в стену дверь начала

медленно подниматься, луч лазера тут же пронзил образовавшееся отверстие.

- Ангар экраноплана, - прошептал Брон. - Похоже, кто-то из Салбени засел внутри.

Кабанов мелко затрясло от нерастраченной энергии. Стоило двери приподняться на высоту, достаточную, чтобы впустить их, они, не дожидаясь команды, - да она им была просто-напросто не нужна - бросились в атаку, одновременно, как близнецы-фурии.

- Оружие не трогать! - закричал Брон одновременно с повторным и последним выстрелом лазера. В ответ из ангара донесся громкий хруст.

- Теперь и мы можем войти, - сказал Брон.

Внутри секции, заставленной станками и инструментами, они обнаружили тело единственного Салбени, скорее всего - механика; он уже снял с экраноплана искаженную обшивку, и подготовил новую, чтобы начать ремонт машины. Брон перешагнул через труп и поднял лазерное ружье.

- Вы когда-нибудь стреляли из такого? - спросил он.

- Нет, но хотел бы научиться.

- В другой раз. У меня есть опыт точной стрельбы из этого оружия, и я буду счастлив доказать вам, что прав. Оставайтесь здесь.

- Нет.

- Как знаете. В таком случае, стойте за моей спиной, возможно, мы достанем оружие и для вас. Но поторопимся заставить их врасплох.

В сопровождении двух кабанов, они осторожно двинулись по хорошо освещенной пещере, Хэйдэн следовал за Броном по пятам. Неожиданность подстерегала их на первом же пересечении тоннелей; они находились ярдах в двадцати от следующего тоннеля, когда из него выскочил Салбени и вскинул ружье. Брон, не поднимая руки и, казалось, не целясь, сделал одиночный выстрел, пришелец беззвучно повалился на каменный пол.

- Взять их! - скомандовал Брон, и кабаны бросились к пересечению тоннелей, разделившись, свернули в противоположные стороны. Брон, целясь в устье тоннеля, стрелял поверх них, пока воздух не нагрелся так, что аж затрещал, а лазер полностью не разрядился. Мужчины бросились вперед, но оказались у пересечения тоннеля, когда битва уже завершилась. Крепышу обожгло бок, что не умерило его прыти, наоборот, добавило злости. Пыхтя, как паровой двигатель, он вгрызлся в наспех сооруженную баррикаду, цепляя клыками и перекидывая через голову коробки и мебель, сваленную в кучу.

- А вот и для вас подарок, - Брон поднял с пола лазерное ружье. - Я установлю его на максимальную мощность и на одиночные выстрелы. Вам останется прицеливаться и нажимать курок. Пойдемте. Конечно, они уже знают, что мы проникли в тоннель, но нам повезло, что Салбени не готовились к сражению внутри собственного убежища.

Они побежали, то убыстряя бег, то останавливаясь, когда наталкивались на сопротивление. Миновав одну из ниш тоннеля, они услышали приглушенные голоса.

- Подождите-ка. Что там, вы слышите? Очень напоминает человеческие голоса.

Металлическая дверь была вмурована в камень, но луч лазера превратил замок в расплавленную лужу. Брон толкнул дверь.

- Я почти не сомневалась, что нас никто никогда не найдет, что мы здесь так и умрем, - сказала Ли Дэвис. Она с большим трудом вышла из камеры, поддерживаемая высоким мужчиной с такими же медно-рыжими волосами.

- Хью Дэвис? - спросил Брон.

- Он самый, - ответил Хью. - Знакомиться будем после. Когда они тащили меня в камеру, я успел запомнить много интересного. Самое главное - центральная контрольная рубка. Все управление осуществляется из нее, станция энергообеспечения расположена в соседнем помещении. В рубке - аппаратура связи.

- Отлично, - кивнул Брон. - Если мы захватим рубку и отключим электроснабжение, то оставим их без света. Моим кабанам должно понравиться: тогда они смогут шнырять повсюду до прибытия подкрепления. Из рубки мы свяжемся с городом.

- Я бы очень хотел забрать оружие из ваших рук, губернатор, совсем ненадолго, - Хью Дэвис кивнул на лазерное ружье. Если вы разрешите. Надо бы кое с кем расквитаться.

- Оно ваше, - согласился Хэйдэн, - показывайте дорогу к рубке.

Бой за пульттовую оказался быстротечен - кабаны постарались и за себя, и за людей. От мебели остались одни щепки, зато контрольные приборы продолжали работать.

- Оставайтесь у входа, Хью, - сказал Брон, - я читаю по- салбенийски, а вы, вероятно, нет. - Он что-то промышчал себе под нос, продираясь сквозь фонетику символов и удовлетворенно рассмеялся. "Контур освещения", - ничего другого означать не может. - Брон утопил кнопку, и свет погас.

- Надеюсь, темнота повсюду? - тихо спросила Ли из чернильных глубин рубки.

- Несомненно, - ответил Брон. - Так, вот эта кнопка - "Контур аварийного освещения рубки"... - Голубые плафоны под потолком мигнули и ожили.

Ли громко вздохнула.

- Кажется, впечатлений мне хватит надолго.

Кабаны нетерпеливо следили за Броном, их глаза светились красными угольками.

- Идите, мальчики, - Брон махнул рукой, - только не попортите свои шкуры!

- Это едва ли, - заметил Хью. Громадные животные стремительно вылетели в дверь, так что стук копыт слился в один глухой звук, не предвещающий Салбени ничего хорошего. - Я видел их в деле и рад, что они на моей стороне.

Отдаленный треск и тонкий возглас эхом ответил на его похвалы.

Губернатор Хэйдэн посмотрел на огоньки контрольных приборов.

- Теперь, - сказал он, - когда неожиданности и опасности на время покинули нас, пусть кто-нибудь объяснит мне, что же здесь произошло. И, вообще, в чем дело?

- Рудник, - Хью указал на схему расположения тоннелей, висевшую на противоположной стене рубки. - секретная урановая шахта, которую Салбени эксплуатируют многие годы. Не знаю, как они вывозят уран, но

добыча и обогащение руды - все процессы механизированы - происходит именно здесь, а отходы сбрасываются в реку.

- А я расскажу, что происходит с обогащенной рудой, - добавил Брон. - Когда партия груза готова к отправке, ее забирает челнок. У Салбени далеко идущие замыслы расширить свои владения в космосе. Но они ограничены в месторождениях тяжелых металлов, а Земля прикладывает все усилия, чтобы положение не изменилось для инопланетян к лучшему. Одна из причин заселения Троубри - планета рядом с сектором, занимаемым Салбени. Если у Земли нет потребности в урановой руде, это не значит, что мы готовы отдать ее в руки Салбени. Патруль не имел информации, что Салбени вывозят уран с Троубри - именно с Троубри - нам стало известно, что они его где-то добывают. Рассматривалось несколько вариантов, но когда губернатор обратился в Патруль за помощью, версия с Троубри стала наиболее вероятной.

- И все же я чего-то не понимаю, - сказал Хэйден. - Мы можем обнаружить любой корабль с помощью радарной системы.

- Не сомневаюсь, - кивнул Брон, - Салбени нужен был хотя бы один человек для сотрудничества с ними, но не просто человек, а специалист, имеющий информацию о посадках кораблей.

- Человек! - воскликнул Хэйден и стукнул костяшками пальцев по металлическому корпусу какого-то прибора. - Невозможно! Предатель среди людей? Кто пойдет на это?

- Трудно не догадаться, учитывая известные факты, - ответил Брон, - особенно теперь, когда ваша кандидатура, как возможный вариант, отпала...

- Моя кандидатура ?!

- Вы самый подходящий объект для подозрений, вы хорошо информированы, и вам легче, чем кому бы то ни было, заметить следы преступлений; вот почему я не слишком откровенничал с вами. Но ваша неосведомленность о нападении экранопланов и отсутствие знаний о мангитострикции заставили меня вычеркнуть вас из списка подозреваемых. Осталась единственная возможная кандидатура: Реймон - оператор радиостанции.

- Он прав, - вздохнула Ли, - Реймон разрешил мне переговорить с Хью по фону, а потом заставил пригласить Вьюбера, угрожая, что убьет Хью, если я откажусь. О причинах встречи с вами он не сказал, а я не знала...

- Вы и не могли знать, - улыбнулся Брон. - Он не похож на профессионала и скорее всего выполнял задание Салбени избавиться от меня. Он честно отработывал деньги, не замечая, как Салбени опускаются на Троубри. Это он проследил, чтобы радиосвязь с группой Хью прервалась одновременно с нападением Салбени. Наверное, он записывал сигналы, давая убийцам время - час или два - чтобы расправиться с группой, после чего сообщил о том, что связь внезапно прервалась. Трагедия подлила масла в огонь таинственности, окутывавшей плато. Губернатор, - Брон повернулся к Хэйдену, - надеюсь, вы составите положительный отчет о операции, проведенной С.В.И.Н.ом.

- Не беспокойтесь, - заверил Хэйден и посмотрел на Жасмин; маленькая свинка лежала у его ног и с наслаждением поглощала пищевой запас Салбени. - Если честно, я не смогу есть окорок до конца своих дней.

КОРОЛЬ ГОРОДА

Я стоял на краю пустыря, огороженного металлической сеткой с висющими на ней обрывками бумаги и прочего мусора. По ту сторону находилась стоянка автомобилей, больше похожая на свалку. Колымаги, стоявшие под навесом, давно скучали по струе воды из шланга. За стоянкой темнело двухэтажное здание. В прошлом чей-то загородный особняк, оно превратилось в контору, о чем свидетельствовала вывеска над дверью: "Эскорт Хога". За исключением этих аршинных букв, выкрашенных в желтый цвет, на здании не было и следа краски.

В конторе меня встретил невысокий, коренастый тип, не брившийся, видимо, со вчерашнего утра. Полюбовавшись на меня и пожевав сигару, он сообщил:

- Эскорт от ворот до ворот обойдется тебе в две тысячи кредиток, - и добавил: - Гарантирую.

- Что гарантируешь? - спросил я.

- Гарантирую поездку в город и обратно, - пояснил он, рассматривая свою сигару. - Если в пути тебя никто не шлепнет.

- А как насчет рейса в один конец?

- Ну да, а мой парень поедет обратно "за так".

Восемь часов назад я потратил на чашку кофе последнюю десятку, но мне позарез надо было в город.

- Ты меня не так понял. Я не клиент. Я ищу работу.

- Ну да? - Он опять смерил меня взглядом. В ту минуту он походил на парня, чья новая подружка вдруг заговорила о цене. - Ты знаешь город?

- Еще бы! Я там вырос.

Он задал мне несколько вопросов, потом нажал кнопку, красовавшуюся в центре грязного пятна на стене. Через секунду дверь отворилась, к нам вышел высокий, костлявый детина с толстыми запястьями и острым кадыком, торчавшим среди тугих шейных сухожилий.

Сидевший за столом хозяин мотнул в мою сторону головой.

- Ну-ка, вышвырни его, Левша!

С сожалением взглянув на меня, Левша обогнул стол и потянулся к моему вороту. Я ушел вправо, а левой хорошенько двинул ему в челюсть. Устоять на ногах ему не удалось.

- Попробую-ка я поискать работу в другом месте. - Я повернулся к двери.

- Эй, не спеши, приятель! Левша для того и нужен, чтобы отличать мужчин от желторотых юнцов.

- Так я принят?

Хог вздохнул.

- Ты вовремя пришел. Нам не хватает дельных ребят.

Я помог Левше встать и уселся в кресло. За полчаса Хог ознакомил меня со сложившейся в городе ситуацией. Ее нельзя было назвать благополучной. После лекции я поднялся по лестнице в "штурманскую" и стал ждать вызова.

Часам к десяти в дверях появился Левша. Мотнув головой, он буркнул:

- Эй, ты, новенький!

Подпоясав пальто, я спустился вслед за ним по темной лестнице и вышел на мокрое, захламленное шоссе. Там стояли Хог и невысокий, хорошо одетый мужчина лет пятидесяти с коротким, невыразительным лицом.

- Мистер Стенн, это Смит. Он - ваш сопровождающий. Надо во всем его слушаться. Он отвезет вас в город, поможет уладить дела и вернуться.

Взглянув на меня, клиент пробормотал:

- Надеюсь... за такие-то деньги.

- Смит, ты поедешь с мистером Стенном на "шестнадцатом". - Он похлопал ладонью по обшарпанной гоночной колымаге цвета желчи. К ее корпусу было прибито с полдюжины лицензионных блях враждующих городских правительств.

Должно быть, Хог заметил недоверие на лице Стенна.

- Тачка невзрачная, зато крепкая. Сплошная броня, надежные гироскопы, амортизаторы и система жесткой страховки. Это лучшая моя машина.

Стенн кивнул, откинул колпак и забрался на сиденье. Я постарался как можно удобнее расположиться за рулем. Попробовав ногой педаль газ, я прислушался к гулу турбин. Звук мне понравился.

- Вам лучше пристегнуться, мистер Стенн, - посоветовал я пассажиру.

- Поедем по канадской автостраде. Все будет в порядке, положитесь на меня.

Я развернул "шестнадцатый", и вскоре вывеска "Эскорт Хога" осталась позади. На восточной магистрали я разогнал машину до девяноста миль в час. Хог не соврал. Под капотом у нее прятался настоящий дракон. Я коснулся локтем теплового пистолета, пристегнутого к сиденью. Неплохое начало. Возможно, эта пушка да старичек "шестнадцатый" помогут мне добраться до города...

- Мне надо в район Манхэттана, - сказал Стенн.

Меня это устраивало. Собственно, мне впервые повезло с той минуты, как я сжег свою форму. Я взглянул в зеркальце на лицо Стенна - оно оставалось равнодушным. Он был похож на добродушного маленького человечка, которому взбрело в голову забраться в клетку к тиграм.

- Это очень опасный район, мистер Стенн. - Он не ответил, и я продолжил желая вытянуть из него какие-нибудь сведения. - Туристы редко пытаются туда проникнуть.

- Я бизнесмен, - произнес Стенн.

Я прекратил расспросы, решив, что он знает, наверное, чего хочет. Мне выбирать не приходилось - ступив на скользкую дорожку, надо было идти по ней до конца.

Через пятнадцать минут впереди появились красные сигнальные огни. Вспомнив напутствие Хога, я притормозил.

- Сейчас мы подъедем к первой заставе, мистер Стенн, - сказал я. - Здепнего босса зовут Куций Джо. Все, что ему нужно, это плата за проезд. Вы сидите в машине, я все улажу. Что бы ни случилось, молчите и не вмешивайтесь. Понятно?

- Понятно, - ответил Стенн.

Лучи наших фар скользнули по ежам танковой ловушки. Я поставил машину на ручной тормоз и выбрался наружу.

- Не забудьте, - напомнил я Стенну, - что бы ни случилось, не вмешивайтесь. - Я пошел вперед, освещаемый фарами.

- Выруби свет, деревенщина! - прозвучал сбоку голос.

Я вернулся к машине и выключил фары. У дороги маячали трое.

- Подними руки, ты обормот!

Один из них был на голову выше остальных. В тусклом свете красного сигнального фонаря я не мог разглядеть его лица, но знал, кто он.

- Здорово, Куций! - сказал я.

Он приблизился.

- Ты знаешь меня, деревенщина?

- Еще бы! Первым долгом я обязан выразить почтение мистеру Куцему, так сказал Хог.

- Слыхали, ребята? - хохотнул Куций. - Оказывается, меня знает вся округа. Ха!

Уже не смеясь, он взглянул на меня.

- Что-то я тебя прежде не видел.

- Первый рейс.

Он показал пальцем на машину.

- Кого везешь?

- Бизнесмен. Фамилия - Стенн.

- Да? И какой у него бизнес?

Я покачал головой.

- Мы не пристаем к клиентам с расспросами, Куций.

- Поглядим. - Куций с подручными двинулся к машине, я пошел следом. Куций посмотрел на Стенна. Тот сидел неподвижно и глядел прямо перед собой. Отвернувшись, Куций кивнул одному из помощников, и они отошли на несколько ярдов.

Оставшийся низкорослый крепыш в замасленном плаще, с головой, похожей на пулю, некоторое время внимательно рассматривал Стенна. Неожиданно он откинул колпак, вытащил из кармана старый автоматический пистолет, приставил его к виску Стенна и нажал на спуск.

Боек щелкнул вхолостую.

- Чпок! - сказал крепыш. Сунул пистолет в карман, захлопнул колпак и отошел к Куцему.

- Эй, деревенщина! - окликнул меня Куций.

Я обернулся.

- Так и быть, мы тебя пропустим, - сказал он. - Плата обычная - пять сотен в старых федеральных бумажках.

Теперь надо было действовать осторожно. Сделав равнодушное лицо, я не спеша вытащил бумажник, извлек две сотенные и протянул Куцему.

Тот глядел на них, не шевелясь. Зато крепыш в грязном плаще подскочил и попытался стукнуть меня ладонью по запястью. Не тут-то было: отдернув руку, я рубанул его ребром ладони чуть выше ключицы.

- Вряд ли стоит держать в организации таких клоунов, Куций.

Куций посмотрел на помощника, потыкал его носком ботинка.

- Клоун, - произнес он, после чего взял деньги и сунул их в карман куртки. - Ладно, деревенщина, - буркнул он на прощанье. - Передай привет Хогу.

Я забрался в машину и подъехал к шлагбауму. Он со скрипом поднялся. Склонившись над парнем, которого я свалил, Куций вытащил у него из кармана пистолет, снял с предохранителя. Послышался хлопок, человек в плаще дернулся. Куций выпрямился и улыбнулся в мою сторону.

- Таких и впрямь не стоит держать.

Я помахал ему рукой, и машина помчалась дальше.

II.

У меня в ухе загудел динамик. Я назвал свое имя и с трудом разобрал слова:

- Слушай, Смит. Как только пересечешь Южную Кольцевую, сверни на Среднезападное шоссе. Там особо не гони, чтобы не пропустить девятую станцию. У станции его высадишь. Понял?

Я узнал голос. Он принадлежал Левше. Я не ответил.

- Что вам сказали? - спросил Стенн.

- Не понял, - буркнул я. - Ничего.

Впереди виднелись огни Южной Кольцевой. Я снизил скорость до ста и задумался. Моему пассажиру надо было ехать дальше, мне - тоже. Ну и ладно, незачем давать крюк. Я снова разогнался до ста пятидесяти, визжа гироскапами прошел поворот и вырулил на прямой участок.

Загудел динамик.

- Куда ты прешь, умник?! - закричал Левша. - Ты только что проскочил Южную Кольцевую...

- Верно, - ответил я. - Если Смит взялся за дело, все будет в порядке. Не вызывай нас, мы сами тебя вызовем.

Динамик долго гудел.

- Ах ты, хитрюга! - наконец сказал Левша. - Видать, ты и впрямь парень не промах. Твой пассажир просто набит деньгами. Когда он расплавился с Хогом, я видел его бумажник. Ладно, беру тебя в долю. А теперь слушай...

Он подробно проинструктировал меня. Когда он замолчал, я сказал:

- Не ждите меня.

Вытащил из уха динамик и бросил на дорогу. Некоторое время мы ехали молча.

Я начал узнавать местность. Эту часть магистрали построили до моего отъезда. Она не изменилась, если не брать во внимание отсутствия транспорта и темные окна придорожных домов.

Я попытался угадать, что теперь предпримет Левша, и тут слева вспыхнули мощные фары. Набирая скорость, машина понеслась к шоссе. Но мы проскочили. Послышался звон, на плечо мне посыпались осколки стекла. Я оглянулся. В колпаке над задним сиденьем зияла дыра.

- Пригнись! - крикнул я. Стенн сложился пополам, прикрыв голову руками.

Мы то и дело попадали в лучи фар. Я повернул заркальце заднего обзора и увидел трехтонную боевую машину. Хотя из вооружения на броневику осталась лишь спаренная пулеметная установка, по сравнению с ним наш старый "шестнадцатый" выглядел игрушечным автомобильчиком.

Я не сбрасывал скорости и лихорадочно пытался что-нибудь придумать.

В полумиле впереди должен был находиться бетонный барьер - одно из тех уродливых сооружений, которые в первые дни существования магистрали вызвали столько аварий. Может быть, мои друзья не знают о нем?

Они почти настигли меня. Прозвучал выстрел, другой - но я оставался невредим. Наконец, на дороге замелькали блеклые желтые поперечные штрихи, предупреждающие о близости барьера. Мы до последней секунды неслись по желтым полосам. Затем я выкрутил руль вправо, и мы, совершив невообразимый поворот, на скорости сто восемьдесят миль в час, под вой гироскопов, визг тормозов и грохот бронеавтомобиля позади, проскочили в футах от преграды.

Я всем телом навалился на баранку. "Шестнадцатый" слетел с полотна, с треском продрался сквозь придорожные кусты и, как по волшебству, вернулся на дорогу. Магистраль на четверть мили была усеяна горящими обломками броневика. То же самое случилось бы и с "шестнадцатым", ошибись я самую малость.

В заднем колпаке, менее чем в футах друг от друга, красовались три пробоины. Не пригнись пассажир вовремя, ему бы не поздаровалось. Но Стенн, как ни в чем не бывало, стряхивал с пальто стеклянное крошево.

- Хорошая работа, мистер Смит, - сказал он. - А теперь, наверно, мы возобновим наше путешествие?

- Вам тоже надо отдать должное, мистер Стенн.

Он удивленно поднял брови.

- Вы даже глазом не моргнули, когда парень Куцего Джо, навел на вас пистолет, - пояснил я.

- Таковы были ваши инструкции, - спокойно ответил Стенн.

- Весьма неплохо для простого бизнесмена. Вы и сейчас не слишком испуганы, хотя еще немного, и нам была бы крышка.

- Я во всем полагался на ваши водительские...

- Чепуха, Стенн. Видите, эти три дырки пробиты очень кучно. Стрелок знал, куда целиться. Он метил в вас.

- Почему - в меня? - спросил Стенн. Казалось, мои слова его забавляли.

- Я думал, эти ребяташки просто решили меня проучить, - сказал я. - Но сейчас я так не думаю.

Секунду-другую Стенн смотрел на меня, потом поднял руку и вытащил из уха миниатюрный динамик.

- Точно такой же был у вас. Спасибо мистеру Хогу - за некоторое вознаграждение он снабдил меня этой штучкой. Признаюсь, когда мы подъезжали к Южной Кольцевой, я держал в руке пистолет. Если бы вы согласились повернуть, я бы остановил машину, застрелил вас и дальше поехал один. К счастью, вы не поддались искушению, не знаю, по каким соображениям... - Он вопросительно посмотрел на меня.

- Возможно, я из тех дураков, которые берутся за дело всерьез, - пожал я плечами.

- Не исключено, - согласился Стенн.

- Что вас туда тянет, Стенн? Честно говоря, мне бы не хотелось ввязываться в ваши дела, но все-таки?..

- Вот как? А мне кажется, вы из тех, кто всюду сует свой нос. Впрочем, не берите в голову, я против вас ничего не имею. Едем дальше?

Я пристально посмотрел ему в глаза и кивнул.

- Едем.

Через двадцать минут мы оказались на Внутренней автостраде. Там, теснясь, стояли арки, освещая пустое пространство полотна. Впереди искрились городские огни, и у меня возникло призрачное чувство, будто я возвращаюсь домой.

Я встряхнулся: за восемь лет здесь не осталось ничего, ради чего стоило бы вернуться. Город стал смертельно опасен для чужаков, и об этом не следовало забывать.

Я не замечал опасности, пока на "шестнадцатый" не упал свет прожектора Т-Птицы. В следующий миг она неслась рядом, оттесняя меня к ограждению дороги.

Не успев подумать о том, что хорошо бы оторваться, я выкручивал баранку и давил на тормоза. Заскрежетало железо, завизжала резина, и мне пришлось резко остановить машину, чтобы не разбиться о полотно загородившей путь Т-Птицы. Не успел утихнуть шум, как люк в корпусе турболета открылся, и на меня взглянули дула двух тепловых пистолетов. Я сидел неподвижно, держал руки на виду, на баранке, и гадал, чьих друзей мы увидим на сей раз.

Из Т-Птицы выбрались двое с пистолетами. Впереди шел человек могучего телосложения, похожий на славянина, в маскообразном зеленом берете. Он жестом велел мне выйти. Я откинул колпак и выбрался из

машины, стараясь не делать резких движений. Стенн вылез следом. Вдоль шоссе дул холодный ветер, и дождь хлестал меня по щеке. Арки отбрасывали на лица черные тени.

Второй парень, пониже ростом, подскочил к Стенну и втолкнул его обратно в машину. Славянин крутанул рукой, приказывая мне повернуться спиной к нему и лицом к Т-Птице. Он почти не обыскивал меня - выудил из кармана бумажник и, не заглядывая в него, сунул в карман. Его приятель что-то сказал Стенну, затем я услышал звук удара. Когда я медленно, стараясь не встревожить своего "сторожевого пса", обернулся, Стенн поднимался на ноги. Он стал вынимать из карманов вещи, показывать их парню с пистолетом и бросать на землю. Ветер играл карточками и листками, пока они не отяжелели от влаги. У Стенна оказалось много бумаг.

Парень с пушкой что-то произнес, и Стенн снял пальто, вывернул его наизнанку и протянул парню; тот покачал головой и кивнул славянину.

Славянин взглянул на меня и я, помедлив, побрел к машине. Видимо я угадал правильно, так как они не стали стрелять. Славянин положил пистолет в карман и взял пальто. Он методично, не спеша, оторвал подкладку, ничего не нашел, бросил испорченное пальто наземь. Я пошевелился, и славянин так взрезал мне с разворота тыльной стороной руки, что я отлетел к машине.

- Оставь его, Верзила, - сказал второй гангстер. - Насчет этого придурка Макс ничего не говорил. Он ведь из "Эскорта", какой с него спрос.

Верзила полез в карман за пистолетом. Я прекрасно понимал, как он намерен им воспользоваться. Может быть, потому-то мне и удался этот фокус.

Не успел он вытащить свою игрушку, как я подскочил, крепко обхватил его рукой, а другой извлек собственную артиллерию. Я сжимал пистолет Верзилы вместе со штаниной, и тот не двигался - видать, ошалел от неожиданности.

Его партнер отступил в нерешительности.

- Брось пушку, парень! - сказал я ему. - Не будем ссориться, разойдемся полюбовно.

Стенн стоял неподвижно. С лица его не сходило кроткое выражение.

- Не могу, мистер, - произнес ровным голосом парень с пистолетом. Никто не двигался.

- Если тебе не жаль стрелять в приятеля, все равно, не стоит рисковать. Я ведь не промажу. Брось оружие.

- Макси этого не одобрит, мистер.

- Стенн, забирайтесь в Т-Птицу, - велел я своему спутнику. - Возвращайтесь обратно, и не советую в пути считать ворон.

Стенн не шевелился.

- Идите! - повторил я. - Он не будет стрелять.

- Я не для того вас нанял, чтобы вы корчили из себя героя, - проворчал Стенн.

- Можете предложить другой выход?

Стенн взглянул на человека с пистолетом.

- Вы упоминали некоего Макси. Случаем, это не Макс Арена?

Проньра посмотрел на него и, подумав, ответил:

- Возможно.

Стенн медленно подошел к славянину. Держась в стороне от линии огня, он осторожно сунул руку в карман армейского костюма и вытащил пистолет. Глаза парня с пистолетом стали настороженными - видимо, он спешно пытался сообразить, что к чему.

С пистолетом в руке Стенн отступил.

- Отойдите от него, Смит, - приказал он мне.

Я не знал, что у него на уме, но спорить не хотелось. Я попытался.

- Бросьте пистолет!

Я рискнул посмотреть на его кроткую физиономию.

- Шутите?

- Я для того и приехал сюда, чтобы повидать мистера Арена, - сказал он. - Похоже, мне представилась прекрасная возможность.

- Вы так считаете? Я...

- Бросьте оружие, Смит. Я больше просить не буду.

Я выронил пистолет.

Проньра покосился на Стенна. Тот произнес:

- Я хочу, чтобы вы отвезли меня к мистеру Арене. У меня для него есть предложение. - Он отдал пистолет Верзиле.

Прошло ужасно много времени, прежде, чем второй гангстер опустил свою пушку.

- Верзила, посади его на заднее сиденье. - Он мотнул головой, велел мне отойти, и не спускал с меня глаз, пока садился в Т-Птицу. - Хорошие у тебя друзья, придурок.

Т-Птица завелась, взмыла в небо и понеслась к городу. Я стоял на шоссе и смотрел на уменьшающийся огненный хвост.

Как и Стенн, я тоже приехал в этот город, чтобы встретиться с Максом Ареной.

III.

Старина "шестнадцатый" стоял, прижавшись к металлическому ограждению. Один бок его был изуродован, во все стороны торчали завитые полосы железа. Я подошел ближе. Под хлипким наружным покровом виднелась серая броня. Усевшись за руль, я включил турбины. Они звучали не хуже прежнего. Заскрежетал рваный металл, и машина задом выехала на середину дороги.

Я лишился клиента, но не колес.

Пожалуй, лучше всего было бы возвратиться к Хогу, сделать ему ручкой и двинуться на юг. Враг я себе, что ли? А после...

А после меня ждет богатый выбор. Можно записаться в Новые Конфедерации, или в Вольные Техасцы, или завернуть в какой-нибудь Анклав и убедить тамошнего Барона, что для него не будет лишним еще один

телохранитель. А можно было бы занять этот пост здесь, при одной из городских "шишек".

На худой конец, я мог бы остаться у Куцего. Там (я это знал точно) недавно появилась вакансия.

Я еще немного поупражнял мозги. Три месяца назад, после восьми лет службы в дальнем Космосе в составе эскадры Хейля, я вернулся на Землю. Мне здесь сразу не понравилось. После того, как Временная Администрация расстреляла Хейля, по обвинению в измене, я сжег свою форму и исчез. Годы службы дали мне жесткую шкуру и привычку цепляться за жизнь. Имуществом я не был обременен: армейский пистолет, моя одежда - вся на мне, да несколько сувениров - вот и все пожитки. Два месяца, пока в кармане что-то звенело, я шлялся по дешевым кабакам и поил бродяг, пытаюсь найти ниточку, которая дала бы мне шанс... Макс Арена был такой ниточкой.

В нескольких милях впереди горели городские огни. Я понял, что напрасно теряю время.

Очевидно, за пределы Южной Кольцевой влияние Левши не распространялось. На протяжении ближайших пяти миль меня дважды останавливали, но быстро отпускали, удовлетворяясь издой и объяснениями, будто я еду за пассажиром. Оба раза меня просили передать привет Хогу.

Унылые желтые тона Хога, похоже, пользовались уважением и в городских "организациях". Я беспрепятственно углубился в город и неслись по третьему ярусу Переезда, когда из бокового переулка выскочил и остановился на дороге обшарпанный четырехместный "джироб". Я слегка повернул руль и перескочил на другую полосу. "Джироб" рванулся и преградил мне путь. Я вдавил ногой педаль, спинка сиденья откинулась, и мою грудь обхватила жесткая противоударная рама.

В последний момент "джироб" попытался освободить мне дорогу.

Но было поздно. "Шестнадцатый" поддал ему под зад, и я мельком заметил, как "джироб" подпрыгнул и завалился на бок. Мой "шестнадцатый" отбросило к ограждению трассы, я получил от разболтанной рамы сильный удар в челюсть, но не выпустил из рук руля, и, секунду спустя, машина неслась по третьему ярусу в Манхэттан.

В полумиле, под серым ночным небом блестя солнечными батареями крыша Голубой Башни. "Не такой уж сложный адрес", - подумал я. - Другое дело - проникнуть туда.

В сотне ярдов от темной пещеры, почему-то называемой "въездом для легковых автомобилей", я остановил машину и задумался. На этом ярусе никого не было - как и весь город, он казался безлюдным. Но во многих окнах окружающих домов горел свет. Я знал, что в городе много народу, миллионов десять - и это после мятежей, драк за продукты и падения законного правительства. Городская автоматизированная система обеспечения продолжала работать, и это позволило "шишкам" - бывшим крупным уголовникам - захватить власть и править, как им заблагорассудится. Жизнь продолжалась, но не на виду. По ночам улицы пустели.

Об Арсене я не знал почти ничего. Если судить по экипировке ребят, с которыми я недавно распрощался, он не бедствовал. Т-Птица у них была последней, очень дорогой модели. Вряд ли я смогу проникнуть в его штаб-квартиру, не перескочив через несколько барьеров. Наверное, следовало напроситься к Стенну и его новым приятелям. Но незванный гость имеет преимущества.

Возникло искушение попросту въехать в здание, положившись на прочность брони и пренебрегая сюрпризами, которые могли меня там ожидать. Но мне по душе самому делать сюрпризы. Я подрулил к парковой площадке, развернулся, съехал вниз и остановился в тени эстакады.

Поставив машину на ручник, я огляделся. Ничего подозрительного. Возможно, в эту самую минуту, стоя у окна своей спальни, Арена целился в меня из теплового пистолета. Но мне частенько приходилось лезть в воду, не зная броду. Я заглушил двигатель и вышел. Дождь кончился, и в небе сквозь тучу проглядывало яркое пятно луны. Я был голоден, и мне почему-то казалось, что все это происходит не со мной.

Подойдя к краю площадки, я перегнулся через поручень и взглянул в тени под третьим ярусом автострады. В потемках едва угадывались подвесные дорожки и пути для технического персонала. Раздумывая, не снять ли перед спуском ботинки на жесткой подошве, я услышал невдалеке шаги. Инстинктивно я двинулся к "тачке", но спохватился - до нее было довольно далеко - и вернулся к парпету.

Вскоре он появился - жилистый парень лет двадцати с копной всклокоченных волос, в традиционной облегающей одежде панка, которая делала его тощим. В кармане у него мог лежать нож.

- Эй, мистер, - с подвыванием произнес он. - Как насчет сигаретки?

- Пожалуйста, мой юный друг, - ответил я с деланной дрожью в голосе. Для пущей достоверности я нервно хохотнул. Достав сигарету из пачки, я протянул ее парню, а пачку сунул в карман. Он приблизился, протянул руку и выхватил сигарету из моих пальцев. Я отступил и снова хохотнул.

- Гляди ты, понравилось ему! - провыл панк. - Он думает, это смешно! Надо же, чувство юмора у него!

- Хе-хе, - произнес я. - Что есть, то есть.

- Дай-ка мне еще сигаретку, весельчак!

Я достал из кармана пачку, вытряхнул сигарету и робко протянул ее парню, не разгибая полностью руки. Как только он потянулся за ней, я снова отступил. Он попытался схватить сигарету и принял очень удобное для меня положение.

Я выронил пачку, сцепил ладони, присел и хорошенько врезал ему снизу в подбородок. Парень покатился по асфальту и пополз прочь. Я решил его отпустить.

Не тратя времени на раздумья, я перелез через парпет и по перекладине добрался до подвесной дорожки. У ближайшего ответвления, которое вело к Голубой Башне, я остановился и поглядел вверх. Между третьим ярусом и фасадом здания серела полоска неба. На узкой дорожке я был легко заметен, но рискнуть стоило. Однако, не успел я сделать нескольких шагов, как услышал топот ног.

- Бежавший остановился на верхнем ярусе, в нескольких футах от меня.
- В чем дело, Крекер? - прокричал он.
- Ваш хмырь меня вырубил!

Это становилось интересным. Оказывается, меня засекли и подослали ланка. Противник сделал первую ошибку.

- Я вижу, он собирается спускаться, - тяжело дыша, объяснял Крекер. - Подхожу, а он мне ка-ак... Одному мне с ним было не совладать, вот я и вызвал подмогу.

Прибежавший перешел на гортанный шепот. Крекер тоже заговорил тише. Я знал: им не понадобится много времени, чтобы договориться, как меня ловить. Я прошел и оглянулся. Над парашютом виднелись очертания двух голов. Ребята не смотрели в мою сторону, я на цыпочках направился к узкой грузовой платформе, висящей под широкой дверью.

В пятнадцать футах подо мной от влажного покрытия второго яруса отражался свет одинокого фонаря. Гладкая стена Голубой Башни уходила вниз, к блестящим водосточным желобам первого яруса. Вскоре я оказался на платформе и попытался открыть дверь.

Она не поддавалась.

Именно этого я и ожидал. В сиянии над дверью я чувствовал себя голым, как пупок индийской танцовщицы. Но у меня не было времени на раздумя. Я выхватил пистолет, поставил его на стрельбу лучом, встал в сторонку и прикрыл лицо ладонью. Выстрел в замок, удар ногой - дверь как каменная. Наверху заорал Крекер.

Я снова пальнул в замок. В лицо и ладонь, словно иглы, впились брызги расплавленного металла. Дверь не открывалась.

- Брось игрушку и подними лапы, придурок! - крикнули сверху. - Будешь дергаться - сожгу!

Я, конечно, ему верил, но стоять спокойно не хотелось. Отступить тоже было некуда, оставался один путь - вперед. Мне надоело играть в кошки-мышки. Завладев инициативой, я не собирался ее упускать.

Я поставил переключатель на полную мощность и нажал на спуск. От двери дохнуло жаром, повалил дым, потек расплавленный металл. Сквозь чад окалины я почувствовал запах паленого волоса. Ладони и затылок обдало огнем. Верзила пытался выполнить свое обещание, но расстояние оказалось слишком велико, и он не мог убить меня сразу. Наконец, дверь рухнула. Я прыгнул вперед и покатился по полу, чтобы затушить тлевшие пальто.

Я встал. Кожу саднило, но мне некогда было выяснять, сколько я получил ожогов. Верзила и Крекер, видимо, ожидали, что я пойду вверх. Значит, надо идти вниз.

Четырехсотэтажная Голубая Башня занимала площадь в четыре стандартных городских квартала. Достаточно места, чтобы затеряться.

Пробежав по коридору, я вскочил на движущуюся спиральную дорожку.

За десять минут я углубился на восемнадцать этажей под землю. Там я скатился с дорожки и осмотрелся.

Куда ни глянь, везде стояли автоматы. В сущности, Голубая Башня была самообеспечивающимся городом. Я узнал генераторы, воздухоочистители, теплонагнетатели. Ни одна машина не действовала. Очевидно, еще функционировали городские службы. Но легко было представить, что произойдет через десять-двадцать лет анархии. Когда городские системы откажут, Голубая Башня перейдет на собственные резервы.

В проходах тускло светились плафоны. Я брел наугад в поисках лифта. Наконец, я наткнулся на шахту, но указатель горел на отметке сто восемьдесят. Я подошел дальше и обнаружил шахту с кабиной на двенадцатом этаже. Не успел я нажать кнопку, как огонек пополз вниз. Я готов был выскочить и спрятаться, но он застыл на цифре пять. Я подождал. Он не двигался.

Обойдя шахту, я обнаружил на стене рубильник. Вернувшись к дверям, я нажал кнопку. Когда кабина остановилась и лифт открылся, я повернул рубильник.

Требовалось действовать быстро. Я вошел в темную кабину, встал на цыпочки, отодвинул панель в крыше, подпрыгнул, подтянулся и пролез в отверстие. На крыше кабины находился автономный двигатель, которым пользовались ремонтники, когда основной подъемный механизм бывал обесточен. Я зажег спичку и прочитал текст на панели. Автономный двигатель мог поднять кабину на четырехсотый этаж, для этого достаточно было нажать несколько кнопок.

Я лежал, спрятавшись среди механизмов, а кабина шла вверх. На площадке третьего этажа за прозрачной дверью стояли двое с пистолетами. Они меня не заметили. Один лихорадочно давил на кнопку, но кабина не остановилась.

Люди стояли почти на каждом этаже. Вот позади сотый, сто пятнадцатый этаж... Я чувствовал себя так, будто мне ничего не грозило.

Я старался припомнить все, что слышал о Голубой Башне. В былые времена городские тузы чествовали здесь разных знаменитостей, и в роскошных апартаментах на верху жил то отставной адмирал флота, то вице-президент, то урановый миллионер.

Или логово Макса Арены находится там, или я ничего не понимаю в психологии "шишек".

Лифт поднимался медленно, и у меня было время опухать свою обожженную кожу. Больше всего пострадала кожа на затылке, но досталось и рукам, и плечам. С той минуты, как меня поджарил Верзила, я держался на адреналине; теперь боль давала о себе знать.

Ожогам придется подождать.

Не доезжая до триста девяносто восьмого этажа, я нажал кнопку. Кабина остановилась. Чувствуя головокружение, я поднялся на ноги, схватился за скобы на стене, повис... Стена как будто покачнулась. "Спокойно! - сказал я себе. - При сильном ветре верхняя часть здания отклоняется

от вертикали на пятнадцать футов. Разве удивительно, что я это чувствую?" На самом деле, снаружи был полный штиль, но я постарался внушить себе обратное.

Восхождение оказалось не из легких. Я крепко хватался за скобы, боясь разжать обе ладони одновременно. Воротник пальто больно тер обожженную шею. Я миновал триста девяносто восьмой этаж, триста девяносто девятый... и ударился головой о потолок. Но служебного выхода на чердак там не было. Пришлось спуститься на триста девяносто девятый.

Нашупав рычаг, я приоткрыл дверь и постоял минуту-другую. Все тихо. Время поджимало. Раздвинув створки лошере, я выскользнул на площадку. Я никого не видел, но слышал голоса. Слева от лифта я заметил "скромную" лестницу, устланную фиолетовым бархатом. Не медля ни секунды, я бросился к ней.

Наверху оказалась "простенькая" дверь из тика. Я нажал золоченую ручку и увидел человека, который сидел, развалясь в кресле, обитом светлой кожей. Когда я ступил через порог, он помахал рукой и благодушно произнес:

- Прошу.

IV.

Макс Арена оказался здоровяком: не ниже шести футов, широкоплечий, русоволосый, с синим от бритья подбородком и неестественным заггаром. Он улыбался, демонстрируя белоснежные зубы. Даже не взглянув на мой пистолет, он жестом указал мне на стул. Возле его локтя блестело дуло парализатора "Нордж", но я решил не обращать на оружие внимания.

- Я не без интереса следил за твоим продвижением, - вежливо сказал Арена. - Даже велел мальчикам не стрелять. И все-таки, похоже, тебе крепко досталось.

- Пустяки, - буркнул я. - В худшем случае придется кое-где пересадить кожу.

- Не огорчайся. Ты - первый, кому удалось проникнуть сюда без приглашения.

- И с пистолетом в руке, - добавил я.

- Пистолеты нам не понадобятся, - сказал он. - Во всяком случае, сейчас.

Я подошел к одному из больших, мягких кресел и сел, зажав пистолет между колен.

- Почему ты не стрелял, когда я вошел?

- Мне понравился твой стиль, - сказал Арена, покачивая ногой. - Лихо ты ушел от Верзилы, ничего не скажешь. А я-то считал его самым крутым из своих парней.

- Как насчет броневика? На нем тоже были твои друзья?

- Не-а, - он хихикнул. - Это ребята из Джерси, они пронюхали, что ко мне едет гость, и решили на всякий случай его шлепнуть. - Он перестал

улыбаться. - "Джироб", тот был мой. Хорошая штукавина, с дистанционным управлением. Из-за тебя, приятель, я понес немалые убытки.

- Вот как? - сказал я. - Жаль.

- Между прочим, я знаю, кто ты. - Протянув руку, он взял со стола мой бумажник. - Мне тоже довелось служить во флоте. Хочешь верь, хочешь - нет, но я даже в академии учился. И закончил бы, кабы меня не выпихнули за три недели до экзаменов. За один пустяк. Ничего особенного, там каждый кореш этим баловался...

- Это в академии ты научился говорить, как бродяга?

Лицо Арены стало каменным.

- Когда надо, я способен прикинуться джентльменом, - проворчал он. - А сейчас на кой черт мне это сдалось?

- Должно быть, я поступил после твоего отчисления, - прикинул я.

- Да, через год или два. Но мне и потом приходилось иметь дело с армией. Когда началась заваруха, я записался добровольцем. Не хотел сидеть сложа руки. Вскоре во флоте поняли, что для Энергетической операции нужен квалифицированный персонал, и я быстро пошел в гору. Четырнадцать месяцев спустя я стал главным инженером. Каково?

- Весьма похвально.

- Вот почему я без труда проявил твое удостоверение, замаскированное под фотокарточку, - он помахал моим бумажником. - Не стоило так рисковать, Макламор. Или тебя надо называть - капитан Макламор?

Я открыл рот, чтобы ответить ему резкостью, но вовремя опомнился. Мне грозила опасность. Я надеялся на экспромт - вдруг удастся вытянуть из Арены нужную информацию? - но он меня расколол.

Арена стал серьезен.

- Тебе повезло, Макламор, что ты пришел именно ко мне. Слыхал, я держу здесь одного из твоих друзей? То-то и оно. Я намеренно допустил утечку информации, чтобы заманить сюда кого-нибудь из вас. И не ошибся. Передо мной - заместитель адмирала Хейля.

- Чего ты от меня хочешь?

Арена поерзал в кресле.

- Вас было восемь. Хейля и Вольфгана поставили к стенке за неподчинение Продовольственному Правительству, или как там называет себя этот сброд. Марган покончил самоубийством, когда его прижали в Денвере. Еще четверо хотели рвать когти, но в резервуарах их корабля-разведчика почти не осталось горючего. Им не удалось выйти за пределы атмосферы. Остаешься ты - человек, которого разыскивают шесть бригад Федерального Бюро. Верно?

- Так пишут в газетах, - я пожал плечами.

- Правильно. Я прочел в парочку газет и почуял запах жареного. Ты хочешь знать, где "разведчик", чтобы потом напасть на арсенал или на электростанцию и спереть пару контейнеров тяжелой дряни. После этого тебе останется привести сюда эскадру и диктовать нам свою волю, угрожая артиллерией. - Он откинулся на спинку кресла и глубоко вздохнул, не

сводя с меня глаз. - Так вот, - продолжал он, - один из ваших - у меня. И мне удалось кое-что из него вытянуть. Но он не представляет картины в целом. Поделись со мной, и, не исключено, я окажу тебе ответную услугу. Например, помогу решить топливную проблему. А ты возьмешь меня в дело. Годится?

- Кто из наших у тебя?

Арена помотал головой.

- Хо-хо!

- Что он тебе рассказывал?

- К сожалению, не все. Почему задержалась экспедиция Хейля? Вы, ребята, что-то нашли. Что?

- Несколько любопытных вещей на Марсе, - ответил я. - Но они не марсианского происхождения. Оставлены чужими. Мы изучили...

- Не валяй дурака, Макламор. Я тебе предлагаю выгодное дельце, но если ты вздумал водить меня за нос...

- Не стоит на меня давить, Арена. Откуда ты знаешь, что у меня под левым ухом нет детонатора? - спросил я.

- Мне кажется, ты хочешь жить, Макламор. У тебя на то есть причина.

- Пожалуй, ты и в самом деле можешь мне помочь, Арена, - произнес я задумчиво. - Отвези меня и моего товарища на "разведчик", дай топлива. Если хочешь, отправь с нами двух опытных парней, пусть помогут довести корабль. Конечно, свои пущки они должны оставить здесь. Потом мы их отпустим, а все остальное сделаем сами. После этого можешь рассчитывать на мою благодарность.

Арена надолго задумался.

- Наверное, я мог бы пойти на это, Макламор, - сказал он наконец. - Но не пойду. Макс Арена не из тех, кто кормится обедами или ждет милостыни. Я хочу участвовать в деле, от начала и до конца.

- На сей раз придется удовлетвориться тем, что тебе дают, Арена. - Я убрал пистолет и встал. - Эскадра по-прежнему находится в космосе. Ей хватит запасов на сто лет. Мы ей не нужны.

Я сказал истинную правду. За одним исключением. Эскадра имела все, кроме топлива.

- По-твоему, окажись у тебя корабль-разведчик, и дело в шляпе, - задумчиво произнес Арена. - По-твоему, распотрошить какой-нибудь реактор, скажем, Лакаваксенский - пара пустяков.

- Вряд ли это очень сложно. Корабль Военного Флота обладает большой огневой мощью.

Арена постучал по зубам кончиком дорогого ножа для разрезания бумаги.

- И ты решил, что Арена согласится уступить тебе свой лучший корабль? Послушай меня, приятель. Тебе, наверное, кажется, что я добрался до вершины пирамиды. Для меня нет непозволительной роскоши и недоступных женщин. Но есть одна мелочь, которая отравляет мне жизнь - скука.

- По-твоему, сделка с Флотом может стать развлечением?

- Называй как хочешь. Затеваются что-то большое, и я не желаю оставаться в стороне.

- Мы поговорим об этом, когда я окажусь за пределами атмосферы. А сейчас соглашайся или отказывайся.

Улыбка исчезла с его лица. Потирая пальцем синеватую щеку, Арена глядел на меня.

- Предположим, я скажу тебе, где остальные трое парней.

- Предположим, - кивнул я.

- И корабль-разведчик, - добавил Арена.

- Если ребята здесь, я хотел бы их повидать. Если нет, не будем терять времени.

- Здесь их нет, Макламор. Но я знаю парня, которому известно, где они.

- В самом деле? - спросил я.

Во взгляде Арены мелькнула ярость.

- Ладно, я скажу, Макламор. У меня есть партнер. Каждый из нас готов вложить в это дело многое. Но и от тебя кое-что потребуются.

- Я сделал предложение, Арена, - сказал я. - Оно остается в силе.

- Могу я рассчитывать на твое слово, Макламор? - Он поднялся и встал передо мной. - На клятву выпускника академии? Ты ведь ее не нарушишь, верно?

- Я привык выполнять свои обещания.

Через тридцать секунд отворилась дверь, и в комнату вошел Стенн.

Стенн взглянул на меня.

- А, мистер Смит, - произнес он.

- Смит - это псевдоним, - сказал Арена. - Настоящая его фамилия - Макламор.

Мне показалось, на лице Стенна впервые промелькнуло какое-то выражение. Он подошел к креслу и уселся.

- Ну что ж, - заговорил он, - весьма разумный ход с вашей стороны, мистер Макламор. Надо полагать, вы заключили выгодную сделку?

Взгляд его, обращенный на меня, стал жестким, и мне удалось-таки узнать выражение на его лице. Ненависть.

- О сделке говорить рано, Стенн, - подал голос Арена. - Капитан - крепкий орешек. Готов получить помощь, но не желает принимать наши условия. Пожалуй, я соглашусь.

- Какие сведения он тебе выложил?

Арена рассмеялся.

- Никаких. И тем не менее Макс Арена идет на такую сделку. Правда, смешно?

- Что ты решил сделать?

- Отпущу его вместе с Уильямсом. Думаю, ему стоит отдать тех трех парней, которые попали к тебе. Незачем их держать, Уильямс все равно скажет ему, где корабль-разведчик.

- А потом?

- Потом? - Арена развел руками. - Они сядут на корабль, заправятся где-нибудь и улетят. А капитан даст мне старую клятву курсантов академии, что не останется в долгу.

Наступила тишина. Стенн сидел, по очереди рассматривая нас с Ареной. Я сцепил пальцы и постарался сделать вид, будто мне ужасно скучно.

- Неплохо, - произнес Стенн. - Похоже, вы ставите меня перед свершившимся фактом...

Я медленно выдохнул.

- Но я бы посоветовал, прежде чем соглашаться, на всякий случай обыскать мистера Макламора. Чем черт не шутит.

- Пожалуй, - ответил Арена, кивнув. Я не заметил, как в руке у него оказался парализатор. Нажимая на курок, он не улыбался.

V

Снова появился свет. Я моргал, озирая комнату.

На полированной поверхности стола площадью в пол-акра лежали пять стерженьков с информацией и проектор, приплюснутый многогранник, размерами не превосходивший коробочку от таблеток. Каждый стерженец в длину не достигал и дюйма, но заключенная в них информация стоила всех сокровищ, утонувших во всех морях мира.

- Это лишь малая часть, - сказал Стенн. - Говорят, звездная карта невероятно полная. Нам такую и за тысячу лет не составить.

- А координаты! - подхватил Арена. - Чтобы их рассчитать, нужна уйма времени.

- И с таким подарком ты хотел его отпустить? - укоризненно сказал Стенн.

Арена метнул на меня убийственный взгляд.

- Не давай волю чувствам, Арена, - посоветовал Стенн. - Не думаю, что ты потрудишься объяснить мистеру Макламору, как обстоят дела с топливом.

Арена резко повернулся к Стенну. Рядом с ним он выглядел великаном.

- Ты бы прикусил язык, - тихо проговорил он. - Мне не нравится, как ты им молотишь.

- Боишься, что я уроню в глазах Макламора твое достоинство джентльмена? - ехидно спросил Стенн. Он смотрел Арене прямо в глаза.

- К чертям собачьим достоинство джентльмена! - буркнул Арена.

- Вижу, ты решил от меня отделаться, - сказал Стенн. - Я тебе больше не нужен. Ты отпустишь Макламора и Уильямса и будешь следить за ними. А поскольку им не найти топлива, у тебя нет опасений, что они сбегут. - Он повернулся ко мне. - Ты много лет провел в космосе, Макламор. Тем временем технология не стояла на месте. Да и политика тоже. Из реакторного топлива получается неплохая начинка для бомб. Поэтому все станции перевели на продукты полураспада, а запасы начального сырья укрыли в Форт-Ноксе. Вы бы не нашли топлива по указке Арены. А вскоре он захватил бы корабль-разведчик.

- На что ему корабль без горючего? - спросил я.

- Мистер Арена весьма предприимчив. Несколько лет назад он сделал запасы, которых вашей эскадре хватило бы на целую вечность.

- Зачем ты ему это выбалтываешь? - прорычал Арена. - Вышвырни его отсюда, и займемся делом. Ты и так слишком многое ему выложил.

- Просто я не люблю, когда меня тихо отжимают в сторонку, - ответил Стенн. - Вот она, благодарность!

- Макс Арена не из тех, кто остается в долгу, - проворчал Арена. - Без твоей подкачки я не получил бы записей, этого я не забуду.

- Ну, я и в других делах могу оказаться полезен.

- Не думаю.

- Как ты поступишь с Макламаром?

- Я уже сказал. Вышвырну его. Он никогда не поумнеет настолько, чтобы работать с нами.

- Прежде не мешало бы задать ему несколько вопросов.

- Ага, а он взорвет свою башку и загадит мой ковер... Ты ничего от него не добьешься.

- Такие, как он, питают отвращение к самоубийству. Он не станет гробиться из-за пустяковых сведений. А если все-таки убьет себя... мы поймем, что за его смертью кроется нечто важное.

- Не люблю грязной игры, - сказал Арена.

- Я буду действовать осторожно, - пообещал Стенн. - Дай мне кого-нибудь в помощь - нужно привязать его к креслу. А после я поговорю с ним по душам.

- Не люблю грязной игры, - повторил Арена. Он подошел к столу, передвинул рычажок и с кем-то заговорил.

Стенн уже стоял передо мной.

- Пусть думает, что ты спекся, - прошептал он. Узнай, где он прячет топливо. Мы с тобой поладим.

Арена двинулся к нам, и лицо Стенна снова стало равнодушным.

Арена настолько преодолел свою нелюбовь к грязной игре, что с ходу расквасил мне губы, а после на протяжении нескольких часов бил меня по лицу.

- Как ты докажешь, что Уильямс у тебя? - спросил я. Говорить было больно, но я терпел.

- Вот его удостоверение, - Арена подошел к столу и взял фотоснимок. - Полюбуйся. - Он бросил карточку в мою сторону. Стенн поднял ее.

- Дай мне с ним поговорить.

- Зачем?

- Спрошу, что он обо всем этом думает, - промямлил я. У меня слипались веки, я трое суток был на ногах и с трудом помнил, какие именно сведения надо вытянуть из Арены.

- Если ты согласишься, он не станет упрямиться, - сказал Арена.

- Ты сказал, у тебя есть топливо. Ты соврал. Нет у тебя топлива.

- У меня уйма топлива, умник! - взрезал Арена. Он тоже устал.

- Наглая ложь! - Я поморщился. - Даже врать толком не умеешь.

- Кто врёт?! - Арена взбесился, этого-то я и добивался.

- Ты, Арена. Ты - наглый лжец. Невозможно спрятать горячий металл. Об этом даже Стенн должен знать.

- Что еще нашла ваша экспедиция? - в сотый раз спросил меня Стенн. И дал пощечину, тоже в сотый раз. Голова моя мотнулась. Щека горела.

Это оказалось последней каплей. Я натянул грудью проволоку и хорошенько дал ему под ребра ногой. Крякнув, он свалился со стула.

- Хватит на меня давить, дубина! - крикнул я Арене. - Ты ничего не можешь мне предложить, кроме лживых обещаний. Нет на свете такой ямы, где можно было бы спрятать горячий металл, понял ты, олух царя небесного?

- Это я-то олух царя небесного? - зарычал Арена. - По-твоему, олух смог бы создать такую организацию, как моя, и положить в карман весь город? Да я еще пять лет назад начал копить горячий металл, за год до запрета! "Нет такой ямы", надо же! Да и зачем мне яма, если хватит свинцовой оболочки толщиной в два фута? Помнишь подлодку "Поларис", стоявшую на приколе возле Норфолка? Ту самую, которую оборудовали для туристов?

- Списана и продана на металлолом, - сказал я. - Тому уж много лет.

- Но она не пошла на металлолом. Пять лет она ржавела на берегу. Я купил эту калошу, нарастил обшивку и утопил, набитую сырьем, в бухте Картрайт, на глубине десять фатомов¹.

- Это именно те сведения, которые нам нужны, - произнес Стенн.

Арена круто обернулся. Стенн все еще сидел на полу. В руке он держал маленький пистолет и целился в монограмму на рубашке Арены.

- Назад, Арена! - велел Стенн, поднимаясь.

- Где ты прятал эту игрушку?

- В ладони. Стой.

Стенн подошел ко мне. Не сводя глаз с Арены, он стал разматывать скрученные концы провода.

- Вновь не хочу показаться слишком любопытным, - заговорил я, - но все же, Стенн, откуда вы взялись, черт побери?

- Из военно-морской разведки.

Арена выругался.

- Как я сразу не догадался! Вице-адмирал Стенн. В газетах писали, ты получил свое во время чистки на флоте.

- Кое-кому удалось скрыться.

Арена тяжело вздохнул.

- Ну что ж, ребята... - сказал он и прыгнул.

¹
фатом - морская сажень

Пуля Стенна ушла за молоком, и Арена свалил его за кресло ударом левой. Мгновенно вскочив, Стенн удачно встретил Арену кулаком и отшвырнул назад. Я налег на проволоку. Ну, еще чуть-чуть...

Но тут Арена нанес Стенну жестокий удар левой, и тот запнулся. Тщательно прицеляясь, Арена стукнул ему правой в челюсть. Стенн рухнул.

Арена вытер пот с лица.

- Малыш устал, - сказал он. - Ладно, хватит с него.

Он прошел мимо меня и нагнулся, чтобы поднять пистолет Стенна. Привстав, я бросился на Арену спиной. Легкий стул разлетелся вдребезги. Арена сбил меня ногой, но я тут же вскочил, спешно освобождаясь от проволоки. Арена метнулся ко мне, выбросив вперед правый кулак. Присев, я врезал ему под дых, затем - в челюсть. Арена согнулся, попятился, но остался на ногах. Нельзя было давать ему передышки. Я подскочил и дважды ударил его в лицо, увернулся от встречного выпада, который заставил его раскрыться, и вложил все силы в апперкот. Он рухнул на роскошный яшмовый стол, попытался подняться и съехал на пол.

Я подошел и легонько пнул его под ребра.

- Где Уильямс? - спросил я. Пять раз я пинал его и спрашивал. Арена покачал головой и попытался сесть. Пришлось наступить ему на физиономию, чтобы он успокоился. Я повторил вопрос.

- В академии не учили таким приемчикам, - простонал Арена.

- Жизнь многому учит.

- Уильямс был слабаком, - сказал Арена. - И трусом.

- Говори яснее. - Я снова ударил его, на этот раз побольнее. Но я понял, к чему он клонит.

- Детонатор! - простонал Арена. - Я дал ему понюхать газу, хотел разговорить. А он взорвался! Почувствовал, что расколется, и разнес свою вшивую башку!

- Да, - кивнул я. - Он и не мог иначе. Гипноз.

Арена выругался, вытирая с лица кровь.

Распутав веревку, я как следует связал Арену. Чтобы он не рыпался, пришлось дать ему пару оплеух. Я полюбовался на содержимое его карманов, забрал со стола "сувениры". Потом нагнулся над Стенном. Он дышал.

- Ничего, оклемается, - пробормотал Арена. - Я ему не сильно врезал.

Взвалив Стенна на плечо, я сказал:

- Пока, Арена. Не знаю, почему я не вышиб тебе мозги. Наверное, я сделал бы это, не окажись в твоём бумажнике свидетельства о награждении военно-морским крестом.

- Слушай, возьми меня с собой, - попросил Арена.

- Дельная мысль. - Я усмехнулся. - А заодно - парочку тарантулов.

- Хочешь пробраться к машине, верно?

- Верно. Как же иначе?

- Крыша, - сказал он. - На крыше у меня всегда шесть-восемь вертушек. К машине тебя не пропустят.

- Почему ты мне об этом говоришь?

- В моем доме восемьсот парней с пушками. Они знают, что ты здесь, и не спускают глаз с твоей машины. Ты не пройдешь.

- А тебе какое дело, пройду я или нет?

- Если ребята ворвутся сюда и увидят меня в этой упаковке... Они закопают меня, не развязывая. Вот так-то, Макламор.

- Как попасть на крышу?

Он объяснил. Я прошел в указанный угол, нажал на указанную кнопку. Одна из панелей отъехала в сторону. Я обернулся и взглянул на Арена.

- Из меня получился бы неплохой моряк, Макламор, - сказал он.

- Не хнычь, Арена.

Поднявшись по короткой лестнице, я ступил на квадратную площадку.

Арена не соврал. На площадке стояло восемь вертолетов. Я усадил Стенна на сиденье четырехместного "Кэда", пристягнул ремни. Он невнятно бормотал, приходя в себя. Ему казалось, он все еще дерется с Ареной.

- ... уходи... я задержу...

- Ну-ну, успокойтесь, адмирал. Теперь нам никто не страшен. Где корабль? - Я потряс его за плечо. - Где корабль, спрашиваю?

Через некоторое время он ответил. Корабль находился недалеко, в часе лета.

- Ждите, адмирал, - сказал я, когда мы прилетели. - Я скоро вернусь.

- Куда вы?

- Нам сейчас позарез нужны крепкие ребята, - ответил я. - Кажется я знаю одного парня, который не прочь вступить во флот.

ЭПИЛОГ

Адмирал Стенн отвернулся от экрана коммуникатора.

- Думаю, если мы сообщим о своей победе, этого будет достаточно, коммодор. - Как всегда, он говорил голосом профессионального диктора, но сейчас на его лице сияла широкая улыбка.

- Как прикажите, сэр, - ответил я, улыбаясь не менее лучезарно, и объявил по радио, что Продовольственный Конгресс согласен подать в отставку всем составом, и что через неделю пройдут выборы законного правительства.

Я переключился на двигательный отсек. Увидев меня, дежурный сержант Арена поднял пенящийся бокал. Будь я проклят, если он тоже не улыбался.

- Думаю, они поняли, у кого из нас мышцы крепче, коммодор, - сказал он.

- Да, демонстрация огневой мощи прошла отлично, Макс.

- А ведь мы даже не задели поверхности!

- Я возвращаюсь на "Аляску", Макс, - заявил Стенн.

Я смотрел, как он мчит в пустоте к крейсеру, сверкавшему в полумиле от нас. Через пять минут патрульному отряду предстояло перейти на орбиту, удобную для наблюдения за планетой. Мне же выпала участь командовать эскадрой, уходившей в дальний космос, по следам чужаков, оставивших на Марсе звездные карты.

Стенн был не из тех, кто теряет время понапрасну. Я взглянул на хронометр - пора подавать команду - и переключился на частоту моих кораблей.

ОДИНОКИЕ ПЕСНИ ЛАРЕНА ДОРА

Говорят, есть на свете девушка. Она бродит из мира в мир. Девушку зовут Шарра.

Говорят, у нее серые глаза и светлая кожа. Волосы ее - черный водопад с красными отблесками, она носит корону - блестящее черное металлическое кольцо.

Она умеет находить Врата.

Начало этой истории утеряно для нас вместе с воспоминаниями о тех мирах, откуда она пришла. Есть ли у этой истории конец? Неизвестно. Но даже если она закончится, мы не узнаем об этом.

Мы знаем лишь часть легенды, короткий рассказ внутри бесконечно длинного пути девушки. Рассказ об одном мире, где останавливалась Шарра, об одиноком певце Ларене Доре и их короткой встрече.

1.

В сумерках долина едва различима. Распухшее лиловое солнце висело над лесом, усталые лучи высветили блестящие черные стволы и призрачно-черные листья деревьев. Тишину нарушали лишь крики птиц-плакальщиц, вылетевших навстречу ночи, и мягкое журчание ручья, укрывшегося среди деревьев.

Сквозь невидимые Врата обессиленная и окровавленная Шарра ворвалась в мир Ларена Дора. На ней было белое платье, испачканное и пропитанное потом, и тяжелый меховой плащ, радодранный на спине. На руке, тонкой и изящной, кровоточили три длинных царапины. Пошатываясь, она остановилась на берегу ручья и прежде, чем опуститься на колени и перевязать раны, настороженно огляделась. Вода в ручье казалась темно-зеленой и подозрительной, но Шарра умирала от жажды. Она напилась, вымыла руки и перевязала раны куском материи, оторванным от платья. Солнце опускалось все ниже.

Шарра нашла укромное место среди деревьев и мгновенно уснула.

Ее разбудило прикосновение. Сильные руки легко подняли и понесли ее. Она попыталась освободиться, но руки чуть напряглись, и она не смогла шевельнуться.

- Не бойся, - произнес похититель, и она смутно различила в сгущавшейся тьме мужское лицо. - Ты устала, - продолжал он. - Наступает ночь. Мы должны укрыться до темноты.

Не в силах преодолеть дрему Шарра не сопротивлялась. Она только спросила:

- Почему? - и не дождавись ответа. - Кто ты? Куда мы идем?

- В безопасное место.

- Там твой дом? - пробормотала она.

- Нет, - ответил он тихо. Она едва расслышала. - Нет, не дом. Он никогда не был и не станет им.

Она услышала плеск, когда он переносил ее через ручей, и перед ними возник мрачный колеблющийся силуэт замка с тремя башнями - черная тень на фоне заходящего солнца.

- Странно, раньше его не было, - подумала она и уснула.

2.

Проснувшись, Шарра почувствовала устремленные на нее глаза. Она лежала обнаженная под грудой мягких теплых одеял в кровати под пологом. Но занавеси были подняты, а в углу комнаты в большом кресле, окутанный тенями, сидел хозяин.

Пламя свечей мерцало в его глазах, пальцы переплелись под подбородком.

- Тебе лучше? - спросил он, не двигаясь.

Шарра села. Мелькнуло подозрение, и прежде, чем оно превратилось в уверенность, ее рука метнулась к голове. Корона была на месте - металл холодил лоб. Облегченно вздохнув, Шарра откинулась на подушки.

Мужчина улыбнулся печально и задумчиво. Волевое лицо, темные, будто припорошенные инеем волосы, струившиеся локонами по плечам. Огромные глаза. Даже сидя, он казался высоким. И изящным: на нем были костюм и шапочка из мягкой кожи. Словно тяжелый плащ, его окутывала скорбь.

- Следы когтей, - произнес он. - Следы когтей, плащ и платье, разорванное на спине. Ты кому-то не понравилась?

- Чему-то, - пробормотала Шарра. - Страхам. Страхам у Врат, - она вздохнула. - У Врат всегда есть стража. Семерым не нравятся те, кто переходит из мира в мир. Я им нравлюсь меньше всех.

Его руки медленно опустились на подлокотники. Он кивнул и заметил:

- Итак, ты знаешь Семерых и умеешь находить Врата. Корона, ну конечно. Я должен был догадаться.

Шарра улыбнулась:

- Ты только сейчас догадался? Кто ты? Что это за мир?

- Это мой мир, - ответил он равнодушно. - Я присваивал ему тысячи имен, но ни одно из них мне не понравилось. Как-то раз мне удалось подобрать подходящее, но я забыл его. Это было так давно. Меня зовут

Ларен Дор. Вернее, звали когда-то, когда имя имело значение. Теперь имя кажется мне чем-то ненужным, но я его помню.

- Твой мир, - протянула Шарра. - Ты - король? Или бог?

- Бог, - ответил Ларен Дор с легкой усмешкой. - И больше чем бог. Я тот, кем захочу быть. Здесь нет никого, кто оспорил бы мои права.

- Что ты сделал с моими ранами? - спросила она.

- Живил. Это мой мир. И у меня есть сила. Не та, которую я хотел бы иметь, но все же сила. - Ларен нетерпеливо взмахнул рукой. - Думаешь, это невозможно? Из-за короны? Да, пока ты ее носишь, я не могу причинить тебе вреда. Но я могу помочь тебе, - он вновь улыбнулся и его взгляд затуманился. - Но не это важно. Даже если бы я мог, я не стал бы вредить тебе, Шарра. Поверь мне.

Шарра удивилась.

- Ты знаешь мое имя? Откуда?

Он встал, улыбаясь, пересек комнату и сел рядом с ней на кровать. Прежде чем ответить, он взял ее руку в свою и погладил.

- Да, я знаю твоё имя. Ты - Шарра, та, что идет из мира в мир. Горы выросли на месте равнин, солнце из алого сделалось лиловым с тех пор, как они пришли ко мне и сказали, что ты явишься сюда. Я ненавижу их, всех Семерых, и всегда ненавидел. Но той ночью я радовался, как ребенок. Они сказали мне только имя, но этого было достаточно. Обещание начала или конца... Обещание перемен. А любая перемена радостна в этом мире. Я был одинок множество солнечных циклов, Шарра. Каждый цикл длился столетия. Лишь немногие события отмечали бег времен.

Шарра нахмурилась. Она тряхнула головой, и в тусклом свете свечей по ее волосам пробежали красные искорки.

- Они настолько сильнее меня? - в тревоге спросила она. - Им ведомо будущее? Они говорили именно обо мне?

Ларен ласково погладил ее руку.

- Они сказали: "Ты полюбишь ее", - прошептал он, голос его был все так же печален. - Но нельзя назвать их пророчество великим. Я и сам мог бы сказать то же самое. Давным-давно - кажется солнце еще было тогда желтым - я понял, что полюблю любого человека, появившегося здесь.

3.

Шарра проснулась на рассвете, когда яркие пурпурные лучи ворвались в спальню через высокие стрельчатые окна. Ночью окон не было. Ее новая одежда: просторная желтая туника, ярко-малиновое, украшенное драгоценностями платье и костюм цвета весенней зелени лежали рядом. Шарра быстро оделась. Прежде чем уйти, она выглянула в окно.

Она находилась в башне, из окна виднелись выкропившиеся каменные стены и треугольный внутренний двор. Две другие башни - тронутые временем каменные исполины, увенчанные коническими пледами крыш со шпилями - находились в вершинах равнобедренного треугольника. Все было неподвижно, лишь ветер теребил серые флаги на башнях.

За стенами - ничего похожего на долину. Замок стоял на вершине высокой горы. Из окна открывалось нагромождение черных утесов, зубчатых скал и сверкающих ледяных пиков, искрившихся в лиловых лучах. Даже через плотно закрытое окно ветер казался холодным.

Шарра быстро спустилась по каменной винтовой лестнице, пересекла внутренний двор и вошла в главное здание, пристроенное к стене замка. Она прошла анфиладу комнат - в одних царило запустение, другие были богато обставлены - прежде чем нашла Ларена Дора.

Ее ждали удобное кресло и стол, заставленный кушаньями и напитками. Шарра села, взяла горячий хлебец и улыбнулась. Ларен улыбнулся в ответ.

- Сегодня я ухожу, - сообщила она между глотками. - Извини, Ларен, я должна найти Врата.

- Ты говорила об этом ночью, - со вздохом ответил он. - Кажется, я напрасно так долго ждал.

На столе были мясо, хлеб, сыр, фрукты, молоко. Шарра наполнила тарелку, потупилась, избегая взгляда Ларена и повторила:

- Извини.

- Останься ненадолго, - попросил он. - Думаю, ты можешь себе это позволить. Разреши показать, что я могу в этом мире. Позволь спеть для тебя.

Его глаза, большие, темные требовательно вопрошали.

Она заколебалась.

- Чтобы найти Врата требуется время. Ты можешь отправиться со мной. Но, Ларен, потом я уйду. Я обещала. Понимаешь?

Он с улыбкой пожал плечами:

- Хорошо. Но, послушай, я знаю где Врата. Я покажу их и сберегу твоё время. Останься со мной, ну, хотя бы на месяц. Месяц по твоему исчислению. Потом я отведу тебя к Вратам. - Он с мольбой смотрел на нее. - За тобой охотились так долго, Шарра. Разве, тебе не нужно отдохнуть?

Она задумчиво жевала яблоко, наблюдая за ним.

- Ты прав, - согласилась она наконец. - Если у Врат будет стража, ты мне поможешь. Месяц... это не так долго. В других мирах я жила гораздо дольше, - улыбка озарила ее лицо. - Да, ты прав.

Ларен благодарно коснулся ее руки.

После завтрака он показал ей свой мир. Они стояли на балконе, на вершине самой высокой башни: Шарра в темно-зеленом и Ларен, высокий и гибкий, в сером. Они стояли неподвижно, а Ларен перемещал окружающий их мир. Замок как бы летел над бурными морями, и змеинные головы на длинных черных шеях высывались из воды, провожая их холодными взглядами. Он погружался в гулкие, мерцавшие мягким зеленым светом пещеры, сбивая башнями сталактиты. Стада белых коз блеяли на заливных лугах. Ларен улыбнулся и хлопнул в ладоши: вокруг них выросли душные джунгли; обвивая друг друга гибкими ветвями, тянулись к небу деревья, благоухали огромные яркие цветы; на стенах замка кричали и прыгали обезьяны. Ларен вновь хлопнул в ладоши, и стены очистились. Замок стоял на бесконечном пляже на берегу мрачного свинцово-серого океана.

Все замерло, лишь в вышине кружили большие голубые птицы с полупрозрачными крыльями, сквозь которые просвечивало небо. Ларен показал Шарре множество других мест, и когда сумерки надвинулись на мир, вернул замок на гребень горы. Шарра вновь видела внизу лес с черными стволами деревьев и слышала крики и стенания птиц-плакальщиц.

- У тебя неплохой мир, - заметила она, - поворачиваясь к Ларену.

- Нет, - ответил Ларен. Руки его оставались лежать на холодных каменных плитах, он все также смотрел вниз на долину. - Я обошел его когда-то с мечом воина и посохом странника. Тогда я получал от этого удовольствие и по-настоящему волновался. За каждым холмом - новая тайна. - Он вздохнул. - Это было так давно. Теперь я знаю, что лежит за каждым холмом. Новая безлюдная долина. - Он взглянул на нее и привычно пожал плечами. - И все это мое.

- Тогда пойдем со мной, - предложила она. - Мы вместе войдем во Врата и покинем этот мир. Существуют дургие миры. Может, они не столь прекрасны и необычны, но там ты не будешь одинок.

Он вновь пожал плечами:

- Ты говоришь это так легко. Я нашел Врата, Шарра. Я пытался уйти тысячи раз. Стражи не остановили бы меня. Я входил, предо мной мелькал другой мир, и я вновь оказывался во дворе. Увы, я не могу уйти.

Она взяла его руку.

- Бедный... Так долго быть одиноким. Ты очень сильный, Ларен. Я бы давно сошла с ума.

Он улыбнулся, но в улыбке его сквозила горечь:

- Эх, Шарра, я сходил с ума тысячи раз. Они исцеляли меня, любимая. Они всегда исцеляли меня. - Он снова пожал плечами и обнял ее. Ветер становился все пронзительней и холодней. - Пойдем, - предложил он, - мы должны укрыться до темноты.

Они прошли в башню, вошли в ее комнату, сели на кровать под балдахин, Ларен принес мясо, дочерна обжаренное снаружи и розовое внутри, горячий хлеб, вино. Они ели и разговаривали.

- Почему ты здесь? - спросила она, пробуя терпкое вино. - Чем восстановил их против себя? Кем был раньше?

- Редко вспоминаю об этом. И только во сне, - ответил он. - Сны... я вижу их издавна. Я так привык к ним, что не могу сказать, где явь, а где видения, рожденные моим безумием. - Он вздохнул. - Иногда мне снится, что я был повелителем, великим повелителем иного мира. Мое преступление состояло в том, что я сделал народ счастливым. Обретя счастье, люди отвернулись от Семеров, и храмы опустели. Однажды я проснулся и обнаружил, что все мои слуги исчезли, исчез весь мой народ, исчез мой мир, исчезла даже женщина, которая спала со мной. Но бывают и другие сны. Порой мне кажется, я был богом. Ну, почти богом. У меня были и сила, и власть. Они боялись меня, каждый по отдельности, но противостоять сразу всем я не мог. Они заставили меня сражаться. После битвы у меня осталась лишь часть силы, и меня упрятали сюда. Жестокая насмешка. Как бог я учил людей любви, свободе и радости. Всего этого и лишили меня Семеро. Но и этот сон не самый худший. Порой мне кажется, что я всегда

жил здесь, и все воспоминания - ложь, ниспосланная мне для больших страданий.

Взгляд Ларена устремился вдаль, глаза заволокло туманом полуугасших воспоминаний. Он говорил медленно, голос его - далекий неверный огонек, до которого никак не добраться - дрожал, уносил вдаль. Тоска и тайна звучали в его словах.

Ларен смолк и очнулся.

- Ах, Шарра, - воскликнул он, - будь осторожна в пути. Даже твоя корона не поможет тебе, доведись тебе встретиться с ними. Бледное Лицо, дитя Баккалона, растерзает тебя, Наа-Слаз насытится твоей болью, а Заа-гель душой.

Шарра вздрогнула и заметила, что свечи догорают. Как долго она слушала его?

- Подожди, - Он встал и прошел сквозь стену там, где раньше было окно. С последним лучом солнца окна исчезли, стали гладкими стенами серого камня.

Скоро Ларен вернулся с инструментом черного дерева. Шарра никогда не видела ничего подобного. У инструмента было шестнадцать струн разного цвета. В полированном дереве отражались огоньки свечей. Ларен сел, упер инструмент в пол. Верхний край почти достигал его плеча. Задумавшись, он коснулся струн. Струны вспыхнули, и комната наполнилась музыкой.

- Вот мой единственный друг, - Ларен улыбнулся и вновь дотронулся до струн. По залу поплыла медленно тающая музыка. Последние ноты были едва слышны, когда Ларен провел пальцами по струнам. Воздух замерцал.

Музыкант запел:

- Я - повелитель вечности.

Но пуст мой удел...

...полились слова. Шарра вслушивалась, пытаясь удержать их, но тщетно. Они касались ее, гладили, уносились вдаль, в туман и так же быстро возвращались. А со словами лилась и музыка - задумчивая и грустная, полная тайны. Кричащая и шепчущая обещания, нерассказанные сказки. Ярче запылали свечи, а цветные шары звуков росли, танцевали и сливались друг с другом, пока не расцвели всю комнату.

Слова, музыка, цвет - Ларен смешал их и соткал для Шарры видение.

Она увидела Ларена, каким он был в снах - королем. Сильным, высоким и гордым, с черной, как у нее, шевелюрой и синими глазами. Он бы одет в белое сверкающее одеяние: узкие, обтягивающие брюки, рубашку со свободными рукавами, широкий плащ, раздувающийся словно несомое ветром снежное облако. На голове - серебряная корона. У бедра сиял длинный тонкий меч. Этот юный Ларен жил в мире высоких шпилей и голубых каналов. Вокруг кипела жизнь: друзья, женщины и одна - любимая, которую он описал словами и отблесками гоня. Бесконечная череда счастливых дней, и внезапно - тьма.

Музыка застонала, свет потускнел, слова стали печальными и тихими. Шарра увидела Ларена, проснувшегося в непривычно пустынном замке.

Она увидела, как он метался из комнаты в комнату в поисках людей, а затем выбежал наружу и оказался лицом к лицу с незнакомым миром. Она видела, как он покинул замок и направился к дымке над горизонтом, в надежде, что эта дымка - дым человеческого очага. Он шел, и все новые горизонты ложились ему под ноги. Солнце из голубого стало желтым, оранжевым, красным, а его мир оставался пуст. Он обошел его весь и, наконец, побежденный, захотел оказаться дома, и его замок возник перед ним. С тех пор белизна его одежд превратилась в туманную серость.

Но песня продолжалась. Проходили дни, годы, века, Ларен уставал, сходил с ума, но не старился. Солнце стало зеленым, потом фиолетовым, и все меньше красок оставалось в его мире. Ларен пел о бесконечных ночах, когда лишь музыка и воспоминания сохраняли ему разум.

Когда угасло видение, замерла музыка, унеслись вдаль звуки печального голоса, Ларен улыбнулся и посмотрел на нее. Шарра почувствовала, что дрожит.

- Спасибо, - пожав по привычке плечами, поблагодарил он; взял инструмент и покинул ее.

4.

Следующее утро выдалось холодным и туманным, но Ларен повел Шарру охотиться в лес. Они преследовали пушистых белых зверьков - наполовину кошек, наполовину газелей. Зверьки оказались проворными, их нелегко было догнать, и зубов у них зватало. Непросто убить такого зверя, но для Шарры это не имело значения. Догнать важнее, чем убить. Нечто необычное, восхитительное таилось в гонке по лесу. Впервые в жизни она держала в руках лук. На плече ее висел колчан со стрелами. Охотников окружали угрюмые деревья. Шарра и Ларен плотно закутались в серый волчий мех, и Ларен улыбался ей из-под капюшона, сделанного из волчьей головы. Спавшие листья, прозрачные и хрупкие, как стекло, звенели и разбивались вдребезги под ногами.

В конце концов, не пролив крови, но приятно устав, они вернулись в замок, и Ларен устроил в главной обеденной зале празднество. Они улыбались друг другу с разных концов длинного стола. Шарра смотрела на облака за окном, спиной к которому сидел Ларен. Вдруг, окно оделось камнем.

- Зачем это? - спросила она. - Почему ты никогда не выходишь из замка ночью?

Он пожал плечами:

- На то есть причина. Ночи здесь... ну... нехороши, - он отпил из большой украшенной драгоценностями чашки. - Скажи мне, Шара, в том мире, откуда ты начала свой путь, есть звезды?

Она кивнула.

- Да. Хотя, это было так давно. Но я помню. Ночи - очень темные, а звезды - яркие искорки, холодные и далекие. В их россыпи угадывались

разные фигуры. Люди моего мира дали этим фигурам имена и слагали о каждой чудесные сказания.

Ларен кивнул.

- Думаю, мне бы понравился твой мир. Мой мир слегка походил на твой. Но наши звезды были разноцветными - тысячи оттенков - и двигались в ночи, как призрачные светильники. Иногда небо затягивала дымка, рассеивающая их свет. И тогда ночи становились призрачными и мерцающими. Я часто ходил под парусами в звездные ночи. Я и та, которую я любил. Мы любовались звездами. Как хорошо пелось мне тогда... - его голос вновь стал печален.

Темнота заполняла зал. Темнота и молчание. Еда остыла. Шарра едва различала его лицо. Она встала и подошла к нему, присела на подлокотник кресла. Ларен кивнул и улыбнулся. Что-то прошелестело, и вдоль стен вспыхнули факелы. Он предложил ей вина, и ее пальцы задержались в его руке.

- И у нас было что-то подобное, - вздохнула она. - Когда ветер был теплым, и никого вокруг, мы любили лежать под открытым небом. Кайдар и я, - она запнулась, глядя на Ларена.

Он шевельнулся.

- Кайдар?

- Он бы тебе понравился, Ларен. А ты - ему. Он был высокий, рыжеволосый, и в глазах его прятался огонь. У Кайдара был дар, как у меня, но гораздо сильнее. И его мечты, казалось, не имеют границ. Однажды ночью они схватили его. Не убили, только забрали его у меня, похитили из нашего мира. С тех пор я ищу его. Я могу находить Врата, на мне темная корона, и остановить меня не так-то просто.

Ларен допил вино и теперь глядел, как на металле кубка играют огненные блики.

- Миров бесконечно много, Шарра.

- Времени у меня достаточно. Я не старюсь, Ларен, как и ты. Я найду его.

- Ты так сильно любишь его?

- Да, - теперь ее голос казался чуть печальным. - Да, сильно. Мы недолго были вместе, но он сделал меня счастливой. Уж это-то Семеро не могут у меня отнять. Какое было счастье смотреть на него, чувствовать силу его рук, видеть как он смеется.

- Да, - он улыбнулся, но как-то неестественно. Установилось молчание.

Наконец, Шарра повернулась к нему.

- Но мы далеко ушли от того, с чего начали. Ты так и не сказал, почему твои окна закрываются ночью.

- Ты проделала долгий путь, Шарра. Ты шла из мира в мир. Ты видела миры без звезд?

- Да. И много, Ларен. Я была во вселенной, где солнце - мерцающий огонек над единственной землей, а небеса ночью безбрежны и пусты. Я видела землю гремящих струй, где нет неба, и шипящие солнца рождаются в глубинах океана. Я шла через болота Каррадина и видела колдунов, сотворяющих радугу, которая освещала землю, лишенную солнца.

- В этом мире нет звезд, - сказал Ларен.
- Это так пугает тебя?
- Нет. Но вместо звезд нечто иное, - он взглянул на нее. - Хочешь увидеть?

Она кивнула.

Светильники погасли. Комнату залила тьма. Шарра повернулась, заглянув через плечо Ларена. Ларен был недвижим. Камни на окнах позади него рассыпались в прах, и полился свет.

Небо было очень темным, но внутренний двор замка, камни зубчатых стен, серые знамена - все освещалось призрачным заревом. Удивленная Шарра пригляделась.

Кто-то смотрел на нее. Он поднимался выше гор и занимал пол-неба. Хотя от него исходил свет достаточный, чтобы осветить замок, Шарра знала - сам он темнее ночи. Он имел облик, подобный человеческому, и носил длинный плащ с капюшоном. Тьма под этим покровом была отвратительна. Тишину нарушали лишь дыхание Ларена, биение ее сердца и отдаленные крики птиц-плакальщиц, но в голове Шарры зазвучал демонический хохот.

Призрак в небе глядел вниз, на нее, и она почувствовала, как душу заполняет ледяная тьма. Замерев, она не могла отвести глаз. Призрак поднял руку, и рядом с ним появился еще кто-то. Крошечный, по сравнению с первым, призрак с огненными глазами, корчился, вопил и звал ее.

Шара пронзительно вскрикнула и отвернулась. Когда она вновь взглянула на стену, окон не было. Только спасительная стена, надежный камень в кольце горящих факелов и обнявший ее Ларен.

- Это всего лишь видение, - сказал он, обращаясь скорее к себе, чем к ней. - Мне не следовало испытывать твое мужество. Они наслаждаются, наблюдая за мной по ночам. Каждый из Семерых. Они возникают на фоне чистой тьмы неба и приводят тех, кого я любил. Теперь я не смотрю. По ночам я остаюсь в замке и пою, а мои окна закрыты камнем.

- Я чувствую себя... испачканной, - прошептала она, все еще немного дрожа.

- Пойдем, - предложил он. - Наверху есть горячая вода. А потом я спую тебе. - Он взял ее за руку и повел в башню.

Пока Ларен ходил за инструментом и настраивал его, Шарра приняла ванну. Когда она вернулась, закутанная с головы до ног в большое пушистое полотенце, он был готов. Она села на кровать и стала сушить волосы.

А Ларен вновь ткал видения.

Теперь он пел о другом своем сне, где был богом, враждующим с Семью. Музыка, резкая, дикая, пугающая, взрывалась вспышками света. Блики сливались в алое поле боя, где туманно-белый Ларен сражался с призраками ночных кошмаров. Семеро окружили его, нападали и отступали, нанося удары копьями из абсолютной тьмы, а Ларен отвечал огненными вихрями. Но, в конце концов, Семеро одолели, свет угас, и песня вновь стала тихой и печальной. Видение затуманилось, замелькали столетия одиночества.

Тяжко упали последние звуки, угасло мерцание красок, и Ларен начал новую песню. Пальцы замирали над струнами, голос был неуверен. Он сочинял на ходу, подбирая слова и мелодию, Шарра знала почему. На этот раз он пел о ней, балладу о ее странствиях. О любви и бесконечных поисках, о различных мирах, о темной короне и стражах, поджидающих у Ворот.

Он пел о мирах, которые она вспоминала, пользуясь ее словами, но звучали они по новому.

В зале рождались ослепительные солнца, безбрежные просторы вечного океана, били ввысь разноцветные фонтаны гейзеров, и древние чародеи из глубин времени зажигали радуги, отгоняя тьму.

Он пел о ее любимом, пел правду, ибо уловил и смог передать тот огонь, который так любила в Кайдаре Шарра, и заставил ее вновь увидеть этот огонь.

Но песня осталась неоконченной: неопределенность долгим эхом повисла в воздухе. Они ожидали окончания, хотя знали - его нет.

- Спасибо, Ларен. Ты вернул мне Кайдара, - тихо сказала наконец Шарра.

- Это только песня, - заметил он, по-привычке пожимая плечами, - целая вечность прошла с тех пор, как я слагал новые песни.

Вновь он оставил ее, легко коснувшись щеки, и попрощавшись у порога.

Шарра плотнее закуталась в полотенце, закрыла дверь и пошла от свечи к свече, задувая их. Повесила полотенце на стул и скользнула под одеяло. Долго-долго лежала она, прежде чем уплыла в сон.

Она проснулась в абсолютной темноте, не зная почему. В комнате все было по-прежнему, ничего не изменилось. Ничего?..

В дальнем углу она увидела его, таким она видела его в первый раз после пробуждения. Он сидел очень тихо.

- Ларен? - спросила она, все еще не уверенная, что этот стукот тьмы - он.

- Да, - ответил Ларен, не шевелясь. - Я и в прошлую ночь смотрел на тебя, пока ты спала. Я был одинок дольше, чем ты можешь вообразить. Очень скоро я снова останусь один. Даже спящая ты - чудо.

- О, Ларен... - сказала она. Молчание - напряженная, безмолвная беседа. Она откинула одеяло, и Ларен пришел к ней.

5.

...Пролетали столетия. Месяц - мгновение, не более.

Каждую ночь они проводили вместе, и каждую ночь Ларен пел ей. Они беседовали ночи напролет, а днем купались нагишом в хрустальных водах, отражающих пурпурное зарево неба. Они любили друг друга на пляжах прекрасного белого песка и много говорили о своей любви.

Но ничто не изменилось. Приближалась ночь накануне их последнего дня. Они шли в сумерках через тенистый лес, где он нашел ее. Шарра,

улыбаясь, смотрела на Ларена. Теперь он вновь стал молчалив. Он шел медленно, сжав ее руку, мрачнее серого тумана, который окутывал его так долго. Стоял теплый вечер, наполненный тишиной. Вдалеке запели первые птицы-плакальщицы. Он сел на берегу ручья, усадил ее рядом. Они сбросили обувь, закатный ветер охлаждал их ноги.

- Ты должна идти, - вздохнул он, сжимая ее руку и не глядя на нее.

Это был не вопрос, а утверждение.

- Да, - согласилась она. Голос ее был тих.

- Все слова оставили меня, Шарра, - сказал Ларен. - Сегодня, если смогу, я спою для тебя "видение". Видение о мире, когда-то пустынном, а потом заполненном нами и нашими детьми. Я мог бы предложить тебе это. В моем мире есть и красота, и чудеса, и тайны, были бы глаза. Если ночи будут злыми, что ж, люди видели страшные ночи в других мирах и в другие времена. Я любил бы тебя, Шарра, так сильно, как только могу, и старался бы сделать тебя счастливой.

- Ларен... - начала она, но он остановил ее взглядом.

- Нет, я мог бы сказать тебе так, но не скажу. Я не в праве. Кайдар сделал тебя счастливой. Только самовлюбленный дурак мог бы просить тебя разделить мои страдания. Кайдар - огонь и смех, я же - дым, печаль и песни. Я слишком долго был одинок, Шарра. Душа моя окрасилась в серый цвет, и я не хотел бы омрачать твою жизнь. Но все же...

Она взяла его руку, подняла и быстро поцеловала. Затем положил голову на его плечо.

- Попытайся пойти за мной, Ларен, - прошептала она, - держи меня за руку, когда мы будем проходить Врата, и, возможно, темная корона защитит тебя.

- Я сделаю все, что ты хочешь, но не проси меня поверить в это. - Он вдохнул. - За твоими плечами несчетное число миров. Шарра, и я не вижу конца твоему пути. Он не здесь, этоя знаю. Может, это и к лучшему. Я не знаю, умру ли когда-нибудь. Я смутно помню любовь, кажется, она никогда не бывает долгой. Ведь мы оба бессмертны и неизменны - как бы мы спаслись от скуки? Может быть, возненавидели бы друг друга? Я не хочу этого, - он взглянул на нее и печально улыбнулся - Думаю, ты знала Кайдара недолго, и поэтому любишь его. В конце концов, может это лишь хитрость с моей стороны. найдя Кайдара, ты можешь потерять его. Когда-нибудь огонь исчезнет, любовь моя, и волшебство умрет. И тогда ты вспомнишь Ларена Дора.

Шарра тихо заплакала. Ларен обнял ее, поцеловал и мягко прошептал:

- Нет.

Она тоже поцеловала его, и они безмолвно прижались друг к другу.

Когда угас последний пурпурный луч, они поднялись. Ларен крепко обнял ее и улыбнулся.

- Я должна идти, - сказала Шарра. - Должна. Но уходить трудно, Ларен, поверь.

- Верю, - ответил он. - Я люблю тебя потому, что ты уходишь. Потому, что не можешь забыть Кайдара, и не забываешь обещания. Ты - Шарра, Та, Что Идет Через Миры. Мне кажется, Семеро должны бояться тебя много

больше, чем такого жалкого бога, как я. Если бы ты была иной, я не стремился бы к тебе так сильно.

- Когда-то ты говорил, что полюбил бы любого.

Ларен пожал плечами:

- Ты сама ответила. Это было очень, очень давно.

Они вернулись в замок до наступления темноты. Настал миг последнего ужина, последней ночи, последней песни. Они не спали до рассвета, и Ларен вновь пел для нее. Хотя песня-видение была не такой прекрасной, как прошлые: бесцельная, хаотичная баллада о похождениях чудесного менестреля в каком-то неопишемом мире. Шарра едва улавливала смысл песни, да и Ларен пел равнодушно. Мысль о скорой разлуке мучила их.

Он покинул ее на рассвете, обещая встретиться во дворе замка. Когда она пришла, Ларен уже ждал. Он улыбнулся холодно и спокойно. Он был во всем белом - узкие брюки, рубашка с широкими рукавами. Большой тяжелый плащ бился и хлопал на ветру. Пурпурное солнце пятнало его своими лучами.

Шарра подошла к нему и взяла за руку.

Она одела куртку из толстой кожи, на пояс повесила нож в ножнах. Ее волосы, черные как ночь, с мелькающими золотыми искорками, развеивались свободно, как его плащ. Темная корона была на месте.

- Прощай, Ларен, - сказала она. - Я бы хотела подарить тебе больше.

- Ты и так дала мне много. На долгие грядущие века. Я буду помнить. Я буду измерять время тобой, Шарра. Однажды взойдет солнце, и цвет его будет голубым. Я посмотрю на него и скажу: "Да, солнце стало голубым с тех пор, как ко мне приходила Шарра".

Она кивнула.

- И я обещаю. Когда-нибудь я найду Кайдара. И если я освобожу его, мы вернемся и объединим мою корону, огонь Кайдара и твои песни против тьмы Семерых.

Ларен пожал плечами:

- Хорошо. Если меня здесь не будет, я оставлю тебе послание, - сказал он, скрывая за улыбкой муку.

- Ну, а теперь Врата. Ты сказал, что покажешь их мне.

Ларен повернулся и указал на самую низкую башню, закопченное строение, в котором Шарра не была ни разу. В основании башни чернела широкая деревянная дверь. Ларен вытащил ключ.

- Здесь? - удивилась она.

- Здесь, - подтвердил Ларен. Они подошли к двери. Пока Ларен справлялся с замком, Шарра в последний раз оглянулась.

Башни выглядели унылыми и мертвыми, внутренний двор казался заброшенным, а между высокими ледяными горами темнел пустынный горизонт. Тишину нарушал лишь скрип замка, а неподвижность - ветер, играющий пылью во дворе и раздувающий пламя серых знамен на башнях. Шарра содрогнулась от нахлынувшего одиночества.

Ларен открыл дверь. За ней не было ничего, кроме стены колеблющегося тумана. Тумана без цвета, звука и запаха.

- Ваши Врата, моя госпожа, - сказал певец.

Шарра всмотрелась в непроницаемую завесу, как делала несчетное число раз. Каков будет следующий мир? - спрашивала она себя. Может быть, там она найдет Кайдара. Она почувствовала на своем плече руку Ларена.

- Ты колеблешься? - тихо спросил он.

Рука Шарры сжала рукоять ножа.

- Стражи, - внезапно поняла она. - У Врат всегда есть стражи и ты...

Ларен вздохнул:

- Да. Одни пытаются разорвать тебя на части, другие - околдовать, третьи - обмануть, указав ложную дверь. Одни препятствуют тебе оружием, другие - цепями, третьи - ложью. А есть один, который пытался остановить тебя любовью. Однако все это время он не лгал и не пел лживых песен.

И безнадежно пожав плечами, Ларен протолкнул ее через Врата.

Эпилог

Нашла ли она его, своего любимого, с огненными глазами? Или все еще ищет? Что за стражи предстанут перед ней?

Когда она идет ночью, чужая в чудом мире, есть ли на небе звезды?

Не знаю, Ларен тоже, наверно, даже Семеро не знают. Они сильны, но не вся сила в их руках, а миров больше, чем они могут счесть.

Есть девушка, идущая из мира а мир. Путь ее теряется в легендах. Может, она мертва, а может и нет. Новости редко переходят из мира в мир и не все правдивы.

Но мы знаем: в замке под пурпурным солнцем ждет одинокий менестрель. Ждет и слагает о ней песни.

Р. Бретнор

ГНУРРЫ ЛЕЗУТ ИЗО ВСЕХ ЩЕЛЕЙ

Узнав о том, что началась война с Бобовией, Папа Шиммельхорн купил завтрак в картонной коробке, упаковал в оберточную бумагу свое секретное оружие и уселся в автобус, который шел напрямик до Вашингтона. В полдень он уже стоял возле главных ворот "Бюро секретного вооружения" вместе со своей бородой, завтраком и "фаготом".

Да-да, внешне его оружие ничем не отличалось от фагота. Во всяком случае, дежурный капрал Джерри Колливер никакой разницы не заметил. Да и не пытался заметить, честно говоря. Он твердо знал: охраняемое им "Бюро" - на самом деле никакое ни бюро, а нечто вроде макета в натуральную величину. Этакий громоотвод для всяких психов, которые вечно лезут со своими проектами куда не просят. К тому же на вечер у него было назначено свидание с Кэти, и Джерри отчаянно скучал, дожидаясь смены.

- Добрый ютро, зольдатик! - прокричал Папа Шиммельхорн ему в ухо.

Капрал Колливер подмигнул двум рядовым первого класса, бившим баклуши на ступеньках караулки, и ответил:

- Не спеши, Санта-Клаус. Рождество еще не скоро. Заявок на изобретения не принимаем.

- Нет! - возмутился Папа Шиммельхорн. - Я не могу так долго без работа! К тому же я принести вам секретный оружие.

Капрал пожал плечами. "Делать нечего, - подумал он, - надо соблюдать инструкции. Придется пропустить старикашку, хотя у него явно не все дома". Джерри нажал специальную кнопку, тем самым предупредив психиатра, что ему предстоит работенка. Затем, позвякивая ключами, пошел к воротам.

- Надо же, секретное оружие он принес! - пробормотал Джерри себе под нос. - Небось, теперь-то мы за неделю выиграем войну.

Услышав его слова, Папа Шиммельхорн загоготал.

- За неделя? Ты не прав, зольдатик. За два дня! Я же гений!

Прежде чем пропустить старика, капрал спросил, нет ли у него при себе взрывчатых веществ.

- Хо-хо-хо! Чтобы победить, не надо ничего взрывать! Впрочем, зольдатик, можешь обыскать меня.

Джерри заглянул в коробку и обнаружил там вареное яйцо, два сэндвича с ветчиной и яблоко. Осмотрел фагот. Инструмент выглядел вполне мирно.

- Ладно. Проходи, папаша, - сказал капрал. - Но флейту лучше здесь оставить.

- Это не есть флейта! - возразил Папа Шиммельхорн. - Это гнурр-пфейф, мой секретный оружие. Я взять его с собой.

Капрал пожал плечами - с собой, так с собой.

- Берни, отведи его в седьмую секцию, - велел он одному из рядовых.

Затворив за ними ворота, капрал Колливер еще дважды надавил на кнопку. "Не помешает", - буркнул он.

Разумеется, он не знал, что Папа Шиммельхорн сказал ему истинную правду. Он не знал, что старик на самом деле гений, а гнурры способны покончить с войной за два дня.

Прошло десять минут, а полковник Похэттен Ферфакс Поллард, к счастью для себя, еще не знал о существовании Папы Шиммельхорна.

Он был непохож на других полковников: высок, тощ, носил сапоги со шпорами, кожаные штаны и фиолетовую рубашку, вышедшую из моды в конце двадцатых годов. В секретное оружие Поллард не верил. Не верил он также в атомные бомбы, танки, безоткатные орудия и штурмовую авиацию. Он верил в лошадей.

Четыре месяца тому назад Пентагон отозвал его из запаса и поставил во главе "Бюро секретного оружия". Надо сказать, полковник Поллард прекрасно справлялся со своей работой. За четыре месяца он пропустил в высшие инстанции одного-единственного изобретателя, предложившего что-то изменить в конструкции выючных седел.

Полковник восседал за столом в своем кабинете. Рядом печатала на машинке его секретарша, очаровательная блондинка из женских вспомогательных войск. Полковник диктовал ей отрывки из книги генерал-майора Уоррена "Современная охота с копьем на кабана". Он собирал материалы для собственной книги, которую хотел назвать так: "Меч и пика в войнах будущего". Читая вслух о достоинствах бенгальского копья, он умолк на полуслове.

- Мисс Хупер, - обратился он к секретарше после продолжительной паузы.

Кэти Хупер фыркнула. "Если шефу столь по душе официальный тон, - подумала она, - почему бы ему не обращаться к ней по званию - сержант? Для других старших офицеров она всегда была "милочкой" или "дорогушей", во всяком случае, наедине. "Мисс Хупер" - подумать только! - Она снова фыркнула и отозвалась:

- Да, сэр?

- Мне в голову пришла одна важная мысль! - заявил полковник и высморкался, чтобы освободить голову от других, не столь важных, мыслей. Он стал диктовать:

- Я выдвигаю следующий принцип. Тяга к так называемому "научному" вооружению - серьезная угроза безопасности Соединенных Штатов. Пренебрегая непреложным опытом войны, мы создаем одно оружие за другим, создаем оружие против оружия, против этого противоружия изобретаем противоружия-противоружия, и так без конца. Вооруженные до зубов ошибоч-

ными теориями и нелепыми доктринами, мы вскоре окажемся беззащитными – вы слышали, мисс Хупер? – беззащитными...

Мисс Хупер хихикнула и сказала:

- Да, сэр!

- ...перед вторжением Нового Аттилы! – повысил голос полковник. – Перед натиском современного Чингис-Хана, пусть еще не родившегося на свет, который сметет нашу лязгающую технику, как мякину, и сколотит себе империю с помощью кавалерии! Миллион конных мужиков способен...

Но мисс Хупер не суждено было узнать, на что способен, а на что не способен миллион конных мужиков. В приемной кто-то пронзительно взвизгнул. Распахнулась дверь. В кабинет, будто его катапультировали, влетел толстенький офицер. Возле стола он с трудом остановился, выпрямился и неумело отдал честь.

- О-о-ох! – только и сказала Кэти Хупер, округлив огромные синие глаза.

Лицо полковника стало каменным. Молодой офицер, набрав в легкие воздуха, крикнул:

- Боже мой! Сэр! Получилось!

Будучи научным сотрудником, мобилизованным в армию, а не строевым офицером, лейтенант Хансон совершенно забыл о субординации. Прежде чем войти в кабинет, он не постучал. И он... Он...

- МИСТЕР! – взревел полковник Поллард. – ГДЕ ВАШИ БРЮКИ?

Брюками лейтенант не располагал. А также туфлями и носками. И рваные полы рубашки едва прикрывали изодранные в клочья трусы.

Посмотрев на свои голые конечности, лейтенант вздрогнул.

- Мои брюки... их съели! – впалил он. – Именно это я и хотел вам сказать. В приемной сидит старик, ему около восьмидесяти... он... он мастер на фабрике, собирает часы с кукушкой. Он изобрел абсолютное оружие! И оно действует, действует, действует! "Тнурры лезут из всех щелей"! – пропел он, хлопая в ладоши.

Полковник Поллард встал, обошел вокруг стола и как следует встряхнул лейтенанта Хансона.

- Позор! – крикнул он ему в ухо. – Отвернитесь! – скомандовал он покрасневшей Кэти Хупер. – Чушь! – рявкнул он, когда лейтенант снова залепетал о гнуррах.

- Что есть чушь, зольдатик? – осведомился стоявший в дверях Папа Шиммельхорн.

- Гнурры – чушь! – хихикнул лейтенант и, указав дрожащей рукой на полковника, добавил: – Это он так считает.

- Хо! – Папа Шиммельхорн сверкнул глазами. – Я показать тебе, зольдатик!

Полковник взорвался.

- Зольдатик?! Зольдатик?! А ну, встань "смирно" перед старшим по званию! Смирно, черт побери!

Разумеется, Папа Шиммельхорн не встал по стойке "смирно". Он поднес к губам свое секретное оружие, и в кабинете зазвучал нежный мотив "Ты в церковь приди, что стоит средь дубрав".

- Мистер Хансон, арестуйте его! - наконец осерчал полковник. - Отберите дудку. Я могу слушать только трубу, зовущую в атаку. Я...

Но в эту секунду гнурры полезли из всех щелей.

Описать гнурра не так-то просто. Вы можете представить себе грызуна величиной с мышь и такой же окраски; похожего на дикого кабана, но при этом мерцающего? С растопыренными пальцами на лапах и огромными желтыми глазами? И с множеством острых зубов? Можете? Раз так, остается добавить, что никто никогда не видел ни одного гнурра. Они не ходят в одиночку. Если гнурры появляются, они, как лемминги, заполняют все вокруг. А приходят они только затем, чтобы поест.

Повылазив отовсюду, гнурры сожрали полковра в кабинете и под звуки гнурр-пфейфа двинулись к полковнику Полларду.

Полковник вскочил на стол и стал отмахиваться хлыстом. Кэти Хупер с визгом взлетела на сейф и задрала подол юбки. Лейтенант Хансон остался на месте. Ему бояться было нечего. Он смотрел на сослуживцев и непочтительно хохотал.

Папа Шиммельхорн опустил фагот, крикнул "Зольдатик, не волнуйся" и снова заиграл, на сей раз что-то совершенно немелодичное.

Гнурры застыли на месте. Разом оглянулись. Обглодав напоследок полковничье кресло, они замерцали еще ярче, запищали, бросились к одной из деревянных стенных панелей и исчезли.

Как ни странно, сапоги полковника остались целы. Некоторое время Папа Шиммельхорн удивленно разглядывал их. Затем, пробормотав "Хмм, So"¹, он оценивающе посмотрел на Кэти Хупер, и та сразу опустила подол. Постучав себя в грудь кулаком, Папа Шиммельхорн заявил:

- Они чудесны, мои гнурры!

- К... куда они ушли? - запинаясь, пробормотал полковник. Он был потрясен до глубины души.

- Туда, откуда пришли, - ответил Папа Шиммельхорн.

- А откуда они пришли?

- Из вчерашний день.

- Это... это абсурд! - Полковник неуклюже спрыгнул со стола и уселся в изуродованное кресло. - Вчера их здесь не было.

Папа Шиммельхорн сочувственно посмотрел на него.

- Конечно. Вчера их здесь не было, потому что вчера для них - сегодня. Сейчас у них вчера, а вчера было позавчера, - объяснил он.

- Полковник с мольбой во взгляде повернулся к лейтенанту Хансону. У того нервная система, похоже, от визита гнурров только выиграла.

- Я мог бы попытаться растолковать вам, сэр, - сказал лейтенант. - Разрешите?

- Да-да, конечно! - полковник с радостью ухватился за соломинку.

Придвинув к себе стул, лейтенант уселся и, пока Папа Шиммельхорн занимался флиртом с Кэти, очень тихим и очень серьезным голосом изложил своему шефу следующее:

1
- так (нем.)

- Все это совершенно невероятно... Я предложил старику несколько тестов - все они свидетельствуют о его слабоумии. Он ушел из школы в одиннадцать лет, поступил учеником к часовщику и до пятидесяти лет с небольшим работал на заводе. Потом служил сторожем в Женевском Институте Высшей Физики, а после перебрался в Америку. Но самый важный период в его жизни - женевский. Институт занимался разработкой теории Эйнштейна и Минковского. Папа Шиммельхорн узнал там много интересного.

- Но если он идиот... - полковнику говорили, что теория Эйнштейна - штука очень тонкая. - Какой ему прок от этого?

- В том-то все и дело, сэр! На уровне сознания он идиот, но на уровне подсознания - гений. Каким-то образом часть его мозга восприняла услышанную там информацию, переработала ее и придумала фокус с фаготом. В мундштуке находится загадочный V-образный кристалл. Когда старик дует, кристалл вибрирует. Непонятно, как действует оружие, но оно действует.

- Вы имеете в виду... э-э... четвертое измерение? - спросил полковник.

- Совершенно верно, сэр. Для нас вчерашний день ушел в прошлое, для гнуэрра - нет. Они сейчас здесь, рядом.

- Понятно. А... как ему удалось от них избавиться?

- По его словам, достаточно сыграть мелодию с конца. Это дает обратный эффект.

Как раз в это мгновение Папа Шиммельхорн предлагал девушке пощупать его бицепсы. Он повернулся к офицерам и пообещал:

- Погодите! Скоро я сыграю врагам на мой гнуэрр-пфейф. Мы будем победить!

- Оружие не опробовано, не изучено! - зачастил полковник. - Нужно испытать его на полигоне, проверить на прочность, на безотказность...

- Некогда, сэр. Важен элемент внезапности, - сказал лейтенант Хансон.

- Я отправляю рапорт по инстанции, как полагается, - отрезал полковник. - Эта штукавина такая же ненадежная, как все чертовы машины всех времен и народов. Она противоречит принципам ведения войны...

- Но, сэр! - возразил лейтенант Хансон, почувствовав воодушевление.

- Нам не придется драться гнуэрр-пфейфами. Оружием будут гнуэрры, а они не машины, они животные! Вспомните - величайшие полководцы прошлого выигрывали сражения с помощью животных. Гнуэрров не интересует живая материя, но зато они едят все остальное: шерсть, хлопок, даже пластмассу. И число их поистине астрономическое. На вашем месте я бы немедленно позвонил секретарю.

Секунду полковник оставался в нерешительности - но только секунду.

- Знаете, Хансон, - сказал он, протягивая руку к телефону. - Вы попали в самую точку.

На подготовку "операции Гнуэрр" ушло меньше суток. Посоветовавшись с генштабом, президент велел секретарю по делам обороны взять испыта-

ния секретного оружия под свой контроль. К вечеру выяснилось, что гнуры способны:

а) за двадцать секунд полностью занять участок в радиусе двухсот ярдов от гнуэр-пфейфа;

б) за минуту восемнадцать секунд оголить роту пехотинцев, оснащенную химическим оружием;

в) за две с половиной минуты уничтожить содержимое пяти армейских складов;

г) лезть из всех щелей под звуки гнуэр-пфейфа, доносящиеся из динамиков коротковолновой радиостанции.

Тогда же стало очевидно, что гнуэра можно убить тремя способами: застрелить его, сжечь напалмом или сбросить на него атомную бомбу. Но все эти способы не стоят и ломанного гроша - гнуэров на свете слишком много.

Утром следующего дня полковника Похэттена Ферфакса Полларда произвели в генерал-лейтенанты и поручили ему руководство "операцией Гнуэр". Причин тому было две. Во-первых, в Пентагоне знали о его любви к животным, а во-вторых, ни один старший офицер, кроме него, не видел гнуэров. Лейтенант Хансон, его адъютант, неожиданно для себя стал майором. Джерри Колливеру тоже повезло - он "вырос" от капрала до старшего сержанта. На долю Кэти Хупер выпало недолгое, но утомительное свидание с Папой Шиммельхорном.

Однако, никто из них не был удовлетворен. Кэти жаловалась - мол, у Папы на уме то же, что и у других мужчин, только подходы иные. Джерри Колливер ревновал Кэти к старому чудаку, хваставшему своей мускулатурой, а майор Хансон ломал голову - как бы использовать оружие Папы в боевой обстановке? Даже генерал-лейтенант Поллард ходил туча тучей.

- Я все готов ему простить, - признался он лейтенанту, - только не это "зольдатик". Что он себе позволяет, в самом деле? Я ему говорю: панибратство в армии недопустимо. Это доказано военной наукой. Знаете, каков был ответ? "Ты есть прав, зольдатик. Если хочешь, называй меня Папа".

Майор Хансон сдержал улыбку.

- Почему бы и нет, сэр? В конце концов, историю делали такие вот чудаки.

- Ах, да, историю... - Генерал задумался. - Хмм, пожалуй. Помнится, Наполон тоже носил кличку - Маленький Капрал...

- Меня другое беспокоит, генерал. Что предпринять, чтобы нас не услышали свои же? Операция начнется ровно в пять. Осталось четыре часа. Надо что-нибудь придумать, иначе...

- Кстати! - восторженно воскликнул генерал Поллард. - Пришел меморандум из штаба. Мисс Хупер, принесите меморандум из папки Г-1. Благодарю. Вот он. В общем, в штабе решили... э-э... закодировать передачу.

- Закодировать, сэр?

- Да. Оказывается, противник научился расшифровывать радиосигналы новой секретной аппаратуры. Мы воспользуемся этим. Когда мистер... виноват, когда Папа Шиммельхорн сыграет на дудке, мы выпустим его музыку в эфир. По данным нашей разведки, ее должны перехватить и

расшифровать от пяти до пятнадцати радиостанций противника. А наши радисты шифра не получают. Операция будет состоять из двух этапов. Первый: Папа Шиммельхорн сыграет свой мотивчик. Второй: мы отключим передатчики, и старик сыграет "задом наперед", чтобы прогнать гнурров, которые появятся рядом с ним. Ну, как?

- Неплохо придумано, - кивнул майор Хансон и добавил, наморщив лоб. - Дай Бог, чтобы все у нас получилось. А если нет? Вдруг в штабе чего-нибудь не учли? Не мешало бы запасти туза в рукаве, сэр.

Он вопросительно посмотрел на генерала. Но тому нечего было предложить, и майор Хансон попросил разрешения уйти.

Перед началом операции он еще раз осмотрел звуконепроницаемую комнату, в которой предстояло играть на гнурр-пфейфе Папе Шиммельхорну. В стенах комнаты имелись окна для наблюдателей: одно - для президента, его секретаря и генерала Полларда, одно - для начальника генштаба и его помощников по морским и воздушным делам, одно - для связистов из разведки и еще одно - для всех остальных участников операции, в том числе и для майора Хансона.

Без десяти пять все было готово, но майор по-прежнему не находил себе места. Проводив Папу Шиммельхорна в комнату, которой предстояло войти в историю, он прошептал ему на ухо:

- А если гнурры вылезут и у нас? Что тогда?

- Не волнуйся, зольдатык! - Папа Шиммельхорн похлопал его по спине. - Я есть иметь кое-что в запасе.

С этими словами он захлопнул дверь перед носом у майора.

- Готов! - откликнулся сержант Колливер на вопрос генерала. Напряжение возрастало. Уходили секунды. Рука генерала потянулась к эфесу несуществующей сабли. Пять ноль-ноль.

- Сигнал! - взревел генерал.

В комнате под микрофоном вспыхнула красная лампочка. Прижав к губам мундштук, Папа Шиммельхорн заиграл "Ты в церковь приди, что стоит среди дубрав", и гнурры, разумеется, тут же повылезали отовсюду, и было им несть числа! Они лезли из стены и, как волны прибоя, бились о толстые ноги Папы Шиммельхорна. Желтые глазки грызунов алчно блестя, а крошечные, как ножи электробритв, челюсти часто-часто щелкали. Брюки, пиджак, галстук, воротничок, край бороды старика мгновенно исчезли в желудках гнурров. Но невозмутимый музыкант поднял фагот повыше и играл, не переставая.

Разумеется, майор Хансон не мог слышать звуков гнурр-пфейфа, но песенку "Ты в церковь приди, что стоит среди дубрав" помнил еще с воскресной школы. Он стал тихонько напевать. Куплет, припев, куплет, припев... Внезапно перед мысленным взором возникла странная картина - поваленный, задавленный гнуррами Папа Шиммельхорн...

- С-сообщить о готовности ко второму этапу! - слегка запинаясь,скомандовал генерал. Видимо, он тоже нервничал.

- Г-готов! - доложил сержант Колливер.

Над головой Папы Шиммерхорна загорелась красная лампочка. Секунду все шло по-прежнему, затем гнурры остановились. Понимающе оглянулись. Попятились. Замерцали. Папа Шиммельхор остался в комнате один, торжествующий и голый.

Дверь распахнулась. Он вышел, чтобы принять поздравления, одеться и отклонить (к великому огорчению Джерри Колливера) приглашение на банкет в Белом Доме ради свидания с Кэти. На том и завершилась активная стадия "операция Гнурр".

Тем временем в далекой Бобовии царил Хаос. Позднее разведка сообщила, что мелодию гнурр-пфейфа расшифровали одиннадцать автоматических станций радиоперехвата, и гнурры заполонили одиннадцать крупнейших городов. К семи с четвертью почти все радиостанции противника, за исключением нескольких периферийных, исчезли из эфира. К восьми на всех фронтах прекратились боевые действия. В девять двадцать репортеры узнали потрясающую новость: неприятель вот-вот капитулирует! К президенту уже обратился по радио маршалиссимум Бобовии с просьбой предоставить убежище ему и нескольким генералам из его окружения. Получив согласие, маршалиссимум слезно просил его превосходительство (так он величал президента) отправить в аэропорт с кем-нибудь из встречавших девятнадцать пар новых или хотя бы поношенных брюк.

Дня Е не было. Как не было и дня J¹. Народ на улицах просто обезумел от радости, прочитав газетные заголовки: "Бобовия покоряется! Атомные мыши пожирают врагов! Гениальный швейцарский стратег выигрывает войну!" Всю ночь от Мэна до Флориды, от Калифорнии до мыса Хоп горели фонари, выли сирены, звонили колокола, гудели клаксоны автомобилей и миллионы глоток хором ревели: "Ты в церковь приди, что стоит средь дубрав".

Утром следующего дня на глазах у миллионов телезрителей руководитель побежденной державы подписал акт о капитуляции. После этого началась торжественная церемония награждения генерала Полларда и Папы Шиммельхорна. Старый часовщик получил благодарственные грамоты от обеих палат конгресса. Гарвард, Принстон, Массачусетский технологический институт и множество колледжей рангом пониже чествовали его как академика. В ответной речи он не забыл упомянуть о гнуррах, о часах с кукушкой и о Кэти Хупер.

Генерал Поллард, чью грудь в тот день украсило множество отечественных и иностранных орденов, говорил о роли животных в войнах будущего. Он подчеркнул, что из всех животных более всего для войны подходит лошадь, и доказал это утверждение на конкретных исторических примерах. Он заговорил было о перспективах применения мечей и пик, но тут появился насмерть перепуганный майор Хансон.

Оставив позади свой эскорт из военных полицейских, майор взлетел по лестнице и подбежал к президенту. Он был бледен и тяжело дышал.

¹ Е - день победы над Германией во второй мировой войне, J - день победы над Японией.

- Гнурры! - прохрипел майор на ухо президенту. - Гнурры в Лос-Анджелесе!

У генерала был очень тонкий слух.

- Прошу внимания! - Крикнул он в микрофон. - Церемония закончена. Слушай мою команду! Разойдись!

Прежде чем присутствующие обрели дар речи, генерал уже стоял возле президента и слушал сбивчивые объяснения Хансона.

- Это случилось в лаборатории! Наши сконструировали новое устройство для дешифровки радиосигналов... Новой модели, лучше, чем у противника. Решили испытать. Как на беду, Папа Шиммельхорн играл в это время "отбой". Они сделали запись, а сегодня прокрутили пленку с конца. И гнурры захватили Лос-Анджелес!

Наступила тишина. Все глядели друг на друга. Наконец, президент произнес:

- Господа, мы не только Бобовию посадили в лужу, но и сами туда сели!

Генерал застонал.

И тут раздался веселый смех старого часовщика.

- Хо-хо-хо! Не волнуйся, зольдатик! Положись на Папа Шиммельхорн. В Бобовию гнурры везде, а у нас - только в Лос-Анджелесе. Это есть пустяки. - Он хитро подмигнул. - Вы знайт, чего боятся гнурр?

- Чего? Ради Бога, скажите! - взмолился секретарь по делам обороны.

- Лошадей, - ответил Папа Шиммельхорн. - Их запаха.

- Лошадей? - переспросил генерал. Глаза его засверкали. - Ты сказал - лошадей? Кавалерия! - проревел он. - Нам нужна кавалерия!

Времени не теряли. Час спустя Похэттен Фейерфакс Поллард, единственный в стране генерал-кавалерист, хоть что-нибудь знавший о гнуррах, получил звание генерала армии и должность верховного главнокомандующего. Майора Хансона произвели в бригадные генералы, а сержанта Колливера - в унтер-офицеры.

Генерал Поллард действовал быстро и решительно. Он получил в свое распоряжение годовой бюджет военно-воздушных сил. Он приказал реквизировать грузовики и товарные составы и отправлять в них на запад все, что хотя бы отдаленно походило на коня, седло, уздечку и тюк с сеном. Он мобилизовал бывших кавалеристов, солдат и офицеров запаса. Всех этих людей, независимо от возраста и состояния здоровья, посадили в самолеты и доставили в лагеря, расположенные в штатах Орегон, Невада и Аризона. Кроме них, повестки о мобилизации получили все, кто хоть раз в жизни видел лошадь. Узнав о беде, постигшей Америку, правительство Мексики предоставило по ленд-лизу несколько полков кавалерии.

В те дни страна внимательно следила за ходом боев. "Нагие звезды Голливуда сражаются с гнуррами!" - кричали газетные заголовки над огромными, во весь лист, фотографиями. Генералу армии Полларду, Джебу Стюарту, Маршаллу Нею, Веллизарию, атаке кавбригады под Балаклавой и "Школе конного боя без оружия" был посвящен специальный выпуск "Лайф". Ссылаясь на достоверные источники, "Джорнел-Америкен" сооб-

щал, что в Форт-Рейли, штат Канзас, видели призрак генерала Кастера, входивший в офицерский клуб.

На шестой день генерал Поллард имел в своем распоряжении величайшую в истории конную армию. Разумеется, дисциплина и строевая выправка солдат и офицеров оставляли желать лучшего. Но всадники рвались в бой, и...

- ...и больше нас не обманут грязные политики! - заявил генерал на пресс-конференции в Фениксе, в штабе действующей армии. - Длинноволосые "теоретики" не заставят нас отказаться от принципов военной науки, испытанных временем! Впредь мы не доверим национальные ценности всяким проходимцам!

Водя острием сабли по оперативной карте, генерал говорил:

- Стратегия наша проста. Обогнув с юга пустыню Мохаве, гнуэрры вторглись в Аризону. В Неваде крупные силы противника нацелены на Рино и Вирджиния-сити. Но главный удар, похоже, обрушится на границу Орегона. Как вам известно, у меня свыше двух миллионов сабель, то есть, около трехсот дивизий. Через час мы выступаем. Нам предстоит контратаковать неприятеля на севере, на юге и в центре, опрокинуть его и обратить в бегство. Затем, когда большая часть оккупированной гнуэррами территории будет очищена, Папа... виноват, мистер Шиммельхорн сыграет на своем инструменте, и в бой вступят передвижные радиостанции.

Генерал дал понять, что пресс-конференция закончена, вышел из штаба, вскочил на гнедого мерина - подарок жителей Луисвилля - и отправился на фронт.

По свидетельствам очевидцев и мнению историков, в Войне с гнуэррами генерал Поллард проявил себя инициативным, энергичным полководцем, а также величайшим знатоком непреложных принципов стратегии и тактики. Хотя впоследствии завистники из Пентагона наградили его кличкой "Полл-Скотогон", факт остается фактом - за пять недель он добился полной победы. (Надо сказать, правительство Бобовии утвердило "Пятилетний план обеспечения населения брюками" лишь спустя несколько месяцев после этого события). Доблестные всадники генерала Полларда неудержимо теснили гнуэрров. Пронзительный писк перепуганных зверушек слышался на много миль вокруг. По ночам от их мерцания было светло, как днем. На юге гнуэрров удалось сбить в тесное стадо, и три радиостанции на колесах заставили их исчезнуть. На центральном участке фронта потребовалось семьнадцать радиостанций, а на северном хватило двенадцати. Мощный громкоговоритель, уткановленный на машине, разом очищал от гнуэрров несколько квадратных миль. Правительство не жалело наград для многочисленных героев, а Джерри Колливера, потерявшего в сражениях четыре пары брюк, сам генерал Поллард произвел в офицеры.

Избежавших окружения гнуэрров вскоре переловили кошки. А что касается нарушений воинской дисциплины, с которыми сопровождалось шествие победоносных войск через города с обнаженными жителями, то ликующие обыватели вскоре попросту забыли о них.

Выиграв компанию, Папа Шиммельхорн и генерал Поллард отправились в Вашингтон. Оба выезжали тайно, опасаясь охваченных восторгом

толп, но тем не менее, чтобы расчистить для них путь, едва хватило трех конных полков - в полном составе и с саблями наголо. Наконец, герои добрались до Пентагона. Рука об руку прошли они по коридорам и остановились у двери в кабинет генерала Полларда. Боагоговейно коснувшись гнурр-пфейфа, генерал произнес:

- Папа! Мы с тобой делали историю. И впредь будем делать, черт бы меня побрал!

- Йе, - подтвердил старый часовщик и подмигнул генералу. - Будем делать, только не сегодня. У меня свидание с Кэти. А для тебя, зольдاتик, она пригласить подружка. Ну как, кутнем?

Генерал Поллард поколебался.

- А это не отразится на дисциплине войск? - спросил он.

- Не волнуйся, зольдатик. Мы не скажут никому. - Папа Шиммельхорн засмеялся и распахнул дверь.

За дверью стоял массивный генеральский стол. Возле стола вытянулся по струнке бригадный генерал Хансон. У стены стояли Кэти Хупер и Джерри Колливер. Лейтенант Колливер самодовольно улыбался, обнимая Кэти за талию.

А в любимом кресле генерала восседала чопорная дама в длинном темном платье и постукивала зонтиком по лежащему на столе пресс-папье.

Увидев эту даму, Папа Шиммельхорн остолбенел. Она оставила в покое пресс-папье и ткнула зонтиком в его сторону.

- So! - прошипела дама. - Ты думайт, что сумел убежать? С любимый фагот кузена Антона? Чтобы играйт на нем мышам и докучайт военным девушкам? - дама повернулась к Кэти Хупер, и они обменялись многозначительными взглядами. - Очень хорошо, что ты позвонил, девушка, - продолжала дама, обращаясь к Кэти. - Ты есть умница. Умейт разглядеть волка в овечий шкура!

Она встала, подошла к Папе Шиммельхорну и вырвала у него из рук гнурр-пфейф. V-образный кристалл выскользнул из мундштука и хрустнул у нее под каблуком. Никто даже глазом не успел моргнуть, а вмешаться и подавно.

- Все! - заявила дама. - Никаких гнурров. Никаких голых задниц. Баста!

Схватив папу Шиммельхорна за ухо, она повела его к двери, приговаривая:

- Домой, домой. Ты здесь ухлестывайт за зольдатка, а дома пора делайт ремонт.

Папа Шиммельхорн не сопротивлялся.

- До свидания, - удрученно попрощался он. - Я должен ийти домой с Мама Шиммельхорн. - Однако, проходя мимо генерала, он подмигнул ему и шепнул на ушко: - Не волнуйся, зольдатик. Я опять убегайт. Я же гений!

ТОСКЛИВАЯ РАБОТА

Возвращаясь с работы, я захожу в бар пропустить стаканчик.

- Ну, и скучища у меня на работе, просто тоска зеленая... - бормочу я и опрокидываю рюмку за рюмкой.

Если кто-то присаживается рядом, я начинаю изливать ему душу. Хорошо, когда находится слушатель, и есть кому пожаловаться! От этого настроение поднимается, но и мне в свою очередь приходится выслушивать жалобы на "неинтересную работу".

Не совсем ясно, кому из нас хуже, но в любом случае большой разницы между нами нет. Вот так и пьем, пока, наконец, алкоголя не помогает забыть о делах своей фирмы. И это относится почти ко всем посетителям бара.

Так продолжается день за днем уже который год. Только по выходным я не иду в бар. Но в положенный час организм требует алкоголь, и я открываю купленную накануне бутылку.

А ведь было время, когда после работы я не направлялся напрямиком в бар. Вначале гулял по парку, бывал на стадионах и только после этого шел пропустить стаканчик. Потом я начал устремляться туда тотчас после работы, потому что неизвестно откуда появлялся розовый слоник и тащил меня.

Конечно, это - обычная галлюцинация: он появлялся именно тогда, когда организм начинает требовать алкоголя. Поскольку этот слон - призрак он не очень-то мне мешает. Кроме того, с ним даже можно развлекаться, но я небольшой любитель слонов и никак не могу к нему привыкнуть. А избавиться от него можно только одним способом - выпить. Поэтому я немедленно мчусь в бар.

Многие в баре находятся на той же стадии, что и я. Выпивая, мы ведем такие беседы:

- Послушайте! Меня преследует розовый слоник. Ужасно противный. Пока как следует не напьюсь, не исчезает.

- Вам хорошо. А у меня - бабочки. Я терпеть не могу бабочек, а они все время порхают перед глазами. Вам позавидуешь.

- Бабочки куда лучше! Будь моя воля, я бы с удовольствием обменял их на слона.

Так мы и сетуем на судьбу, опрокидывая стакан за стаканом. Наверно, во время галлюцинаций алкоголики видят именно то, чего они терпеть не могут. Во всяком случае, страшно неприятно проснуться ночью и увидеть у своего изголовья розового слоника, даже если знаешь, что это всего-навсего галлюцинация.

Чтобы не страдать от розового слона хотя бы во сне, я прибегнул к снотворному. Это тоже не очень помогало. От слона избавиться удавалось, но вместо этого меня начал преследовать кошмар. Мне снилось, что

я превратился в зебру и скачу по бескрайней равнине. Не знаю, в чем причина этого сна, но он повторялся каждую ночь.

Я обратился к врачу.

- Не могли вы бы мне чем-нибудь помочь. Мне снится, что я - зебра. Ладно бы один-два раза, но ведь это каждую ночь, - обстоятельно втолковывал я врачу. Он полча выслушал меня и сказал:

- Все ясно. Причина таится в ненавистном вам роовом слоне. Поэтому во сне вы стремитесь избавиться от него и в облике зебры куда-то скачете.

- Как же мне быть?

- Прежде всего нужно избавиться от слона. Вы должны бросить пить. Поживите некоторое время в монастыре, излечитесь от алкоголизма.

- Спасибо за совет. У меня только один вопрос: если я брошу пить, чем мне себя занять после работы?

- Вам лучше знать. Было бы идеально вообще ничего не делать.

- Ну-ну...

Такой вариант меня совсем не устраивал. Как это так - после работы ничего не делать? Уж лучше розовый слон или зебра. Это хоть какое-то развлечение.

В монастырь я решил не уходить и продолжал вести прежний образ жизни.

Утром после сна, в котором я вижу все ту же зебру, я отправляюсь на работу. Подхожу к рабочему столу и сажусь на стул. В этот момент срабатывает устройство, автоматически включающее различные механизмы. Груда документов на столе начинает раскладываться, сортироваться, проверяться, статистически обрабатываться, анализироваться, и на основании этого составляется план, который отправляется на стол в другом отделе...

Остальное от меня не зависит. Механизм вмонтирован в стул и включается в тот момент, когда я на него сажусь. Стоит мне встать, как механизм отключается, и работа прекращается. На протяжении всего рабочего дня мне приходится неотрывно сидеть и наблюдать за происходящим на столе. В этом и заключается моя работа.

Я не исключение. Тем же заняты все мои сослуживцы. И так во всех фирмах. Вот к чему привел научный прогресс. Тяжелый труд исчез, безработных не стало, разве это плохо?

Конечно, все так, но мне это не слишком нравится. Меня это страшно раздражает. Невыносимо! Иногда мне кажется, что здесь и коренится причина всех моих бед.

Из-за такого однообразного времяпровождения все и ударились в пьянство. После работы ничего не хочется делать. А если ничего не делать, с головой начинает что-то твориться.

И как всегда, после работы я тороплюсь в бар. С пьянством завязывать не собираюсь. При одной мысли об этом меня начинает преследовать розовый слоник, и устоять перед выпивкой невозможно. А когда пьяный в стельку я добираюсь домой и принимаю снотворное, то во сне превращаюсь в зебру и начинаю куда-то мчаться. Во всяком случае, мне еще как-то удастся окончательно не свихнуться.

Хоси Синъити

ОЧАРОВАННАЯ ЛИСОЙ

В кабинет психиатра вошли мужчина и женщина. Мужчина казался растерянным, а в глазах его спутницы было что-то странное.

Врач предложил им сесть и начал беседу:

- Ну-с, кто из вас болен?

- Моя супруга, - ответил мужчина и начал излагать суть дела. - Прошлой ночью на мою жену напустила чары лиса-оборотень. Не могли бы вы ее вылечить?

- Поразительный случай. Расскажите, пожалуйста, подробнее, как это случилось.

- Когда вчера вечером я возвратился домой, жена, закатив глаза, лаяла тонким голосом.

- Любопытно. Позвольте я ее осматрю, - сказал врач и при помощи сложнейшей аппаратуры произвел подробный осмотр. Мужчина с тревогой наблюдал за ним и время от времени спрашивал:

- Так в чем же дело? Неужели ее и правда околдовала лиса?

- В наши дни лис-оборотней не существует. Полагаю, в результате тщательного обследования нам удастся выяснить причины нарушения ее умственной деятельности.

- Что же это за болезнь?

- В общем так. Недавно больная испытала какое-то сильное психическое потрясение. От случившегося в момент шока ее сознание отключилось. Поэтому она не может говорить. Вы не знаете, чем мог быть вызван такой шок?

- Понятия не имею. Но почему она тявкает, как лиса?

- Это мне неизвестно. Подобных случаев в медицинской практике не зафиксировано. Очень странный случай, - врач покачал головой.

- Но она выздоровеет?

- Конечно. Вылечить ее несложно. Тогда мы и узнаем причину шока, после которого она начала тявкать. А сейчас я сделаю ей укол. Под действием лекарства ее психика восстановится.

Врач сделал укол, и через некоторое время окаменевшее лицо женщины начало меняться.

- Лекарство подействовало. Пожалуйста, скажите ей что-нибудь, - предложил врач, и мужчина обратился к жене:

- Эй, ты меня слышишь? Это я.

Тут глаза женщины снова закатились, и она завопила совершенно не лисьим голосом:

- Если ты мне изменяешь, я тебе этого никогда не прощу! - И она ткнула пальцем в след помады, отчетливо видневшийся на белой рубашке мужа.

ОБ АВТОРАХ

Муркок Майкл (Moorecock Michael). Род. в 1939 г. Английский писатель и издатель. Один из основателей английской "новой волны" в фантастике. Первый фантастический роман "Кроваво-красная игра" опубликовал в 1965 г. С 1964 г. - главный редактор журнала "Новые миры", ставшего рупором английской "новой волны". Однако прежде всего М. Муркок известен своими грандиозными сериалами "фэнтези", обычно незываемыми по имени главного героя. Таковы серии о Коруме, Элрике, Хокмуне, где приключения героя разворачиваются на фоне вселенских битв между Порядком и Хаосом. Кроме того Муркок - создатель десятков романов в жанре "новой волны" и литературного модерна, а также составитель многочисленных сборников фантастики.

Андреота Поль (Andreota Poul). Французский писатель. Подобно главному герою "Сладкого вкуса огня" работал журналистом в ряде парижских газет. Больше известен, как автор детективных и любовных романов, хотя пробовал свои силы и в пограничных с фантастикой жанрах.

Гаррисон, Гарри (Harrison, Harri). Род. в 1925 г. Американский писатель, редактор, антологист, художник. Его первый рассказ "Проникший в скалы" вышел в 1951 г. Опубликовал около пятидесяти книг, был редактором ряда журналов. Творчество Гаррисона относится в основном к приключенческой фантастике. Таковы три его наиболее популярных сериала: "Крыса Из Нержавеющей Стали", "Мир смерти" и "Рай". Однако единственную "Небьюлу" писатель получил за киносценарий по своему серьезному роману "Подвиньтесь! Подвиньтесь!"

Лаумер, (Джон) Кейт (Laumer, Keith). Род. в 1925 г. Американский писатель-фантаст. Первый рассказ опубликовал в 1959 г. В своих произведениях широко использует опыт армейской службы и работы в дипломатическом корпусе США. Пробовал себя во многих направлениях фантастики: "Космической опере", приключениях во времени, сказочной и юмористической фантастике. Наиболее известны его серии "Миры Имперума", юмористическая серия о космическом дипломате Ретифе и серия "Изгнатель времени" о параллельных мирах.

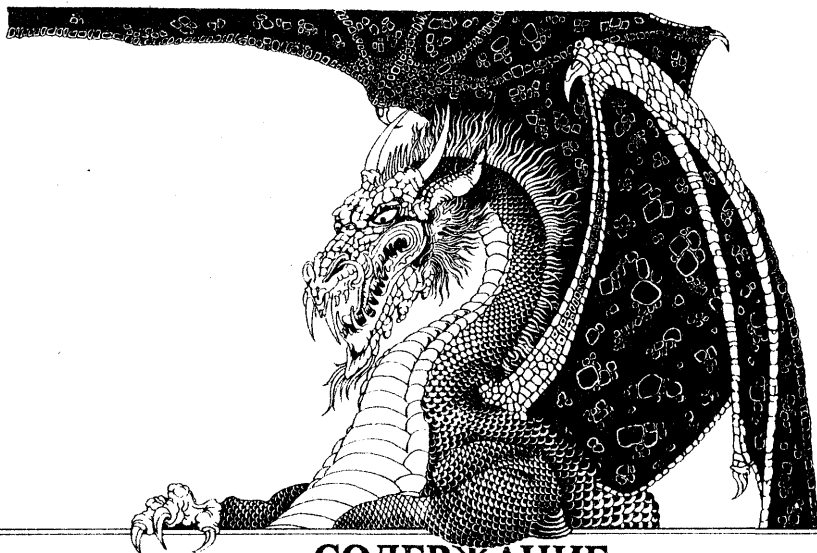
Произведения К. Лаумера отличают динамизм, неожиданные повороты сюжета и буйная фантазия автора.

Мартин, Джордж (Martin, George). Род. в 1948 г. Американский писатель и журналист. Первый рассказ "Герой" опубликовал в 1971 г. Ранние его вещи отличались красочностью, романтичностью и некоторой сентиментальностью. Его первый роман "Умирающий свет" ассоциируется с лучшими произведениями Пола Андерсона.

В дальнейшем творчество Мартина становится более жестким и психологичным. В 1976 г. повесть "Песня для Лии" получает премию Хьюго и дает название первому сборнику писателя.

В кругах "фэнов" и критиков Джордж Мартин характеризуется как один из ведущих фантастов нового поколения.

Бретнор, Реджинальд (Bretnor, Reginald). Род. в 1911 г. Американский писатель, антологист. Публиковаться начал с 1947 года. Наиболее известен серией юмористических рассказов о Папаше Шиммельхорне, а также как составитель антологий научной фантастики, куда он смело включал малоизвестные имена.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
М. Муркок. НЕБЕСНЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ <i>Перев. Г. Корчагина, И. Гречина</i>	7
П. Андреота. СЛАДКИЙ ВКУС ОГНЯ <i>Перев. Е. Смирнова</i>	125
Г. Гаррисон. СВИНОПАС <i>Перев. В. Романова</i>	220
К. Лаумер. КОРОЛЬ ГОРОДА <i>Перев. Г. Корчагина</i>	252
Д. Мартин. ОДИНОКИЕ ПЕСНИ ЛАРЕНА ДОРА <i>Перев. С. Сенагоновой</i>	273
Р. Бретнор. ГНУРРЫ ЛЕЗУТ ИЗО ВСЕХ ЩЕЛЕЙ <i>Перев. Г. Корчагина</i>	286
Хоси Синъити. ТОСКЛИВАЯ РАБОТА <i>перев. А. Лабанова</i>	297
Хоси Синъити. ОЧАРОВАННАЯ ЛИСОЙ <i>перев. А. Лабанова</i>	299
Об авторах	301

Сдано в набор 01.06.92. Подписано в печать 19.06.92.
Формат 60 × 88/16. Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 19. Тираж 50 000.
Заказ № 468 .

Издательство ООО "Акация"
Лицензия на издательскую деятельность ЛР №060241
С-Пб, ул. Осипенко, д. 5 кор. 1, тел. 510 39 86
Совместно с МП "Юркон" факс (812) 235 16 21

Отпечатано в Санкт-Петербургской типографии №6
Министерства печати и информации Российской Федерации
193144, г. С-Пб, ул. Моисеенко, д. 10.

